

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**20 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

- инженерно-геодезические изыскания***
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы***
- инженерно-геологические изыскания***
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов***
- инженерные изыскания источников водоснабжения***
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений***
- контроль качества работ***
- инжиниринговые и консультативные услуги***

ООО «ИНГЕО»
**Тел.: 200-001,
211-327, 211-329**
E-mail: ingeo@list.ru

Эпоха победного шествия глобализма завершается. Архитектура сегодняшнего и завтрашнего дня должна быть основана на национальных корнях, природе и различиях. Так говорится в меморандуме одного из недавних конгрессов Международного союза архитекторов. В августе этого года в южноафриканском Дурбане состоялся очередной, XXV Конгресс МСА. Подробности – в начале нашего новостного блока (5).

Своеобразие сибирских городов был посвящен ежегодный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири». Впервые за четырнадцать лет своего существования он прошел в Красноярске. Хроника фестиваля, каталог лауреатов и репортаж из дискуссионного клуба ЗВС-14 – в этом номере (22, 32, 64).

Настоящей междисциплинарной площадкой стал дискуссионный клуб ЗВС. Об идентичности сибирских городов здесь говорили архитектор, психолог, историк, философ, урбанист, этнограф, культуролог...

Свой, особенный характер есть у каждого города. Мы знаем это, мы это чувствуем. Сибирские города отличны от других городов мира и даже от городов европейской части России. И друг от друга они тоже отличаются.

Ландшафт и история, личности и сообщества сформировали наши города: Новосибирск, Кемерово и Новокузнецк, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, а еще Екатеринбург, балканские Белград, Шумен и Акротири с его тысячелетней историей – главные герои номера. И в завершение темы – штрих новой идентичности цвета мажорель в красном городе Марракеш.

Елена Григорьева

The epoch of globalism's victorious march is coming to the end. Today's and tomorrow's architecture should be based on national roots, nature and distinctions. It is declared in the Memorandum of one of the recent International Union of Architects Congresses. In August 2014 the XXV UIA Congress was held in Durban, South Africa. Its details are given in the beginning of our news section (5).

The annual Festival Zodchestvo of Eastern Siberia (ZES) was devoted to identity of Siberian cities. It was held in Krasnoyarsk for the first time in its 14-year history. This issue presents the Festival Chronicle, the Catalogue of Winners and the Report from the ZES 2014 Discussion Club (22, 32, 64).

The ZES 2014 Discussion Club became a cross-disciplinary platform, where an architect, a psychologist, a historian, a philosopher, an urbanist, an ethnographer and a cultural expert shared their views on identity of Siberian cities.

Every city has its own unique character. We know it, we feel it. Siberian cities differ from other cities of the world and even from other cities of the European part of Russia. They differ from each other, too.

Landscape and history, personalities and communities have formed our cities: Novosibirsk, Kemerovo and Novokuznetsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, Ulan-Ude and Yekaterinburg, Balkan Belgrade, Shumen and Akrotiri with its many thousands of years of history have become the principal characters of the issue.

At the end of the main section there is a touch of new identity in Majorelle colour in the red city of Marrakesh.

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала Барту Голдхоорну, издательству А-Фонд, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере

массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007.

учредитель, главный редактор Елена Григорьева

664025 Иркутск, пер. Черемховский, 1а

корректор Инесса Бражникова
литературный редактор Марина Ткачева

верстка Светлана Колесова
Татьяна Анненкова

переводчик, редактор раздела «Новости МСА» Анна Григорьева

Издательская группа благодарит Ольгу Смирнову (Красноярск) и Сергея Демкова (Иркутск) за помощь в подготовке раздела «ЗВС-14»

печать «Репроцентр А1»,

Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2,

Тираж 500 экз.

Подписано в печать 22.09.14

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации

редакция ответственности не несет.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год
адрес издателя, редакции 664025 г. Иркутск, пер. Черемховский, 1а
тел.: +7 3952 33-28-39
+7 3952 33-28-40

e-mail: sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

42 идентичность / identity

2

новости	Анна Григорьева	XXV Всемирный Конгресс Международного союза архитекторов в Дурбане (ЮАР)..... 5
книга	Астрид Фольперт	«Левый берег, правый берег: Эрнст Май и история планировки
	Эльке Писториус	Магнитогорска (1930–1933)» Рецензия на монографию
	Марк Меерович	Е. Конышевой и М. Мееровича (на немецком языке)..... 8
		О методологии и идеологии исторических исследований советской
		архитектуры и градостроительства 10
монитор	Алина Пак	Центр социальной реабилитации инвалидов по ул. Якоби в г. Иркутске..... 14
	Екатерина Устина	Школа будущего, г. Газиантеп (Турция) 16
Москва на марше	Никита Токарев	Еще раз о русском характере..... 18
коротко	Сергей Демков	Байкал-Москва20
		Байкал вдохновляет на пророчества.....
	Ольга Смирнова	Красноярск.....20
		Гольф или не гольф? 20
	Елена Григорьева	Хабаровск 20
		Гран-при Дальневосточного фестиваля «ДВ Зодчество 2014»
		зодчество восточной сибери 21
		XIV Межрегиональный фестиваль «Зодчество Восточной Сибири – 2014» 25–28 июня 2014 22
	Марина Ткачева	Хроника фестиваля ЗВС-2014 24
	Марина Ткачева	Гость фестиваля – Эдуард Кубенский30
	Каталог ЗВС-14 32
идентичность	49
	Константин Лидин	Я, город50
	Александр Раппапорт	После мегаполиса 56
	Михаил Рожанский	Деколонизация городского пространства: топонимия 59

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage.

Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief Elena Grigoryeva

proofreader Inessa Brazhnikova

literary editor Marina Tkacheva

upmaking Svetlana Kolesova
Tatyana Annenkova
translator, editor of the "UIA News" section

Anna Grigorieva

Special thanks to Olga Smirnova (Krasnoyarsk) and Sergey Demkov (Irkutsk) for their help in preparing "Zodchestvo of Eastern Siberia 2014" section

printed by "Reprocenter A1", Alexandra Nevskogo Street 99/2, Irkutsk

print run 500
passed for printing: 22.09.14

Reproduction of all texts or

illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited.

The editorial stuff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors.
quarterly publication

address of the publisher and the editorial board
664025 Cheremkhovsky Pereulok 1a

Золотая медаль «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания».

Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

спонсоры номера:
СРО НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров»
СРО НП «Союз архитекторов и проектировщиков Западной Сибири»

проект байкал/
project baikal
3952 33-28-40

42 идентичность / identity

Марина Ткачева	Идентичность сибирских городов и общественные пространства 64
	Дискуссионный клуб ЗВС-14. 27–28 июня, Красноярск 77
Елена Багина	Это не мой город..... 77
Анна Сирина	Люди и город. Заметки об идентичности сибирских городов 78
Елена Багина	Глобализм и дрящущее внутреннее равенство с собой 83
Анна Сирина	Художник в городе: Валерий Кондаков 86
Катерина Гевель	О своеобразии Красноярска 90
Марк Меерович	Идентичность советского города: от города-сада англичанина Э. Говарда – к соцгороду немца Э. Мая. Щегловск – Кемерово, Сталинск – Новокузнецк, Новониколаевск – Новосибирск..... 94
Александр Клевакин	Идеи города в Сибири: градостроительные эксперименты и самочувствие жителей 102
Ольга Железняк	Идентичность: парадигма культуры и профессиональное пространство 112
Виктор Дятлов	«Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка 120
Роман Кузнецов	
Елена Иванова	Мир «Тридцатки»..... 130
Франк Ван дер Хувен	Генеральный план «Белград на воде»: обновление идентичности Белграда..... 134
Милена Ивкович	
Константин Лидин	Костюм для любви к малой родине. Ключевые элементы повседневной региональной культуры как отражение уникального ландшафта..... 138
Наталья Ушкова	
Никос Финтикакис	Археологический участок в Акротири на острове Тера: работы по улучшению, описание концепции и замена защитного навеса 142
Кристос Доумас	
Ольга Смирнова	Чудо в пустыне 148
Николай Крадин	Архитектура сталинских лагерей в Якутии..... 154
 164

наследие
авторы

news	Anna Grigorieva	The 25th UIA World Congress in Durban, South Africa	5
book	Astrid Volpert	"The Left Bank, the Right Bank: Ernst May and the History of Planning of Magnitogorsk (1930–1933)" A Review of the Monograph by E. Konyshova and M. Meerovich (in German).....	8
	Elke Pistorius		
	Mark Meerovich	About Methodology and Ideology of Historical Research on Soviet Architecture and Town Planning	10
monitor	Alina Pak	Social Rehabilitation Center for Invalids on Yakobi Street in Irkutsk	14
	Ekaterina Ustina	The School of the Future, Gaziantep, Turkey.....	16
Moscow on the MARCH	Nikita Tokarev	Once Again about the Russian Character	18
in brief	Sergey Demkov	Baikal-Moscow.....	20
		Baikal Inspires Predictions	
	Olga Smirnova	Krasnoyarsk	20
		For Golf or not for Golf?.....	
	Elena Grigoryeva	Khabarovsk	20
		The Far East Zodchestvo 2014 Festival Grand Prix.....	
	Zodchestvo of Eastern Siberia.....		21
XIV International Festival Zodchestvo of Eastern Siberia 2014, 25–28 June, 2014			22
	Marina Tkacheva	Chronicle of the ZES 2014 Festival	24
	Marina Tkacheva	The Guest of the Festival – Eduard Kubensky	30
	Catalogue of ZES 2014		32
identity		49
		
	Konstantin Lidin	Me, the City	50
	Alexander Rappaport	After Megalopolis	56
	Mikhail Rozhansky	Decolonization of City Space: Toponymy	59
	Marina Tkacheva	Identity of Siberian Cities and Public Spaces	64
		ZES 14 Discussion Club. 27–28 June, Krasnoyarsk	
	Elena Bagina	This Is not My City... ..	77
	Anna Sirina	People and the City. Notes on the Identity of Siberian Cities	78
	Elena Bagina	Globalism and the Continuous Internal Equality with Oneself.....	83
	Anna Sirina	A Painter in the City: Valery Kondakov.....	86
	Katerina Gevel	About the Identity of Krasnoyarsk	90
	Mark Meerovich	Identity of a Soviet Town: from the Garden City by an Englishman E. Howard to the Socialist City by a German E. May (Shcheglovsk-Kemerovo, Stalinsk-Novokuznetsk, Novonikolaevsk-Novosibirsk)	94
	Alexander Klevakin	Ideas of a Siberian City: Urban Experiments and Inhabitants' Feeling	102
	Olga Zheleznyak	Identity: Culture Paradigm and Professional Space	112
	Victor Dyatlov	"Shanghai" in Irkutsk Downtown. Ecology of the Chinese Market	120
	Roman Kuznetsov		
	Elena Ivanova	The World of the "Thirty"	130
	Frank van der Hoeven	The 'Beograd na vodi' masterplan, Belgrade's latest identity make over.....	134
	Milena Ivković		
	Konstantin Lidin	A Costume for Love to the Small Motherland. Key Elements of Common Regional Culture as a Reflection of the Unique Landscape.....	138
	Natalia Ushkova		
	Nikos Fintikakis	Enhancement, Presentation and Shelter Replacement of the Archaeological Site at Akrotiri, Thera.....	142
	Christos Dumas		
	Olga Smirnova	Miracle in the Desert	148
heritage	Nikolai Kradin	Architecture of Stalin's Prison Camps in Yakutia	154
authors		164

The 25th UIA World Congress took place in Durban, South Africa, from 3 to 7 August 2014. The Congress was held in the Durban International Convention Centre, where architects, engineers, designers, technologists, planners, thinkers and writers from more than 50 countries gathered with the public, for a week of lively and challenging talks, workshops, events and happenings.

Architecture Otherwhere was the theme that was both defined and studied in this forum. Exploring architecture in other regions, other contexts, other social structures, through other practices, participants tried to gain a better understanding of others in order to better understand one's self. Architects studied the new geography of a world being built, with other preoccupations, other

means of expression, other representation models.

The conference theme of OTHERWHERE – looking elsewhere for other ways of creating a better future – was explored in several, carefully selected, sub-themes and theme ideas that acknowledge the role of architecture as thoughtleadership:

1. Resilience. The first sub-theme was explored through the ideas of emergence, poverty alleviation, the spatial economy.

2. Ecology. The second sub-theme was investigated through the ideas of time, evolution and RIO+20.

3. Values. The third and final sub-theme for UIA 2014 was investigated through approaches to practice and teaching.

Seven keynote speakers addressed critical issues related to the above-mentioned

themes. They are: Burkinan architect Francis Kéré, Ghanaian architect Joe Osae-Addo, South African architect and president of SAIA Sindile Ngonyama, Indian architect, professor and Chair of the Department of Urban Planning and Design at the Harvard Graduate School of Design, Rahul Mehrotra, Architecture for Humanity founder Cameron Sinclair, American urban planner Susannah Drake, Mexican architect Gerardo Salinas and Chinese architect Wang Shu Pritzker Prize 2012.

On 6 August 2014, at the awards ceremony organized in conjunction with the UIA World Congress of Architecture, the International Union of Architects awarded its Gold Medal to the Chinese born American architect, Ieoh Ming Pei.

In attributing the most prestigious of the UIA awards to Professor Pei, the UIA

XXV Всемирный конгресс Международного союза архитекторов в Дурбане (ЮАР) / The 25th UIA World Congress in Durban, South Africa

Завершился XXV Всемирный Конгресс Международного союза архитекторов, который проходил с 3 по 7 августа 2014 года в Дурбане (ЮАР). Конгресс МСА проходил в Международном Конгресс-центре, куда из более чем 50 стран мира приехали архитекторы, инженеры, дизайнеры, технологи, планировщики, теоретики, писатели и простые граждане, чтобы посвятить эту неделю интересным обсуждениям и дебатам, посетить разнообразные мастерские, выставки и прочие мероприятия.

Главная тема форума «Architecture Otherwhere» включала в себя изучение архитектуры в других регионах, в других контекстах, в других социальных структурах. Постигая чужой практический опыт, участники старались достичь лучшего понимания других людей, чтобы лучше понять самих себя. Архитекторы изучали новую географию строящегося мира, другие интересы, другие выразительные средства, другие модели представления.

Тема конференции, которую можно перефразировать как «поиск в других местах других путей создания лучшего будущего», была рассмотрена по трем тщательно отобранным подтемам. Все они отражают важнейшую роль архитектуры в качестве носителя передовых идей:

1. Первая подтема – «Способность к восстановлению» – затрагивала вопросы преодоления чрезвычайных ситуаций, борьбы с нищетой и экономии пространства.

2. Вторая подтема – «Экология» – изучалась через призму времени и эволюции, а также тех идей, которые

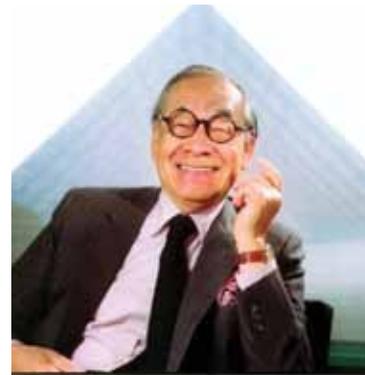
обсуждались на Конференции ООН «РИО+20».

3. Третья и последняя подтема Конгресса МСА 2014 года – «Ценности». Это направление исследовалось путем уточнения подходов к практике и обучению.

Вышеназванные темы были широко освещены семью ключевыми докладчиками, среди них: архитектор Францис Кере (Буркина-Фасо), архитектор Джо Осе-Аддо (Гана), архитектор, президент ЮАИА Синдиль Нгоньяма (Южная Африка), индийский архитектор, профессор, заведующий кафедрой градостроительного проектирования Гарвардской высшей школы проектирования Рауль Мехротра, основатель организации «Архитектура для человечества» Кэмерон Синклер, градостроитель Сюзанна Дрейк (США), архитектор Жерардо Салинас (Мексика) и архитектор, лауреат Притцкеровской премии – 2012 Ванг Шу (Китай).

6 августа 2014 года на церемонии награждения, приуроченной к Всемирному конгрессу МСА, Международный союз архитекторов вручил Золотую медаль американскому архитектору китайского происхождения Юй Мин Пэю.

Присуждая самую престижную награду МСА профессору Пэю, Международный союз архитекторов тем самым выражает признание вклада архитектора, «жизнь и деятельность которого неразрывно связана с историей развития современной архитектуры на пяти континентах на протяжении более шестидесяти лет. МСА высоко ценит его уникальный стиль, непреходящую строгость его работ и духовную связь с историей, временем и пространством».

UIA Gold Medal winner Ieoh Ming Pei ©AIA / Юй Мин Пэй, лауреат Золотой медали МСА ©AIA

Десятки выдающихся строений были созданы лауреатом, в их числе стеклянная пирамида, расположенная в самом сердце исторического музейного ансамбля Лувра (Париж, 1989), Национальная галерея искусств в Вашингтоне, Художественный музей Джонсона в Нью-Йорке (1973) и Музей исламского искусства в Дохе (Катар, 2008).

Юй Мин Пэй получил самые престижные архитектурные награды. Он является обладателем Золотых медалей Американского института архитекторов и Королевского института британских архитекторов.

Премия Жана Чуми Международного союза архитекторов за достижения в области архитектурной критики, образования и архитектурной истории была присуждена британскому архитектору, историку и критику Джозефу Рикверту. Почетную премию получили Хайг Бек и Джеки Купер за их публикации и критические отзывы, получившие международную известность.

thus recognizes an architect whose "life and work spans the history of modern architecture over five continents for more than sixty years. The UIA thus honours his unique style, his timeless rigor, and his spiritual connection to history, time and space."

Dozens of preeminent structures bear his signature, among which the extension of the Louvre Museum in Paris, with its famous glass pyramid nestled at the heart of the illustrious historic ensemble (1989), the National Museum of Art in Washington, the Johnson Museum of Art in New York (1973) and the Museum of Islamic Art in Doha, Qatar (2008).

Yeoh Ming Pei has received the most prestigious accolades that can be bestowed on an architect, notably the Gold Medal of the American Institute of Architects

(AIA) and of the Royal Institute of British Architects (RIBA).

British architect, historian and critic Joseph Rykwert became the recipient of the Jean Tschumi Prize, awarded for education, criticism and the architectural history. An honourable mention was awarded to the Australian couple Haig Beck & Jackie Cooper for their internationally renowned publishing and criticism.

The Seoul Metropolitan Government received the Sir Robert Matthew prize for the Yeongdeungpo Dosshouse Town housing renovation pilot project. This award recognizes quality facilities created for communities and their development.

The Fondation architectes de l'Urgence and Arquitectos sin Fronteras (Spain) shared the Vassilis Sgoutas Prize, which recognises

architecture that serves the poorest populations and promotes inventive solutions to the problems of poverty and indigence.

Four honourable mentions were awarded to: Nigerian architect Kunlé Adeyemi for a prototype school designed for waterfront cities in Africa; the Norwegian team TYIN Tegnestue Architects, made up of Yashar Hanstad and Andreas Grøntvedt Gjertsen, who identify themselves as "architects of necessity"; South African architect Carin Smuts, who designs sustainable equipment for marginal communities in the townships; and Australian architect Anna Rubbo, who founded Global Studio in 2005.

Malaysian architect and town-planner Esa Mohamed has been elected UIA President during the UIA General Assembly, which took place after the Congress, from 7 to 9

Museum of Islamic Art, Doha, Qatar designed by Ieoh Ming Pei, completed 2008, Photographer: Keiichi Tahara / Музей исламского искусства в Дохе (Катар) по проекту Юй Мин Пэя, 2008 год. Фото: Keiichi Tahara

Сеульский муниципалитет получил Премию сэра Роберта Мэттью за пилотный проект реконструкции жилого района Yeongdeungpo Dosshouse Town. Премия присуждается за улучшение качества населенных пунктов и их развитие.

Фонд «Архитекторы, спешащие на помощь в чрезвычайных ситуациях» и организация «Архитекторы без границ» (Испания) получили награду Вассилиса Сгутаса за архитектуру,

которая помогает неимущим слоям населения и предлагает оперативные решения по снижению уровня бедности и нищеты.

Четыре поощрительных премии получили:

- Нигерийский архитектор Кунле Адейеми за разработку проекта школ, расположенных в прибрежной части африканских городов,
- Норвежский коллектив TYIN Tegnestue Architects, состоящий из

архитекторов Яшара Ханстада и Андреаса Грентведта Гьертсена, которые называют себя «архитекторами по необходимости»,

- Южноафриканский архитектор Карин Смутс, который делает проекты для экоустойчивого строительства в периферийных районах небольших населенных пунктов, а также
- Австралийский архитектор Анне Руббо, которая основала Global Studio в 2005 году.

На Генеральной ассамблее МСА, которая состоялась после конгресса, с 7 по 9 августа 2014 года, прошли выборы президента МСА. На период с 2014 по 2017 гг. этот пост займет малайзийский архитектор и градостроитель Эса Мохамед, сменив французского архитектора Альберта Дублера.

Эса Мохамед – автор престижных архитектурных проектов в Малайзии, таких как застройка района Subang Jaya, генеральные планы Куала-Лумпура и административной столицы Путраджайи. Он также занимался разработкой широкомасштабных проектов для Китая, Пакистана, Индии, Австралии и Саудовской Аравии. Эса Мохамед получил множество наград, в том числе Премию Ага Хана в области архитектуры за проект отеля Datai Resort на острове Лангкави (2001 год).

На Генеральной ассамблее также были выбраны новые члены Бюро МСА:

- Генеральный секретарь: Томас Вонье, США
- Казначей: Фабиан Листерри, Испания
- Вице-президент, Регион I: Давид Фалла, Великобритания
- Вице-президент, Регион II:

August 2014. Esa Mohamed will undertake the presidency of the International Union of Architects for the triennial period 2014-2017. He succeeds French architect Albert Dubler.

He is the author of prestigious architectural projects in Malaysia, such as the Subang Jaya township masterplans for the city of Kuala Lumpur and for the administrative capital of Putrajaya. He has also launched large-scale works in China, Pakistan, India, Australia and Saudi Arabia. Esa Mohamed received numerous awards among them The Aga Khan Award for Architecture in 2001 for the Datai Resort, Langkawi.

The UIA General Assembly also elected the new Bureau members:

- Secretary General: Thomas VONIER, USA
- Treasurer: Fabian LLISTERRI, Spain

- Vice-president Region I: David FALLA, United Kingdom
- Vice-president Region II: Ms Deniz INCEDAYI, Turkey
- Vice-president Region III: Carlos ALVAREZ, Costa Rica
- Vice-president Region IV: Ms Yolanda DAVID REYES, Philippines
- Vice-president Region V: HAYDER Ali, Sudan

Two representatives of Russia were elected to the UIA Council: President of the Union of Architects of Russia Andrei Bokov (UIA Council member), and member of the Presidium of the UAR Yaroslav Usov (Alternate UIA Council member). They presented the Union of Architects of Russia Pavilion, which became the third-biggest pavilion after China and France and one of the most

informative at the Congress. The Pavilion was devoted to the past, present and future of Russian architecture.

The UIA General Assembly has elected Rio de Janeiro, Brazil as the host city of the 27th UIA Congress in 2020. The next congress will take place in 2017, in Seoul, Korea on the theme 'The Soul of a city: intangible spiritual dimension'.

Дениз Инседаи, Турция

- Вице-президент, Регион III: Карлос Альварез, Коста-Рика
- Вице-президент, Регион IV: Иоланда Давид Рейес, Филиппины
- Вице-президент, Регион V: Хайдер Али, Судан

В члены Совета Международного союза архитекторов со стороны России был выбран Президент СА России Андрей Владимирович Боков. Член Президиума СА России Ярослав Юрьевич Усов был назначен заместителем члена Совета МСА. На Конгрессе МСА они представили павильон Союза архитекторов России, который стал третьим по величине после Китая и Франции и одним из самых насыщенных информацией. Павильон был посвящен прошлому, настоящему и будущему российской архитектуры.

Принимающей стороной XXVII Конгресса МСА, который состоится в 2020 году, был выбран бразильский город Рио-де-Жанейро. А следующий конгресс будет проходить в 2017 году в столице Кореи городе Сеуле на тему «Душа города: нематериальное духовное измерение».

Анна Григорьева с использованием материалов сайтов:

**www.uia.archi,
www.uia2014durban.org
www.uar.ru**

**Anna Grigorieva using source material from the websites:
www.uia.archi
www.uia2014durban.org
www.uar.ru**

«Левый берег, правый берег: Эрнст Май и история планировки Магнитогорска (1930–1933)»

Рецензия на монографию Е. Конышевой и М. Мееровича (на немецком языке)

Выходные данные по книге: Evgenija Konyeva, Mark Meerovi: Linkes Ufer, rechtes Ufer. Ernst May und die Planungsgeschichte von Magnitogorsk (1930–1933). Herausgegeben von Thomas Flierl. Edition Gegenstand und Raum. Berlin: Verlag Theater der Zeit. 2014.

¹ www.kunsttexte.de

² www.fondrgs/upload/f95/pa178-izvechenie.eng.docx

Около года назад сообщалось об усилиях инициативных групп сохранить историческую застройку первого квартала Магнитогорска, по крайней мере некоторых характерных свидетельств функционалистского градостроения в России перед его исчезновением.¹ Угроза возможного сноса здания фабрично-заводской школы архитектора Вильгельма Шютте существует до сих пор. Объявленный в середине декабря 2013 года аукцион по продаже здания школы с прилегающим земельным участком, по всей видимости, не состоялся.² Однако усилия международных и российских органов охраны культурного наследия по постановке под охрану зданий первого квартала пока не дали видимого результата. По последним сведениям региональных органов охраны культурно-исторического наследия, уже подготовлены необходимые документы и официальное экспертное заключение. Как это часто бывает в России, различные варианты и пути решения проблемы непрозрачны, а ее обсуждение в средствах массовой информации не предусмотрено.

Партнерские инициативы Германии и России в рамках гуманитарных исследований сложны с давних пор. В тех случаях, когда исследования русской стороны проводятся при немецкой финансовой поддержке, результаты обобщаются и представляются, как правило, лишь на русском языке и, таким образом, доступны только узкому кругу специалистов, владеющих русским языком. Редкие исключения все же имеются, в частности изучение немецко-русских

культурных связей в XX веке, которое было проведено по инициативе Льва Копелева в 2005–2006 годах в Германии и в 2010-м в России. Замечательным итогом этой работы стало издание трехтомного сборника трудов, в котором среди 120 авторов больше половины составляют российские ученые, привнесшие собственные точки зрения на проблемы современной истории, причем градостроительство играло там, к сожалению, лишь второстепенную роль.

И вот теперь в свет вышла книга, посвященная именно этой теме. Речь идет об опубликованной в России монографии, которая переведена на немецкий язык и издана берлинским издательством Theater der Zeit. Издание этой книги является особенным событием, тем более что речь в ней идет о советско-европейском сотрудничестве в области городского планирования и строительства в начале 1930-х годов, в рамках которого работа Эрнста Мая и архитекторов его группы в СССР является ярким примером. Опубликованная в 2012 году в России, эта книга базируется на исследованиях, проведенных ее авторами в 2009–2010 годах. Она основана прежде всего на документах российских центральных и региональных архивов. Этот ценнейший материал привел авторов, с одной стороны, к выявлению особенностей советского градостроительства, с другой – к выводу о том, что без западноевропейских источников невозможно воссоздать полноценную картину истории советского градостроительства и роль европейских архитекторов в ее осуществлении.

10 февраля в Берлине состоялась презентация монографии Евгении Владимировны Конышевой (Челябинск) и Марка Григорьевича Мееровича (Иркутск) «Linkes Ufer, rechtes Ufer: Ernst May und die Planungsgeschichte von Magnitogorsk (1930–1933)» («Левый берег, правый берег: Эрнст Май и история планировки Магнитогорска (1930–1933)»). Перевод и издание монографии в Германии состоялись благодаря инициативе и личным усилиям господина Т. Флирля, главы Фонда им. Ганса Гензельмана, он также написал вводную статью к книге. Публикация издания стала возможной благодаря финансовой поддержке Фонда им. Розы Люксембург.

Книга была представлена в Баухауз-архиве – одном из крупнейших и известнейших научных центров Европы по изучению архитектуры функционализма. Монография вызвала широкий интерес среди немецких специалистов. Участие в презентации приняли видные специалисты, чьи научные исследования связаны с историей советской архитектуры сталинской эпохи. В их числе проф. Х. Боденшатц, К. Пост, Э. Писториус, М. Эшерих, искусствовед А. Фольперт, Б. Энгель, Д. Хмельницкий, глава общества Эрнста Мая (Франкфурт-на-Майне), Э. Херрель и др.

Мы размещаем перевод опубликованной в германской прессе рецензии на книгу, а также статью профессора М.Г. Мееровича, формулирующую методологические проблемы архитектуроведческих исследований.

Исследование Евгении Конышевой и Марка Мееровича поддерживалось немецкими, американскими и российскими научными фондами, предоставившими гранты на изучение отдельных аспектов разрабатываемой темы.

За то, что результат этих исследований теперь может быть доступен и для немецкоязычных читателей, нужно благодарить прежде всего инициатора перевода книги на немецкий язык и ее редактора Томаса Флирля.

Советская историография еще совсем недавно поддерживала скорее отрицательный имидж Эрнста Мая. В профессиональной литературе можно прочитать о том, что именно Май персонально виноват в ошибочном выборе территории для селитьбы города Магнитогорска и что советским архитекторам «слишком много пришлось учиться на ошибках Э. Мая, порожденных его самоуверенным профессионализмом и пренебрежением традициями русского градостроительства».³ Конечно, подобные утверждения не прошли бесследно для авторов книги. Евгения Конышева признавалась на презентации монографии в феврале сего года, прошедшей в Баухауз-архиве в Берлине, что она испытала культурный шок, когда впервые в 2011 году увидела поселения, спроектированные и построенные под руководством Эрнста Мая во Франкфурте-на-Майне. Она была поражена высоким качеством и эстетикой и зданий, и открытых пространств. Эрнст Май не смог добиться подобного качества формирования городской среды

в жилых кварталах Магнитогорска и Новокузнецка. Пытаясь ответить на вопрос, почему в советских реалиях могло быть только так, а не иначе, авторы нашли ряд достойных самого пристального внимания ответов.

Уже сам исходный пункт методологии анализа отличается от немецких подходов. Авторы подчеркивают, что они хотят представить в своем исследовании архитектурное и градостроительное творчество Эрнста Мая в процессе проектирования Магнитогорска не с художественной точки зрения (композиция, пропорции, фасады, художественное оформление и т. д.), а как продукт социально-политической системы, как результат влияния политической власти. Марк Меерович во время презентации характеризовал эту книгу как одну из немногих попыток в современной России написать «политическую историю советского градостроительства». И действительно, в своем исследовании авторы обратили основное внимание на роль советского государства как единственного заказчика, принимающего решения и отвечающего за них, в то время как возможности советских и иностранных архитекторов, находившихся в роли государственных служащих, были незначительны.

С точки зрения авторов, из-за советской политики индустриализации, начиная со второй половины 1920-х годов и особенно в годы первой пятилетки, промышленное предприятие имело в СССР абсолютный приоритет. Возведение прилегающего к нему рабочего поселка (города) расценивалось государственными органами как побочная и второстепенная задача. Саму постановку вопроса о строительстве Магнитогорска на левом или правом берегу, возникшую еще до прибытия Эрнста Мая в СССР, авторы видят именно как результат подобного распределения приоритетов.

Город был основан на левом, холмистом берегу, на стороне металлургического завода. Однако очень скоро места для поселения перестало хватать, так как мощности комбината постоянно росли. При принятии первоначальных решений отсутствовали сведения о направлении господствовавших ветров, а правый берег был труднодоступным из-за сооружения большого водохранилища и отсутствия мостов. Эрнст Май, как проектировщик Цкомбанка, был также задействован в решении вопроса о выборе места. Евгения Конишева и Марк Меерович, со ссылкой на соответствующие архивные источники, подробно описывают, как этот вопрос привел к войне ведомств на всех уровнях – от местного до

союзного. Эта борьба была направлена в конечном счете на занятие господствующего положения в жилищном строительстве и контроль над крупными денежными потоками. Мнение официально привлеченных иностранных архитекторов отнюдь не во всех государственных органах воспринималось одинаково доброжелательно. Точка зрения Эрнста Мая принималась к сведению, но решения принимали другие.

В начале 1931 года работодатель Мая, защитник левобережного размещения города, добился мнимой победы. Эрнст Май и его бригада вынуждены были заново переделывать генеральные планы Магнитогорска в соответствии с изменявшимся требованиям со стороны заказчика. Программа застройки, показатели численности населения, строительные нормы были предписаны заказчиком, причем первоначально все они были ориентированы на функциональное решение города. Реализованы по планам Эрнста Мая и его сотрудников были лишь первый квартал и часть второго квартала соцгорода Магнитогорска. Несмотря на то что последний вариант проекта генерального плана был утвержден в начале 1933 года, в конце того же года советские органы приняли решение о переносе строительства города на правый берег и вместе с этим высказались не только против реализации плана Мая, но и в целом против функционалистского градостроения.

Авторы на основе российских документов, освещающих историю проектирования Магнитогорска, делают заключение, что Эрнсту Маю не может быть приписана ответственность ни за решение о размещении города на левом берегу, ни за модернистский градостроительный язык. Поэтому длившаяся десятилетиями критика как персонально Эрнста Мая, так и его группы, лишена оснований.

Следует приветствовать тот факт, что Томас Флирль в немецком издании книги добавил к имеющимся материалам еще три документа, относящихся к роли Эрнста Мая в проектировании Магнитогорска, до этих пор недоступных для читателей. Речь идет о сообщении о первой поездке Эрнста Мая и его сотрудников в конце 1930 года в Магнитогорск, о пояснительной записке к генеральному плану Магнитогорска, датированной ноябрем 1930 года (М. Стам, В. Швагеншайдт), равно как и пояснительной записке к генплану декабря 1932-го (Ф. Форбат). В предисловии Флирль останавливается на некоторых аспектах немецкого восприятия трехлетнего советского периода деятельности Эрнста Мая

и членов его группы, а также на современных российских позициях по отношению к градостроительству 1930-х годов. Он указывает на то, что в России в настоящее время существуют две исследовательские позиции: с одной стороны, это традиционный подход искусствоведческого описания градостроительства и архитектуры и, с другой – взгляд на них сквозь призму политической системы сталинизма. Некоторые представители последней точки зрения несправедливо заключают, что практические результаты деятельности иностранных архитекторов в СССР (Э. Май, Х. Майер, Б. Таут, Х. Шмидт и др.) почти равны нулю и едва ли интересны с градостроительной стороны. Томас Флирль видит такую позицию прежде всего в работах живущего в Берлине Дмитрия Хмельницкого.⁴ Флирль также выражает свое несогласие с тезисом авторов книги в том, что политическое руководство Советского Союза осуществляло градостроительную и жилищную политику исключительно лишь как «функцию индустриализации». Критика адресована прежде всего Марку Мееровичу, который видит главную цель советской индустриализации только в создании мощного военно-промышленного комплекса (ВПК). В сравнении с русским текстом книги, обращает на себя внимание тот факт, что этот термин в немецком издании в большинстве случаев заменяется термином «индустриализация» и используется как ее синоним.

В конечном счете именно в роли и доминанте ВПК лежала причина того, что в СССР 1930-х годов формы гражданского социума, диалог и равноправное участие в развитии общества почти не имели значения, и международное сотрудничество также было разрушено.

С критическими замечаниями издателя в адрес авторов можно согласиться, с тем чтобы Магнитогорск понимался сегодня не только как место советской индустриализации, но и как «место воспоминания» (Пьер Нора) об интернациональном архитектурном модернизме.

Остается надеяться, что содержащиеся в книге уникальные сведения смогут содействовать внесению зданий первого и второго кварталов Магнитогорска в национальный русский список объектов культурного наследия и сохранению последних свидетельств этой полной напряженности и драматизма эпохи.

**Астрид Фольперт,
Эльке Писториус**

³ Журавлев А.М., Иконников А.В., Рочегов А.Г. Архитектура Советской России. М.: Стройиздат, 1987. С. 80.

⁴ Der Kampf um die sowjetische Architektur. Ausländische Architekten in der UdSSR der Stalin-Ära // Osteuropa. 2006. № 11. S. 101.

Аннотация.

В статье формулируются методологические вопросы исторических исследований архитектуры и градостроительства советского периода в рамках новой парадигмы, называемой автором политической историей советской архитектуры и градостроительства. Ее предметом является характер зависимости деятельности архитекторов, превращенных в «государственных служащих» от власти, а также степень предопределенности жилищной и градостроительной политики внешними обстоятельствами, рассмотрение проектирования не как творчества, а как производства.

Ключевые слова.

Методология архитектуроведения, проектное творчество, история советской архитектуры и градостроительства.

Abstract.

Methodological issues of historical research on architecture and town planning of the Soviet period are represented in the article within a new paradigm, which is called by the author 'a political history of Soviet architecture and town planning'. Its subject is how architects that became 'government officials' were made dependent on the power, how housing and town-planning policy was predetermined by external circumstances and how designing was considered as production but not as creation.

Keywords.

Methodology of architectural studies; design creating; history of Soviet architecture and town planning.

О методологии и идеологии исторических исследований советской архитектуры и градостроительства / About Methodology and Ideology of Historical Research on Soviet Architecture and Town Planning

Исследователи истории архитектуры, жившие в советское время на территории социалистического лагеря, помнят ту жесткую цензуру, которая не допускала никаких критических высказываний о влиянии власти на архитектуру и градостроительство. Описывать это влияние можно было исключительно в позитивных, восторженных, благодарственных тонах.

Советским исследователям разрешалось анализировать преимущественно внешний облик зданий (пропорции, детали, декор, пластику, стиль...) или художественные аспекты композиции генеральных планов поселений (живописность «закованной в гранит» береговой линии, обилие парков и скверов, «стремительные перспективы проспектов»...). Однако социальное содержание, идеологические причины, экономические обстоятельства, иные мотивы возникновения именно таких (а не иных) проектов изучать было непозволительно. Потому что любое углубленное исследование объектов архитектуры или генпланов немедленно выводило «наверх» – к решениям, принимаемым органами власти различных уровней, прямым приказам которых (или нормативам и методическим предписаниям, издававшимся ими, подчас в целом предопределявшим архитектурные и градостроительные решения) обязаны были в обязательном порядке следовать все проектировщики.

В роли «регуляторов» проектирования выступали:

- а) задаваемые свыше лимиты стоимости 1 кв. метра жилой площади,
- б) запреты использования тех или

- в) прямые указания применять только строчную застройку (или, наоборот, не применять ее),
- г) зафиксированные в программах-заданиях на проектирование требования иерархически структурировать застройку на жилые комбинаты, кварталы, районы;
- д) требования обеспечивать конкретный баланс распределения земли под определенные функции,
- г) обязательные показатели плотности заселения, размеров кварталов,
- д) предписываемая этажность застройки и т.п.

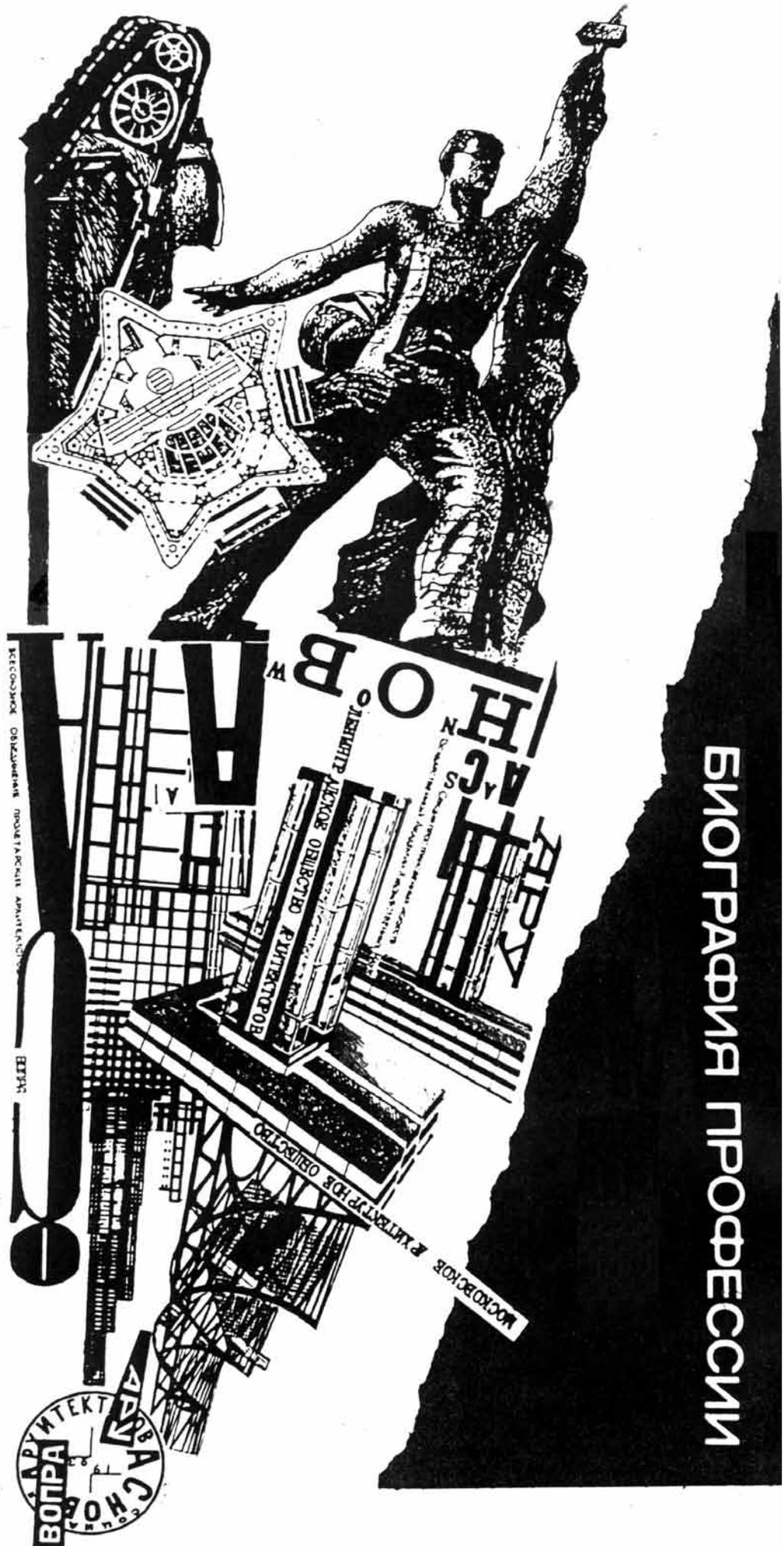
Эти указания рождались вне сферы архитектуры и градостроительства и предопределялись прежде всего ресурсами распределительной системы, военными планами, количеством денег, выделявшихся государством на жилищное строительство, технической оснащенностью отрасли гражданского строительства (которую никто особенно и не стремился развивать)... Именно эти – внешние факторы – и были определяющими для «содержания» градостроительства и архитектуры... Однако сама эта внешняя регламентация архитектурной и планировочной деятельности исследовательского интереса не вызвала, считалась чем-то посторонним, лежащим явно вне пределов предмета профессиональной культуры и мастерства

Безусловно, в Советском Союзе, как и на Западе, в строительстве участвовали многие действующие лица: заказчики, финансовые структуры, строители, поставщики материалов и строительной техники... Но в СССР

роль архитекторов в этом процессе была совершенно иной, чем на Западе. В капиталистическом обществе власть являлась и является таким же равноправным заказчиком, как и все остальные «субъекты», которых, замечу, помимо нее немало – частные лица, корпорации, фирмы, общественные организации, различные добровольные сообщества.

В СССР после запрета НЭП заказчик остался лишь один – государство, одновременно выступавшее также в роли единственного инвестора. Городское строительство и жилищная политика целиком и полностью находились в его руках. Никаких других – независимых от государства «заказчиков» и «финансистов», способных создавать нечто, не зависящее от государственно-ведомственных предписаний, в СССР не существовало. Все строительные программы начинались по распоряжению партийно-государственных органов и заканчивались по их же приказам. Советские архитекторы материализовали одну лишь волю – государственную, какое бы ведомство ее не озвучивало. Влияние власти на проектные решения всех уровней было в СССР всеобъемлющим.

Особенно в годы первых пятилеток. Причем, если мы заглянем поглубже – в причины этой жесткой регламентации планировочных решений и этой экономии на жилищном строительстве, то увидим, что все средства, все стройматериалы, все силы направлялись на строительство военных заводов. На то строительство, которое, собственно, и называлось индустриализацией. Конечно, можно, несмотря

на все эти очевидные исторические свидетельства и факты, продолжать сомневаться в том, что градостроительство в СССР было прямым следствием программы формирования военно-промышленного комплекса, ее голой функцией. Но сегодня это — уже не гипотеза, а доказанный постулат. Хотя именно с этой точки зрения советской градостроительство до сих пор абсолютно не изучено и не охарактеризовано.

В СССР зависимость официальной архитектурной и градостроительной деятельности от власти была тотальной, особенно после того как в 1930 году советская власть законодательно полностью запретила любую частную проектную практику. Всесторонняя регламентация заставляла архитекторов «изготавливать» лишь то, что от них требовалось. Никто не способен был выйти за границы предписаний свыше, преодолеть рамки допустимых пределов деятельности, которые накладывал советский строй. Ничто не могло быть реализовано, если советская система это запрещала.

Какое бы профессиональное мировоззрение не нес советский архитектор, в тот момент, когда оно входило в противоречие с официальной государственной политикой, он вынужден был безоговорочно отказываться либо от него, либо от профессиональной деятельности вообще. Только глобальным влиянием власти на архитектурную деятельность можно объяснить массовый публичный отказ архитекторов от своих профессиональных взглядов, когда вчерашние конструктивисты за одну

ночь превращались в убежденных сторонников бессмысленного «освоение классического наследия»...

Советская историография внешне влияние власти на архитекторов всегда выносила за скобки рассмотрения, расценивала его как «недостойное» для включения в «профессиональный предмет изучения». Она под давлением официальной цензуры и идеологии сформировала очень специфическую, но при этом обязательную для всех исследователей позицию в изучении советской архитектуры и градостроительства. Эта позиция отличалась следующими исходными постулатами:

- а) роль власти – исключительно положительная (любая критика невозможна);
- б) социальные проблемы сведены к одному – «временной нехватке... по объективным причинам»;
- в) архитектурная деятельность – это

свободное творчество (несмотря на то что превращение архитектора в государственного служащего коренным образом изменяло как тип его профессионального самоопределения, так и смыслы его профессиональной деятельности);

г) внешняя регламентация содержания проектирования (стоимости 1 кв. метра жилья; количества кв. метров в квартире; типологии жилища и объектов обслуживания; используемых строительных материалов; технологии строительного производства и т.п.) – это нормальное явление, но изучать его не нужно, потому что оно не относится к «сущности» архитектурного творчества и поэтому не интересно;

д) благосостояние населения постоянно росло, доказательство тому – появление все новых рабочих поселений, стремительное строительство нового жилья...

Подобное самоопределение ученого не оставляло ему ничего иного как изучать преимущественно внешний облик зданий (пропорции, детали, декор, пластику, стиль...) или художественные аспекты композиции генеральных планов поселений, то есть описывать архитектурные и планировочные объекты со стороны их художественно-образной стороны. При этом социальное содержание, идеологические причины, экономические обстоятельства, прочие мотивы возникновения конкретных проектов, оставались за рамками изучения.

СССР перестал существовать почти четверть века назад. Но советское архитектуроведение, увы, продолжает существовать и поныне. А вместе с ним продолжают существовать и прежняя методология погружения в исторический материал, и прежнее знание, извлеченное и оформленное с ее помощью, – новых исследовательских проблем не сформулировано, новых предметов изучения не создано, новой методологии не выработано.

Смена научных парадигм в отечественном архитектуроведении и градостроительной науке назрела давно. Она настойчиво требует приближения исследовательской методологии к реальности, настройки «аналитической оптики» на реальный, а не мифический предмет, освобождения архитектуроведения из плена выдумок о советской архитектуре как о продукте свободного, отчасти утопического, но в целом – прекрасного творчества...

Однако, поставив перед собой подобную задачу, ученый с неизбежностью сталкивается с вопросами о том, какой должна быть новая методология архитектурно-исторических исследований, каким образом учесть наличие так называемого тройного сознания, проявляющегося в том, что люди говорили одно, думали другое, а делали третье. В статьях и книгах писалось одно – красивые слова о будущем, о гармонии в архитектуре, об «интернациональной пролетарской архитектурной форме», идеологические призывы к социализму. Проектировалось при этом совсем другое – то, что соответствовало программам проектирования, инструкциям, нормативам, указаниям заказчика. А строилось – третье, очень мало похожее на проекты и совсем не соответствовавшее словам. Каким должен быть метод исследования, позволяющий изучать и сопоставлять три слоя профессиональной действительности: а) слова – пропагандистских, теоретических, концептуальных текстов; б) мысли – взгляды архитекторов на природу профессиональной деятельности в советских условиях, их мировоззрение, отношение к окру-

жающей профессиональной действительности; в) действия – в рамках тех ограничений, которые накладывал на мышление и деятельность советского архитектора существовавший строй – содержание проектов в сравнении с их реализацией. Что должно являться в таком рассмотрении предметом изучения?

В СССР свободы в выборе методологии и идеологии архитектуроведческих исследований не было. Зарубежные ученые, изучавшие советскую действительность, были, безусловно, более независимы в выборе методологии. Однако они не владели исчерпывающим фактическим материалом, потому что могли пользоваться лишь теми сведениями, которые были допущены советской цензурой в открытую печать. Или теми фотографиями зданий и городов, которым дозволено было быть опубликованными. Лишь единицы имели возможность систематически и долго работать в советских архивах. В результате этого исторические знания о советской архитектуре и градостроительстве, о движущих механизмах, об устройстве государственной системы проектного дела, постулатах концепции соцрасселения, формальных и неформальных правилах и принципах проектирования и т.п. в массе своей были ошибочными. Они либо невольны, либо принужденно, но неизменно оказывались ложными.

Изучая сегодня советскую архитектуру и градостроительство как сталинского, так и последующих периодов, следует в первую очередь ответить на вопрос о том, к чему стремилась власть. Именно потому, что она являлась единственной силой осуществления любых строительных программ. Только она выделяла землю под строительство, только она давала деньги, только она предоставляла строительные материалы. Только она способна была направить рабочую силу, предоставлять технику, производить оборудование... В СССР ничего не могло быть построено без согласия власти, кроме незаконного самостроя, вроде нахаловок, землянок и хибар на окраинах городов. Но профессиональные архитекторы к подобному «строительству» отношения не имели. Какова роль советской власти в архитектурной и планировочной деятельности? Действительно ли советская власть стремилась проектировать и строить комфортные, благоустроенные, красивые города или нуждалась лишь в формировании возле военно-промышленных заводов трудовых лагерей для обеспечения веного производства принудительной рабочей силой, состоявших на 90 % из бараков, на 7% – из десятка домов для завод-

ских технических специалистов и на 3% – из элитной группы коттеджей для заводского и энквэдэшного начальства и партийных лидеров местного масштаба.

Следует специально изучать влияние на принимавшиеся планировочные решения того факта, что в СССР все архитекторы без исключения были превращены в служащих государственных проектных институтов, то есть в специалистов совершенно иного рода, нежели архитектор, как представитель свободной профессии, осуществляющий независимую предпринимательскую деятельность. Изучение сталинской архитектуры и градостроительства должно начинаться с ответа на вопрос: что такое архитектор, как чиновник, занимающий определенное должностное место и исполняющий конкретную функцию в жестко иерархизированной системе управления тоталитарным государством? Именно этот феномен необходимо изучать в первую очередь, а не фасады домов или композиции генеральных планов поселений. И только после ответа на данный ключевой вопрос, станет немного понятно, почему фасады и планировки были такими, а не иными.

Под каким углом анализировать советскую архитектуру и градостроительство: как результат «творчества», идущего изнутри архитектора, от его внутренней убежденности, от его сознания, из глубин его мировоззрения, или как продукт «точно-конвейерного производства проектно-сметной документации» – производства, в котором архитектор подобен рабочему на сборочном конвейере, собирающему изделие из готовых деталей, выданных ему со склада? Какова была реальная роль архитектора в советском обществе – как «создателя прекрасного будущего» (так представляла его официальная пропаганда) или как оформителя решений, уже принятых в недоступных для него эшелонах власти? Ответ на этот вопрос позволяет четко осознать величину зоны свободы в принятии каких-либо самостоятельных решений. Свободы «творчества», которую предопределяет само устройство проектного конвейера. Свободы «исполнения заданий», которую оставляют такому «архитектору-сборщику» имеющиеся в его распоряжении планировочные заготовки, получаемые им уже в готовом виде через нормативы, инструкции, программы проектирования, писанные и неписанные «концептуальные» заповеди – формальные и неформальные правила «свинчивания» этих заготовок в целое.

Это очень непростые вопросы. Однако без ответа на них, без выра-

ботки особой методологии изучения советского прошлого извлечь правду об истории архитектуры и градостроительства в СССР невозможно. Не нужно с презрением отворачиваться от совершенно не характерного для западной историографии рассмотрения архитектуры через призму устройства политической системы. Следует сознательно идти на формирование такого предмета изучения. Потому что в СССР архитектурное формирование, как это ни парадоксально, было следствием совершенно неархитектурных решений ЦК ВКП (б), СНК и ВЦИК, Совета труда и обороны, Госплана, Наркомата труда, Наркомвоенмора, ВСНХ, ЭКОСО, НКВД...

Пришло время начать писать политическую историю советского градостроительства.

Марк Меерович

Центр социальной реабилитации инвалидов по ул. Якоби в г. Иркутске

Дипломный проект

Автор

Алина Пак,
студентка Института
архитектуры и строительства
Иркутского государственного
технического университета,

Руководитель

И.Б. Дагданова, доцент
кафедры архитектурного
проектирования ИАС ИрГТУ

Лица с ограниченными возможностями и их семьи являются одной из наиболее ущемленных категорий населения. Мировым сообществом социальная защита инвалидов рассматривается как проблема первостепенной важности.

До 11% населения Иркутской области – это люди с ограниченными возможностями, из них 9.8% – трудоспособное население. В Иркутске и области действует долгосрочная целевая программа «Доступная среда для инвалидов и других маломобильных групп населения» на 2013–2015 годы».

Участок, площадью 6 га, находится на левом берегу Иркутского водохранилища в границах улиц Мухиной, Захарова, Аносова, Якоби.

Композиционной осью служит существующий пешеходный бульвар, соединяющий Театр народной драмы и залив. Два функциональных разноуровневых блока центра террасами спускаются вдоль пешеходного бульвара к ул. Якоби, образуя непрерывное рекреационное многофункциональное пространство с выходом к заливу реки Ангара.

Окружающая жилая застройка сформирована таким образом, чтобы дворовые пространства представляли собой плавные зеленые бульвары, связанные с Центром пешеходными дорожками. Первые этажи жилой застройки адаптированы для людей с ограниченными возможностями. Все элементы жилой среды задуманы таким

образом, чтобы не создавать препятствий человеку, передвигающемуся в инвалидной коляске либо с помощью других опорных приспособлений.

Здание центра образовано террасами с понижением по естественному уклону рельефа. Выбор формы здания продиктован необходимостью создания системы пандусов и переходов, требуемых для организации доступной среды для маломобильных групп населения, а также возможностью интегрирования его в окружающую среду.

Каждый уровень здания – это отдельный функциональный блок. Планировочная схема здания представляет собой 10 функциональных блоков: входной блок, служба эрготерапии, отделение медицинской реабилитации, отделение восстановительной терапии, спортивный блок, административный блок, отделение психологической и социальной реабилитации, отделение профессиональной реабилитации, отделение рекреационной терапии, столовая.

Создаются плоские эксплуатируемые кровли, которые являются открытыми озелененными пространствами с местами отдыха. Системы озелененных благоустроенных пространств, дорожек, лестниц и пандусов позволяют беспрепятственно передвигаться, взаимодействовать всем группам населения, как на открытых террасах,

так и во внутренних пространствах здания. Лифты и лестницы внутри здания полностью оборудованы для людей с ограниченными возможностями и дублируются пандусами.

Иркутск, к сожалению, пока не предпринимает активных действий в создании безбарьерной среды для маломобильных групп населения. Проектирование такой среды – это не только пандусы и тактильные дорожки. Это совершенно иной подход к созданию пространства, коммуникаций, архитектуры в целом. При проектировании доступной среды необходимо воспринимать людей с ограниченными возможностями как здоровых, но особенных людей. Существует целая система адаптации дизайна и архитектуры пространств для таких людей. Цветовые и тактильные ориентиры, расположение ручек дверей и кнопок лифтов, направления открывания дверей и окон, увеличение пространств для удобного перемещения с помощью опорных приспособлений, поиск наиболее коротких и доступных путей передвижения, специализированные санузлы и парковочные места – большое количество нюансов, которые мы в обычной жизни даже не замечаем, имеют очень важное значение для людей с ограниченными возможностями.

Создание доступной среды – это повышение уровня жизни и комфорта передвижения всех без исключения групп населения.

Алина Пак

Школа будущего, г. Газиантеп (Турция)

Конкурсный проект

Авторы

студенты ИрГТУ
Екатерина Устина,
Никита Сенотрусов

Руководитель

И.Б. Дагданова кафедры
архитектурного
проектирования ИАС ИрГТУ

Задача конкурса – проектирование энергоэффективного общественного здания на примере школы. Подробнее о конкурсе см. ПБ № 41 стр.22.

Изучив существующие проблемы в данном районе, мы увидели, что проект развития территорий не предусматривает размещения спортивного ядра. Но новый экорайон несомненно нуждается в спортивных площадках.

Проектом предлагается расширение участка школы за счет создания универсального стадиона на части территории прилегающего парка, который будет использоваться не только школьниками, но и жителями района.

Для связи территории школы с парковой зоной предусмотрен наземный переход, который обеспечит безопасную доступность как для здоровых людей, так и для малоподвижных групп населения.

Процесс проектирования начался с поиска оптимальной компактной формы. Были учтены такие параметры как этажность, глубина помещений, ориентация школы по сторонам света. Была выбрана композиция школы из простых прямоугольных объемов, высотой в два этажа (цокольный и

первый этаж) с центральной осью, которая пульсирует расширяясь в рекреации.

Здание спроектировано так, чтобы солнечному свету был обеспечен доступ практически во все школьные помещения для минимизации затрат на использование искусственного освещения.

Большое внимание уделено тепловой герметичности здания, для этого мы использовали конструктивные узлы, предоставленные компанией Saint Gobein, с использованием изоляционных материалов ISOVER.

Для снижения затрат на кондиционирование мы обеспечили все помещения естественной вентиляцией, днем в летнее время используется рекуператор с охлаждением воздуха. Ночное проветривание обеспечивается за счет центрального рекреационного пространства, которое используется в качестве вытяжной трубы. Благодаря перепаду высот и эффекту самотяги теплый воздух поднимается и выходит через верхние окна. Для зимы предусмотрена только вентиляция с системой рекуперации тепла.

Для снижения возможности перегрева в летние месяцы, количество окон, ориентированных на запад и восток, сведено к минимуму, чтобы солнечные лучи, падающие под низким углом, не попадали в помещение. Применение зеленых крыш позволяет снизить температуру воздуха, так как их поверхности обладают более высокой отражательной способностью, чем поверхность традиционных крыш. Также мы предусмотрели теплозащитное стекло с низкоэмиссионным покрытием.

В проекте используются только экологичные материалы: дерево для отделки фасадов, несущие стены из песчаных блоков, перегородки из гипсокартона, минеральная вата (теплоизоляция и звукоизоляция), бетон (плиты перекрытия, фундаментные плиты), металл для опорных конструкций.

В результате расчета в программе Multi Comfort Designer получено значение теплопроводности равное 6,04 кВт/кв. м. в год, что соответствует наивысшему стандарту энергоэффективности.

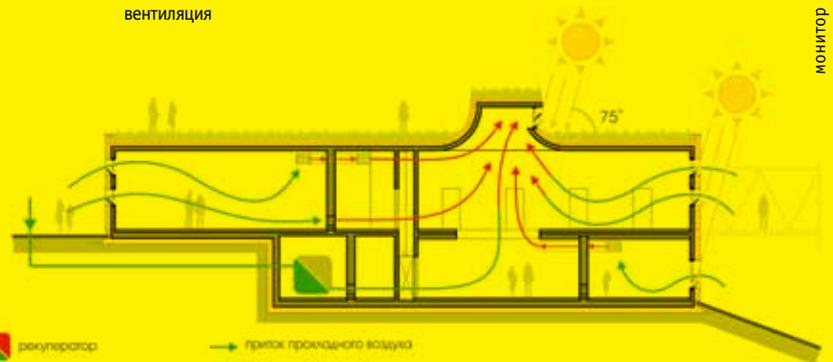
Екатерина Устина

вентиляция

монитор

Лето

Зима

защита от перегрева

обеспечение проветривания
влияние зеленых насаждений
на аэрацию в здании

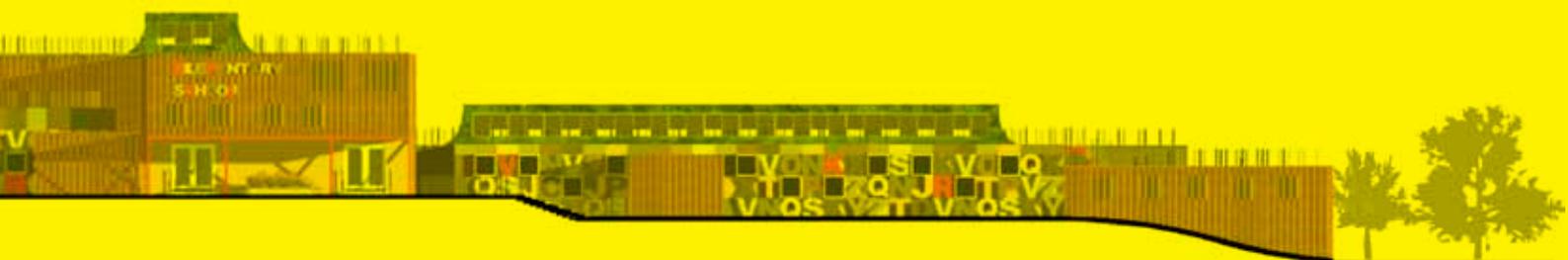
заглубленные окна на каждой стороне

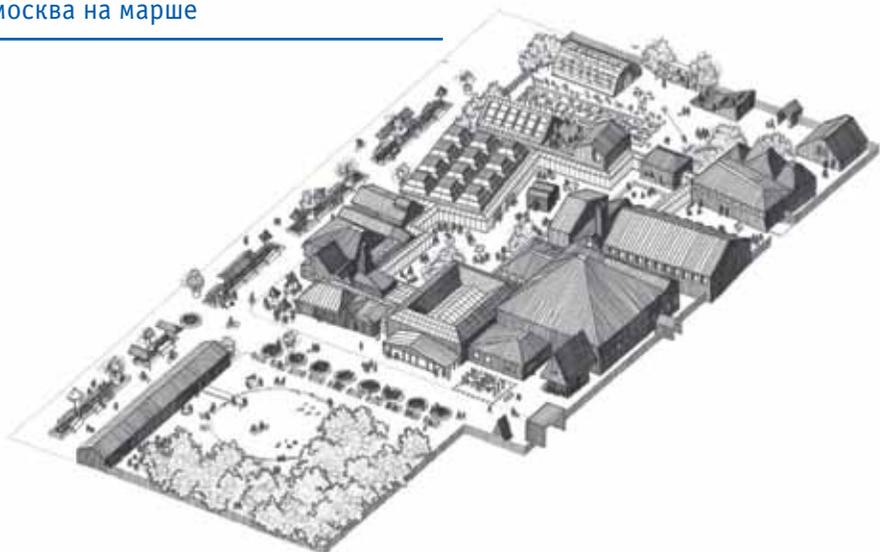
$S_{\text{окна окн. стороны}} = 86,8 \text{ м}^2$

$S_{\text{окна окн. стороны}} = 51,9 \text{ м}^2$

$S_{\text{окна вост. и зап. сторон}} = 0$

[низкие летние лучи не попадают в помещение]

Еще раз о русском характере

Среди множества архитектурных событий московской сцены я хочу выделить два не очень громких, но примечательных в сопоставлении. Речь идет о конкурсе «Русский характер» и дипломных проектах школы МАРШ, в частности студии «Перезарядье».

Оба проекта хотя и не сопоставимы по масштабу ни с мировыми конкурсами, собирающими звезд архитектуры, ни с открытием новых пешеходных улиц, тем не менее говорят кое-что о месте которое архитектура могла бы занять в современной российской жизни. Точнее в той жизни, что была у нас полгода назад.

Конкурс организованный ГК «Мортон» во многом необычен: редко девелопер, строящий миллионы квадратных метров массового жилья, проводит конкурс на социальный объект. Если местной власти удастся вменить школу или детский сад, то только в виде типового проекта, дешево и быстро. Никаких архитектурных задач при этом не ставится, ни жители (которых еще нет), ни власти (которые передоверили девелоперу свои функции), ни, упаси боже, архитектор, здесь как правило ни при чем. Не стану рассуждать о том, почему в иных странах и сельская школа может стать заметным архитектурным событием, скажу лишь, что конкурс «Мортон» не типичен. Такой вот подарок жителям Южного Бутова. Мы имеем дело с индивидуальным проектом по нетривиальному заданию: культурный центр в новом городском районе. А сверхзадача конкурса, «поиск новых элементов, форм и образов, олицетворяющих современный русский стиль в архитектуре», отражающий тот самый «русский

характер», дело и вовсе небывалое за последнее столетие наверное, если не вспоминать выставочную архитектуру ЭКСПО в Шанхае или экспозицию на Венецианской биеннале.

Заслуга в формулировке и реализации такого интеллектуального посыла принадлежит, помимо заказчика конкурса, его организаторам, агентству «Правила общения» и куратору Илье Мукосою. В интеллектуальном вакууме современной российской архитектуры, где нет ни общих целей, ни обсуждения философских, социальных, политических оснований профессии, это смелый вызов, попытка хоть немного оторвать архитектуру от строительно-девелоперского бизнеса и вывести в сферу культуры.

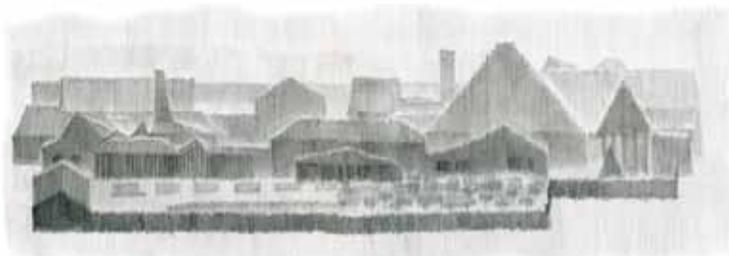
Правда, вызов, на мой взгляд, архаичский, отсылающий нас к 19 веку, когда национальное в архитектуре было в России актуальной темой от Хомякова до, скажем, Федора Степуна, от философского обоснования особого русского чувства формы до принципов национального стиля как набора исторических деталей. От такого подхода программа конкурса предостерегает: «Необходимо, чтобы здание Центра было современным и актуальным и не представляло собой реминисценцию исторических стилей русской архитектуры», впрочем, в контексте набира-

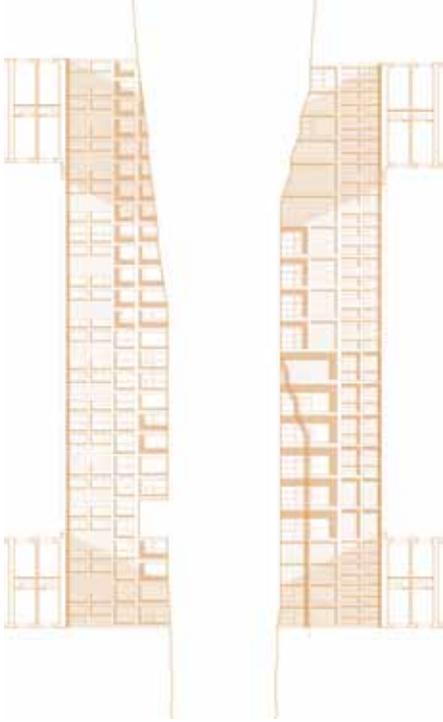
ющих силу рассуждений об «особом пути» России, о том, Европа мы или нет, с неизбежностью встает вопрос о загадочной русской душе, а там и до «Русского стиля» рукой подать.

Результат вполне предсказуем: обращение к образам русского авангарда (теперь он вполне может восприниматься как узнаваемый бренд и основа стиля) и к русскому деревянному. Деревянный проект бюро «Мегабудка» победил, ибо какому русскому сердцу не милы серые избушки образующие живописную деревеньку. Это действительно удачный проект, сочетающий узнаваемость образа с гибкостью функциональной программы.

Интригу конкурсу придало участие иностранных команд, кстати, из братьев-славян (OFIS и ENOTA из Словении). Вместо забот о русской душе наши коллеги обратили внимание на более осязаемые реалии, например на климат, предлагая энергоэффективные решения в непростых погодных условиях Москвы.

Российские проекты, обращаясь к трудноуловимой субстанции национального духа, практически не реагируют на физический контекст новой жилой застройки, ставший, я убежден, за 60 лет существования панельного строительства, фактом русской культуры, не менее реальным, чем мороз

или ширь полей. Осмелюсь предположить, что русская душа сейчас обитает не в избе и не в воспоминаниях о помещичьей усадьбе, а именно что в панельной девятиэтажке с видом на заросший березами двор. В Бутово этот контекст усилен многократно. Как и в чем может поселиться культура в окружении 35-этажных (!) стен, по сравнению с которыми Марьино или Печатники (жители других городов могут подставить свои названия районов 90х-2000х годов) покажутся утопическим городом-садом, вот сугубо российский вызов для российского архитектора. От идеи национального (имперского по сути, ведь русский дух веет и в Анапе и в Мурманске) приходим к идее местной, локальной архитектуры, разнообразным ответам на условия места. Такой подход возвращает нас в русло современного архитектурного дискурса и как нельзя лучше подходит России, гигантской и разнообразной стране, так и не ставшей настоящей федерацией. В Вологде не обязательно строить так же как в Краснодаре, «мысли глобально, действуй локально».

Этот ставший отчасти банальностью призыв реализован в работах дипломной студии МАРШ «Перезарядье» (руководитель студии Евгений Асс, преподаватель Кирилл Асс), презентация которой прошла на выставке АРХМОСКВА в мае. Судьба места была в центре внимания проекта. «Зарядье – самый многострадальный, самый скандальный, самый политизированный, самый дорогой и самый проблемный участок в центре Москвы. «20 января 2012 года премьер-министр и кандидат в президенты России В.В. Путин на

развалинах гостиницы «Россия» предложил мэру Москвы Сергею Собянину подумать над созданием парковой зоны на месте снесенной гостиницы» Московское правительство объявило международный конкурс на проект парка в Зарядье. Независимо от качества конкурсных проектов мы вправе задать вопрос: «Действительно ли парк является лучшим и единственным решением для этой территории и для Москвы в целом?» Конечной целью нашего проекта будет реабилитация этой городской территории.» На основании всестороннего исследования авторы попытались восстановить «геном» места, при этом решительно отказавшись от заигрывания с историей и имитации когда-то ушедшей жизни снесенного Зарядья.

Что нужно городу сегодня, можем ли мы спроектировать нормальную городскую жизнь в месте, бывшей на протяжении десятилетий площадкой для амбициозных проектов власти от Наркомтяжпрома до гостиницы «Россия» и пока не реализованного парка? И что собственно такое нормальная городская жизнь в Москве 2014 года, могут ли там, где 70 лет нет жилья, только чиновные офисы, появиться жилые кварталы, школы, рынок наконец? Ответы на эти вопросы важнее отдельных зданий их форма подчеркнута скромна, это скорее намек на форму, предчувствие.

Благодаря вживанию, вчувствованию в место, архитектура возвращает себе способность предвидения, а не следования чужому, даже президентскому, заданию. Исследовательский, критический подход позволяет сформулировать альтернативы. Именно

этого архитектура в России лишена уже многие годы: чувства реальности места и независимого экспертного суждения.

Точно сформулированная идея обладает собственной силой. Приведу один пример: три года назад на «Стрелке» прошел семинар посвященный Кремлю и связанным с ним градостроительным проблемам. Идея сделать территорию Кремля полностью доступной для публики казалась тогда абсурдной. Месяц назад Спасские ворота закрытые с 1918 года были открыты и вопрос о сквозном проходе через Кремль будет решен в ближайшее время. Наверное обитатели Кремля не стали демократичнее, законы гуманнее, но ворота открыты, сам видел.

Никита Токарев

Площадь застройки
56600 м²
42%

Общая площадь
224340 м²
проектируемая площадь
157283 м²

FAR 1.6

Количество жителей
3500
на проектируемых участках
2148

Километров на проектируемых участках
874

Машинмест
1000
на проектируемых участках
766

Байкал – Москва

Байкал вдохновляет на пророчества

Будучи на Байкале неделю назад, я сделал «пророческий» рисунок.

Рабочее название «Василий и Спасская башня». На рисунке главный герой недоумевает – почему через Главную башню не пускают в Кремль?

...Вчера В. Путин и мэр Москвы объявили, что этот вопрос решен...

Сергей Демков
4 августа 2014

Красноярск

Гольф или не гольф?

В Красноярске поклонники гольфа лоббируют идею выделения 50-ти гектаров земли в центре города в парке на острове Татышев под поле для гольфа.

Архитекторы города сначала высказали отношение к этому в своей электронной газете, а потом собрались

под поле для гольфа я считаю неправильным решением.

Западная часть острова Татышева в выходные переполнена людьми. Велосипедистам и роллерам не хватает места. Необходимо те же функции, что сегодня уже здесь присутствуют, распространить на вторую половину острова: продлевать трассы, расширять возможности для катания велосипедистов и роллеров, создавать прогулочные трассы и парковку инфраструктуру.

А поле для гольфа – это всегда закрытая территория. Гольф – дорогое удовольствие и рассчитан на небольшое количество игроков.

У нас густо заселенный город, где людям негде отдыхать. Мы не можем позволить себе такую роскошь, как отдать 50 га территории избранным. Кроме того, у нас уже есть одно поле для гольфа у клуба «Орлиные холмы» на Кузнецовском плато, так что желающие могут пользоваться им.

Архитектор, доцент Сибирского федерального университета Татьяна Матнина:

в Доме архитектора на расширенное заседание Правления Красноярской региональной организации Союза архитекторов России, куда прибыли противники и сторонники этой затеи и городские СМИ.

Архитектор, член правления КРОСАР, Ольга Смирнова:

При том дефиците парков, который сложился в Красноярске, отдавать зеленую территорию в центре города

Свой протест в голосовании против гольф-поля присоединяю категорически.

Остров Татышева – достояние всех горожан. Гольф-клуб – дело не для всех.

Кто может иметь набор из клюшек, где каждая стоит 6 тысяч, может проехать на личном супердорогом и комфортабельном авто на специальное загородное поле. Дело принципиальное. Дело не просто вкуса. Дело политическое!

Архитектор Евгений Минеев:

Думаю, никому в Нью-Йорке не пришло бы в голову устроить гольф-клуб в Центральном парке, который любим горожанами еще со времен О.Генри. Парк, как и у нас Татышев-парк, общественное место для всех горожан, а

не для закрытых, вследствие имущественного ценза, клубов.

Ректор Института архитектуры и дизайна СФУ Сергей Геращенко:

Однозначно обсуждаемое место под гольф-клуб неприемлемо! В городе и пригородах есть масса территорий, где можно организовать гольф-клуб.

Любой гольф-клуб требует не только хороших полей со специальным травяным газоном, водоемов и песчаных островов, но и развитой инфраструктуры – дорог для спецтехники, электрокаров, помещений для их хранения. Нужно само здание клуба с раздевалками, туалетами, кафе и т.д.

Гольф – сезонный вид спорта. В Сибири это 3-4 месяца, а как будет использоваться 50 гектаров острова остальные 8-9 месяцев?

Путешествуя по миру, видел немало гольф-клубов и нигде не встречал открытого доступа на их территории. Везде это клубы элитные, с членством и членскими взносами.

После обмена высказываниями в Доме архитекторов было решено отправить письмо мэру Красноярска, губернатору и городским депутатам с мнением Красноярского Союза архитекторов по этой теме.

Ольга Смирнова
Фото Татьяна Матнина

Хабаровск

Гран-при Дальневосточного фестиваля «ДВ ЗОДЧЕСТВО 2014» из рук вице-президента СА России Владимира Васильева получил автор недавно построенного здания пассажирского терминала аэропорта г. Якутска архитектор Иннокентий Николаев

КРАСНОЯРСК

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

ЗОДЧЕСТВО
ВОСТОЧНОЙ
СИБИРИ

XIV МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ЗОДЧЕСТВО ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ – 2014» 25–28 июня 2014

Администрация города Красноярска
Красноярская региональная организация Союза архитекторов России
Иркутская региональная организация Союза архитекторов России
НП СРО «Гильдия архитекторов и проектировщиков Красноярья»
НП СРО «Байкальское общество архитекторов и инженеров»

При поддержке:
Востоčno-Сибирского научно-творческого центра Российской академии архитектуры и строительных наук,
Архитектурного института Сибирского федерального университета

Составы жюри
смотр–конкурс
лучших архитектурных произведений 2012–2014 годов

Разделы «Постройки» и «Мастерские»

Председатель **Бавыкин Алексей Львович**,
вице-президент Союза архитекторов
России, советник РААСН (Москва)

Заместитель председателя **Шадрин Владимир Константинович**,
Заслуженный архитектор РФ,
член-корреспондент РААСН
(Красноярск)

Члены жюри **Григорьева Елена Ивановна**,
Заслуженный архитектор РФ,
член-корреспондент РААСН,
действительный член МААМ,
лауреат Государственной
премии РФ, вице-президент СА России
по Восточной Сибири, издатель и главный
редактор журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ»
Васильев Владимир Александрович,
Заслуженный архитектор РФ,
вице-президент СА России
по Дальнему Востоку,
председатель правления Хабаровской
организации СА России
Супоницкий Аркадий Владимирович,
председатель правления
Красноярской организации
СА России

Секретарь **Соколовская Анастасия Анатольевна**

Раздел «Проекты»

Председатель **Кубенский Эдуард Александрович**,
архитектор, издатель и главный редактор
журнала «ТАТЛИН»
(Екатеринбург)

Заместитель председателя **Анисифоров Петр Иванович**,
вице-президент СА России по
Западной Сибири,
председатель правления Алтайской
организации СА России
(Барнаул)

Члены жюри **Ульянов Владимир Иванович**,
Заслуженный архитектор РФ,
член правления Красноярской
организации СА России,
директор ООО «Красноярскпроект»
Макаров Андрей Юрьевич,

главный архитектор г. Красноярска,
профессор МААМ
Бунтовский Николай Николаевич,
Заслуженный архитектор РФ, председатель
правления Забайкальской организации
СА России (г. Чита)
Рыжкова Мария Николаевна

Раздел «Пропаганда архитектуры»

Председатель **Ткачева Марина Львовна**,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Байкальского государственного
университета экономики
и права, сотрудник Центра
независимых социальных
исследований и образования (Иркутск),
член Союза журналистов России
Заместитель председателя **Слабуха Александр Васильевич**,
профессор кафедры «Архитектурное
проектирование»
Института архитектуры и дизайна СФУ
(Красноярск)
Члены жюри **Юдин Алексей Викторович**,
кандидат исторических наук, доцент Центра
изучения религий РГГУ
Дмитриева Галина Даниловна,
директор ООО «Издательский дом
«Красивый берег»
(Красноярск)
Секретарь **Овчарова Екатерина Анатольевна**

Раздел «Творчество студентов»

Председатель **Раппапорт Александр Гербертович**,
кандидат архитектуры, доктор
искусствоведения, член Московского союза
архитекторов, член Союза
дизайнеров, обозреватель
интернет-журнала «Архитектор»
сайта МСА, член Международной
ассоциации архитектурных критиков
Заместитель председателя **Герашенко Сергей Михайлович**,
директор Института архитектуры и дизайна
СФУ (Красноярск), кандидат архитектуры,
профессор, Почетный архитектор России,
член-корр. Международной академии
наук экологии и безопасности
жизнедеятельности
Члены жюри **Козак Игорь Владимирович**,
председатель правления Иркутской

организации СА России, профессор МААМ
Зыков Евгений Аркадьевич,
член правления
Красноярской организации СА России
Зыков Сергей Николаевич,
председатель правления Кемеровской
организации СА России, президент СРО
«Ассоциация проектировщиков Кузбасса»
Секретарь **Антонова Екатерина Александровна**

«Детское архитектурно-художественное творчество»

Председатель **Астраханцева Виктория Вагановна**,
Заслуженный архитектор РФ, председатель
правления Братской организации СА России,
советник РААСН

Заместитель председателя **Никитина Марина Вячеславовна**,
доцент кафедры «Рисунок, живопись
и скульптура» Института архитектуры
и дизайна СФУ (Красноярск)

Члены жюри **Симанженкова Татьяна Карловна**,
кандидат философских наук, заведующая
кафедрой «Дизайн» Института архитектуры
и дизайна СФУ (Красноярск)

Демков Сергей Борисович,
заместитель председателя правления
Иркутской региональной организации СА
России, главный архитектор
ОАО «Иркутскгипродорнии»,

Секретарь

Конкурс «Архитектурные инсталляции»

профессор кафедры «Дизайн»
Института изобразительных искусств
и социально-гуманитарных наук
НИ Иркутского государственного
технического университета
Кальмаев Константин Александрович,
доцент кафедры «Рисунок, живопись
и скульптура» Института архитектуры
и дизайна СФУ (Красноярск)
Обморокова Анастасия

Бавыкин Алексей Львович
вице-президент Союза архитекторов
России, советник РААСН (Москва)
Ковалевский Сергей Леонидович
зам. директора Красноярского
музейного центра

Козак Игорь Владимирович
председатель правления Иркутской
организации СА России, профессор МААМ
Кубенский Эдуард Александрович
архитектор, издатель и главный редактор
журнала «ТАТЛИН» (Екатеринбург)

Секретарь

Зыков Евгений Аркадьевич
член правления Красноярской
организации СА России

Манифест кураторов

Стремление человека представить картину мира целостной, понять законы и механизмы построения гармоничной среды обитания – есть основополагающий смысл архитектурной профессии. Для развития Сибири с ее сохранившимся природным потенциалом, особенно востребовано понятие, закрепляющее как абсолютный нравственный императив уважительное, эстетически и экологически выверенное взаимодействие природного ландшафта и урбанистической культуры.

Очевидно, что только предельно внимательное отношение к природно-ландшафтному и этнокультурному разнообразию территорий даст возможность архитектуре выработать художественный язык, позволяющий не только сохранить сибирскую идентичность, но и сформирует новые коды солидарности в обществе.

Хроника фестиваля ЗВС – 2014

Впервые фестиваль ЗВС проходил в Красноярске. Его темой стало обсуждение ландшафта культуры. Формулировка поистине пионерская: она позволила более чем ста двадцати участникам из 14 городов Сибири, Забайкалья, Приморья, Дальнего Востока вволю пообщаться на формальном и – что особенно важно и приятно – неформальном уровне. Гости из Москвы, Екатеринбурга, Латвии стали «бродительным элементом» в обсуждении проблем, поставленных перед сибирскими городами и современной архитектурой.

25 июня в музейном центре на Стрелке состоялось открытие фестиваля. Мэр Красноярска Э.Ш. Акбулатов, сказавший, что проведение такого мероприятия – старт новой культуры градостроительства, был вполне искренен в своей готовности действительно помочь в ее развитии. Главный архитектор Красноярска А.Ю. Макаров, вице-президенты САР Е.И. Григорьева и А.Л. Бавыкин говорили о благоприятной для города возможности улучшить качество среды в атмосфере подготовки к Универсиаде, о разработке генплана Красноярска как возможности прорыва в градостроительной политике,

об архитектурном могуществе России, которое, безусловно, прирастать Сибири (и Уралом, и Забайкальем, и Дальним Востоком) будет.

Зачиним фестиваля, прямо вводящим в его тему, стала прогулка по Енисею на теплоходе. Она позволила архитекторам и дизайнерам не только пообщаться с коллегами, но и послушать информационное сопровождение экскурсии, вводящее в тему «Город и река», а главное – посмотреть на город с акватории Енисея, ощутить красоту и своеобразие его ландшафтов.

Надев белые тапочки (так организаторы-красноярцы предложили отметить завершение ремонта в Доме архитектора), участники фестиваля расположились в актовом зале для обсуждения вопросов теории и истории архитектуры. Его начал Алексей Бавыкин лекцией о русском рационализме. Этот несколько провокативный пробный шар – преддверие публикации идей автора в его будущей монографии, так что будем ждать с нетерпением, полагая, что и обсуждение темы на фестивале принесло пользу слушателям. Н. Унагаева (СФУ) назвала свой доклад «Ландшафтный урбанизм – концепция интеграции архитектуры, ландшафтного дизайна и природного окружения, направленная на формирование экологического сознания». Несмотря на некоторые длины, доклад вызвал живую дискуссию, инициированную известным и компетентным архитектурным критиком, художником, искусствоведом, философом Александром Раппапортом. Его выступление было поистине философским введением в тему фестиваля. Предполагалось, что сил у

участников хватит и на доклад Татьяны Матниной «Красноярск. Коды развития». Экскурс в историю городского плана», но дойти до финала первого дня сил хватило не у всех.

Традиционная экскурсия по новостройкам «Авторский надзор» оказалась весьма интересной: с Караульной горы панорама города выглядела очень эффектно, новостройки казались соразмерными пространству и уместными, а жилой комплекс «Фрегат» (серебряный призёр среди построек в 2013 году), о котором рассказывал его создатель Сергей Бальцер, произвел на участников сильное впечатление. Во время экскурсии стало понятно, что имеют в виду местные архитекторы, когда говорят «видовка»: действительно, расположение города дает возможность разглядывать его сверху, показывая самые выигрышные ракурсы. Сразу после Взлетки участники повезли в парк Юннатов. Здесь роль первой скрипки приняла Ольга Смирнова, бессменный руководитель «Садов Семирамиды» и организатор чуть ли всех ландшафтных побед в городе. Вот и в этот раз она, несмотря на каникулы, вместе с директором станции юннатов О. Вчерашней смогла организовать весьма активное сообщество юных любителей животного и растительного мира, которое не только выполняло поставленные перед ним задачи, но и само эти задачи формулировало, творчески переосмысливало и креативно осваивало. Что там стрижка газонов, что там раскраска бетонного ограждения! А вы видели, как можно использовать старые покрышки? А как построить каркас павильона для тренингов на открытом воздухе?

Параметрическая архитектура в действии и при деле – вот что мы увидели в парке Юннатов.

Казалось бы, достаточно впечатлений. Но участников ожидало специально приуроченное к экскурсии и фестивалю открытие выставки «Мастера Красноярской архитектуры начала XX века».

Но вот, наконец, и остров Татышева, где любители активного отдыха смогли протестировать качества велодорожек и разномастных велосипедов, а также проникнуться «гением места», особым настроением и чувством территории. О концепции проекта «Парка здоровья» говорил автор, Алексей Мякота. Весьма органичной выглядела и выставка детского творчества, устроенная в одном из павильонов и тоже ставшая поводом для интересного профессионального разговора.

Работа жюри шла параллельно с продолжающейся вечером перестройкой мозгов на мастер-классе «Город между строк. Опыт городских интервенций» екатеринбургского издателя, архитектора и возмутителя городского спокойствия Э.А. Кубенского. Он рассказал об осуществлении своих проектов инсталляций и акций в контексте непростой жизни уральского города-миллионника. Всячески отрешиваясь от звания архитектора, он тем не менее продемонстрировал истинно архитектурное отношение к дизайну городской среды, спровоцировав длинное и интересное обсуждение после окончания мастер-класса.

Утром 27 июня прошло совместное заседание совета Сибирского объединения организации САР, коллегий

СРО БОАИ и СРО «ГАП Красноярье», правления Межрегиональной палаты архитекторов Восточной Сибири. Нелицеприятное обсуждение касалось вопросов достоинства профессии архитектора, качества и особенностях архитектурного образования, развития и финансовой поддержке крупных мероприятий САР, об эффективности работы СРО, о законодательных основах архитектурной деятельности. Участники предложили ходатайствовать об ускорении принятия закона об архитектурной деятельности и законодательно определить сферу компетенций палаты архитекторов. Горячо обсуждался вопрос о расширении географии региональных фестивалей, о статусе и возможностях участия в российском «Зодчестве» региональных объединений архитекторов как в качестве участников конкурса, так и членов жюри: от каждого федерального округа в составе жюри должен быть компетентный архитектор. Но во всех случаях, когда рассматривается проект из региона, он должен пройти экспертизу в своем отделении САР «на предмет грядущего скандала» (А. Бавыкин), на соответствие регламентам, генплану города. Участники согласились, что вопрос, ввиду его особой сложности и спорности, должен «вылежаться», но обсуждать его надо. Были даже названы сроки – грядущая осень. Еще большие претензии высказывались по поводу сроков и места проведения российского «Зодчества». В связи с этим из уст А. Супоничего прозвучало волшебное слово «федерализация» как одна из возможностей сохранить авторитет САР. Участники обсуждения согласились с выступавшим, что одним

из следствий федерализации будет проведение российского фестиваля в разных городах и регионах. Этот вопрос следует поднять сразу после проведения «Зодчества-2014». Был представлен проект «Этапы и условия практической деятельности архитектора в России». Состоялась содержательная и обстоятельная встреча мэра Красноярска Э. Акбулатова с представителями САР, приехавшими на ЗВС с Дальнего Востока, из городов Сибири, из Москвы, на которой говорилось о роли СА России в развитии территорий, обсуждались планы совместной деятельности. Беседа показала хорошо ощутимый контакт между главным архитектором города и КРОСАР, а также поддержку А.Ю. Макарова городским руководством в вопросах градостроительной политики.

Главным событием 27 июня стал круглый стол «Идентичность

сибирских городов». Начавшись с докладов А.А. Сириной и Е.В. Гевель, разговор, отвлекаясь в конкретные проблемы своеобразия, качества жизни, особенности истории городов Сибири, продолжился весьма острыми по постановке проблем выступлениями К.Л. Лидина и А.Г. Раппапорта, вызвавшими неоднозначную реакцию участников. 28 июня разговор продолжился уже в связи с обсуждением темы общественных пространств города (подробнее – в материалах круглого стола, текстах А.А. Сириной и Е.В. Гевель в этом номере ПБ). Представляется, что весьма противоречивые оценки этого насыщенного мнениями и информацией действия – лучшее свидетельство того, как выразился один из участников в частной беседе.

После обеда в конференц-зале музейного центра состоялось награждение победителей фестиваля,

которые в заключение вместе с экспертами и организаторами фестиваля совершили теплоходную экскурсию по Красноярскому водохранилищу.

Впервые на фестивале проходил конкурс инсталляций, воздвигнутых прямо на площади перед музейным центром, иногда и прямо на ступенях к нему.

Во все время фестиваля для самых выносливых (в основном для молодежи) на острове Татышева был организован просмотр фильмов по архитектурной тематике с энергетической поддержкой в виде мобильной кофейни.

Заслуживает внимания опыт информационного сопровождения фестиваля, которое было очень умно и разнообразно организовано.

В целом успех ЗВС-14 сомнений не вызывает. Но, как говорит К. Лидин, «если что-то хорошо, то это сразу хочется улучшить: добавить дискуссии и встречи с представителями разных сообществ

и словес города... Чтобы фестиваль не замыкался в рамках профессионального общения, а стал бы еще более заметным общественным явлением».

Хочу закончить фразой А. Раппапорта: человека делают счастливым свое место, свое дело и свои люди. Фестиваль был местом встречи счастливых людей.

И в заключение – нечто вроде рекламы.

Только на нашем фестивале...

– Когда участники во время экскурсии поднялись на Караульную гору, на ее вершине выстрелила пушка.

– Одновременно с фестивалем в Художественном музее открылась выставка Даши Намдакова, всемирно известного скульптора, художника, архитектора и нашего старинного друга.

– Президент САР А. В. Боков, прилетев в Красноярск и, входя в гостиницу, смог встретить последовательно четырех своих вице-президентов.

– У В.А. Васильева, вице-президента и председателя правления Хабаровской организации САР, в последний день фестиваля во время прогулки на корабле по водохранилищу родилась внучка. Поздравляем!

– Забыв фотоаппарат на острове Татышева, мы спустя час нашли его там же, где оставили.

– В Красноярском доме архитектора к открытию фестиваля сделан ремонт.

фото
Дарья Белова,
Сергей Демков,
Ольга Смирнова,
Зоя Зимина,
Марина Ткачева

Марина Ткачева

Васильев Владимир, заслуженный архитектор РФ, вице-президент СА России по Дальнему Востоку, председатель правления Хабаровской организации СА России

Положительных впечатлений о Фестивале «ЗВС-2014» в Красноярске много, поэтому кратко и по-порядку:

- Поиск новых форматов проведения и смена площадки с Иркутска на Красноярск ;
- Обстоятельная подготовка от организаций СА ВС по всем направлениям ;
- Заинтересованная поддержка и финансовая помощь Администрации гор. Красноярска и НОПа ;
- Развернутый спектр Смотров с отдельными Жюри ;
- Удачное территориальное расположение основных площадок Фестиваля , их пешеходная доступность ;
- Большие возможности Музейного центра по организации Выставки и временному диапазону ее проведения ;
- Широкая подготовка Фестиваля в СМИ(Газета «СНиП» и др.) ;
- Очень содержательная и обстоятельная встреча Мэра гор. Красноярска И. Акбулатова с представителями САР от Москвы, Восточной Сибири, Дальнего Востока, на которой особо подчеркнута роль Союза Архитекторов в развитии территорий , обсуждены планы совместной деятельности, в том числе и помощи в работе
- Дома Архитекторов в Красноярске;
- Насыщенная Программа Фестиваля: Выставки, экскурсии по городу и по воде , велосипедная по о. Татышева, просмотр фильмов по Архитектуре и о архитекторах ;
- Тщательно подготовленные и проведенные "Круглые столы" и др.

Хочется также отметить , что как раз во время Фестиваля в Москве родилась моя вторая внучка !

По Фестивалю «ЗВС-2014» в Красноярске забыл отметить в качестве несомненных положительных впечатлений хорошо ощутимый контакт между Красноярской организацией

Союза Архитекторов России и Главным архитектором города Макаровым , а также между Главным архитектором города и Мэром города И.Акбулатовым. Это радует !

Константин Лидин, канд. техн. наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента ИрГУПС

Начну с вывода: фестиваль удался. Было интересно, ярко, разнообразно. Организационных нестыковок – в меру, увлекательных людей и событий – сверх ожиданий, погода и доброжелательный город Красноярск способствовали общению.

Однако если что-то хорошо, то это сразу хочется улучшить. Я попробовал себе представить: а как бы выглядел фестиваль ЗВС в совсем уже идеальном варианте?

Получилось почти так, как и было, но с добавкой целого ряда встреч и дискуссий с представителями разных сообществ и слоев города. Со студентами (не только архитектурно-дизайнерских специальностей) – чтобы обсудить, как они себе представляют свой город, его уникальность и пути ее развития. С активистами защиты культурного наследия. С бизнесменами, которые посягают на культурное наследие. С журналистами, раздувающими споры и раздоры по всем этим поводам. И так далее – чтобы фестиваль действительно не замыкался в рамках профессиональной тусовки, а стал заметным общественным событием.

Я вполне понимаю, что из числа участников фестиваля к диалогам подобного рода мало кто готов. Слишком много желания быть услышанными, но маловато готовности слушать других. Слишком много ответов при остром дефиците вопросов.

Но помечтать-то можно?

Ольга Смирнова – архитектор, член правления КРОСАР

Не будучи в основных организаторах фестиваля, все же считаю, что объективно сказать о нем не могу. А субъективное мое мнение – неоднозначное.

С одной стороны, мне кажется, что праздник удался. Очень радостно было видеть коллег, гостей из разных городов, среди которых были очень интересные, а иногда и дорогие мне люди. Приятно было видеть большую выставку работ (более ста). Еще приятнее – получать наградные дипломы. Очень радостно было прокатиться по Енисею, Красноярскому морю и на четырехместных велосипедах по о. Татышев. А уж то, что к этому празднику наконец-то удалось сделать ремонт в Доме архитектора, в котором его в принципе никогда не было со дня его рождения, – вообще подвиг. Это теперь для нас вообще праздник, который мы будем ощущать еще долго.

С другой стороны не оставляет ощущение, что весь фестиваль прошел без пользы для развития города, в котором он проходил. То есть – для Красноярска. А сильно хотелось, чтобы такая польза была. Ибо все мысли, пардон, о нем, любимом.

Ощущение это объясняю себе тем, что заявив темой ЗВС «Ландшафт культуры», т.е. введя в обиход термин, которого пока не существует, – а следовательно, он не обладает никакой начальной энергией, – мы попытались прыгнуть вверх сразу на целый марш. А мой опыт говорит мне, что пытаюсь так прыгнуть, можно упасть и скатиться вниз. И хорошо, если без травм. Я не раз пыталась так прыгать, и меня при таких прыжках откатывало назад дальше, чем я была до этого. Так что для себя я убедилась, что в обществе двигаться вперед и вверх можно только по одной ступеньке.

Так, на мой взгляд, совершенно не удался «Круглый стол» на тему «Идентичность сибирских городов». И не удался он потому, что все были не готовы говорить на эту тему.

А «Круглый стол» на тему «Общественно-рекреационные пространства в сибирском городе» стал разговором об общественных пространствах в целом. И это было так потому, что, видимо, именно эта тема была близка участникам круглого стола, а может быть, и волновала их. Тем более, что большинство говоривших были гостями из европейских территорий.

Но для красноярских архитекторов такой фестиваль – это первый блин. Так что если он оказался и не слишком тонок, то, по крайней мере, не комом. И это, мне кажется, уже хорошо.

А. Мякота – архитектор, член правления КРОСАР, руководитель архитектурного бюро «АДМ», Красноярск

Если говорить об особенностях фестиваля, то стоит отметить желание орг. комитета попытаться найти новые формы проведения формата XVI Межрегионального фестиваля Зодчества Восточной Сибири – 2014, уже ставшего традиционным. Согласие авторов на проведение мероприятия в городе Красноярске отвечало изначально его межрегиональной сути. Следующий шаг, который сделали организаторы, это расширение состава участников, где кроме профессионального сообщества и официально участвующей администрации города, была сделана попытка включения в общую коммуникацию на интерактивных площадках города самих горожан. К особенностям мероприятия можно отнести и круглый стол, ставший дискуссионным клубом и растянувшийся на два дня. Заявленная тема «Ландшафт культуры», возникла как некая реакция на тенденции в современном мировоззрении, где роль человека и его деяния по отношению к природе, ее существу, трактуется во благо природы и должны соотноситься свои действия стараясь вооружить себя ее законами, для построения более гармоничной, качественной среды обитания. Эта тема была ключевой для фестиваля, и кураторы круглого стола предложили рассмотреть территорию Сибири и Дальнего Востока как некую природно-географическую цельность, обладающую достаточной, первозданной сохранностью и малой

Обсуждалась и тема идентичности, рассматриваемая через призму ландшафтно-природных качеств территорий порождающих событийность и жизнеустроительные процессы этнических образований и их культурную самобытность. Резюмируя, что термин «идентичный» несет оттенок слова своеобразия и не обобщает в себе интегрирующую силу, демонстрирующую связь природного ландшафта, этнической культуры и формирования национального психотипа, как представителя данной культуры.

Отмечалось что термины «суть места» и «сущность места» обладают более точными координатами, вскрывающими для профессии экзистенциальную и объектно-предметную сторону места.

Участники дискуссии выявили очень простой, понятный, но не всегда основополагающий для развития городов смысл, что территории обладают только им присущими природными каркасами. Рассматривая город Красноярск с его ярко выраженным природным ландшафтом, где в его основе находится река Енисей с рядом притоков, а береговая часть формируется отрогами Восточного Саяна с таежными и степными зонами, участники дискуссии подчеркивали необходимость сохранения и восстановления на территории города существующего природного каркаса, но переосмысленного в качестве рекреационно-общественного пространства. При таком фокусирующем подходе к проектированию рекреационных пространств города, тема взаимодействия природного и искусственного становится гуманитарным аспектом и является прерогативой нашей архитектурной профессии, выстраивая новые эстетические и этические коды солидарности человека и природы. Обсуждая эту тему на круглом столе, интересная интерпретация данного смысла была высказана А.Г. Раппапортом: «Я ощущаю, вижу момент, когда стригу лесную поляну у своего дома, что окружающим деревьям это нравится». Взаимодействие непрерывной цепи природно-ландшафтных объектов с архитектурно-дизайнерской тканью порождает взаимопроницающую неделимую средовую субстанцию. И если архитектура и использовала часть композиционно эстетических взаимовлияний на природный ландшафт, то этическая, мировоззренческая сторона отсутствовала полностью или рассматривалась в утилитарном аспекте. Рассуждая сегодня о ландшафтной урбанистике, необходимо отметить, что сооружения и здания в своем формообразующем смысле, становятся частью единого, нового городского ландшафта, порой теряя фасадность и выворачивая интерьер наружу.

В моем спикерском докладе была представлена конструктивно – строительная технология, отвечающая как нам кажется адаптационным требованиям к рекреационному каркасу города, строящегося на основе новых эстетических и этических представлений. Проект, выполненный нашей мастерской с использованием такой технологии, в смотре-конкурсе фестиваля в номинации общественные здания получил золотой диплом и если редакция сочтет необходимым, мы можем представить к обозрению и сам проект.

Подведение итогов прошедшего фестиваля, его организационной модели приводят к следующим выводам: интеграция ресурсов двух или нескольких городов позволяет не только масштабнее, но и более качественно проводить мероприятия задействуя их аналитический потенциал для решения насущных региональных задач. Осуществляя выездной характер, межрегиональные и Российские фестивали приобретают познавательно-информационный ресурс, нивелирующий разрыв центра и периферии, параллельно срабатывая на социальный статус нашей профессии.

Демков Сергей, заместитель председателя правления Иркутской региональной организации СА России, главный архитектор ОАО «Иркутскгипродорнии», профессор кафедры «Дизайн» Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук НИ Иркутского государственного технического университета

– Большой отпечаток на впечатление от фестиваля «ЗВС-2014» наложило то, что иркутяне на этот раз были гостями. Нынешняя программа была насыщенной, пожалуй даже перенасыщенной – это собственно, и сама выставка, круглые столы, мастер-классы, творческие встречи, экскурсии. Но радушие и неподдельная искренность организаторов «сняли» ежедневно накопленную усталость. Особо запоминающимся событием было экскурсия на о. Татышев. В сопровождении одного из идеологов современного преображения «парка здоровья» Алексея Мякоты удалось заглянуть в самые любимые и популярные горожанами уголки острова-парка.... Когда организаторы нас посадили на велосипеды и велорикши – это вызвало восхищение и детский восторг у участников. Я получил массу положительных эмоций и впечатлений от увиденного и самого события. Опыт по развitiю острова в центре большого мегаполиса, которым поделился Алексей Дмитриевич, был полезен и поучителен... Спасибо.

Гость фестиваля – Эдуард Кубенский

Если «Радуга прощения», перекинутая от одного разрушенного храма к другому, когда-нибудь осуществится, она будет выглядеть так

Но семья чревато ростом...
Елена Ширман

В работе фестиваля принимал участие лучший в России издатель книг по архитектуре, архитектор, дизайнер, инициатор необычных акций в Екатеринбурге Эдуард Александрович Кубенский. До фестиваля он уже нанес визит в Иркутск, поговорил в Иркутском доме архитектора с молодой и не очень молодой архитектурной общественностью города, побывал в «Тальцах» и на Байкале, а также прогулялся по иркутскому 130-му кварталу. Нижеследующий текст сложился не столько из изложения идей и прогнозов Э. Кубенского (он оказался довольно молчаливым человеком, не очень охотно вступающим в дискуссию по поводу своей деятельности), сколько из стихийно возникших обсуждений после его мастер-класса в Иркутске (там его главным интервьюером была я) и в Красноярске (за овальным столом в помещении Союза архитекторов с бокалами шампанского в руках находились В. Астраханцева, А. Раппапорт, К. Лидин и М. Ткачева). Кубенский – медийный человек, поэтому основное содержание его акций и фото к ним можно найти в Интернете (около 500 тысяч ссылок, в том числе живой журнал и социальные сети; есть из чего выбрать).

Константин Лидин Ваша деятельность влияет не на потоки денег, а на умонастроения, что гораздо важнее. Почему вы занялись таким благодарным делом? Ведь ваша роль лидера – уже очевидный факт. Факт оппозиционности существующей системе власти тоже налицо. Куда бы вы хотели повести?

Эдуард Кубенский Мы работаем вопреки инерции восприятия городской среды и событий, происходящих ежедневно и как бы незаметно. Эта незаметность тихой сапой вползает в жизнь горожан, добавляя в нее то, что мне кажется недопустимым и уродливым. Мне кажется, что наши акции делают очевидным то, что скрыто в текучке повседневности. Я осознаю, что я не ведомый. А куда вести – мне пока и самому не очень понятно. Понятно только, что с официальной властью мне не пути, и все приглашения на должности, которые мне предлагают, мне не подходят. Хочется сказать, что я веду к спасению, но это чересчур амбициозно.

Александр Раппапорт Одно из ваших предложений – радуга в городе. Это как сбывающаяся мечта. С детства у нас осталось впечатление, что радуга – что-то волшебное. И хороша тем, что она неустойчива. Играет с нашим чувством времени, грозя все время исчезнуть, побледнеть... Она неуловима. Когда радуга стоит прочно, она теряет свой вкус счастливого предзнаменования, подарка неба. Это благословение. В ваш проект хочется добавить случайности.

ЭК Мне было интересно воспользоваться новейшими техническими изобретениями. Вряд ли это предложение может быть реализовано прямо сейчас. Но ведь пометать никогда не вредно.

Марина Ткачева Тем более что мечты имеют обыкновение сбываться совершенно неожиданно для самого человека. И он подчас оказывается не готов к этому.

КЛ И погода во время радуги должна быть гнусная: контраст станет еще эффектнее.

АР Игра с радугой выходит за рамки стабильного существования: если оно не обеспечено, то его дефицит и компенсируется радугой (или ее ожиданием). В общем, такие проекты очень напоминают концептуалистское искусство: они такие же скоропортящиеся. А концептуализм наносил колоссальный ущерб обыденному сознанию, показывая, что оно не знает тех вещей, которые представляются понятными и очевидными: что такое красота, что такое искусство... Может, ваша практика – это именно множество трактовок одного и того же вопроса? В этом контексте интересно рассмотреть возможность иронического смысла в таком возвышенном и романтическом явлении, как радуга.

ЭК Я тут сочинил фабулу для романа. Вот она. Ученый, мечтающий вылечить свою больную возлюбленную, изобретает оптический пинцет, способный изгибать световой луч и, не нарушая здоровых тканей, уничтожать зараженные клетки. В одной из бесед в баре об этом узнает одержимый художник. Художник тайком крадет секрет формулы искривления светового луча для того, чтобы создать художественный проект, граничащий с настоящим чудом. Он замыслил проект с ироничным названием «Радуга прощения». Крадя секрет ученого, художник невольно (а может быть, нарочно), чтобы никто больше не мог повторить этот проект, уничтожает лабораторию ученого. Спустя некоторое время возлюбленная ученого умирает, так и не получив исцеления. Сам ученый, не видя смысла в дальнейшем существовании, кончает жизнь самоубийством. Художник всеми правдами и неправдами создает свое

произведение на основе разработанной ученым формулы и нарекает его «Радуга прощения», оплакивая страсти прошедшего века и одновременно осознавая свой грех. При первом запуске радуги художник ослепляется ее светом. Люди за созданное художником чудо благодарят мастера. Испуганный ослепленный художник уходит из города навсегда и становится отшельником. Чудо-радуга продолжает светить людям, но никто не знает, сколько это продлится, потому что художник дает обет молчания и уносит секрет ученого навсегда с собой. Люди живут надеждой радужного света. Иронии в сюжете нет, сплошная трагедия.

МТ И все-таки само сгущение таких фабульных поворотов настраивает на несколько ироническое восприятие.

КЛ У кого как. Но вообще идея, что один и тот же текст может содержать множество смыслов, а один смысл может быть выражен разными способами, очень трудно ложится на понимание.

МТ Вот ваш проект с кенотафами совершенно законно был прочтен как надругательство над обрядом захоронения. Не всеми, но именно людьми, обладающими властью. Конечно, в нем масса иронии и социальной драмы, но все это осталось за кадром. Выскочил самый первый слой смысла – захоронение, а уж какое оно – реальное или мнимое – для «серьезных людей» в конечном счете безразлично.

АР Любое такое задание, «заточенное» на ломку привычного, не всегда может быть выполнено, но знать, что оно ДОЛЖНО И МОЖЕТ БЫТЬ выполнено, необходимо. Этим искусство и занимается – если оно искусство, а не суррогат. Кроме того, в искусстве мало-продуктивным оказывается вопрос: с какой целью? Художественное событие создается потому, что художник не может его не делать, потому что он любит делать. Если эта увлеченность у человека есть, то она заражает и в определенном смысле обеспечивает успех, в вашем случае – общественный резонанс.

ЭК Мне нравится то, что я делаю. Конечно, я неудобный для города человек; несколько раз меня пытались

«приручить»: должности предлагали, руководящие посты – вплоть до главного архитектора города. Но это совершенно не моя жизненная дорога. Вдобавок я чувствую, что разрушу то, чем буду заниматься в роли официального лица, а не построю и не улучшу.

Виктория Астраханцева. Я вам завидую: вы счастливый человек!

АР Кроме того, обычно увлеченный и талантливый человек переживает состояние творчества как мучительное, но без него существование кажется еще хуже – просто невозможно.

ЭК Я думаю, что в жизни гораздо больше предсказуемости, чем мы можем себе это позволить. Семиотическая культура, в которой мы существуем, – от светофоров с надписями до правил поведения в официальных учреждениях – сильно упрощает жизнь, лишает ее живого инстинкта готовности к неожиданному, свойственного скорее животным, чем современным людям.

ЭК Я с самого начала говорил, что издательская деятельность не бизнес. Когда я оканчивал архитектурный институт, я буквально болел: казалось, что никем не могу и не хочу стать, кроме как архитектором. Вот я за три года скинул Рэма Коолхаса и займу его место. Но оказалось, что судьба заставляет меня проектировать входные группы – и не более того. Жизнь и давление обстоятельств заставили искать компромисс с самим собой. Я уже занимался издательской деятельностью, а архитектурой занимался все меньше и меньше. Несколько лет назад я осознал, что я не архитектор, а издатель, а архитекторы – мои друзья, с которыми можно хорошо проводить свободное время. Пришло сознание, что себе нельзя противиться, нельзя себя заставлять. Нужно отрешиться от шелухи, и тогда придет писательский талант или что-то другое. Наши издания мы исполняем как архитектурный проект: сначала пытаемся понять условия, в которых существуем, а потом создаем продукт. И название издательства – тоже неслучайно: когда-то мы узнали, что Татлин в Свердловске бывал, а основатели уральской архитектурной школы сочли его неграмотным. Так мы

себя и ощущаем – слегка невоспитанными, не до конца культурными. Потому что наш проект – это больше, чем издательство, мы выходим за пределы печатного листа и реализуем проекты везде в пространстве. Вот наша газета «ДУРА» (я о ней говорил) – это собрание отвратительных, гадких высказываний, которые в Интернете позволяют себе достойные и уважаемые, казалось бы, люди. Они никогда не думали, что это напечатают, а мы взяли – и напечатали на бумаге; могли бы даже и на глянцевой. Можно было еще закладочки сделать с надписями типа «Сам дурак», на полочку поставить... Фишка была в том, чтобы человек взял эту газету – и ощутил себя грязным, ему захотелось бы помыть руки.

КЛ Вы зря считаете, что это не бизнес. Это и есть сегодняшний, а скорее, завтрашний бизнес, он теперь такой и есть.

АР Вы – изобретатель, порождающий идеи, смыслы, способы жизни, инженер в полном и точном смысле слова. В русском языке это называлось раньше «хитрец», он исхитряется что-то сделать, найти спрятанное.

ВА Но это еще и врань, а строго говоря, без вранья ничего и сделаешь, не изобретешь.

ЭК Да, я изобретатель. Одно из высказываний Татлина мне особенно нравится. Это описание орнитоптера: «Человек влезает в аппарат, вдевает руки и ноги в лямки и атакует ветер». Татлин описывает несовершенство нашего организма и одновременно амбиции, которыми обладает человек. И моя деятельность находится на скрещении истории, которую мы изучаем, города, в котором мы живем, и амбиций, которыми мы обладаем. Мы вступаем в дискуссию без надежды выиграть какой-то приз.

МТ Надежда умирает последней, но мне кажется, что ваши проекты с детьми – это и есть будущее. Отблеск надежды, ощущение от ее присутствия во многом объясняет и налет грусти (а в текстах, написанных вами, эта грусть превращается почти в трагедию: там все умирают), и иронию – потому что «человечество должно весело прощаться со своим прошлым».

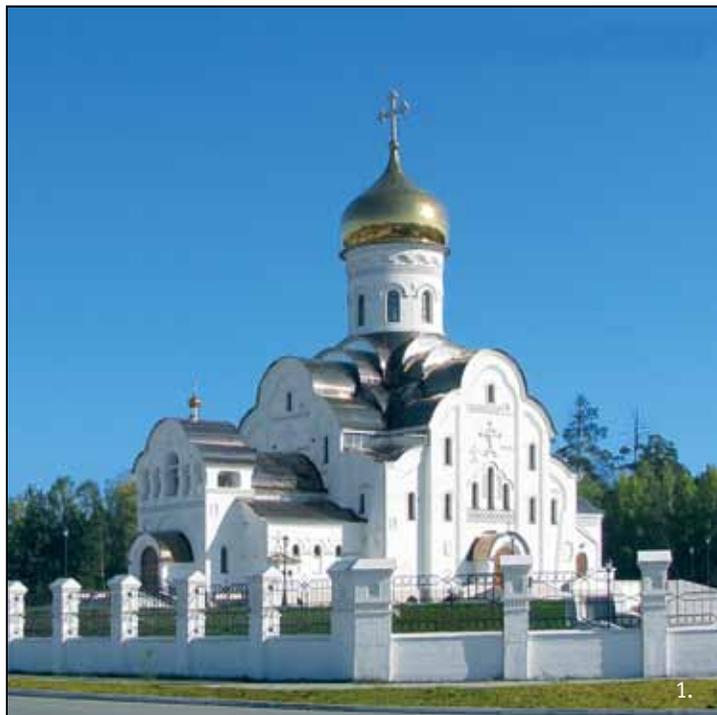
Марина Ткачева

Под этими надгробиями никто не похоронен. Кладбище домов в центре Екатеринбурга – напоминание о том, что было и исчезло

Складни располагались прямо на тротуаре. Создавая абстрактную скульптуру из традиционного для уральской промышленности материала (горячекатаное железо) автор сознательно объединяет три значения слова: складной нож, стихотворение И. Анненского и складная икона

Музей деревянного зодчества в Тальцах (Иркутск). Игорь Козак и Эдуард Кубенский. Фото Елены Григорьевой.

1.

2.

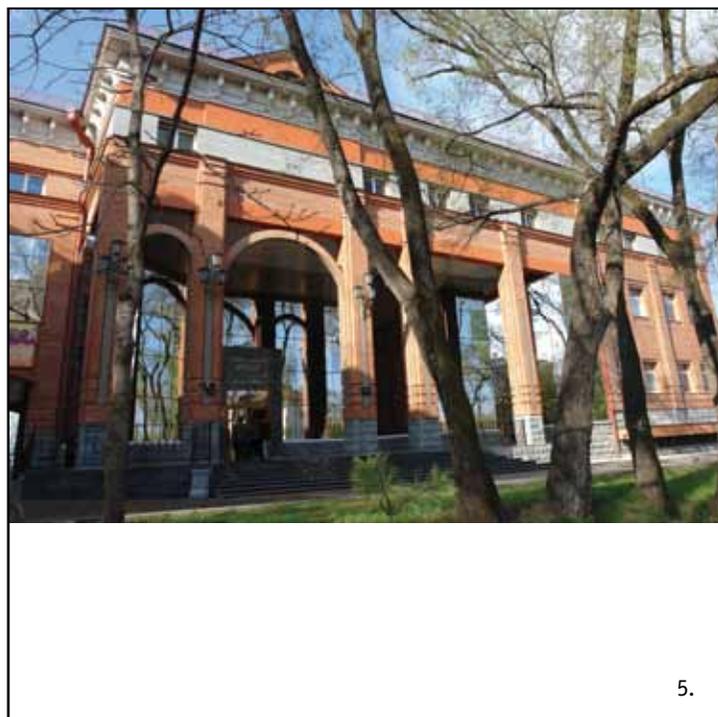
3.

номинация «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

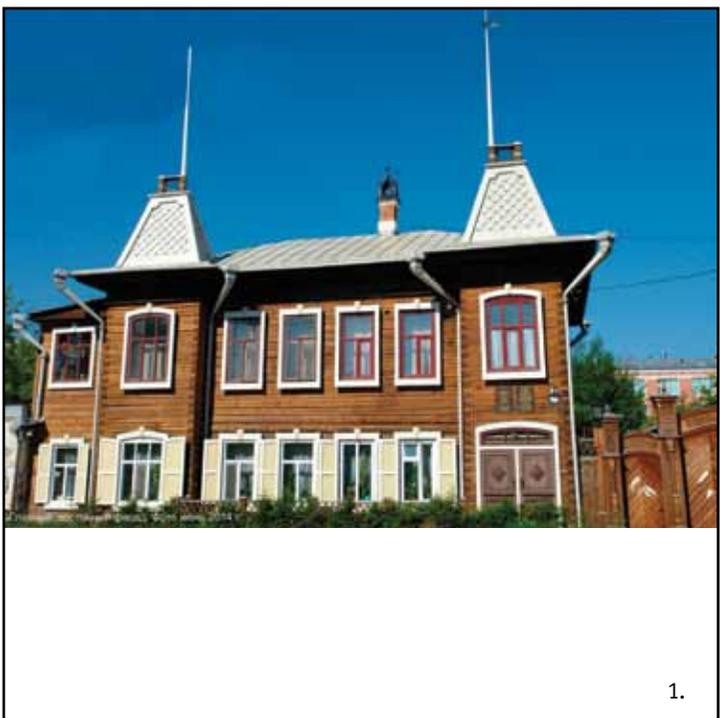
1. **.ЗОЛОТОЙ** диплом
 «Храм Святого Андрея Первозванного в г. Лесосибирске»
 Красноярскжeldорпроект
 Творческий коллектив: гл. арх. Медиевский В.В.; арх. Чернышева М.П.;
 гл. инж. Скурихина Л.А.
2. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом
 «Учебно-лабораторный корпус института Нефти и Газа СФУ»
 Горпроект г. Красноярск
 Творческий коллектив: Зайцев В.А., Файнберг Е.Ф., Петрова Н.В.,
 Уразова Е.А; Савкин Н.Д.
3. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом
 «Библиотека СФУ»
 Горпроект г. Красноярск
 Творческий коллектив: Денисенко В.А., Зализняк А.Н., Файнберг Е.Ф.;
 Петрова Н.В., Уразова Е.А., Щалыгина Н.Н., Савкин Н.Д.
4. **БРОНЗОВЫЙ** диплом
 «Проект Развитие Горнолыжного курорта «Горная Саланга» в Тисуль-
 ском районе Кемеровской области»
 Творческая мастерская Рыжкова Н.В. г. Шарыпово
 Творческий коллектив: директор (ГАП) Рыжков Н.В.; архитекторы:
 Рыжкова М.Н.
5. **БРОНЗОВЫЙ** диплом
 «Краевой музей имени Н.И. Градекова в г. Хабаровске»
 ООО ПМ Атриум – Партнер г. Хабаровск
 Творческий коллектив: гл. архитектор Редькин А.Л; гл. инженер Бул-
 денко Н.Н.

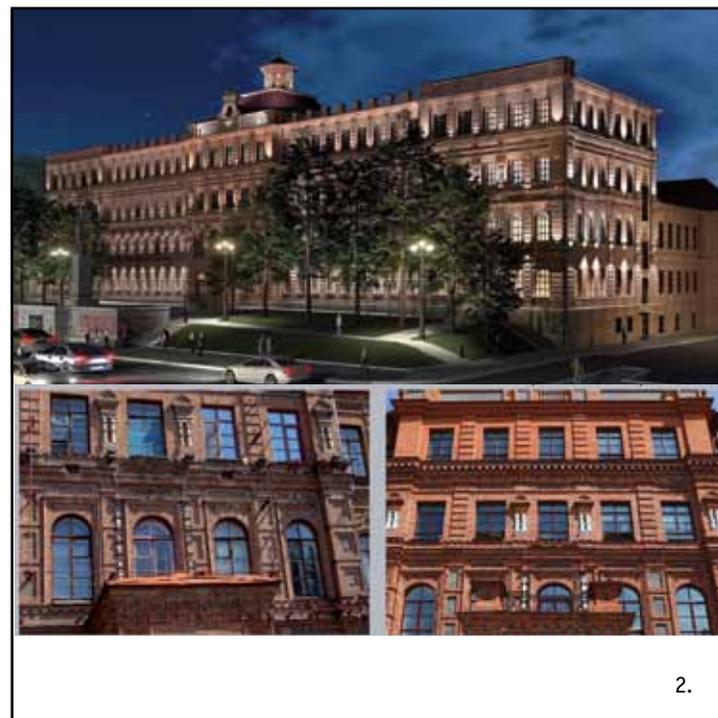
4.

5.

1.

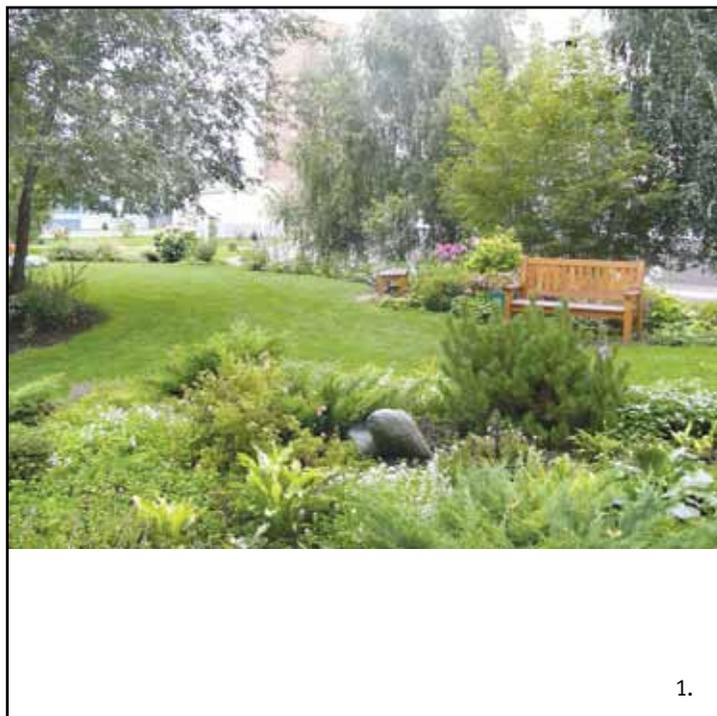

2.

номинация «РЕСТАВРАЦИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
 «Усадьба Колесникова»
 ООО ЛАД студия г. Красноярск
 Творческий коллектив: заказчик Лапин А.В., рук. Гевель Е.З., историко-архивные изыскания Гевель Е.В

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
 «Комплексная реставрация ПИК здание Хабаровского реального училища 1900–1903 г. в Хабаровске»
 Строительная организация ОАО СУ-227 г. Хабаровск
 Творческий коллектив: ГИП Судаков А.В.; инж. Дубовик А.Е., Босхолов Е.А.; дизайнер Слободчикова Е.А.: арх. Иванов А.В., Никольченко Ю.К.

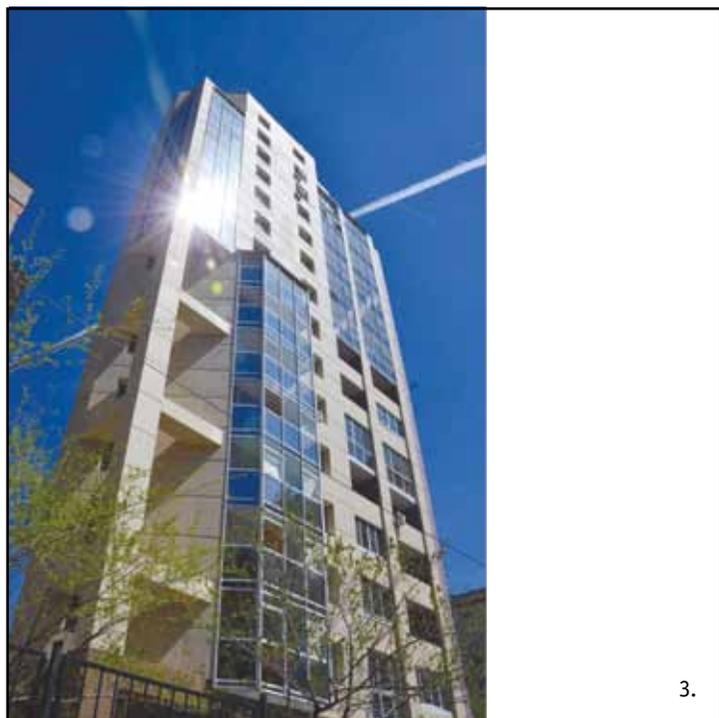
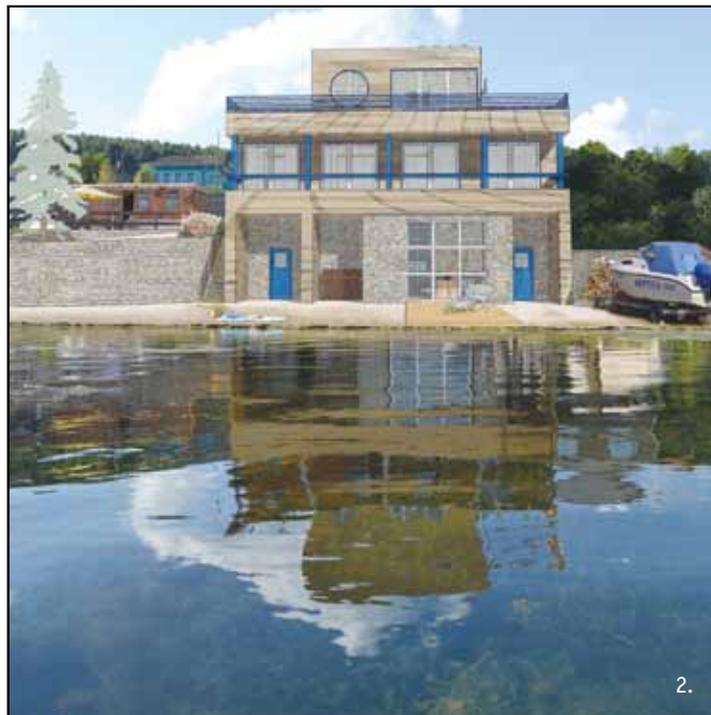

номинация «ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
«Озеленение Сибирского Клинического центра»
ООО Сады Семирамиды г. Красноярск
Творческий коллектив: ГАП Смирнова О.Ф.; арх. Зверева Г.Ю.,
Лосева А.Д.; дендролог Тисова Л.Н.

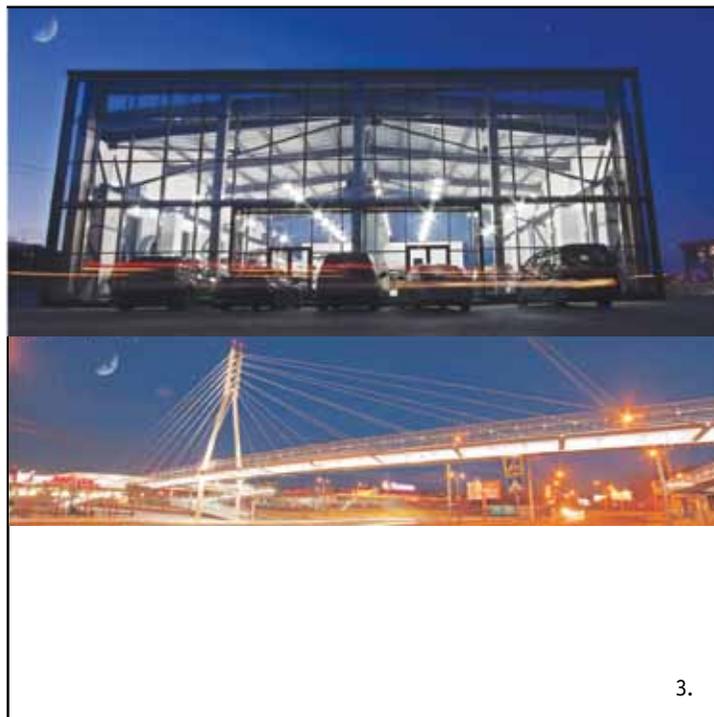
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
за объект «Приусадебный участок «У подножия скалы» в Октябрьском
р-не г. Красноярска»
ООО Сады Семирамиды г. Красноярск
Творческий коллектив: ГАП Зверева А.Д., дендролог Тисова Л.Н.

3. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
за объект «Реконструкция сада «Над Енисеем» в Октябрьском р-не г.
Красноярска
ООО Сады Семирамиды г. Красноярск
Творческий коллектив: ГАП Лосева А.Д., дендролог Тисова Л.Н.

номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
«Жилой комплекс «Озерный» в п. Южный»
ООО Перспектива+ г.Иркутск
Творческий коллектив: рук. Козак Н.В.; гл. арх. Войтович В.В.;
ведущ. врх. Бобрышкина И. Ю.
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Вилла «Виктория»»
ООО Массив-А г. Красноярск
Творческий коллектив: ГАП Крылова И.Н., Туровина М.В.
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Жилой дом по ул. Запарина в г. Хабаровске»
ООО П М Атриум-Партнер Хабаровск
Творческий коллектив: арх. Белошниченко В.Н., Бычковская Г.Ю.,
глав. инж. Кривошук Ю.Н.

**НОМИНАЦИЯ
«СМОТР-КОНКУРС ТВОРЧЕСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ И
МАСТЕРСКИХ»**

1. ЗОЛОТОЙ диплом
«Избранное: 38 проектов и объектов, выполненных за 15 лет работы в мастерской ООО «Тектоника», г. Красноярск
Руководитель мастерской Евгений Зыков
2. ЗОЛОТОЙ диплом
«Проектное бюро Бальцера «Махаон» г. Красноярск
Руководитель мастерской Сергей Бальцер
3. СЕРЕБРЯННЫЙ диплом
«Архитектурно-проектный центр» г. Иркутск
Руководитель мастерской Владимир Стегайло

номинация «РЕКОНСТРУКЦИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
«Новая сцена Минусинского театра»
ОАО «ГРАЖДАНПРОЕКТ» (Красноярск)
рук. Животов О.Н

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Реконструкция дворца спорта «Сокол»
ООО ПСМ «ПРОСТО» г. Красноярск
рук. Иванов А.А.

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Реконструкция воинской части в г. Ангарске»
ООО «ГАБР» г. Иркутск
ГАП Бадула О.Б., арх. Петрук Ю.П., Бадула Ф.Р., Бойцова Е.А.

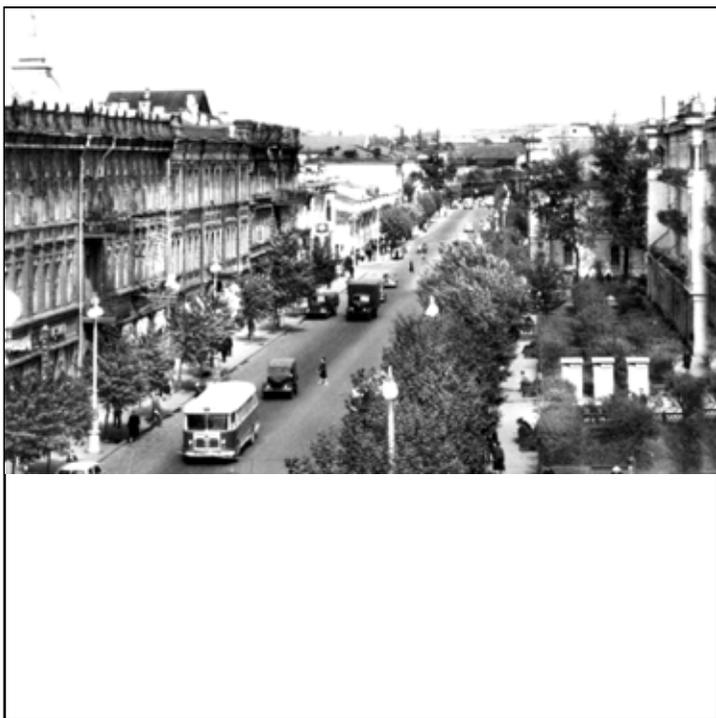
1.

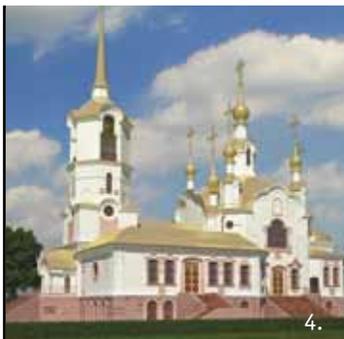

2.

номинация «ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ»

1. ЗОЛОТОЙ диплом
«Летнее кафе с прокатом лодок на о.Татышев»
ООО «АДМ» г. Красноярск
рук. Мякота А.Д., Жукова О.Н., Грибакина Л.В., Фролова Л., Елизарова Е.В.
2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Офисное здание по ул.Матросова, д.10»
ООО «АНИКС» г. Красноярск
рук. Спиридонов А.Н., арх. Грибань В.В., Спиридонов Е.А., Спиридонова Я.
3. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Международный гостиничный комплекс NOVOTEL-IBIS KRASNOYARSK»
ООО «ПЕРВАЯ ЛИНИЯ» г. Красноярск
рук. Пилипенко А.А.

4.

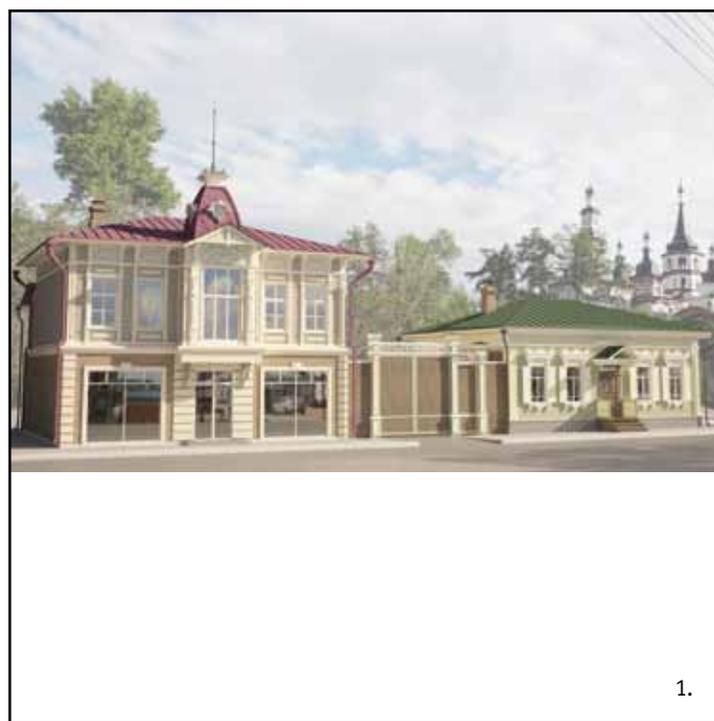
5.

6.

7.

1.

4. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
«Храм Святителя Николая в г. Мариинске»
ООО «ПТМ архитектора Усольцева» г. Новокузнецк
рук. Усольцев В.Н.

5. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
«Храм во имя Покрова Божией матери» с. Горскино»
ООО «ПТМ архитектора Усольцева г. Новокузнецк
рук. Усольцев В.Н., арх. Лапатина Е.В., Свитич Л.И.
Горнинская Т.В., Виниченко А.С.

6. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
«Развитие инфраструктуры складского комплекса Иркутск-Пасса-
жирский» ЗАО ПИИ Горпроект г.Иркутск

7. **ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ** диплом
«Административное здание по ул. Трилиссера в Иркутске»
ООО «СТБ Проект» г. Иркутск
ГАП Юнов А.Ю., арх. Скоморохов Д.В., Беляева К.О., Устинова Д.С.

номинация «РЕСТАВРАЦИЯ»

1. **СЕРЕБРЯНЫЙ** диплом
«Объект культурного наследия регионального значения «Усадьба:
два жилых дома» 1890-гг., по адресу: г. Иркутск, ул. Лапина, 45, лит.
А с организацией внутрисадебного пространства»
ООО «АРМ-1» г. Иркутск
ГАП Поликарпочкин А.В., арх. Захарова Л.А., Басина Л.Г.,
Неудачин А.В., Трапезникова А.И., Захаров К.В.

1.

2.

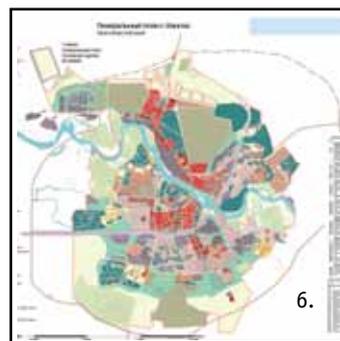
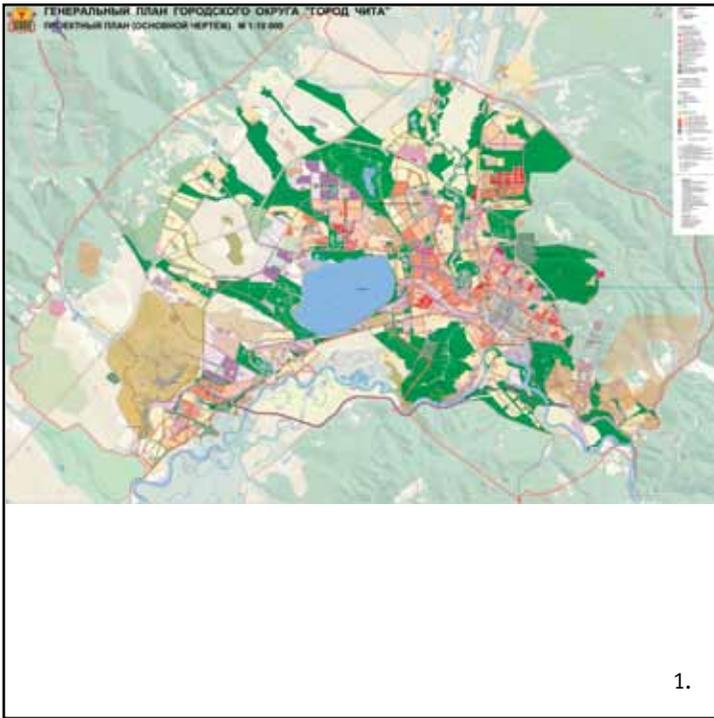
3.

номинация «ЖИЛЫЕ ЗДАНИЯ»

1. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Многоквартирный жилой дом со встроенными автостоянками в пер. Космический»
ООО «ГАБР» г. Иркутск
ГАП Бадула О.Б., Петрук Ю.П.

2. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Усадьба на рельефе в поселке Байкал»
ООО ПАМ «Аллегро» г. Иркутск
арх. Дружинина И.Е., Курачицкий А.Н.

3. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Жилой комплекс «SKY SEVEN» в Советском районе г. Красноярск»
ООО ПСМ «ПРОСТО» Красноярск
рук. Иванов А.А.

**номинация
«ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО»**

1. ЗОЛОТОЙ диплом
«Генеральный план городского округа – город Чита»
ООО ТАПМ Читаархпроект,
рук.?

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
за объект «Проект планировки и межевания «о. Отдыха –

о. Молокова» в Центральном районе г. Красноярска»
ОАО «ГРАЖДАНПРОЕКТ»
рук. Животов О.Н.

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Разработка обосновывающих документов по регенерации квартала в границах улиц Горького-Бограда-Декабристов-К.Маркса в историческом центре г.Красноярска»

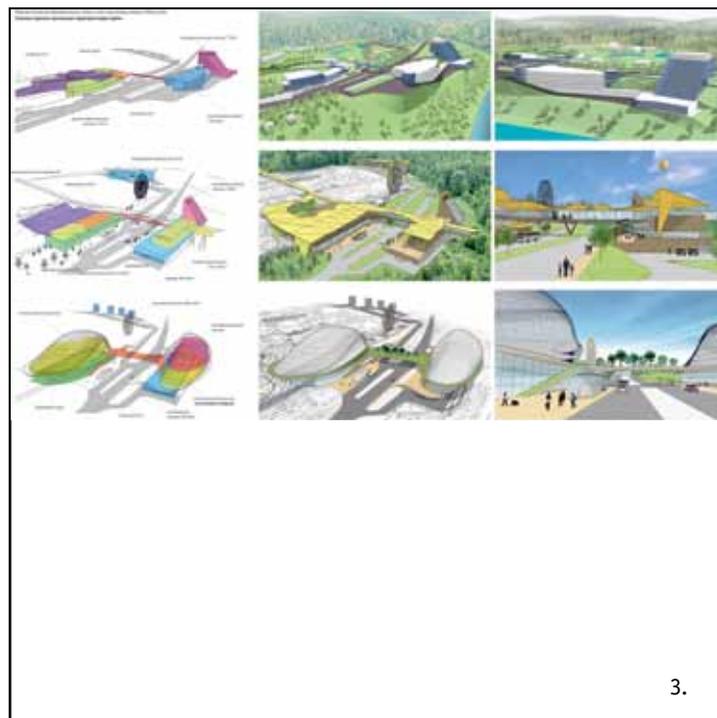
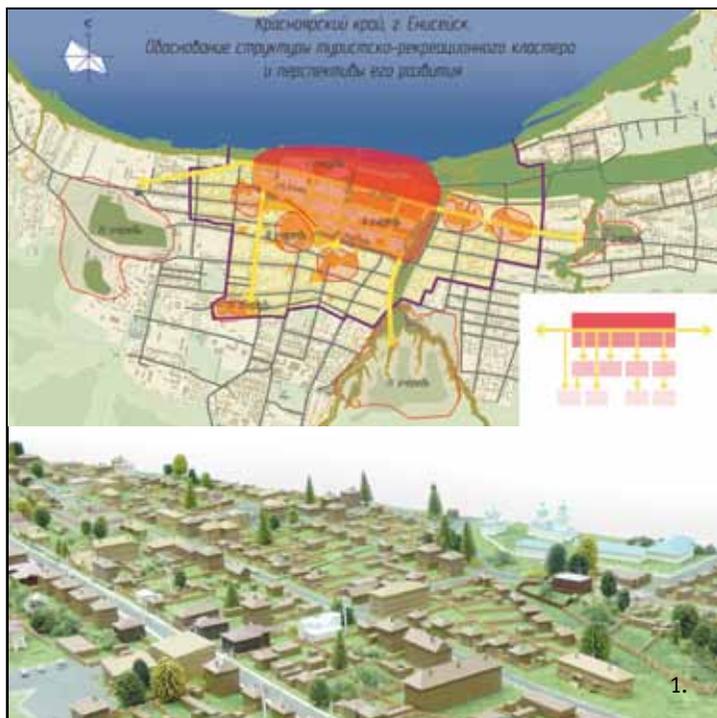
ОАО «ГРАЖДАНПРОЕКТ»
рук. Животов О.Н.

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Генеральный план г. Назарово» ОАО «ГРАЖДАНПРОЕКТ» г. Красноярск
рук. Животов О.Н.

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Проект планировки микрорайона «Новый-4»

ООО «Институт Горпроект»
г. Ангарск ГАП Павлова Т.Ф., Портнягин, арх. Мухтаров Т.Г.

6. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Генеральный план г. Канск»
ОАО «ГРАЖДАНПРОЕКТ» г. Красноярск
рук. Животов О.Н.

номинация «КОНЦЕПЦИЯ»

1. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом «Концепция развития туристско-рекреационного кластера г.Енисейска» авторский коллектив Сибирского федерального университета г.Красноярск

2. БРОНЗОВЫЙ диплом «Остановки общественного транспорта» МП «ПИ Красноярскгорпроект» рук. Лопатин С.М.

3. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом «Большой красноярский экополис» МП «ПИ Красноярскгорпроект» рук. Лопатин С.М.

номинация «ИНТЕРЬЕРЫ»

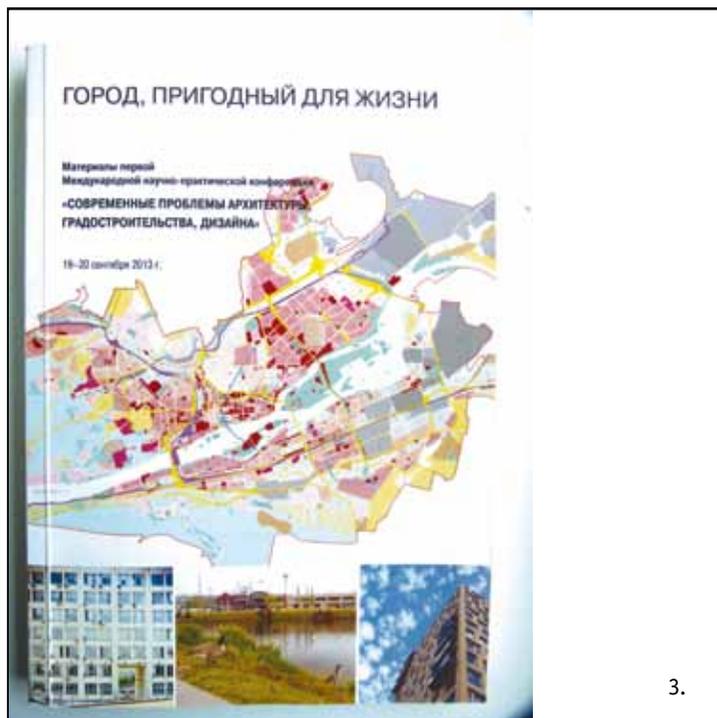
4. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом «Общественный центр СФУ» авторскому коллективу Сибирского федерального университета CAD Studio Красноярск рук. Герашенко С.М., Смирнова И., Истомина В., Ахметова Е., Рудакова О., Бугрова Н., Королева Е.

1.

2.

3.

4.

номинация «Исследовательская деятельность»

- 1. ЗОЛОТОЙ диплом «Город и культура: пространства исследований и проектирования» авторский коллектив: проф., зав. каф. «Дизайн» Железняк О.Е., доц. каф. «Дизайн» Мурашова С.В., ст. преп. каф. «Дизайн» Корелина М.В. (г. Иркутск)
- 2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом «Цикл статей об архитектуре городов Республики Хакасия»

ст. преп. каф. «Архитектурное проектирование» Лемытская Д.Е. (г. Красноярск)

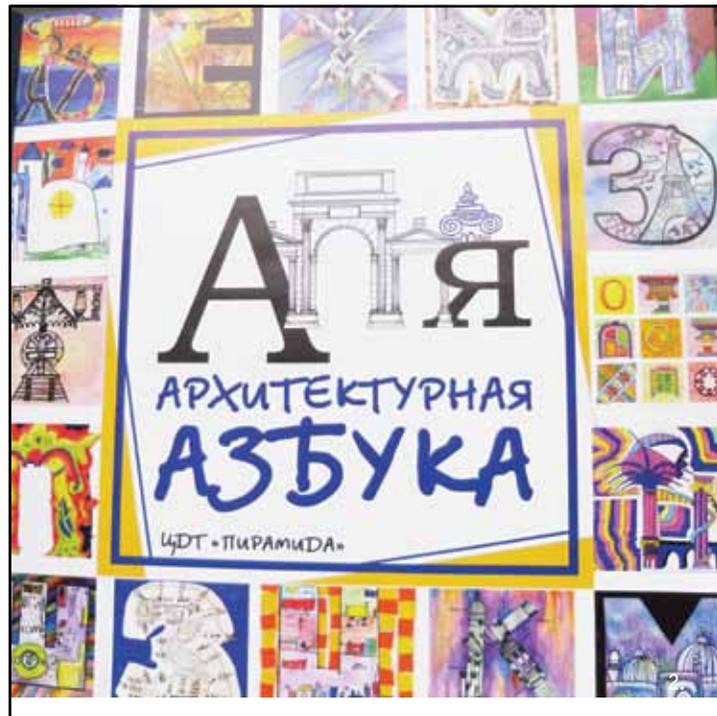
- 3. БРОНЗОВЫЙ диплом «Сборник «Город пригодный для жизни: материалы первой Международной научно – практической конференции «Современные проблемы архитектуры, градостроительства, дизайна»» авторский коллектив: канд. арх., зам. дир. по науке, зав. каф. «Градостроительство» СФУ Кукина И.В., ст. преп. Федченко И.Г. (г. Красноярск)

номинация «Архитектурная графика и фотография»

- 4. Присудить ЗОЛОТОЙ диплом за объект «Стихи и фото» Гуцол О., Антощенко В. (г. Красноярск, г. Санкт-Петербург)

1.

Номинация «Архитектурно-просветительская деятельность»

1. ЗОЛОТОЙ диплом

«Серия статей о ландшафтной архитектуре в журнале «Проект Байкал» Смирнова О.Ф. (г. Красноярск)

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом

Популярное издание для детей и взрослых «Архитектурная азбука» авторский коллектив: преп. гр. 3-5 лет Выборова Е.А., преп. гр. 5-6 лет Павлова Е.Г., преп. гр. 6-7 лет Гончарова О.А., преп. гр. 8-9 лет Баранова Т.В., преп. гр. 11-12 лет Васюнькина Л.Н., Кручинина У.О., преп. гр. 10 лет Шерешкова А.А., дир., преп. гр. 12-13 лет Ремизова Н.В., преп. гр. 13-14 лет Иванова Т. В., преп. гр. 15 лет Пашинина О.В., преп. гр. 16-17 лет Митюкова О.В. (г. Иркутск)

3. БРОНЗОВЫЙ диплом

Серия публикаций по итогам Международного Байкальского Зимнего Градостроительного Университета 2014 года авторский коллектив: ст. ИАиС НИИРГТУ Финакова Д.С., магистрант ИАиС НИИРГТУ Здышев К.Л., ст. ИАиС НИИРГТУ Никифорова Ю.К., ст. ИГЛУ Назимова В.С. (г. Иркутск)

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом

Серия публикаций по итогам Летней Мастерской 2014 «Деревянное наследие Иркутска» авторский коллектив: зам. директора МНИЛ «Изучения и проектирования городской среды» Ведерникова А.В., директор Козак А.И., зам. директора Ямова Е.В., студентка ИАиС НИИРГТУ Нуянзина В.А. (г. Иркутск)

3.

4.

1.

2.

3.

1. ЗОЛОТОЙ диплом
«Стратегия развития г. Железногорска»
Амосова Е.В., Бахмутова О.В., Киселева А.А.,
Фатеева К.А. / Кукина И.В. (г. Красноярск)

2. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом
«Бизнес-отель «Атриум» на 500 мест»
Мельникова Светлана / ст.преп. Панчук Н.Н. (г.Хабаровск)

3. БРОНЗОВЫЙ диплом
«Мусороперерабатывающий завод в Комсомольске-на-Амуре»
Племенюк Александр / доц. Доровский И.В., доц. Доровская В.В.
(г. Комсомольск-на-Амуре)

4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Идентификация места: дизайн-проект благоустройства территории КБЖД и формирование информационно-коммуникативной системы»
Байбородина Екатерина / зав. каф. Железняк О.Е., доц. Мурашова С.В. (г. Иркутск)

5. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Индивидуальный жилой дом»
Чебыкин Андрей / ст. преп. Попова И.Л., ст. преп. Удина И.А. (г. Красноярск)

6. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Реставрация церкви Петра и Павла в с. Ново-Александровка Уярского района»
Иванова Алиса /
Медиевский В.В., Савченко А.А. (г. Красноярск)

7. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Блокированный жилой дом»
Петроченко Юлия / доц. Блянкинштейн О.Н., ст. преп. Касаткина Л.А., ассистент Сорокина О.А. (г. Красноярск)

8. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Индивидуальный жилой дом»
Степанченко Алина / ст.преп. Попова И.Л., ст.преп. Удина И.А. (г. Красноярск)

9. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Проект АЗС LITRO»
Кабанова А.Э. / доц. Ахметова Е.Р., ст.преп. Козлов А.В., ассистент Лалетина О.В., ст.преп. Пономарева Е.С., ст.преп. Рудакова О.В. (г. Красноярск)

10. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Бизнес-отель «Старт-аппроjekt»»
Никитина Наталья / ст. преп. Панчук Н.Н. (г. Хабаровск)

11. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Хакасский национальный музей имени Л.Р. Кызласова»
Ананьева Е.С. / доц. Блянкинштейн О.Н., ст. преп. Лемьтская Д.Е. (г. Красноярск)

12. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Политехнический музей в мкр. Академгородок г. Иркутск»
Наумова Надежда / Вяткина Б.М., Дружинина И.Е. (г. Иркутск)

13. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом
«Реконструкция жилого района Лестак г. Марсель»
Кольган Валерия / Смольков С.А. (г. Иркутск)

5.

14.

ДЕТИ от 4 до 7 лет.

1. ЗОЛОТОЙ диплом Пахатинскому Арсению г. Иркутск
2. ЗОЛОТОЙ диплом Хрульковой Арине г. Иркутск
3. БРОНЗОВЫЙ диплом Кравченко Арине г. Красноярск
4. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ ДИПЛОМ Петрову Семену г. Иркутск

ДЕТИ от 8 до 12 лет.

5. ЗОЛОТОЙ диплом Ярощенко Анастасии г. Красноярск
6. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом Пахатинской Насте г. Иркутск
7. БРОНЗОВЫЙ диплом Достоваловой Тане г. Красноярск
8. ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ дипломы Ивановой Кире г. Красноярск

Майстришиной Арине г. Красноярск
 Николаевой Рита г. Красноярск
 Гнездиловой Валя г. Красноярск
 Цыбиной Анна г. Красноярск
 Скоробогатова Анна г. Красноярск
 Самодумкина Дарья г. Красноярск
 Золотухина Диана г. Иркутск
 Постникова Ульяна г. Иркутск
 Черных Ирина г. Иркутск
 Исакова Лиза г. Иркутск
 Киселева Ангелина г. Красноярск
 Алексеева Дарья г. Красноярск

ДЕТИ от 13 до 16 лет.

9. ЗОЛОТОЙ диплом Суманеевой Анастасии г. Братск
10. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом работе «МОСТ» дети 13-14 лет г. Иркутск рук. Ремезова Наталья
11. БРОНЗОВЫЙ диплом Коноваловой Кате г. Иркутск Ивановой Марии г. Братск

МАОУ ДОД «Дворец творчества детей и молодежи» МО г.Братск, руководитель Климкович Елена Евгеньевна

14. СЕРЕБРЯНЫЙ диплом за развитие детского архитектурно-художественного творчества студии «ТВОРЧЕСТВО» Красноярской региональной организации «Союз архитекторов России», руководитель Успенская Ольга Михайловна

15. БРОНЗОВЫЙ диплом за развитие детского архитектурно-художественного творчества детской студии дизайна «СПЕКТР» г. Иркутск, руководитель Пахатинская Анна Владимировна.

16. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом за развитие детского архитектурно-художественного творчества изостудии «Творчество» г. Красноярск, руководитель Иванова Мария Михайловна.

12. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом Комаренко Анастасии г. Красноярск Киселевой Ангелине г. Красноярск Алексеевой Дарье г. Красноярск

Детские студии

13. ЗОЛОТОЙ диплом за развитие детского архитектурно-художественного творчества

17. ПООЩРИТЕЛЬНЫЙ диплом за развитие детского архитектурно-художественного творчества центра детского творчества архитектуры и дизайна «ПИРАМИДА» ИрГТУ г. Иркутск, руководитель Ремезова Наталья Викторовна.

9.

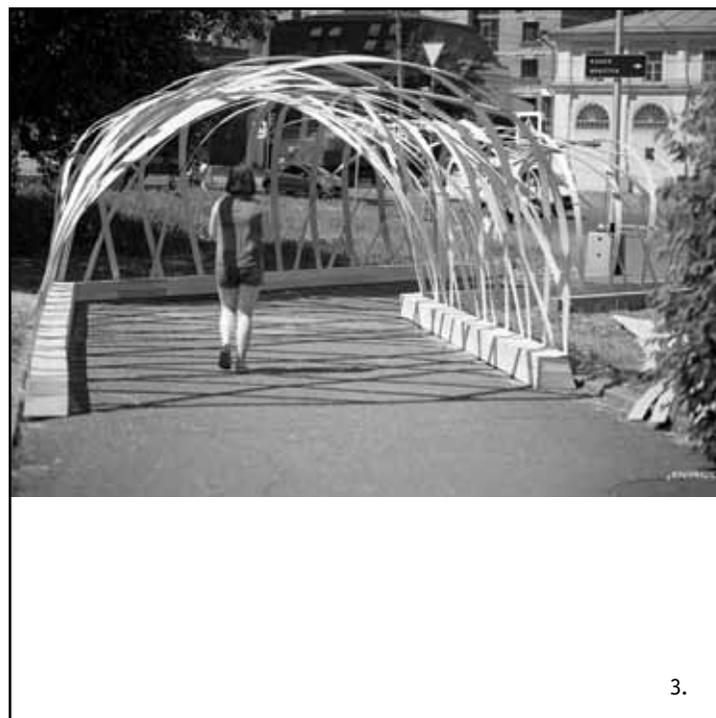
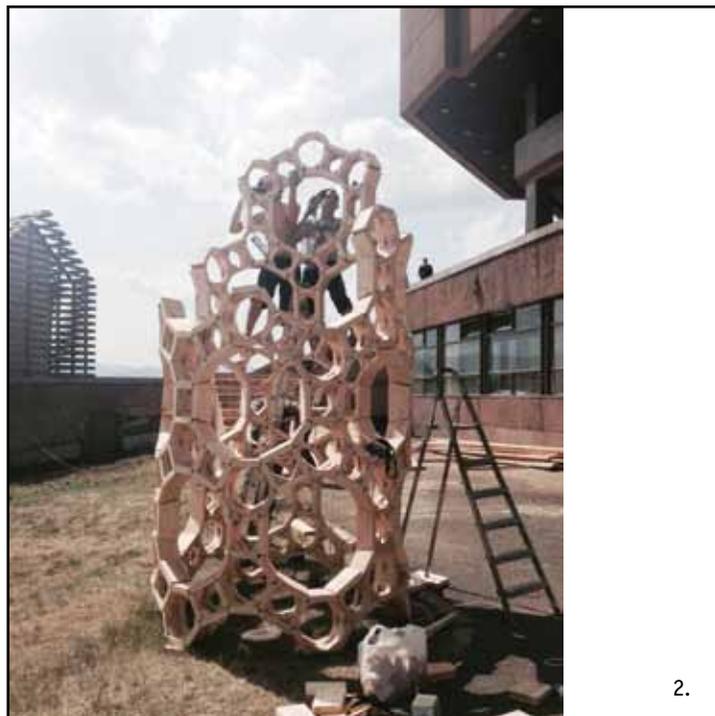

11.

10

конкурс архитектурных инсталляций

- 1. Золотой диплом за инсталляцию «ЛОСИ ПЛЫВУТ» команда «ХП», город Красноярск
- 2. Серебряный диплом за инсталляцию «СОТЫ» команда «БУБЛЯ», город Иркутск
- 3. Серебряный диплом за параметрическую инсталляцию «Вход в павильон

Искусств» одноименной международной команде из городов Вроцлав и Иркутск

- 4. Бронзовый диплом за инсталляцию «ЛУНА» команда «SHIFT», город Красноярск
- 5. Поощрительный диплом за инсталляцию «ВОЛНА» команда «SHIFT», город Красноярск

КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДША
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДША
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДША
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДША
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ

идентичность / identity

ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАН
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАН
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАН
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАН
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАН
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАН
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАН
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАН
КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛ
ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРЫ ЛАН

Аннотация.

Проблема поиска аутентичности городов выглядит весьма актуальной и привлекает внимание многочисленных исследователей. В статье используется аналогия между человеческой личностью и городом в данной проблеме. Для человека, как и для города, осознание собственной идентичности необходимо для того, чтобы противостоять депрессивным тенденциям. Показано, что симптомы депрессии человека аналогичны таковым для депрессии городов. Идентичность города, необходимую для противостояния депрессии, предлагается искать в двух плоскостях – исторической и географической. Историческую плоскость составляют локальные мифы и легенды о городе и его жителях. Географическая плоскость идентичности сосредоточена на особенностях рельефа, климата, флоры и фауны того региона, в котором расположен город.

Ключевые слова.

Идентичность городов, депрессия, депрессивные территории, диагностика, лечение, мифы и легенды города, пейзаж, ландшафт, культурная география, социальная психология

Я, город / Me, the City

текст

Константин Лидин

фото

Наталья Ушкова

¹ Isil Kaymaz (2013) Urban Landscapes and Identity. In: *Advances in Landscape Architecture*. Edited by Murat Özyavuz. Chapter 29. InTech, July 7, 2013.

² Rahim Hashempour (2013) Identity and sense of place in the new cities. In: *Proceedings of the International Symposium «Urban Mobility and Integrated Transportation»*. <http://future-megacities.org/fileadmin/documents/Proceedings-MCMob-El-Gouna-2013-05-09.pdf>

³ *Designing Sustainable Cities*. Edited by: Roger Zetter and Georgia Butina Watson. ASHGATE, 2008. 229 pp

⁴ Proshansky, H. M., Fabian, A. K., & Karminoff R. (1983). Place identity: Physical world socialization of the self. *Journal of Environmental Psychology*, 3, 57–84.

⁵ Sarvepalli Radhakrishnan. *Indian Philosophy* (1923) Vol.1, 738 pages. Vol 2, 807 pages. Oxford University Press.

⁶ К.Г. Юнг «АИОН», «Рефл-бук», «Ваклер», 1997.

⁷ Антонио Менегетти. Проект «Человек»: [перевод с итальянского]. М.: БФ «Онтопсихология», 2010.

⁸ Франкл В. Теория и терапия неврозов. Спб.: Речь, 2001. 234 с.

Аутентичность города необходима для решения множества проблем. Она нужна историческим городам, пропускающим через себя мощные туристические потоки (например, Стамбул).¹ Нужна молодым городам, практически изолированным от туристов (например, новым городам в Иране).² Нужна для устойчивого развития (вожделенного sustainability)³ и для обеспечения психического здоровья горожан,⁴ и так далее.

С определенной точки зрения города похожи на людей. Во всяком случае, вопрос идентичности не менее актуален для человека, чем для города. Или даже еще актуальнее – ведь людей больше, чем городов. Если городу необходимо найти свое отличие от двух с половиной миллионов других городов мира, то человеческая индивидуальность должна проявиться на фоне семи миллиардов других людей.

Каждая человеческая личность в чем-то уникальна. Какой бы стандартной, типичной оболочкой ни покрывался человек, в какой бы футляр ни прятался, – где-то в ядре его души находится искра неповторимости. Эта искра роднит человека с тем Богом, который единичен по сути своей. Ведическая философия называет его Атман и отождествляет с творящим началом – Атман есть Брахман.⁵ Буддизм и авраамические религии строят свое миропонимание на тезисе о потенциальной подобности человека Единому Сущему.

Когда Бог умер, Карл-Густав Юнг поставил на его место «Самость» (Selbst), истинный центр и источник психической энергии.⁶ Человек смутно ощущает эту ядерную энергию внутри себя, но ошибочно ищет ее снаружи, и в этом основа болезненного характера западной цивилизации. Онтопсихология Менегетти выдвинула понятие «Онто-Ин-се» – ядро истинного бытия, трансцендентного обыденному, дефицитарному пониманию человека.⁷ Философы, от Парменида до Сартра и Лакана, не подвергали сомнению наличие уникальности, имманентной каждому человеку. Идентичность есть всегда, у каждого человека и каждого города, но как же непросто ее разглядеть!

Независимо от уровня философской абстрактности, путь к раскрытию и актуализации уникального ядра личности выглядит сложным и трудоемким. При этом ре-

зультат вовсе не гарантирован – даже прожив множество жизней можно так и не достичь просветления самадхи нирвикальпа. И десятилетия работы над собой не обязательно приводит к тому, чтобы Социально-логическое Я стало адекватно Ин-се. Да что там, попробуйте прямо сейчас вспомнить хотя бы одно свое личностное свойство, которое было бы уникально. Дайте ответ на вопрос: «Кто ты?», но такой ответ, который не является ни именем, ни принадлежностью к некоей группе, ни обозначением принадлежащей Вам собственности или статуса, а относится только к одному человеку на Земле – к Вам. Легко убедиться, насколько Божья искра в наших душах закрыта от рассудочного взгляда.

Однако само движение, стремление к осознанию своей уникальности уже имеет большую ценность. Потому что альтернативой такого движения является депрессия.⁸

Слова «депрессия, депрессивный» часто мелькают в повседневном потоке информации, и не случайно. По данным Всемирной Организации Здравоохранения, депрессия расценивается как ведущая причина нетрудоспособности и четвертая в рейтинге заболеваемости.⁹ Депрессия называется одной из ведущих проблем современного здравоохранения и, по прогнозам экспертов, к 2020 году займет второе по распространенности место.¹⁰ В соответствие с последними эпидемиологическими данными, депрессия распознается во всех странах и среди всех этнических и расовых групп¹¹; заболеваемость депрессией (данные только для большого депрессивного эпизода) составляет от 10 до 15% для женщин и от 5 до 15% у мужчин.¹²

Проблема выглядит особенно тяжелой оттого, что ни причины возникновения депрессий, ни, соответственно, эффективные пути излечения остаются во многом непонятными. Врачи с тревогой пишут, что быстро растущий ущерб от депрессий в основном связан с увеличением числа людей, которым не помогают известные способы лечения.¹³ «Сегодня около 60–75% пациентов с депрессивными расстройствами после лечения имеют остаточные признаки депрессивной симптоматики, а 5–10% таких пациентов, несмотря на многократные попытки пролечиться антидепрессантами, эффекта не имеют совсем».¹⁴

Abstract.

The search for identity of cities looks rather urgent and attracts attention of many researchers. Addressing this issue, the article draws an analogy between a human person and a city. Like a city, a human being needs to comprehend his self-identity in order to resist depressive tendencies. It is shown that a person's depressive symptoms are similar to those of cities. The city identity necessary to resist depression can be searched for both historically and geographically. The historical aspect consists of local myths and legends about the city and the citizens. The geographical aspect of identity comprises features of the terrain, climate, flora and fauna of the region where the city is located.

Keywords.

identity of cities; depression; depressive territories; diagnostics; treatment; myths and legends about the city; scenery; landscape; cultural geography; social psychology

text

Konstantin Lidin

photos

Natalia Ushkova

Конечно же, наиболее остро и болезненно депрессию городов чувствуют художники. Серо-черный, тонущий в тумане безлюдный призрачный город – таким увидел Санкт-Петербург фотохудожник Сергей Астапов

Город Шумен на юго-востоке Болгарии, центр одноименной области. Еще недавно – крупный промышленный и транспортный узел. За последние десять лет население сократилось в три раза, все остальные признаки депрессии также налицо. Утро рабочего дня, Славянский бульвар – один из главных проспектов города. Спящую собаку никто не тревожит.

Лекарства, которые по идее должны помогать от депрессии (антидепрессанты) продаются в огромных количествах. Пик продаж в 2003–2005 годах составлял около \$15 миллиардов в год – больше, чем государственный бюджет большинства стран мира. Затем наступило разочарование, и рынок антидепрессантов сократился в три раза. Однако после 2015 года аналитики из Thomson Reuters предсказывают новый рост продаж.¹⁵

Призрак депрессии бродит по земному шару. Но депрессия человека хотя бы осознается в качестве глобальной угрозы. Исследуются ее причины, ведется поиск лекарств. Депрессия городов изучена гораздо слабее.

Не следует думать, что депрессия поражает только маленькие города, забытые на обочине прогресса. Так, по данным Forbs в двадцатку самых депрессивных городов США по итогам 2013 года попали не только печально знаменитые Детройт и Сент-Луис, но и Чикаго, и веселый Атлантик-Сити, и даже «столица мира» Нью-Йорк.¹⁶

Разногласия во взглядах на проблему начинаются с самого фундаментального вопроса – что, собственно, считать депрессией города? Эксперты Forbs учитывали такие параметры, как статистика тяжких преступлений, уровень безработицы, налоги, степень ипотечного кризиса (потери права выкупа недвижимости), цены на локальном рынке, а также среднее время поездки от дома до работы и погоду. Самые простые модели учитывают только три параметра: уровень доходов населения (в сравнении с соседними городами), уровень безработицы и темпы спада производства.¹⁷ На другом полюсе – сложные модели депрессии городов, учитывающие десятки параметров демографического, экономического, социального, политического и т.д. характера.¹⁸

Продолжая аналогию между депрессией человека и города, можно попробовать сопоставить медицинские симптомы с соответствующими признаками депрессивных состояний территории. Диагностические признаки по двум основным системам – американской DSM-IV-TR и европейской МКБ-10 (ICD-10)¹⁹ – к счастью совпадают почти дословно.

Основных признаков депрессии два. Первый – «подавленное настроение, не зависящее от внешних обстоя-

Исторический квартал Араста, застроенный памятниками XIX – начала XX века. Большинство зданий в бедственном положении. И – никого, как в голливудском фильме о мире, опустевшем после ядерной войны...

Недостроенное здание областного правительства – памятник поспешно ушедшей эпохе правления коммунистов. Величественное сооружение из монолитного бетона, как руины заброшенных городов ацтеков или майя, постепенно прорастает деревьями. На содержание недостроя в приличном виде (не говоря уже о завершении стройки) нет ни средств, ни политической воли.

тельств». Это значит, что в настроении человека (города) преобладают эмоции астенического типа – печаль, отвращение, стыд. В публикациях нашего журнала приводятся данные об обследовании эмоциональной атмосферы городов, позволяющих измерить данный параметр.²⁰

Вторым важнейшим симптомом является ангедония – потеря способности получать удовольствие от жизни, от тех занятий, которые еще недавно приносили удовлетворение. В жизни города такими событиями обычно являются праздники, концерты, спортивные состязания, карнавалы и так далее. Ангедония городов выражается в том, что все эти события перестают быть радостными и интересными, становятся редкими, скучными, формальными и проходят в атмосфере тягостной «обязаловки».

Наиболее опасным и очевидным признаком депрессии является суицидальность – стремление к самоубийству. В случае депрессии городов это означает, что закрываются больницы и школы, разрушаются и приходят в упадок системы тепло- и водоснабжения, дороги, канализация, информационные сети вообще вся инфраструктура города. Так продолжается до тех пор, пока системы жизнеобеспечения, одна за другой, не начинают отказывать – происходит инфраструктурный коллапс. Город погибает.

Всего симптомов депрессии девять, и для уверенного диагноза нужно, чтобы имелись постоянные признаки пяти из них или больше. В таблице показаны симптомы депрессии человека и соответствующие им признаки депрессии городов.

Симптомы депрессии человека	Признаки депрессии городов
Подавленное настроение, не зависящее от обстоятельств, в течение длительного времени (от двух недель и более)	Астенические эмоции в психосоциальной атмосфере города
Ангедония – потеря интереса или удовольствия от ранее приятной деятельности	Замирание общественной жизни, формализация праздников, пассивность жителей в отношении проблем города
Выраженная утомляемость, «упадок сил», характеризующиеся стабильностью данного состояния (например, в течение месяца)	Хронический дефицит бюджета, нехватка средств даже на неотложные насущные задачи
Снижение веса и аппетита (возможно усиление аппетита и увеличение веса)	Убывание или деградация населения (замена наиболее ценного населения на менее трудоспособное)
Бессонница (инсомния) или сонливость (гиперсомния)	Интенсивная ночная жизнь и/или впечатление «спящего днем» города
Психомоторное возбуждение или торможение	Проблемы с транспортной сетью, пробки, неразумный рост числа индивидуального транспорта
Чувство никчемности и сниженная самооценка или неадекватное чувство вины	Проблемы с самоидентификацией
Заторженное мышление или снижение способности концентрации внимания	Отсутствие внятной программы развития города с постановкой приоритетов
Суицидальные тенденции	Равнодушие к признакам инфраструктурного коллапса

⁹ World Health Organization. (2005). Depression. Available online at: http://www.who.int/mental_health/management/depression/definition/en/ Accessed on March 6, 2010.

¹⁰ Murray, C.J. L., & Lopez, A.D. (Eds.). (1996). The global burden of disease. A comprehensive assessment of mortality and disability from diseases, injuries, and risk factors in 1990 and projected to 2020. Cambridge, MA: Harvard School of Public Health.

¹¹ Weissman, M.M., Bland, R.C., Canino, G.J., Faravelli, C., Greenwald, S., Hwu, H-G., et al. (1996). Cross-national epidemiology of major depression and bipolar disorder. JAMA: Journal of the American Medical Association, 276, 293–299.

¹² American Psychiatric Association (1994) «Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders» (4th ed.) (DSM-IV). Washington, DC: APA.

¹³ Russell J.M., Hawkins K., Ozminowski R.J. et al. The cost consequences of treatment-resistant depression. J Clin Psychiatry. – 2004, 65(3). – P. 341–347.

¹⁴ Быков Ю.В. Резистентные к терапии депрессии. Ставрополь: Идея+, 2009. – 77 с.

¹⁵ Jago C. The Challenges for Antidepressant Medicines. <http://lscconnect.thomsonreuters.com/challenges-antidepressant-medications/>

При утрате контакта с национальной и региональной «самостью» первыми страдают школы. Чему учить, кого воспитывать из подрастающего поколения?

Школа в селе Кюлевча, община Каспичан, область Шумен. Крепкое, добротное здание, рассчитано на двести-триста учащихся

¹⁶ Forbes (2/21/2013) Detroit Tops 2013 List Of America's Most Miserable Cities <http://www.forbes.com/sites/kurtbadenhausen/2013/02/21/detroit-tops-2013-list-of-americas-most-miserable-cities>.

¹⁷ Дугарова Г.Б. Депрессивные территории: возможные пути оздоровления // ЭКО. – 2003, – №2 – С. 89.

¹⁸ Уколова М.А. Методические подходы к определению степени депрессивности городских территорий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Иркутск: БГУЭП, 2005.

¹⁹ Психические расстройства и расстройства поведения МКБ-10 на русском языке. Официальный текст МЗ РФ, адаптированный для применения в РФ, разрешенный к копированию и печати. <http://www.rusmedserv.com/psychsex/icd10.shtml> International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems 10th Revision (ICD-10) Version for 2010. <http://apps.who.int/classifications/icd10/browse/2010/en#V>.

²⁰ Лидин К.Л. Город-пациент. К исследованиям эмоциональной атмосферы городов // ПроектБайкал / Project Baikal, № 29–30, 2011. – С. 33–36.

²¹ Längle A. (2000) Depression. In: Stumm G, Pritz A (Hg) Wörterbuch der Psychotherapie. Wien: Springer

Аналогию можно продолжить еще немного дальше. Моноаминовая теория возникновения депрессии человека сводит ее причины к недостатку в организме специфических веществ – нейромедиаторов серотонина, дофамина, норадреналина. Соответственно, лечение заключается в том, что недостающие вещества вводятся в организм извне. Это и есть антидепрессанты. Их роль в лечении депрессии городов исполняют разнообразные гастролеры и гастарбайтеры. Предполагается, что они способны насытить город недостающими эмоциями радости и интереса, привнести праздник в городскую жизнь, «привести» в город деньги инвесторов, заменить убывающее работоспособное население... Даже смысл жизни города и программу его развития должны придумать гастролирующие эксперты.

Очевидно, лечение депрессии городов при посредстве «понаехавших» демонстрирует те же недостатки и ту же низкую эффективность, как и в случае антидепрессантов для человека. Надежда только на психологию – на ту ее разновидность, которая достаточно близка к абстрактным высотам философии, чтобы рассматривать город наравне с человеком. Такова глубинная экзистенциальная психология.²¹

Проблемы с самоидентификацией как для города, так и для человека, выражаются в ощущении бессмысленности (никчемности), пессимистически заниженной самооценке, переживании себя как чего-то неправильного и незаконного, не имеющего права на существование. Самоощущение под девизом «Я – никто, и звать никак», согласно глубинной психологии, как раз и является корневой причиной депрессии. «В своей основе депрессия – это неудача, которую потерпел человек в постижении ценности жизни».²² Лечение депрессии заключается в осознании ценности именно моей, уникальной и неповторимой жизни.

Самоидентификация человека (города) происходит как в пространстве, так и во времени. История и география сотрудничают, чтобы дать основу для идентичности.

Исторический подход, как более очевидный, разработан подробнее. Для некоторых городов имеется развернутая рефлексия, сводящая уникальность его к компактной

формуле. Яркие примеры такого анализа содержит прелестная книга Дэниэла Белла и Авнера де-Шали.²³ Прогуливаясь по улицам девяти городов, авторы ощутили и сформулировали «идею» или «идеал» каждого из них. Вот они:

1. Иерусалим – религия, религиозные разногласия и поиски мирного сосуществования различных верований.
2. Монреаль – бурная история конфликтов между англофонами и франкофонами, приводящая к осознанию ценности билингвизма.
3. Сингапур – единственный в мире крупный город-государство, решающий проблемы государственного строительства в городских масштабах.
4. Гонконг – «специальная административная область» в составе Китая. Смелый эксперимент по соединению идеологии свободного рынка с конфуцианскими ценностями.
5. Пекин – город, в высочайшей степени концентрирующий политическую власть и ее символы.
6. Оксфорд – город одного из старейших университетов в мире, воплощение идеи обучения и повышения квалификации.
7. Берлин – город высокого уровня терпимости и толерантности. Авторы выражают тревогу: останется ли Берлин Меккой для тех, кто ищет идеала толерантности в эпоху нового расизма и насилия?
8. Париж – романтический город. Здесь имеется в виду не гламурный, буржуазный идеал романтизма, а более сложный и напряженный вариант (авторы называют его «непастеризованным романтизмом»).
9. Нью-Йорк – мировая столица финансов, индивидуализма и своеобразной культуры амбициозных иммигрантов.

Похожий, хотя и менее беллетризованный подход использован в известном эссе А. Согомонова.²⁴ Основой для самосознания города он предлагает взять мифы и легенды – как сложившиеся исторически, так и придуманные в настоящее время. Г. Люббе, ссылаясь на Сартра и Гуссерля, предлагает историю (точнее, «историю») в качестве основы осознания индивидуальности в более широком философском смысле.²⁵ Согласно этому субъективно-историческому подходу, в поисках аутентичности городов мы должны обращаться не к достоверным историческим

Однако школа закрылась примерно пять лет назад – нет денег на ее содержание, недостаточно детей, чтобы наполнить классы. Здание разлагается, как труп. Образ «улыбающейся» депрессии, самой опасной разновидности утраченной самоидентификации

фактам (что бы ни означали эти слова), а к придуманным, даже сказочным историям. При этом «коллективная душа» города принимает либо отторгает мифы, согласно внутренним своим закономерностям. Так, легенды о декабристах успешно прижились в мифологии Иркутска, а навязанная в 2004 году история о благородном адмирале Колчаке была успешно забыта, остался только бронзовый памятник возле Знаменской церкви. Иногда персонажи легенд канонизируются без официальной поддержки – например, казаки Яков Похабов и брат его Иван, несмотря на сомнительность обеих фигур, прочно вошли в городской пантеон в качестве строителей Иркутского острога.

Для архитекторов и градостроителей, однако, более актуальной выглядит идентификация города в пространственном смысле. После выхода в свет базовых работ И Фу-Туана²⁶ в центре внимания оказались именно свойства и форма пространства города, выражение наполняющих город социальных процессов и страт. Объекты и строения, традиционно символизирующие идентичность городов, отошли на второй план.²⁷ «Так, например, аутентичность Нью-Йорка будут выражать не Статуя Свободы или Эмпайр Стейт Билдинг, а семейная булочная американцев итальянского происхождения, поскольку она аккумулировала вокруг себя локальное сообщество – людей, которые ходят туда не только для того, чтобы купить кусок хлеба, но и общаться и т.д.»²⁸

Пространства города, (в первую очередь – общественные пространства) тесно связаны не только с восприятием города его жителями, но и с процессами ревитализации исторических мест, с культурой и религией (в том числе – с культурами иммигрантов), и даже с «дизайном образа мыслей».²⁹

Пространственная структура сибирских городов формировалась под мощным влиянием дорог. Наиболее крупные города региона возникли и выросли на скрещении больших рек (текущих в меридиональном направлении) и широтных сухопутных дорог. Перебегающий (по сравнению с европейской Россией) рост сибирских городов тесно связан со строительством и эксплуатацией Транссиба.

К началу XX века градостроительная структура Иркутска, Красноярска, Новониколаевска (Новосибирска), Омска формировалась в схожем духе прямоугольной решетки, главная ось которой направлена в западно-восточном направлении, вдоль железной дороги.³⁰

Сквозной, транзитный характер городского пространства объединяет сибирские города, отличает их от Москвы и других концентрических поселений европейской России. И самые яркие и своеобразные проекты сибирских архитекторов связаны с транзитностью, с путями и

дорогами. Достаточно вспомнить мост через Енисей (проект Л. Проскурякова), который в 1900 году году наряду с Эйфелевой башней был удостоен Гран-при и золотой медали Всемирной выставки в Париже – «За архитектурное совершенство и великолепное техническое исполнение»,³¹ или уникальный по масштабам и дальновидности проект «Байкальский луч» (В.С. Воронежский).³²

Для невнимательного взгляда пейзаж Сибири может показаться однообразным на всем протяжении Транссиба. Однако особенности рельефа местности придают каждому сибирскому городу нечто неповторимое. Так, Иркутск «зжат» между резкими складками прибайкальских хребтов. Отсюда – ощущение близкого горизонта, ограниченного пространства. Напротив, плоскогорье юга Красноярского края формирует длинную перспективу и широкое, почти степное небо. Поэтому для Красноярска так уместны просторные прямые проспекты, выводящие взгляд за границы города. Любимый, даже культовый прием красноярских архитекторов – организация пространства таким образом, чтобы улицы замыкались не доминирующим зданием, а перспективой холмистого горизонта. Напротив, Иркутск легко уживается со своей путаницей кривых и узких улочек, и даже из тех точек города, откуда открывается длинная перспектива, видны в основном нависающие над городом склоны.

Климат Иркутска и Красноярска схож, но не идентичен. В Красноярске он такой же резко континентальный, но без тех экстремальных погодных аномалий, которые не редкость в Иркутске – зимние дожди и даже грозы, июньский снег, ураганы и прочие «сюрпризы». Иркутск постоянно готов к внезапным капризам климата, и это тоже сказывается на идентичности города, добавляя в нее тревожности и собранности перед лицом неприрученной Природы. Геологически молодой регион Прибайкалья непрерывно потряхивает – микроземлетрясения случаются чуть ли не каждый час, да и девятибалльной сейсмике никто не удивляется. Да что там, даже деревья в Иркутске выглядят как-то лохмато и дико по сравнению с Красноярском...

Я далек от того, чтобы в рамках этой статьи формулировать четкие и конкретные рецепты аутентичности для всех сибирских городов. Скорее, я хотел бы предложить путь поиска таких формул – путь сотрудничества специалистов по ландшафту, климату, особенностям флоры и фауны, историков и художников, фольклористов и сочинителей современных легенд.

И, может быть, тогда получится найти свою идентичность и справиться с депрессивными тенденциями в развитии сибирских городов.

Перспектива Славянского бульвара замыкается гостиницей «Мадара». Официальный центр города, где размещены областное правительство, полиция, почта...

²² Лэнгле А. Дотянуться до жизни... Экзистенциальный анализ депрессии. – М.: Генезис, 2010.

²³ Daniel A. Bell and Avner de-Shalit (2011): *The Spirit of Cities. Why Identity of a City Matters in a Global Age.* Oxford: Princeton University Press. 352pp

²⁴ Согомонов А. Современный город: стратегия идентичности // *Неприкосновенный запас*, 2010, №2(70). – С. 67–73.

²⁵ Люббе Г. Историческая идентичность // *Вопросы философии*. – 1994. – №4. – С. 108–113.

²⁶ Space and Place: *The Perspective of Experience* 1977. University of Minnesota Press, Minneapolis, MN. – 496 pp.

²⁷ Zukin S. *Naked City: The Death and Life of Authentic Urban Places.* – N. Y.: Oxford University Press, 2010. – 309 p

²⁸ Мусиездов А.А. Территориальная идентичность в современном обществе // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. № 5, 2013. – С. 51–59.

²⁹ The Role of Place Identity in the Perception, Understanding, and Design of Built Environments. Edited by: Hernan Casakin, Maria de Fátima Campos Bernardo. London: Bentham Science Publishers, 2012. – 231 pp

³⁰ Журин Н.П. Градостроительство в Сибири второй половины XIX – начала XX веков. Новосибирск, НГАХА, 2000. – 109 с.

³¹ Овчинникова Н.П. Россия на Всемирной выставке 1900 года в Париже // *Жилищное строительство*, 1990, N 7, с.27–29.

³² Лидин К.Л., Меерович М.Г. Предчувствие полицентричности. О «несоветском» проекте иркутских архитекторов 1970-х. // *Проект Байкал / Project Baikal*, № 9, 2006. – С. 20–23.

После мегаполиса

текст
Александр Раппорт

В одном анекдоте про Брежнева, он, гуляя по залам Эрмитажа, постоянно восклицал: «Идея!» Это пугало дирекцию, предвидящую проект коренной реформы музея. Идея таила в себе возможность разрушения культурного института. Но в конце концов мистический смысл этого слова разъяснился. Брежнев спросил: «И де я нахожусь?», то есть «где я?». Все дело было в южном диалекте. Однако с помощью этого анекдота сама «идея» неожиданно продемонстрировала свое отсутствие связи с местом. Ибо Платон свою концепцию идеи поместил в трансцендентную высь вечных смыслов, не соотносящихся с конкретными местами на земле. Теперь все стало на свои места. Но в жизни идея – продолжает править миром, хотя не имеет в нем места. Суть дела не в диалекте, а в диалектике.

Сам музей, по Мишелю Фуко, – гетеротопия, то есть другое место – там все не отсюда, а музей то и вообще а-топия, место без определенного места и времени – висит в какой-то неопределенной сфере чужого воображения.

Открытая Платоном идея не имеет не только места, она абстрактна непространственна и бессубстанциальна, как и его проект идеального города.

Город (по-польски как раз и называется «место»), таким образом, как понятие, не имеет места. Это всегда по необходимости идеализация, универсалия или утопия. Так возникает исходный парадокс современного научно-технического урбанизма как концептуального проекта места, которое такового иметь не может.

В прошлом веке ситуационисты во главе с Ги Дебором ополчились на большой современный капиталистический город как на мир спектакля, в котором все подделка и игра. Все не от жизни – следовательно, все – мертво. Хотя и притворяется молодым и веселеньким. Тоска.

Но, с моей точки зрения, здесь есть и другое, а именно: реальность вырывается за рамки понятия. Мегаполис все еще считается городом, но на самом деле он-то город и убивает.

Не исключено, что градостроительство будущего тысячелетия пойдет по пути борьбы или постепенного преодоления бесконечного территориального роста

Аннотация.

В статье предлагается критически рассмотреть судьбу понятий города и городского образа жизни как не преодолевших эмпирического исторического описания. Кризис мегаполиса в условиях глобализации дает ключ к новой постановке проблемы теоретического понимания города в системе планетарного расселения и возможность перенести традиционную проблему городского (буржуазного) отчуждения из ее политэкономической трактовки в сферу проблем идентичности и любви как новых ценностных перспектив глобального человечества. Подчеркивается важность идей ситуационного интернационала Ги Дебора и гетеротопии Мишеля Фуко, выдвинутые в середине прошлого века и обретающие новый смысл в современных системах глобальной коммуникации.

Ключевые слова.

Город, городской образ жизни, утопия, гетеротопия, атопия, ситуационизм, планетарная клаустрофобия, отчуждение, идентичность, проект.

городских поселений, мегаполисов и начнется глобальный процесс реструктуризации расселения. Ситуационисты ограничились тем, что предположили, что город днем будет работать, а вечером превращаться в бесконечный интеллигентный луна-парк. Рем Колхас превратил их идею в бойкий рыночный продукт, имитирующий нечто живое, а на самом деле изображающий в архитектуре капризов мертвую жизнь, построенную на условностях бюрократии. Такова и его архитектура.

Все это сегодня может обсуждаться в контексте глобализации, которая затрагивает и аргументы, тесно связанные с судьбой архитектуры.

Сама же глобализация наткнулась на мегаполис, который довел образ глобализма до идиотизма, сосредоточив в себе практически все, что может быть на земле, кроме жизни. Исторический город дал мощный импульс развитию архитектуры, но в мегаполисах и архитектура ставится под угрозу как сфера человеческих масштабов и, следовательно, самой человечности, ибо человек это существо, чувствительное к масштабу.

Мегаполис, превращаясь в «человейник», может в будущем стать местом исчезновения Человека, а выросший на городской почве городской образ жизни потребует коренного пересмотра и своих смыслов, и своих пространственных форм, сделавшись как раз той идеей, которая пугала сотрудников Эрмитажа, ибо смыслы вне пространственных форм утратят самих себя.

Но сегодня мегаполисы рассматриваются (в том числе и как зло) в системе тех же категорий, которые их сто лет тому назад и породили в потоке градостроительного энтузиазма – то есть производственных и культурных функций. То, что обещало рай земной, теперь сулит катастрофы и теракты, не говоря уж о «планетарной клаустрофобии» как перспективе депрессивного переживания замкнутости земного мира.

Первый урок, который уже извлечен из этого, – относительная независимость городского образа жизни от самого города в эпоху современных коммуникаций. И производство, и власть, и культура и даже случайные встречи с судьбой теперь возможны без городских услуг.

Abstract.

In the article the concepts of city and urban way of life are critically reexamined in the wake of megapolitan crisis and global communications. The concept of city is still and ignoring rediscovery of alienation and meaning of identity limits in consuming oriented society. In 21 century understanding of urban and planetary phenomena should be reassessed and the fundamental limits of telluric destiny of the humankind rediscovered as a next step in architectural approach to survival of mankind. There are some special points emphasizing situationist approach to urban and architectural theory.

Keywords.

city, urbanism, utopia, heterotopias, atopia, situationism, planetary claustrophobia, alienation, identity, design.

After Megalopolis

Эта неопределенность вырастает в проблему и вызывает новый поток работ по так называемой урбанистике. Но все эти работы возвращаются к категориям функции, пространства и коммодификации, что не продвигает понимание смысла города как такового. Город, как понятие, разделит судьбу любви и электричества, мы пользуемся этими понятиями в технических расчетах или гадая о судьбе, но смысл таковых остается неясным.

Выпав из архитектуры и попав в сферу социальной географии, город так и остается беспризорным сиротой познавательных стратегий. За две с лишним тысячи лет мы не ушли далеко ни от «Города Градова» Платонова, ни от платоновского «Государства», ни от «Небесного Иерусалима».

А проблемность этой познавательной ситуации тонет в пучине фактов и мнений, которые по инерции считаются полезными, но полезны они, пожалуй, только тем, кто на них кормится.

Неадекватность знаний пытаются восполнить энергией проектных дерзаний – утопической или бумажной архитектурой, научной фантастикой и археологическими реставрациями. Чтобы убедиться в относительной бесплодности таких знаний достаточно задать вопрос: обречено ли понятие «город» на умирание и способно ли оно существовать в будущем?

Возможно, что город как морфологический, физический объект, как объект проектирования, как исторический феномен и как идеальный вариант образа жизни – совершенно разные конструкции, каждая из которых не дорастает до понятия или идеи. Но обладает своими ограниченными перспективами изменений.

Сталкиваясь с тем, что есть в реальности, мы теряем универсальный смысл идеи. Город Тамбов, город Афины, город Мехико, но не понятия, а условная терминология географической или исторической топографии.

Нас спасает то, что в градостроительной практике и политике критерием реальности является не понятие, а миф, привычка, историческое предание. Москва может при желании пониматься и как Небесный Иерусалим, и как Вавилон?

Думаю, что в третьем тысячелетии нам придется каким-то образом достроить понятие города, как и всей номен-

клатуры планетарного описания расселений в – географии, юриспруденции, политике, архитектуре...

Город, поначалу понимавшийся как физический объект, постепенно превращался в понятие городского образа жизни, а в сфере надежды или утопического созерцания даже в предельный горизонт судьбы и счастья (город-сад, город будущего).

И в этих перспективах мегаполис, как вариант фатально-го бытия, может, как ни парадоксально, не только исчезнуть, но и сохраниться. Он лишь наверняка перестанет быть целью и объектом тотального стремления (все – в Москву, Лондон и Нью-Йорк!) и станет в ряд не менее, а может быть и более актуальных форм поселений и образов существования – от лачуги отшельника до бесконечной молодежной бивуачной тусовки. Такие кардинальные перемены может принести появление системы, обусловленной не внешними факторами производства, коммерции и культуры, а перспективами самообретения индивидуальных и коллективных идентичностей, исчезновением толпы как наиболее адекватного субъекта мегаполитанской жизни, то есть трансформацией массового общества.

Вместе с мегаполисами изменит свой смысл, если сохранится, и субурбия, хотя шансов на выживание у нее как раз меньше, так как она продукт довольно убогого компромисса. Будучи по смыслу оппозицией асфальтовым джунглям она в равной степени стандартна, безлична и неисторична. Хотя остается полна опасностей терроризма, наркотизации и прочих ужасов мегаполитанской жизни, делаясь второй копией образа «конца истории» как кризиса идентификации.

Теперь мы можем вернуться к понятию места, чтобы различать в месте формальную пространственную локальность и качественное своеобразие, с индентификацией, на полюсах которой окажутся категории «уникального» и «своего», то есть «свои» места и «уникальные» места.

Всякое свое место уникально только для его обладателя. Но некоторые уникальные места имеют статус общепризнанной идентичности.

Тогда проблема звучит так: исчезают ли в мире не только уникальные, но и все свои места, не перестает ли мир быть своим миром, что уничтожает возможность быть

text
Alexander Rappaport

счастливым, ибо быть счастливым в чужом мире невозможно.

Здесь возникает известная проблема отчуждения, поднятая Марксом и продолженная экзистенциализмом, и его фиксации образа «другого». Категория своего (не чужого, не отчужденного) в этой традиции была связана с формой собственности как в юридическом, так и в политэкономическом контекстах, а заодно и с социальной категорией класса. Эти определения не утратили смысла, но дело, на мой взгляд, касается иного онтологического толкования категории «своего» и «свойства», которая не поддается объективации, и потому выскальзывает из умозрительной калькуляции предметных воплощений.

Ни в социологии, ни в истории нет представления о том, что делает место своим местом. И предлагаемые в этой связи концепции «гения места» только запутывают проблему. Одновременно они ясно показывают, что понятие «гения» постепенно покинувшее нас, людей, стало применяться только к тоталитарным лидерам.

Задача, таким образом, выводит нас к трансцендентности и места, и гения.

Не находя их, мы попадаем в депрессивное переживание «планетарной клаустрофобии» как безвыходности, которой нет оснований надеяться на космическое бегство. Призывы к разнообразию, отказам от стандартов и типов, кастомизации проектов и бесконечности выбора на рынке проектов и услуг лишь заглушают боль этой клаустрофобии, но не уничтожают ее в принципе.

Призывы к разнообразию не решают проблемы утраты идентичности, так как исчезает источник идентификации. Он не может быть заменен произвольным варьированием бесконечных репертуаров.

Идентичность формировалась историей с ее непредсказуемостью и локальной уникальностью ландшафта. Массовое производство и потребление уничтожили эти исторические предпосылки идентичности и заменили их абстрактной идеей многообразия и прогресса, которая не субстанциальна, она не имеет ни места, ни тела. Она принадлежит миру схем.

Бегство от схем, выливающееся (пусть отчасти) в туризм, девальвируется полной описательной каталогизацией мест и стилей. Пытаясь выйти за рамки туризма как потребительской утопии (человек едет в «другой мир»), стали актуальны:

- 1) историко-консервационные инициативы,
- 2) персональная феноменология переживаний, своего рода поэзия мест,
- 3) проектный оптимизм, выдающий в проектном творчестве источник субстанциальной идентичности и новизны одновременно.

Но историческая сентиментальность концентрируется вокруг локусов сформированных до 1950 года.

Персоналистская феноменология ведет к случайной созерцательной событийности.

А проектные инициативы пока что, как правило, оказываются в тупике пророчески бесплодных (даже не безумных) и бессубстанциальных рефлексий. То есть все тот же замкнутый круг, обусловленный утратой исторической открытости опыта и событий.

Ситуация, сложившаяся в таких квазирационалистических реформах, указывает на нерешенную проблему трансцендентности.

Один из возможных выходов тут я вижу в переходе от феноменологии переживаний к профессиональной интуиции как способу коллективной профессиональной идентификации архитектуры.

Этот выход не окончательный. Это только первая ступень, ведущая к реформе архитектурной публицистики, профессионального обучения и культурного активизма.

Подобная интуиционистская программа в пределе предполагает реституцию исторического бытия, основанную не на внешних завоеваниях и конфликтах этносов и производственных систем, а на радикальной трансформации идеи рая как посюстороннего планетарно-экологического воспроизводства живой субстанциальности. То есть речь идет о культе жизни при жизни и на Земле, без упований на райское блаженство в ином мире, в том числе и в будущем мире.

Именно райская перспектива сделала двусмысленной схему прогресса. Прогресс, в том числе и коммунистический, означал, с одной стороны, возвращение рая на землю (подлинный смысл истории по Марксу) но, с другой – дистанцировал это состояние в историческую бесконечность. Эта открытость прогресса не стала новой трансцендентностью, но предложила ее суррогат.

Корни такого суррогата восходят к платонизму и пифагореизму с их абстрактными универсалиями разума и рассудка взамен живой субстанциальности данного в действительности живого переживания времени. Это живое время оказалось лишь средством для достижения абстрактного понятия времени как истории.

Реальная история сменилась отвлеченной схемой истории. В такой перспективе история перестала быть порождающей, так как сама стала проектом.

Мы оказались втянутыми в движение, где живое присутствие приносится в жертву абстрактной схеме будущего. Выход из этого тупика, на мой взгляд, возможен через интуицию, которая преодолевает живое присутствие в трансцендентности воображения.

Воображение же изымается из исторической темпоральности, оно не о будущем. Оно о страшном, прекрасном и... подлинном.

В отличие от ситуационистов, рассматривавших перспективы мегаполиса как места творческой игры, я добавил бы к этой игре и любовь. Ведь любовь обладает всеми признаками трансцендентного прорыва и синтеза воображаемого и реального (желаемого и действительного), но рождается она не столько выбором, сколько случаем. Судьба и случайность мегаполиса, вероятно, открывает неизмеримо большие возможности для любви, чем блуждание (или блуд) в Интернете. Оставаясь физическим телом, а не схемой, мегаполис в таком случае стал бы реализацией субстанциальности судеб в эпоху такого многообразия идентичностей, которого не могла знать традиционная деревня, аул или захолустье, бывшие сценой события судьбы как драматического смысла жизни. Разумеется, скорее всего, эта перспектива имеет свои границы, она ориентирует мегаполис на людей молодых. Но и это немаловажный шанс. Протесты молодежи начиная с 1968 года показывают, что ей именно в городах не осталось места. И она своими лозунгами продолжает спрашивать: «Где я нахожусь?» или «Куда я попал?»

И тут любовь и профессиональная интуиция архитектора могут связаться в один узел и породить институт (миф или культ), возвращающий и любовь, и профессию к действительной независимости и непредсказуемости, утраченные в капиталистическом, социалистическом и бюрократическом образе города и городском образе жизни.

Все эти рассуждения, конечно, сами по себе лишь теоретическая схема, лишь идея, и станет ли она действительностью, то есть обретет ли место, – это вопрос, на который может ответить лишь сам грядущий век.

Деколонизация городского пространства: ТОПОНИМИЯ

Импульсом для обращения к понятию деколонизации стало исследование вопроса о том, почему радикальный пересмотр советских мифов мало затронул микро-топонимию (годонимы) в «старых» сибирских городах. В молодых городах, возникших в советское время, где соответствующие топонимы не просто доминируют, а зачастую не предполагают альтернатив, значимых дискуссий по этому поводу не зафиксировано. Городская идентичность сочетает в мифе о рождении образ эпохи, которой город обязан возникновением, и локальную историю «великой стройки», нового города. В этом случае город находит в советском топонимическом репертуаре адекватное выражение. В старых городах дискуссии возникают: преобладание советских годонимов здесь не выражает, а подавляет городскую идентичность, заполняя, прежде всего, исторические центры, в которых тотальные переименования были произведены в начале двадцатых годов. И, тем не менее, за двадцать постсоветских лет десовветизация городской топонимии в старых сибирских городах – не правило, а исключение, хотя вопрос радикально ставился уже в период кризиса советской исторической мифологии.

Советские названия не создают семантического богатства – в них мало советской истории. Советская топонимия в городах формировалась несколькими волнами – первая волна, самая значительная, в начале 1920-х годов была намеренно тенденциозной, несколько последующих лишь корректировали вычеркнутыми (особенно, в конце 1930-х и конце 1950-х) и дополнениями меморативный список, созданный в начале двадцатых. Новые имена появлялись за редким исключением в новых районах.

В Иркутске советский порядок в топонимике был введен постановлением горисполкома от 5 ноября 1920 года. Были присвоены новые имена взамен исторически сложившихся 4 предместьям, 3 площадям, 2 садам, 1 скверу, 59 улицам и переулкам¹. Подход, который определял репертуар новых топонимов, был аналогичен тому, который сформулирован в протоколе заседания президиума Енисейского губисполкома от 21 февраля 1921 года: «переименовать в 3-х дневный

срок в революционном духе все улицы г. Красноярска»². Предельно сжатые сроки и тотальность процедуры переименования означали радикальное противопоставление новой топонимии старой. «Революционный дух» – идеологический характер новых названий, они должны быть знаками большой Истории, соответствующими революционному мировоззрению.

Репертуар названий создает впечатление случайного в пределах ограниченного выбора. Например, трудно понять, как формировался ряд, представляющий художественную культуру. В постановлении 5 ноября 1920 г. было три писательских фамилии: Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Горький. Никто из них в Иркутске не бывал и произведений об Иркутске не писал³. Или, например, в иркутской топонимии сразу двум объектам – улице и предместью – было присвоено имя Марата, в Омске из деятелей Французской революции также отмечен только Марат (но единожды), а в Красноярске кроме Марата был увековечен Робеспьер. В Иркутске появились улицы Фурье и Лассала, в Красноярске улица Бебеля, в Томске и Тюмени закрепили память о Сакко и Ванцетти, никак не отмеченных в топонимии Иркутска, Красноярска, Омска. В Омске, Иркутске и Томске вспомнили Степана Разина, но ни в одном городе инициаторы переименований не сочли нужным присваивать какой-либо улице имя Емельяна Пугачева. Не всякое имя годилось, был риск, что присвоенное имя окажется «неправильным» – страна собиралась под единым властным центром. Представители новой власти «на местах» репертуаром имен и понятий утверждали историческую легитимность своей власти и ее монополию на официальную номинацию. В остальном репертуар был достаточно случайным. Семантика ограничивалась горизонтом революционного мировоззрения – она могла быть выразительной, но неизбежно монотипичной. Этот стиль, соответствующий «революционному духу», можно определить как «стиль большой Истории»: герои, события, идеологические понятия. Он обеспечивал преобладание имен, связанных с революцией и войной, над остальными – например, из мира искусства и литературы.

текст и фото
Михаил Рожанский

Сокращенная версия главы из монографии «Сибирь как пространство памяти» (Иркутск: Оттиск, 2013)

¹ Полный текст постановления см.: Рожанский М.Я. Память, выбирающая псевдонимы/ Свободная мысль, 1992 г., No 1, сс.82-85.

² Копия фрагмента протокола размещена: <http://www.krasplace.ru/starye-i-sovremennye-nazvaniya-ulic-krasnoyarska>

³ Салтыков-Щедрин использовал иркутские летописи среди других как источник для «Истории одного города» (но об этом не могли знать авторы Постановления)

Почему тех, кто раздавал имена, не устраивало то или иное старое название, рассматривать не имеет исследовательского смысла. Не устраивало уже то, что названия старые. Не только названия, которые в постреволюционной России приобрели идейную нагрузку, как например, Казарминская или Графо-Кутайсовская, но и идеологически нейтральные Луговая или переулок Театральный не сохранялись. Любое безыдейное название могло звучать идеологически чуждым. Среди новых названий в Иркутске можно зачислить в «безыдейные» только Детский парк и улицу Детскую, но и то с оговорками, поскольку забота о детях была заявлена советской властью как идеологическая позиция (прилагательное «детский» появилось и в топонимии других городов). При переименовании стигму ущербности приобрело не только прошлое, стигматизировалась и повседневность. Переименованием подчеркивалось, что она подлежит коренному изменению, как нечто, неподчиненное идее, как чужой, вредный, опасный мир. Смена имен была не только учреждением мест памяти. Прежде всего, она была утверждением нового мира – повседневность наделялась правильными идейными смыслами. Так утверждалась идеократия – власть, действующая от имени идеологии и утверждающая исторические смыслы как санкцию своих действий.

Безоговорочное отнесение советской микротопонимии к исторической памяти игнорирует несколько существенных обстоятельств. Во-первых, советская топонимия доминирует в исторических центрах, сложившихся до советской эпохи, и, благодаря этому доминированию, противостоит истории города. Во-вторых, имена улиц, которые казалось бы, должны настойчиво напоминать о советской эпохе, не реконструируют ее, а вырывают из исторического процесса. Лишенные контекста, они не провоцируют эмоционального отношения к себе, лишены объемности – познавательного отношения. Тотальность советского переименования радикально оборвала связь времен: отменила право досоветского прошлого быть настоящим, придала ему статус неподлинного, ущербного, но советскую топонимию наделила большой степени условности, неукорененности в повседневности и/или в истории. В случае «возвращения имен» будет упразднена стилистика «революционного духа», точнее, знаки, оставленные им, но ведь и сам «революционный дух» иссяк в этих именах, поскольку не находился в диалоге с чем-либо неревolutionным.

Пьер Нора выделяет три формы памяти, превалировавших в разные периоды истории: «память-архив», «память-долг» и «память-дистанция» (освещение прерывности, взгляд из настоящего на прошлое)⁴. К каждой из этих форм, по сути, и апеллируют сторонники сохранения советской топонимии, хотя сам топонимический репертуар способен выполнять лишь функцию архива и то не полноценно. Для того, чтобы выполнять функцию долга перед прошлым или помогать осмыслению прошлого из настоящего, топонимия оказывается недостаточно живой.

Сведение топонимии к архиву – расплата за идеократию, за дистанцирование от локального пространства человеческой жизни и от повседневности, за дидактику по отношению к прошлому.

Имперская амнезия. Объясняя привычку к советским топонимам, важно помнить, что у подавляющего большинства людей, живущих в больших сибирских городах (и в Иркутске, в том числе), история семьи связана с городом исключительно в советский период.

Но степень близости-неблизости пространства – насколько человек готов принимать его как «свое» – определяется не только стажем жизни в данном городе. И здесь мы сталкиваемся с социокультурными явлениями, хронологически не вписывающимися в советскую историю. Проблемы отношений между человеком и пространством являются как следствием российской истории, так и одним из определяющих ее факторов. Его невозможно игнорировать, анализируя, в том числе, причины возникновения, принятия и ограниченности того, что называют теперь «советским проектом». Речь о тех особенностях отношения к миру, которые присущи участнику экстенсивного развития этноса. Советский проект был решительным разрывом с прошлым, а подобные рывки в истории России, желание «начать все сначала» понятно и близко людям, самим начинающим жизнь заново на новом месте. Можно отнести насаждение беспамятства на совесть новых революционных властей. Но культурная амнезия – не умысел большевиков, а почва как для рождения их идей и стремлений, так и для их восприятия. Обычай «начать все сначала» – это и безразличие человека к прошлому того места, на которое он пришел, чтобы его преобразовать и/или в нем укрыться, но это и разрыв с прошлым и с тем местом, откуда ушел, сбежал, был изгнан. Здесь серьезные основания для того, чтобы после мировой и гражданской войн идеократия была не только насаждена, а востребована как средство поддержания имперской (ставшей «советской») идентичности. Идеи, от имени которых осуществлялась власть, оформляли чувство причастности к стране, к государству, к истории, к некоей большой общности, когда разрушены и находятся под подозрением все общности «малые» – от семьи до этноса. А поскольку идеократия, таким образом, оформляла новый виток внутренней колонизации страны, то в не органично вписывался и большой «сибирский миф», рожденный предыдущими веками «русской Сибири».

Человек, живущий в Сибири, видит в качестве собственного прошлого «большую историю». Вот ее несущие конструкты:

- а) пафос свершений – вместе с Русью за Урал пришло могущество;
- б) в Сибирь шли или попадали лучшие – самые важные, стойкие;
- в) жизнь в Сибири формировала лучшие человеческие качества;
- г) сибирский человек приходил на выручку стране, когда нужны были стойкость, выдержка, решительность.

Исторический образ Сибири и сибиряков предельно устойчив. Несмотря на противоречивость, он не предпологает оспаривания. Его устойчивость обеспечена воспроизводством вышеуказанных несущих конструктов, человек привязан к мифологии, которая придает особую значимость его переходу или переходу его предков в сибирскую жизнь. Мифология государства, узурпирующего заслугу сохранения единства этого пространства, также принимается человеком с сибирской идентичностью, поскольку мифология перехода (который часто был бегством от государства) и мифология настигнувшего тебя (твоих предков) государства находятся в органичном единстве – они наделяют друг друга значимостью.

Противоречия образа Сибири помогают сибирской идентичности пройти крутые повороты истории. Пазлы могут меняться – общая картинка при этом сохраняется благодаря уникальной оптике. И как бы радикально не

менялись эпохи, она остается без изменений: взгляд из большой истории, привязанность к ней.

Доминирование большой истории в представлениях людей о прошлом – не только результат «исторического» образования, но и симптом отсутствия прочной связи человека с историей того места, в котором он живет. Нарушен баланс между временем и пространством, между памятью-державой и личной памятью, а большая история выполняет важную компенсаторную функцию. «Второсортность» жизни на периферии «большой» и «настоящей» компенсируется отдельными случаями причастности к этой жизни – к большой истории, литературе, политике и т.д. Выражение городской идентичности через принадлежность к большой истории приводит к тому, что городская идентичность презентует себя имперскими знаками. Особенно хорошо это видно на монументальной скульптуре, и Иркутск дает насыщенный образец такого семантического поля, причем, и в дореволюционных (в том числе восстановленных), и в советских, и в постсоветских памятниках⁵. Имперский характер советской топонимии – и годонимы, и названия городов, поселков, имена, данные предприятиям – менее выразителен, чем имперскость советской архитектуры или монументальной скульптуры. И не только в силу разных возможностей слова и пластики, но и благодаря слабой исторической динамике на протяжении советской истории. Имперский характер советской топонимии проявляется более всего в унифицированности – в том, что центральные улицы в городе Иркутске носят те же имена, что и в станице Вешенской. И поскольку эта топонимия, благодаря советскому периоду, оторвана не только от истории и повседневности города, но и от его места в «большой истории», то в очень ограниченной степени претендует на выражение городской идентичности.

Новые топонимы практически не соотносились не только с историческими названиями, но и с историей города как таковой. Исключениями в Иркутске можно считать площадь Декабристов, улицу Декабрьских событий, названную так в память о боях декабря 1919 года, и пять улиц, получивших фамилии большевиков – героев и жертв двух революций и Гражданской войны в Иркутске и Сибири (Бабушкин, Боград, Лазо, Гусаров, Шевцов), всего семь топонимов из шестидесяти девяти. Не намного больше доля «местных» (даже относительно местных) имен в списках переименований, проведенных в начале двадцатых годов в других больших сибирских городах – Томске, Омске, Тюмени, Красноярске, Енисейске – или, например, в Уральске или Челябинске.

В феномене советского тотального переименования присутствовали еще и управленческие основания, санкционирующие тотальность – власть исполняла функцию упорядочивания, регламентации. И до этого власти вмешивались в топонимию. Обычно это был выбор между разными существующими версиями, чтобы назвать улицу на плане города. Таким образом, топоним оформлялся документально, то есть регламент взаимодействовал со стихией повседневной речевой практики. Иркутский историк Р.В. Попова выделяет три этапа формирования топонимии в родном городе: «I этап – народный – от появления первых годонимов до 1870-х годов; II этап – народно-административный – от 1870-х до 1920 года; III этап – административный – после 1920 года»⁶. Регулирование топонимии было назревшей административной задачей. В Барнауле, например, первые массовые переименования были проведены на рубеже веков. Точнее было

бы определить процедуру, проделанную в сибирских городах примерно с конца 1919 года (Омск) до 1922–1923 годов, не как переименование, а как административное утверждение названий при игнорировании или идейной корректировке исторически сложившихся (Красноармейские вместо Солдатских, Красноказачья вместо Казачьей в Иркутске). Во всяком случае, если и требовалась замена табличек, то не в очень большом количестве – таблички только вводились в обиход. Но административная задача в условиях утверждения новой, идеологической власти, стала одновременно дидактической.

Формула «присвоение наименования» воспринимается на слух как плеоназм. Почему недостаточно одного отлагольного существительного «наименование», вносит ли дополнительные смыслы второе – «присвоение»⁷? Имя не просто дается, оно присваивается объекту, делается акцент на факт распределения «сверху», награждения, отчисления. Этот акцент стал нормой именно в советской микротопонимии и привел к доминированию годонимов в родительном падеже – улица (имени) Ленина, парк (имени) 26 Бакинских Комиссаров, площадь (имени) Труда. Улица, площадь, парк, канал награждаются именем героя / героев, события, идеологического понятия. Герой, событие, символ награждаются улицей, площадью, переулком. Наименование улиц оказывается не просто функцией власти и ее прерогативой, но еще и указанием на ее исключительное право – не только на право называть, но и распределять почести. Утверждение этой прерогативы и ее смыслов делает процедуру на / переименования недемократической: во-первых, упраздняется обычное право естественного формирования названия (через повседневные практики); во-вторых, власть берет на себя дидактические функции. Эта недемократичность в какой-то мере компенсируется «демократическими» процедурами: актами общественного волеизъявления («в связи с обращениями граждан», «по инициативе трудового коллектива» и т.п.), общественными дискуссиями о названиях (как правило, уже присвоенных), формированием комиссий по топонимике. В подобной «обратной связи» присутствует не только имитация демократии, но и реальная необходимость считаться с мнением горожан, поскольку решение власти вторгается в повседневные речевые практики и может оказаться отторгнутым и/или вызвать непредсказуемый идеологический эффект. Классический пример – опрометчивое переименование Невского проспекта и Дворцовой площади, проигнорированное речевой практикой (в устных воспоминаниях приводятся даже случаи демонстративного саботажа). Есть аналогичные примеры и в советском периоде истории Иркутска. И, конечно, наиболее острые случаи отторжения возникли, когда акт переименования воспринимался как колониальный. В позднее советское время такой эффект вызвали переименования Ижевска в Устинов, Набережных Челнов в Брежнев. Как колониальные были заменены микротопонимы в городах бывших республик СССР. Но, по сути, в каждом случае, когда присваиваемые имена никак не связаны с местностью и ее историей, акт наименования может быть оценен как колониальный (без идейных коннотаций этого прилагательного).

Политика «возвращения имен» стала легитимной после переименования Ленинграда, санкционированного результатами референдума, и фронтального возвращения старых названий московским улицам и станциям метро⁸. Радикальное переименование в

⁵ См. Рожанский М.Я. Имперский воск Семь историй из жизни иркутских памятников/ «Неприкосновенный запас» 2010, №2 (70).

⁶ Попова Р.В. Годонимы Иркутска в пространстве городской культуры// «Тальцы», 2006, №2, сс. 48-53.

⁷ Формула закрепилась в административной практике и сейчас является обычной – в названиях постановлений, комиссий, комплексных программ.

⁸ Заметим, что именно переименования в метрополитене для населения страны, которое ориентируется в Москве по схеме метро, заострили вопрос о целесообразности переименований – в метро надписи с бывшими названиями ясности не прибавят.

столицах помогло избежать бесперспективных дискуссий вокруг каждого конкретного имени, но оно неизбежно несло идеологический смысл. И благодаря тотальности (полностью упраздняясь советский период в топонимии), и тому, что эти акции проходили на фоне переоценки советской истории, воспринимались как часть этой переоценки, а многими сторонниками и аргументировались соответствующим образом. Естественно, «возвращение имен» было воспринято как идеократическая практика, инициаторы радикального упразднения советской топонимии смотрели на нее через оптику, аналогичную той, которой пользовались творцы этой топонимии – оптику Истории с большой буквы. Акции по «восстановлению имен» в начале девяностых годов предстали идейным реваншем. Сопротивление этому объяснялось нежеланием следовать команде «поворот вдруг». Случай Иркутска – один из наиболее показательных: в период перестройки в городе бурлила публичная политическая деятельность и сохранение советской идеологической топонимии в городе нельзя объяснить политическими убеждениями горожан – результаты выборов в девяностые годы не свидетельствуют об особых симпатиях к коммунистической идеологии. Важно обратить внимание на то, что отсутствие спешных акций по переименованию было сопротивлением Центру, сигналам, идущим извне. Но сопротивление осталось рефлекторным, не привело к общественной дискуссии. Результатом стало фактическое блокирование решения проблемы засилья советской топонимии и сохранение идеократического наследия в неприкосновенном виде.

Индифферентность к идеологическим знакам, укоренившимся в городской среде, и даже к факту такой укорененности, достаточно характерна для сибирских городов, и пример Иркутска позволяет увидеть, что речь не идет об идеологической зависимости. За два десятилетия, прошедших с начала радикальной ревизии в массовом сознании советской истории, в Иркутске, как и в других городах с аналогичной топонимической судьбой, засилье советизмов не раз вызывало инициативы по «возвращению имен». Но тема оказывалась актуальной, в основном, для иницировавших ее идейно-политических групп и историков, краеведов, лингвистов. Возникшие дискуссии не шли дальше обозначения позиции. Так, в предвыборной борьбе 2003 года Союз правых сил в Иркутске попытался вынести вопрос о десоветизации топонимии в центр повестки дня, но эта инициатива лидеров партии не нашла понимания даже среди партийного актива. Представителям руководства партии, которые в своих выступлениях перед однопартийцами и сочувствующими в Иркутске на собраниях и конференциях делали акцент на вопросе о переименованиях, предъявляли обвинения, что они подменяют обсуждение реальных проблем, решений по которым не могут предложить, пустой риторикой. Акции протеста по поводу сохранения советской топонимии предприняли русские националисты, но и эти акции не стали массовыми. Не сформировалась, в свою очередь, и какая-либо общественная группа по защите от «переименований». В каждом из этих случаев дело не только в индифферентности иркутян по отношению к вопросу, а в том, что те, кто относится к проблеме не безразлично, не могут предложить решений.

Аргументацию отказа от переименований, которая формулируется в дебатах, трудно принять в качестве убедительного объяснения этой позиции. За двадцать лет «десоветизации» не появилось новых значимых аргументов. И не появилось именно потому, что

вопрос остается в контексте десоветизации. Это закрепляет патовую ситуацию противостояния идеологических оценок. Хотя шахматная метафора не очень уместна, поскольку противостояние носит бескомпромиссный характер. В результате, как альтернатива идеологическим выдвигаются прагматические доводы, никак не отвечающие на идеологические вопросы, и таким образом переводящие проблему из режима бескомпромиссного противостояния в риторическое поле, где идеологические аргументы не имеют силы. Перспектив решения это не дает, но позволяет отложить действия, сопряженные с политическими рисками. Доводы идеологии и доводы прагматики лежат в разных сферах человеческой жизни. Тема десоветизации, апеллирование к исторической справедливости лежит в плоскости отношения человека с историей. Обращение к доводам прагматики (как экономической, так и социолингвистической) – в мире повседневности.

Проблема топонимии – сфера не только прагматики и идеологии, это проблема исторической памяти, которая не сводится к идейной борьбе. Кажется, что это очевидный (если не банальный) тезис, но он не стал инструментальным – именно потому, что остался в пределах дихотомии советское/досоветское и не вышел на проблематику деколонизации. Концепция «мест памяти» привлекает к ним внимание как к формам отношения человека с историей, но если мы хотим сделать ее инструментальной, необходимо акцентировать и слово «место», то есть отношения человека с пространством. Собственно, превращение в «память-архив», когда «место памяти» не выполняет функций связи человека с прошлым (в лучшем случае – имитирует), и дает основание лингвистам, стоящим на принципиально прагматических позициях, игнорировать не только идеологические смыслы топонимов, но и их потенциал как «мест памяти». Возвращение имен – не возвращение прошлого, а возвращение топонимии к жизни. Бытие названий, ставших символами, непонятными большинству, «мертвыми», исключительно функционально. Как символы они мертвы или почти мертвы и все, что им остается – функции ориентирования в пространстве.

Имитация исторической памяти – одна из несущих конструкций идеократии и одно из самых значимых ее наследий. Последовательный идеологический подход апеллирует к необходимости восстановления исторической памяти, но неизбежно остается в пределах борьбы за симулякры, поскольку топонимы не выполняют роли «мест памяти». Здесь иркутский пример также показателен. Городские власти позже, чем во многих других городах, пошли на размещение на нескольких улицах табличек с обозначением их досоветских названий.

К этому решению администрация города была фактически принуждена настойчивыми акциями русских националистов, самостоятельно развешивавших самодельные таблички. В данном случае, инициаторы повторили модель демократии участия, опробованную ими при увековечивании памяти адмирала Колчака – в свое время власти были поставлены перед перспективой установки памятника на частном участке земли на территории города и вынуждены были сами выделить место, чтобы снизить идеологическое звучание акции. В результате увековечиванию памяти Колчака был придан официальный характер. В случае с дублированием топонимов администрация города пошла навстречу гораздо осторожнее и обеспечила

табличками с дореволюционными названиями всего лишь несколько центральных улиц. Решение проблемы, таким образом, скорее, имитируется, понимают это инициаторы или нет. Во многих городах таблички висят уже не один год, но дальнейшие шаги – легитимация дореволюционного или выбор названия – за единичными исключениями, не сделаны. Националисты проводят свои протестные акции под лозунгом «Очистим Иркутск от польских повстанцев и красных мадьяр», адресуя к соответствующим названиям улиц. Но если нынешняя улица Польских повстанцев носила ранее название Транспортной, а до советского переименования – Семинарской, то улица Красных Мадьяр носила до 1967 года название 2-й Советской, а до 1920 – Второй Иерусалимской. Ни то, ни другое название явно не устроят инициаторов переименования как не отвечающие «духу» их мировоззрения. Как быть с переименованием улицы Энгельса в Иркутске, которая до 1920 года была Жандармской? И стоит ли возвращать в Красноярске взамен уникального, хотя и не отвечающего законам топонимики, советского названия «улица Охраны Труда» название Верхнетюремная, хотя оно и отражает историю города и Сибири?

Дидактическая работа с «местами памяти» способна привлечь внимание к пересмотру истории, но не способна предложить решений, эмансипирующих историческую память от идеологии и, значит, национализирующих память (если следовать терминологии Пьера Нора).

Если «идеальный тип» города – самоорганизация горожан, живущих в рукотворном ландшафте, то преодоление моностилизма – условие возникновения города из поселения. Моностилизм в топонимии, навязанный советским администрированием – фактор, оттягивающий город в состояние поселения. Для человека традиционного общества – кочевника, земледельца, охотника – одушевлена природа, для горожанина – «вторая природа», среда, созданная человеком – если и не одушевлена, то, как минимум, вызывает эмоции, обсуждается, побуждает к активности словом и действием. Топонимия – часть этой «второй природы», среды обитания человека, созданной им самим. Если топонимия не выполняет функции коммеморации, то она не побуждает к диалогу, обедняет городскую среду и не участвует в складывании городского сообщества и в его воспроизводстве.

Топонимия актуализируется так или иначе как апелляция к городской идентичности и способ обращения к человеку. В рыночных условиях местный бизнес стал активно использовать годонимы, остракая их в названиях кафе, ресторанов, магазинов. В разных городах этот слой «языка улиц» эксплуатирует разные эпохи. В Иркутске преобладает обращение к дореволюционным именам⁹, в Красноярске в советских именах улиц выявляется семантика, которую не принимали во внимание ни в двадцатых годах, когда давались имена, ни в позднее советское время¹⁰.

Декolonизация и формирование гражданской нации тесно переплетены в феномене сибирской идентичности. Это идентичность территориальная, отвечающая гражданскому пониманию нации. Фиксация национальности «сибиряк» при переписи населения в 2010 году, интернет-кампания «Я-сибиряк» вызваны невозможностью и/или нежеланием определять себя в классификаторе этнического происхождения. Связано это и с городской идентичностью: сейчас «ядро» населения старых сибирских городов вновь составляют «коренные» горожане во втором-третьем поколении,

а во многих молодых городах – первое поколение уроженцев города. Ситуация сходна с той, которая была в Сибири в середине XIX века – исторической паузе между большими волнами колонизации. Это был ключевой для сибирского самосознания период, породивший областничество как движение и как мировоззрение. Областники исповедовали ценности европейской культуры и, утверждая идею самобытности Сибири, исходили из того, что Сибирь не только колония России, но и фронт европейской цивилизации. В последние десятилетия развилка самобытность / универсализм актуализировалась, что имеет непосредственное отношение к проблеме городской топонимии и будет одной из основных, если начнется конвенциональная работа с топонимией. Когда кризис советской идентичности в 1970-1980-х годах стал мощным импульсом обращения к прошлому, это обращение проходило как способ самозащиты культурного слоя в сибирских столицах, иногда с противопоставлением исторической памяти и модернизации. Другие города, выключенные из планов индустриализации, в том числе и некогда «передовые» (не только для Сибири, но и для России, в целом) Тобольск, Енисейск, Кяхта оказались оттесненными в провинцию «второго эшелона». Когда эти города стали «бесперспективными», историческое значение города, культивирование его прошлого оставалось, если не единственным, то самым весомым ресурсом, позволявшим художественной и гуманитарной интеллигенции обнаруживать экзистенциальные смыслы своего профессионального выбора. Активная борьба за сохранение примет исторического своеобразия была и остается шансом компенсировать дефицит культурного капитала в городе, вольно или невольно избранного для жизни. В постсоветскую эпоху своеобразие исторического города стало восприниматься еще и как шанс вписаться в рыночные отношения. Историческое значение города, необычность его прошлого кажутся патриотам бесспорным ресурсом, что рождает рискованные иллюзии: интерес внешнего мира к возрождению исторического величия воспринимается как аксиома. Это можно назвать «ловушкой своеобразия», поскольку культ своеобразия не позволяет сделать его фрагментом сегодняшнего дня, участником и ресурсом развития. Ловушка еще и потому, что инновационный потенциал патриотов города (как и вообще его жителей) ограничен привычными жизненными ритмами, особенностями социального времени в провинции «второго эшелона». Культ своеобразия – не само своеобразие, а именно его культ – оказывается помехой для открытости, и это сказывается на городской культуре в целом, которая может развиваться только в переплетении локального и всеобщего. Что касается топонимии, то советская унификация резко нарушила баланс в сторону универсума – обедненного, моностилистического «большого мира». Возвращение имен как радикальный принцип консервирует историческое «ядро» города, не организуя диалог, а противопоставляя одному стилю другой. Городская культура – диалог космоса и полиса, универсума и места. Работа над топонимией – это одна из тех сфер, в которых возможно искать баланс между «большим миром» и «самобытной историей», меру открытости и закрытости, что для города важно не только с точки зрения самочувствия гуманитариев, но и с точки зрения его, города, перспектив.

⁹ «Салон на Пестеревской», «Тихвинское колесо», Русинский рынок и т.п.

¹⁰ Так на улице Парижской коммуны, которая в советское время в обиходе (в т.ч. на официальных табличках и в маршрутах городского транспорта) сократилась до «улица П.Коммуны», предприниматели активно эксплуатируют смыслы, ассоциирующиеся с Парижем, парижским, французским.

Состав участников:

П. Анисифоров – вице-президент Союза архитекторов России по Западной Сибири, председатель правления Алтайской организации САР (Барнаул); А. Бавыкин – вице-президент САР, советник РААСН; А. Боков – академик РААСН, заслуженный архитектор РФ, действительный член МААМ, президент САР; Е. Гевель – архитектор-искусствовед, государственный эксперт по проведению историко-культурной экспертизы, преподаватель Института градостроительства СФУ; Е. Зыков – архитектор, член правления Красноярской организации САР; Э. Кубенский – архитектор, художник, дизайнер, руководитель издательства «Татлин»; К. Лидин – канд. техн. наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента ИрГУПС; А. Макаров – главный архитектор Красноярска, профессор МААМ; А. Раппапорт – архитектор, теоретик архитектуры, канд. архитектуры, доктор искусствоведения, член САР, Международного комитета архитектурных критиков, Союза дизайнеров России, Ассоциации искусствоведов; А. Сирина – доктор истор. наук, ведущий научный сотрудник отдела Севера и Сибири ИЭ РАН; О. Смирнова – архитектор, член правления КРОСАР; М. Ткачева – канд. филос. наук, доцент кафедры философии БГУЭП, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России; А. Юдин – канд. истор. наук, доцент Центра изучения религий РГГУ.

Кураторы:

Е. Григорьева, заслуженный архитектор РФ, чл.-корр. РААСН, действительный член МААМ, вице-президент САР по Восточной Сибири, издатель и главный редактор журнала «Проект Байкал»; А. Мякота – архитектор, член правления КРОСАР, руководитель архитектурного бюро «АДМ», Красноярск.
Модератор – А. Козьмин, руководитель Центра урбанистики Томского госуниверситета.

Идентичность сибирских городов и общественные пространства

Дискуссионный клуб ЗВС-14. 27–28 июня, Красноярск

текст

Марина Ткачева

фото

Марина Ткачева,
Сергей Демков

Алексей Козьмин Тема круглого стола многосторонняя, сложная, философская. Представляется, что она затрагивает связь пространства и мысли, пространства и психологии, архитектуры и идентичности места. Мы будем говорить, поднимая тему общественных пространств современного города.

Елена Григорьева Мы – как архитекторы и как жители своих городов – чувствуем, что города Сибири отличаются а) от других городов мира; б) от других городов России; в) каждый сибирский город имеет свои, только ему присущие, особенности. Каждый город вызывает свои ассоциации. Сибирские города имеют общую историю: первопроходцы шли из европейской части России и основывали города на пересечении своего пути и великих рек, текущих с юга на север в Ледовитый океан. Мы живем в разнообразных ландшафтах: рядом с Томском самое крупное болото в мире; горные красноярские ландшафты выходят прямо в город; Иркутск гордится соседством с всемирно известным славным морем Байкал. Говоря о сибирских городах, мы не можем не сказать об особых сибирских людях. Евгений Евтушенко озаглавил один из своих сборников «Я сибирской породы». Можно согласиться с поэтом в том, что существует особая порода людей, история и география сформировали особый сибирский характер. Номады кочевали по этим территориям до того, как пришли русские первопроходцы. Некоторые коренные народы достигли высшей гармонии с природой. Позже появились номады поневоле – те, кого сюда отправляли в ссылку, на каторгу. Масштабные комсомольские стройки советского времени породили номадов романтического плана. Все эти люди отличались особыми чертами, были энергичны и амбициозны, часто авантюры. Сформировался особый менталитет. В последние десятилетия усилился «западный дрейф»: наиболее энергичные и амбициозные уезжают из Сибири в столицы и зарубеж. Конечно, д'Артаньяны, уезжающие покорять Париж, были и будут всегда. Однако как сделать наши города неповторимыми, как сделать, чтобы жители ценили и любили именно свой город, гордились своим городом?

Алексей Мякота Я думаю, что в этой дискуссии мы попробуем проанализировать воздействие самого места на человека, на то, как формируется культура места, как формируется человеческий психотип. Как возникает эта ментальность сибиряка. И, конечно, надо говорить о природе, ландшафте.

АК Идентичность сибиряка действительно очень сильная вещь. Сибиряки, как правило, объединяются в прочные диаспоры, даже находясь далеко от родных мест.

Анна Сирина в докладе «Народы Сибири: ландшафт культуры и культура ландшафта» говорила о значении антропологических и этнографических исследований народов Севера, их традиционных представлений для понимания современного социального ландшафта, социального расслоения общества. В него включены хозяйственно-культурные типы – понятие антропологии, характеризующее связь человека не только с деятельностью, которую он практикует, но и с местом его развития. В него входит представление о самоидентичности человека, основанное на преемственности культуры, непрерывной связи поколений. Кочевая архитектура, многофункциональная, весьма утилитарная, но и обладающая существенными эстетическими достоинствами, являлась необходимым элементом ландшафта культуры кочевников.

Особый хронотоп, существующий у народов Севера, связан с их практическими действиями и природным ландшафтом. Значительные события жизни формируют духовный ландшафт, культурные архетипы. А культурные архетипы инвариантны у народов всего мира (см. статью А.А. Сириной «Люди и город» в этом номере ПБ).

АК Мы подходим к теме столкновения антропологических типов, двух культур. В России казаки подминали аборигенную культуру и тиражировали свои нормы и формы жизни. В цивилизационном отношении это оказывалось более жизнеспособным, чем сохранение традиций. Место ли определяет идентичность или традиции определяют идентичность?

АС Уже выросло третье поколение интеллигенции, которое тиражирует именно модерное сознание. Но в какой-то период для художников и дизайнеров стало актуальным обращение к традициям, так называемой неоар-

хаике. Такое возвращение к идентичности я могу назвать «корнями, пробивающимися сквозь асфальт» (см. статью А.А. Сириной «Художник в городе...» в этом номере ПБ).

Алексей Бавыкин Мне кажется, было два процесса колонизации этой территории. Первый, изначальный, носил более-менее органический характер. А второй – колонизация советская, культурная. Объясните, в чем уникальность этого процесса в нашей стране. Чем она отличается от аналогичных процессов, скажем в Северной Америке, Австралии?

АС Схожие колониационные процессы были в Северной Америке и в России. Правда, в советское время термин «колонизация» вообще был запрещен. В колонизации Сибири осуществлялась российская модель, со всеми российскими плюсами и минусами. Сначала их убивали. Были стычки локальные. А затем, через 20–50 лет, эвенки становятся лучшими проводниками казаков по Сибири. Они, собственно, и вывели казаков на побережье Тихого океана. Не только русские осваивали этот край. По архивным данным, здесь были и литовцы, и белгие, и ссыльные, и крестьяне монастырские. Тогда же Сибирь заселялась северянами (Вологодская область). Это огромные территории, необыкновенная культура. Это уже смешение народов и культур, в каком-то смысле их расцвет. Этот отток в Сибирь был вполне осознанным. И опыт общения с разнотничным населением, разумеется, был.

Развитие народов Сибири сейчас тормозит то, что у них нет прав на территории традиционного природопользования. Сейчас признано, что сохранять территории нужно вместе с человеком, который ведет неистощительное природопользование.

АК Многие из нас тоже считают себя аборигенами; уже есть сибиряки в шестом-седьмом поколении. Поэтому и говорят о сибирской идентичности. Но с точки зрения градостроительства, архитектуры у нас глобализация, глобальные технологии. Очень популярно стало приглашать европейских, американских архитекторов. Они не всегда видят место, его историю. По своему опыту я вижу, что в Улан-Удэ, где есть бурятская национальная идентичность, архитектура существенно отличается от европейской, которая сюда была исторически привнесена. Как только в

Бурятии возникли условия, там быстро возникли дацаны, традиционные культурные формы. Идентичность восстановилась. Как нам, сибирякам, в этом новом глобальном мире удержать свою идентичность, есть ли она у нас? Как сохранить наш культурный код? Ведь приход глобальных сетей, в том числе всемирных торговых сетей, брендов, марок унифицирует пространство. И в новых поколениях культурные коды начинают стираться.

АС Проблема такая стоит перед всеми, не только перед Сибирью. Мне кажется, надо просто бороться до конца, кто как может, каждый на своем месте. Наверное, как вампиловская Валентина, которая восстанавливает палисадник.

АК Я зафиксировал это как наш культурный код – «восстанавливать палисадник». Но как исторические культурные слои, на месте которых растут современные города, могут повлиять (или влияют) на современную жизнь?

Екатерина Гевель в своем докладе «Закономерности расположения стоянок древнего поселения и расселения этносов на территории Красноярска» подчеркнула, что для исследования городов как сложных живых организмов нельзя обойтись без междисциплинарного подхода, в котором топонимика, антропология и археология занимают важное место. В самом Красноярске зона древних стоянок тянется прямо по центру города – от Стрелки до Речного вокзала, на Караульной горе и т.п. Вокруг города также много историко-археологических зон. Первая задача – их изучение и описание. Но сохранять их следует обязательно. С известной долей условности их можно назвать прообразом города. Но очевидно, что наши предки жили в гармонии с природой (см. статью Е. Гевель «О своеобразии Красноярска» в этом номере ПБ).

АК В градостроительстве сейчас сталкиваются два подхода. Первый – утилитарный: нужно создавать новые жилые микрорайоны прагматичного типа, многоэтажные, плотные. Второй, романтический – давайте сделаем все красиво, в гармонии с природой, чтобы человеку было удобно. Хочется понять, насколько исторический контекст сыграл роль в решении вопроса об эстетике и прагматике, который сегодня стоит на повестке дня, в том числе и в Красноярске. И каким образом эти подходы

сталкиваются в конкретных градостроительных разработках?

Андрей Макаров Мы же разные. Мне из зала говорят, что люди не верят в то, что они могут повлиять на принятие решения. Я очень много занимался вовлечением местных сообществ в процессы управления территориями. Нужно от трех до пяти лет планомерной работы вместе с лидерами объединений для того, чтобы люди включились. Тогда и станет реальностью идея, что носителями культуры являются люди, живущие в данном месте и желающие свое место обустроить. Но рекреации и деревья всем нравятся, а про силуэт города вообще мало кто задумывается. Вчера в Художественном музее открылась выставка скульптора Д. Намдакова. Он говорил об изменении границ осознания места: сначала деревня, потом город, потом Сибирь... Сегодня все соединилось, и вся планета – один большой дом. Так меняется само понимание места.

АК Место меняет человека, но в городах есть масса примеров, когда приход достаточно большого количества мигрантов с другой культурой и религией очень быстро меняет само место.

Константин Лидин Мы все время обсуждаем сущности, которые не существуют физически: можно ли измерить красоту? Вряд ли. Мы все время говорим не о том, что существует реально, а о том, что мы думаем на эту тему. Мы все время находимся в пространстве мифов. Великолепный пример – 130-й квартал в Иркутске, миф, который родился буквально на наших глазах. До реконструкции это был чудовищный клоповник. Но как только вычистили это безобразие, немедленно возник миф о некоем парадизе, где жили счастливые люди, настоящие иркутяне и было сплошное пиршество деревянной архитектуры. И теперь люди сравнивают реализацию проекта не с тем, что было на самом деле, а с тем, что они думают о том, как там было на самом деле. Примерно так же на наших глазах возникают мифы о неких благородных дикарях, которые населяли Сибирь до того, как пришли сюда русские. Ему вторит симметричный миф о том, какие благородные русские сюда пришли, всех научили жить, просветили. Мне кажется, что мы вообще зря обсуждаем

вопрос об идентичности сибиряка. Мы не сможем ее найти в принципе, потому что эта сущность находится в мифологическом пространстве. Мы должны поставить вопрос иначе: как мы сконструируем, построим, изобретем идентичность сибиряка? Это необходимо сделать, ибо идентичность территории – понятие экономическое. Территории – это бурно развивающиеся отрасли экономики. Идет конкурентная борьба в первую очередь за постоянных жителей: откровенное переманивание ценной, работоспособной, фертильной части населения. Вот экономический фундамент любой территории. Территории стараются идентифицироваться, позиционироваться друг от друга в первую очередь потому, что это вопрос выживания. Если мы убедительно не объясним жителям Красноярска, почему надо жить именно здесь, то у нас население утечет, что, собственно, и происходит сейчас на наших глазах. Некоторые сибирские города уже стоят на грани. Если мы не найдем миф, заземляющий человека на это место, то мы потеряем людей, а вслед за ними мы потеряем территорию.

Екатерина Гевель Я хотела бы вспомнить, что при проектировании исторической части Красноярска была обнаружена историческая канва, в которой запечатлена как бы память городской среды, жизнь целых эпох. Когда здания были уже снесены, а жители переселены в новые города, эта местная канва сохранялась в виде легенд, преданий, фотографий, историй как дух места. Место очень много значит. И, вероятно, активная жизнь красноярцев проистекает из уникальных возможностей урочища, возможности раскрыться в природу, вести диалог города и природы.

АК Итак, идентичность – даже не сибирская, а красноярская – есть.

Александр Раппапорт Константин Лидин очень уместно ввел категорию мифа, но затем противопоставил ее реальности. Мне кажется, что миф – это единственная культурная реальность; другие реальности – это научные гипотезы. Строить новый миф никому не запрещается. Надо думать, что миф, который существовал до настоящего момента, все-таки существует: это миф советского человека. Он отличается от мифа поляка, австрийца,

швейцарца, англичанина. Каков сейчас общепринятый миф советского человека, который живет в Красноярске? Чем он отличается от советского в Москве или на Невском проспекте? И, наконец, каковы границы, в которых обретается идентичность, в социологическом или в социально-культурном смысле? Ее масштаб неявно сквозит у нас в сознании, но географические границы устойчивой мифологии никому не известны. Это очень интересный исследовательский вопрос, ибо границы все-таки существуют, так же, как клетки, атомы, лучи, образуя инфраструктуру мифологии. Именно географическая инфраструктура мифологии представляет и теоретический, и практический интерес.

Марина Ткачева Вопрос об идентичности касается не только архитектурного окружения, но и той деятельности, которая в этом архитектурном окружении ведется. Сохранение форм жизни, связанных с аутентичностью, историей, оказывается в полном провале, если их консервировать и организовать резервацию. Однозначно одобрительное отношение к этническим традициям и формам жизни – еще не самый очевидный и лучший вариант. На наших глазах – пример другого рода. Открылась выставка уже всемирно известного художника, скульптора, ювелира Даши Намдакова. Его первоначальная интуиция о принадлежности к бурятскому роду и бурятскому народу мало-помалу насыщается другими идеями и другими темами: итальянская, египетская, английская культура... Это не мешает ему оставаться сыном бурятского народа. Так глобализация, о которой говорил Алексей Павлович, превращается в глокализацию: утверждение не глобальных трендов, существующих во всем мире и долженствующих осуществляться в том числе и у нас, а утверждение своего достоинства методами взаимодействия с другими культурами, сохранение своей особенной позиции и особенного взгляда. Конечно, этот взгляд отчасти архетипический, но он все равно есть. Я опять возвращаюсь к идее, что рассматривать одну архитектуру как сумму зданий или сумму пространств недостаточно. Первый вопрос – какая деятельность будет организована с помощью этой архитектуры?

Ольга Смирнова Я училась в Питере, и после десятилетней жизни в Красноярске ощутила, что в Питере масштаб совсем другой, чем мне казалось: казалось огромным, а стало нормальным по сравнению с Сибирью. Моя идентичность изменилась именно здесь. Первое – в Сибири другой масштаб. Второе – я сделала открытие. Екатерина Васильевна употребила слово «видовка». Видовка для сибиряков – это место, откуда можно увидеть сверху красивый пейзаж, и мышление на этом заиклилось. Результат – мышление застройщиков заточено на то, что «надо видовку освоить», из окон показать красоту. А силуэт города искажается, гробится культурный ландшафт.

АК Зафиксируем: красивый вид из окна хотят иметь все. Но таких мест немного. Сохранить профиль города и его видовые характеристики – очень небанальная задача. Многие мировые города с этим не справились.

Алексей Бавыкин Поддерживаю главного архитектора. Я выхожу на балкон своего номера – очень некрасивый вид, и никто мне не докажет обратного! Надо волевым порядком, как это и делалось всегда в истории, пока не поздно, определить места высотной застройки и запретить строить выше восьми этажей на местах, где не разрешена большая высотность. А другого варианта нет.

ЕГ Красноярск достоин того, чтобы в составе генерального плана был специальный раздел, посвященный ландшафту, сочетанию искусственного и естественного. Необходимы регламенты по высотной застройке, сохраняющие силуэт города. Сейчас самое время это сделать.

Андрей Макаров У нас есть проект зон охраны, в котором природные ландшафты обозначены предметом охраны и должны быть сохранены. Я надеюсь, что со временем это удастся. Но отступления могут пролоббировать те застройщики, которые уже купили земли. Наши предложения мы должны учесть именно в ПЗО. Деформирующие объекты могут быть выявлены, может быть перечеркнуто их дальнейшее появление.

Евгений Зыков Еще лет пять назад я присутствовал на чешской презентации высотного строительства в Праге. Архитекторы сделали 3D-модель города с рельефом, выявили те точки, откуда город воспринимается как

цельное образование, ансамбль. Они с этих точек делали проекции, встраивали туда высотные объекты и убедительно показали, какая высотность здесь возможна, а какая нет, в каком случае силуэт города не ломается. Такая комплексная работа не может быть сделана одной компанией. Это – компетенция городской власти, если она заинтересована в сохранении достоинств города.

Алексей Мякота Работа, связанная с ландшафтом, должна учитывать не только высотность, но и композиционные свойства ландшафта, способы его освоения. Но она должна быть одобрена нами, горожанами. Это работа нескольких коллективов. Это разные формы, и междисциплинарные в том числе, и общественность и т.д. Самый позитивный проект адаптации искусственного в природном – Сизэгл.

Андрей Макаров Мы понимаем тот результат, который нам нужно получить, и у нас есть проект ландшафта как предмета охраны. Поэтому давайте находиться в юридическом поле.

АК Кто должен быть субъектом, который определяет эти охранные зоны, кто должен лоббировать интересы охраны ландшафта?

Андрей Макаров Управление культуры, наши уважаемые историки, наше сообщество, которое и должно эту работу довести до результата, который нам позволит сохранить ландшафт не только центра города. Построение 3D-модели может быть этапом работы, хотя пока эта работа не имеет заказчика.

АК Я давно занимаюсь практической деятельностью, и бизнесом в том числе. Есть законодательство, а есть жизнь. Если мы наши проекты зон охраны будем делать исключительно исходя из норм законодательства, мы ничего дельного не получим: и идентичность местную не сохраним, и новому не дадим развиваться. Мы потеряем город. Такое уже произошло во многих городах.

АР Хотя в Питере сейчас живет полпроцента коренных ленинградцев, это совершенно новый этнос. Но только сегодняшние жители Питера смогли выступить почти в революционном порядке против Охта-центра и принудили «Газпром» отказаться от этого проекта.

Екатерина Гевель В апреле вся общественность Красноярска намертво встала, чтобы сохранить городской сад, памятник природы. То же самое происходит с историческим кварталом.

МТ Есть ли реальные рычаги у муниципальной власти нерекламательного характера, чтобы противодействовать варварской колонизации городского пространства?

Андрей Макаров Власть, если будет заинтересованная позиция общества, может работать: либо оправдывает требования выборщиков, либо нет. Но существуют более интересные темы, нежели силуэт. Я все-таки оптимист, потому и работаю, что надеюсь на возможность позитивных изменений. Но только общество должно созреть для них.

Алексей Мякота Я вернусь к теме мифа. Миф может быть высокохудожественным, а может быть просто утилитарным. Но в любом случае он строится на особенностях национального мышления, которое включает и национальное, и геополитическое. Но в конкретном месте есть некие особенности, которые ведут тебя как бы помимо твоей воли. Вечна не форма, а нечто такое, что предопределяет наше поведение. Ребенок, который родился в Японии, еще не очень хорошо зная язык, практически демонстрирует полностью именно японскую структуру мышления. Идентичность – это своеобразие геополитическое, давайте назовем это сутью места. Почему же при таком своеобразном ландшафте мы не имеем чего-то своего? Вот я проектирую в Ергаках альплагерь. Моя задача – не повторить Альпы и альпийские дома, а почувствовать суть этого места: уникальные ландшафты, включение в них человека, типологию спасения человека в горах, экстремальный климат (там даже клещи не водятся, потому что лето – всего полтора месяца)... Неосвоенная территория. Надо найти архитектуру, которая адаптировалась бы именно к этому месту, несла бы какие-то контексты, учитывающие реакции ландшафта. Но носителем идентичности является человек: на один и тот же природный объект у людей из разных мест совершенно отчетливо разные реакции. И он уже создает эту самую идентичность в материальной культуре, в образцах и т. д. У меня мастерская называется «Архитектура, дизайн, методология».

АК Ваши примеры связаны с природными объектами, где городской идентичности нет. Как переложить ваши примеры на городскую ткань, на Красноярск конкретно, как находить формы, которые соответствуют идентичности, городскому ландшафту?

Алексей Мякота В нашем проекте есть строительно-конструктивная система, которая имеет универсальный узел и связь. Она абстрактна. Она не несет за собой никаких кодов культурных. Кроме материала, там ничего нет. Но мы этот значок вмонтировали в проект острова Ташев. И здесь мы искали уже знаково-образную систему в этом элементе.

АК Но все-таки проблема у нас – город, это воплощенное разнообразие. Особенно в городах-миллионниках люди очень разные. Вот где трудно нащупать идентичность. Вы для одного района города можете угадать, а для другого нет.

МТ Алексей Дмитриевич кокетничает, говоря, что смысла в конструкции нет. Ведь смыслы рождаются не только в голове создателя. Они рождаются в процессе функционирования того предмета, который вы создали. И вот эти-то смыслы как раз есть, были и будут.

КЛ Проектируя, архитекторы очень часто забывают, что потом объект будет жить уже без них. И он будет подлежать осмыслению и, соответственно, изменению тех людей, которые будут с ним сталкиваться дальше. Обсуждать, хорошо это или плохо – бессмысленно, так же как наступление осени. Как было бы просто и легко охранять исторические места, если бы в городе не было жителей! Но это абсурд! С точки зрения Мякоты, его проект рифмуется с пейзажем. Но есть другие точки зрения, с которых он выглядит чужеродным. И обитатели этих домов начнут менять их, реализуя возможности, которые вы заложили в его как бы нейтральную конструкцию.

Алексей Мякота Думаю, что обитатели этих домов начнут менять их не под пейзаж, а под свои потребности, под свое восприятие.

КЛ Никакого пейзажа не существует, есть только наше его восприятие. Обратите внимание, что у нас сегодня несколько раз возникала точка зрения, когда архитектор противопоставляется жителям города. Но эти претензии

взаимны. И возникают претензии: почему они такие некультурные? Почему они, сволочи такие, не хотят жить в чумах? Почему они не хотят жить на помойке, а хотят, чтобы эту помойку вывезли за город?

Екатерина Гевель Как в историческом городе почувствовать эту пространственно-временную глубинность природы? Что позволит жителям ввести память и подлинное чувство истории в жизнь? Что делать горожанину-то?

АК К сожалению, это интересует 3%, может, 5% населения. А остальные люди имеют в виду совершенно простые объекты и какие-то мифы, которые вокруг этих объектов созданы. Но в историю глубоко не проникают.

Алексей Юдин Я достаточно хорошо знаком с итальянцами, и эта тема меня взорвала. Итальянцы – это искусственная, политико-мифологическая конструкция, которая создавалась веками и завершилась Муссолини. Фашизм сделал Италию, но про это забыли. А вот пример того, как мифы изменяют экономику. Курорт Римини расцвел на мифе о прекрасном море. Мифы создавать надо. Мифы создает политика, мифы создает культура, и это средство развития экономики в том числе, чем я сейчас, собственно, занимаюсь. Я – бренд-менеджер территорий; я не собираюсь привозить ничего готового из Москвы. Мне интересен здешний механизм инкультурации, превращения и создания новых ценностей. Я хочу увидеть нынешний пласт бытия и понять, где у вас классика? Где ваш ландшафт, без которого Красноярск не будет собой? Я особо занимаюсь экономическими вопросами, интеграцией в культурном аспекте: как в культуре найти ориентиры для экономического развития.

АР Мы сейчас все находимся в культурной ситуации, когда пытаемся нацепить на слона чепчик маленькой мушки: ничего не понимаем ни в идентичности, ни в культуре, ни в градостроительстве. У нас есть такой романтический, от XIX века унаследованный открыточный вид, который бабушка прислала из Флоренции или из Альп. Нам труднее всего понимать, с чего начать и к чему двигаться. Мы – архитекторы, портящие земной шар, но считаем себя ответственными за духовное здоровье людей, которые выходят на улицы и разрисовывают дома граффити. Они варвары, и мы знать их не знаем и не желаем знать.

Мы все время порождаем вандализм в своей среде, и вандализм порождается самой культурой. Это очень интересная ситуация нашего времени. Но этим энтузиастическим неведением охвачены сейчас миллионы людей и профессий. И архитекторы оказались в самой сложной ситуации. Они совершенно не понимают, что они делают, зачем они это делают, но борются за что-то. Их хочется как-то вылечить от профессионального снобизма – иллюзорного знания о том, что есть абсолютно хорошее и абсолютно плохое.

КЛ Я бы хотел задать аудитории первый и наиболее провокативный из вопросов – зачем вообще нужны сибирские города? Кому они нужны здесь и для чего нужны? Ведь 40 тысяч лет, что человек живет в Сибири, никаких городов не было. По масштабам тысячелетий они появились буквально две минуты назад, и городами их можно назвать с натяжкой. Соответственно, вопрос: как с ними дальше поступать? Существует мнение, что города в Сибири – явление чисто временное. Они были нужны до тех пор, пока не развилась транспортная структура, которая позволила бы вообще отказаться от постоянного населения и возить сюда рабочую силу вахтовым методом. Сибирь как кладовка ресурсов воспринимается начиная с XVII века. Просто ресурсы стали другие: сначала отсюда вывозили пушнину, золото, серебро – высококонцентрированные по стоимости малотоннажные продукты. По мере развития дорог начали вывозить железо, потом уголь, древесину и т.д. И сейчас из Сибири вывозятся полезные ископаемые, выкачивается энергия. Что будет, когда человечество перестанет нуждаться в этих ресурсах? Как только Сибирь перестанет выполнять роль кладовки, окончательно станет понятно, что города в Сибири не нужны. Подобные мнения раздаются на достаточно высоком уровне. Само наличие постоянных поселений в Сибири – анахронизм, и нужно всех отсюда эвакуировать. В этом климате, в этих местах люди жить не должны. Они должны сюда приезжать, работать, сколько здоровье позволит, и уезжать на отдых в какие-то более комфортные части планеты.

Я подобрал несколько карт, показывающих, что если мы смотрим на Сибирь не изнутри Сибири, а снаружи, картина получается совершенно иная, и возраст городов тоже. С точки зрения жителей Красноярска, Иркутска, Омска, Томска все эти города существуют. Но с точки зрения французов этого же времени никакой Сибири вообще нет, вся Азия заканчивается Каспийским морем. Дальше начинается некое пространство, которого просто нет. На карте Энтони Дженкинса никаких городов нет и в помине. Вообще постоянных поселений нет. Зато есть множество фантастических персонажей. На месте Байкала – некое Китайское море. Люди, которые прошли войну, вдруг ни с того, ни с сего окаменели. Так и стоят каменные фигуры. В Иркутске находятся самоеды, которые едят друг дружку. Иркутск, Восточная Сибирь – место совершенно экзотическое. После эпохи Великих географических открытий, как ни странно, китайцы, которые могли бы лучше знать про Сибирь, знали еще меньше. Петр I собирался наладить торговые отношения с Китаем и, соответственно, планировал туда экспедицию. Но не успел. Однако в Голландии для него была карта приготовлена: Енисей нет, Байкала нет. Это уже 1704 год. Через 50 лет после как бы основания Иркутска (1660) император России не знал об этом городе. Вплоть до XIX века Сибирь оставалась чем-то похожим на Марс для современных фантастов. Фантаст Жюль Верн написал один из своих известнейших романов – «Михаил Строгов: из Москвы в Иркутск». Попасть в Иркутск – примерно как из пушки полететь на Луну. Совершенно фантастическая и романтическая история.

До сих пор он очень популярен, а Иркутск продолжает оставаться для европейцев чем-то таким вроде Марса. Конец XVIII века. Иркутск уже можно найти (Иркутск как раз получает статус губернского города), но больше в Сибири городов нет. XIX век. Сибирские города появляются в результате военной угрозы со стороны Японии: после революции Мэйдзи у России вдруг обнаруживается серьезный враг на Востоке. Но вот построена Транссибирская магистраль, и видно, что в первое десятилетие XX века все города, через которые она прошла, начинают расти. Рост продолжался практически до 70-х годов, начал замедляться к 80-м годам, когда железная дорога начала терять значение в связи с общим кризисом советской экономики.

С самого зарождения сибирские города играют совершенно уникальную роль: это города, которые не являются крупными торговыми центрами. Практически отсутствовала у сибирских городов роль научных и просвещенческих центров: кому придет в голову делать науку в Сибири? С точки зрения XIX века – нонсенс. И роль организационных центров сибирские города не играли. Знаменитый иркутский губернатор Пестель, отец декабриста, в течение 20 лет руководил Сибирской губернией, но ни разу в ней не побывал. Итак, сибирские города носят изначально уникальный характер транзитно-транспортных узлов. Первые достижения сибирского зодчества тоже связаны в первую очередь с дорогой. На примере трех городов видно, как формируется структура города под влиянием его транзитной роли. Скрещение путей железной дороги рождает прямоугольный характер планировки городов и их развитие вдоль реки и вдоль железной дороги. Образуется манхэттенская квадратная сетка, причем одна ось параллельна реке, другая параллельна железной дороге. В своем развитии сибирские города постоянно выходили за пределы городской стены, занимали новые территории, продолжая те же принципы. Эта роль осталась за сибирскими городами, по крайней мере, на следующие полвека. В советское время транзитность приобретает более общий смысл – транзит идеологии: по Транссибу социализм летит до самых границ и, не останавливаясь, дальше в Юго-Восточную Азию, которая очень быстро становилась социалистической.

Эта роль никуда не делась и сейчас, хотя приобретает совершенно новые технические обоснования: сверхскоростная дорога нужна Китаю, чтобы попасть в Европу, и ее предполагаемая трасса идет по линии того же Транссиба. И те же города остаются на линии Транссиба, продолжая нести ту же самую функцию – транзитную... Скорее всего, в следующие десятилетия (а может быть, и столетие) сибирские города будут городами при дороге. Города на сквозняке: сквозь них будет протекать огромный поток товаров и людей, в общем случае – информации. Большие информационные потоки сквозь Иркутск, Красноярск и прочее. Вот Иркутск, который мне больше знаком. Четкая манхэттенская сетка, которая проницаема для информационных потоков в обоих направлениях, и с севера на юг, и с запада на восток. В центре города она с 90-х годов очень активно разрушается. Фактически застройка приняла совершенно хаотический характер. Множество памятников было разрушено, множество совершенно ужасных объектов построено. Плотность населения в центре города стремительно росла, потому что градостроителям нужна земля, в которой уже есть коммуникации. За эту землю шла борьба. Как результат – хаос. Множество улиц, которые прерываются. Такая застойность имеет совершенно определенный социально-психологический аспект: Сибирь – экстремальное место для жизни. И главная угроза жизни сибиряков – депрессия.

Среда беспощадна. Как только человек перестает быть уверенным, что он хочет жить, он перестает жить. И линейный, продуваемый характер жизни в сибирских городах – это необходимое условие жизни здесь. Многолетние исследования, которые мы проводим, показывают, что жители Иркутска поражены двумя видами неврозов: тревожный невроз и невроз неврастенический. Общий фон воспринимается как приятный, и в то же время как-то здесь тоскливо и страшно жить. Это необъяснимо, но эмоции мы не всегда можем объяснить... На уровне отдельных объектов это также видно. Сибирский дом весь построен так, чтобы помогать своему жильцу справиться с депрессией. Во-первых, он очень пронаходим: дерево – материал пористый. Он проветривается, продувается, воздухопроницаем достаточно. Проемность невысокая, но очень много солнечных дней, чистый воздух, и небольшая проемность дает достаточную инсоляцию. Дом обязательно строился с учетом движения подземных вод: самые старые районы построены в самых сухих местах. Строители очень точно следовали розе ветров, иначе просто выдует. Деревянная резьба – не просто украшательство, а заклинания, очень древняя магия. Она помогала людям чувствовать себя увереннее. Попытки вернуться к этой идеологии сотрудничества с природой – расцвет архитектуры в 60-е годы. Такие суровые brutальные образы, использующие в первую очередь образы сибирской природы, отнюдь не благостной. Мне кажется, что искать идентичность сибирских городов надо где-то здесь. Сибирский город существует не просто так, а в совершенно определенном хронотопе, это город на сквозняке, продуваемый город и динамически изменяемый. Не случайно сибирские города строились с расчетом на то, что они будут перестраиваться; ни один из них не строился с расчетом на тысячу лет. Все города динамичные, все города на дороге, они динамичны с момента зарождения. Остановка для сибирского города смертельна. Как велосипедист не падает, пока движется, так и города созданы, чтобы бороться с депрессией. Наиболее успешные растущие города наиболее успешно и с депрессией борются. Это очевидно, когда мы сравниваем Красноярск с Иркутском. В Красноярске население растет, а в Иркутске убывает, может, именно потому, что Красноярск более мощно сопротивляется попыткам разрушить его пронаходим, транзитный характер. Мне кажется, это очень перспективное направление в исследовании, так как депрессия во всем мире осознается как страшная опасность. Если мы свой опыт сопротивления этой экстремальной природе отразим и воплотим его в архитектурные градостроительные рецепты, то, скорее всего, они окажутся востребованы во многих местах мира. Ведь депрессивные территории и города в Европе – это распространенное явление, серьезная беда... такое я видел в Германии, Болгарии. И то же нас касается. Если ослабнет информационный поток, который сквозь нас протекает, то сибирские города умрут гораздо быстрее. Если из сибирских городов начнут активно разбегаться люди в самом ценном возрасте, творческие люди в первую очередь, привлекающие интерес и внимание к городу, нам хватит 20 лет, чтобы город сколлапсировал и исчез. Здесь еще живут те, кому нравится жить на ветру. Это интересно, азартно. Всегда есть с чем побороться, а многие это любят.

AP Главное, что я уловил из доклада – это проблема депрессии. Не так давно я сам опубликовал статью под названием «планетарная клаустрофобия». Мне представляется, что стереотипизация строительных конструкций, архитектурных форм приводит к стереотипности, похожести всех городов и населенных пунктов

на земном шаре. Как следствие – у человека возникает ощущение сокращения размеров земной территории. Я предположил, что когда-то существовавшее весьма недепрессивное стремление людей уехать повидать мир исчезнет, ибо все в мире будет представляться совершенно одинаковым. И мне показалось, что самое страшное – если у детей возникнет чувство одинаковости всего на Земле, отсутствие на ней нового. Это будет страшный депрессивный элемент угасания жизненной энергии. Я это интуитивно почувствовал. Представил себе какой-то будущий мир, где детям не рассказывают сказки о тридесяти царстве, тридесяти государстве, потому что никакого чудесного тридесятого царства на Земле нет.

Бессознательно мы исходим из того, что будущее прекрасно. И города для многих людей в нашей цивилизации были местом будущего. Города – пространственный феномен, но на самом деле он стал темпоральным. Люди ехали в города, как в свое будущее. Это, конечно, происходило в разных условиях, но в XIX веке стало явным. Выражение «город будущего» – тавтология. Город – это и есть будущее; жить в городе значило жить в будущем. И процессы урбанизации, связанные с технической индустриализацией сельского хозяйства, которые выдвинули огромное количество сельского населения из непосредственного круговорота веществ в природе и толкнули их в города, они толкнули их в будущее. Вообще все эти прогрессы, мне кажется, чисто городская идея. Не город – будущее, а будущее и есть город. Я не знаю, как это может быть связано с апокалиптическими видениями Иоанна, с этим городом будущего и вообще с загробным миром. Город в каком-то смысле стал оппозиционером смерти. Город был местом жизни, будущей жизни. Некрополь-кладбище и город находятся в какой-то странной смысловой связи. С одной стороны – некрополь, он тоже связан с землей. Его организация пространства похожа на регулярную планировку городов, куда люди отправляются после жизни – и города, в которые они уезжают с земли, для жизни в будущем. В истории цивилизации эти два города, два пространственных стереотипа, архетипа слились: города стали будущим, и города стали движением от земли к будущему. Это движение повторялось в XX веке и вылилось в тенденцию перелета в космос. Фактически перелет в космос – процесс ухода с земли, на которой живете и работаете; потом попадаете в город, где земля покрыта асфальтом; потом уже улетаем дальше в космос, где нет Земли как планеты. Причина современного депрессивного императива, мне кажется, не в том, что большевики не построили рай на земле, а в том, что загнулся космический проект. Жить стало грустно не только в Иркутске и в Красноярске, но даже в центре Москвы. Оказывается, состояния депрессии и энтузиазма имеют какую-то смысловую энергетику, которая представляет смыслы жизни. И эти смыслы жизни распространяются по земле так, что иной раз и в Урюпинске жить прекрасно: мы пока живем в Урюпинске, но скоро улетим в космос. Исчезновение космической перспективы я теперь связываю с планетарной клаустрофобией. Планетарная клаустрофобия на какой-то момент могла компенсироваться идеей космического взлета. Но когда космос рухнул, мы все вернулись на Землю, тут перед нами стала совершенно новая задача – помирить нас со своими предками, с теми, кто жил за тысячелетия до нас. С необходимостью жить на земле и питаться смыслами самой земли. Я думаю, перед всеми нами, перед архитекторами в особенности, она будет стоять очень остро. Оказывается, не космос и не будущее являются

основным источником смысловой энергии, а сама земля и ее ландшафт, физиология земли: времена года, течения рек, выпадение дождей, смена облаков... Земля – единственная планета, на которой существует жизнь, которая образовалась вследствие совершенно непредвиденного сочетания химических элементов и многих других обстоятельств, зародилась и живет. Она и есть та машина, мотор, который питает таких букашек, как мы, люди, смыслодержанием.

Есть некий смысловой космос человеческой жизни – одной человеческой жизни, от рождения до смерти, и этот космос опирается в ландшафт Земли как космического тела. Смысл нашей жизни – всех, где бы мы ни жили, состоит в причастности к процессам, происходящим на поверхности Земли. Волнениям океанов, течениям рек, геологическим изменениям. И мы этого до сих пор не понимаем, потому что за последнее время мы привыкли соотносить свой смысл с историей и с духовным прогрессом. Нам кажется, что смысл жизни состоит в прогрессе культуры. В какой-то степени, может быть, это и так – процентов на 10. Но процентов 90 – это другие механизмы, которые обеспечивают жизнь: сексуальные, питательные программы, программы памяти и коммуникации, которые заложены в человеческом сознании, которые реализуются в тех или иных социальных обстоятельствах и о которых мы можем не знать. Недавно из передачи Александра Гордона я узнал, что все языки упрощаются, а количество языков сокращается. В год исчезает примерно тысяча языков. Языковое богатство планеты сокращается, а ведь языковое многообразие оказывается одним из смысловых частей этой биосферической машины, которая порождает смысл жизни для каждого из нас. Есть необходимость восстановления смыслового потенциала всех людей на земле. Этот смысловой потенциал производится не в Красноярском университете, не в МГУ и не в Гарварде.

Я первые три года после института проработал в управлении градостроительства, мы занимались северными городами. И я был страстным сторонником вахтового расселения. А для людей эти поселки выражали то, что человек живет не ради своего собственного обжитого места, ойкоса и своей ойкумены, а снабжает сырьем какие-то большие промышленные зоны, то есть человек стал существом не полным, а частичным. Это связано с разделением труда, распределением источников энергии и минералов. А жизнь строится только там, где все замкнуто, где жизнь устроена как вложенность друг в друга целостностей, каждая из которых самодостаточна. Крестьянский дом, мой луг, моя корова, вот наш город, вот наша страна, наша Земля – как большая матрешка. А мы функционально специализировали разные части Земли и людей, живущих на этой земле, мы тем самым постепенно утратили связи мест, связи с самой планетарной ландшафтной ситуацией, мир в каком то смысле стал не родиной, а диаспорой. Происходит разрыв: в одном месте добывают нефть, в другом месте только жгут эту нефть на заводе. Никакого внутреннего замыкания, восстановления целостности жизни нет. Предполагалось, что отсутствие этого замыкания может компенсироваться автоматизацией производства. Но автоматизация не отвечает на вопрос: что же остается на долю людей, то есть вопрос о том, что будут делать люди. Существует мнение, что люди будут творить что-то умное. Спрашивается, ради чего? Ради прогресса. Но прогресс оказался ограниченным.

Меня в школе еще учили, что Вселенная бесконечна. Теперь каждый школьник знает, что она конечна. Меня в школе учили, что вечный двигатель невозможен, а оказалось что Вселенная – как раз и есть вечный двигатель.

Вопрос о том, что такое депрессия, теперь уместно связать с другим глобальным вопросом: откуда берется жизненная энергия, само желание жить, этот живой энтузиазм, который позволил самому неприспособленному существу на планете выжить и подчинить ее себе. Градус жизненного тонуса у нас с вами намного ниже, чем сто лет назад и можно предположить, что этот градус исторически необратимо понижается. С моей точки зрения, причины этого в том планетарно-геологической, биологической, ноосферической (по Вернадскому) машине, которая вырабатывает смыслы человеческого существования. Я много перемещался по миру, а последние десять лет живу на хуторе, и никакой депрессии там я не испытываю, как не испытываю большого энтузиазма в отношении прогресса. Считается, что прогресс связан с возможностью свободно передвигаться по миру. Но и до сих пор есть люди, которые из своего хутора никуда не выезжали, в городах почти никогда не бывали. Раньше не было никакого духовного прогресса, а смысл оставался.

Не исключено, что утрата этого смысла является результатом образования. Казалось бы, образование наполняет смыслом человеческую жизнь, но, возможно (и так на самом деле происходит), оно расходует смысловые ресурсы. Чем мифы лучше науки? Мифы были машиной смыслообразования, они смыкали тайну и повседневность; это замыкание и рождало смысл. Утрата мифов в современной культуре или отсутствие замыкания новых мифов на повседневность, выражающееся в идее прогресса, на мой взгляд, и является подлинной причиной смыслового оскудения бытия. Эта драма смыслового оскудения жизни на земле сейчас стала очевидной. Еще сто лет назад о ней никто даже и не говорил: тогда была достаточно сильная традиционная религиозная схема, в которой смысл трансцендентно относился к миру иному. И сегодня многие верят в этот трансцендентный смысл, но вкладывают в него ресурсы осмысления, добытые из собственного сознания, а не принимаемые на веру вслед за пророками.

Вот тут начинается такая градостроительная проблематика, которая почти никогда архитекторами не обсуждается, хотя все дело, возможно, именно в ней. Пророчества давали смысловой потенциал и питали каждый смысловой процесс в индивидуальности. Науки же дают знания, но не дают никакого смысла. Получается, что наука в глобальном духовном измерении своего рода бессмысленная сфера деятельности. Мы же этого не осознаем. Смысл и знание – вещи разные, хотя мы не критически воспринимаем их как нечто однопорядковое. Мы забыли библейский смысл выражения, согласно которому, умножая знания мы умножаем печаль. Хайдеггер переформулировал эту мысль в своей идее судьбы человека как «заброшенности» в мир. Вот почему в зимние месяцы в Иркутске эта печаль вдруг появляется в чувстве хайдеггеровской заброшенности. Откуда чувство заброшенности у людей на земле? Не Иркутск, а мир порождает заброшенность, которая в разных формах возникает у Хайдеггера, у Камю, даже у Платона.

Иными словами я понимаю депрессию и заброшенность как постоянные свойства жизненного мира, побуждающие людей к сопротивлению и действию или ввергающие их в состояние близкое к суициду. Результат зависит от соотношений масштабов депрессии и энтузиазма в разных слоях и горизонтах пространства и времени. Зима в полярном городе может родить депрессию, и этого не произойдет, если смысловая полнота бытия в этом месте компенсируется другими составляющими жизненного мира, например привычкой и приспособленно-

стью народов к полярной ночи, мифами в которые верят люди и, наконец, архитектурой.

Вопрос состоит только в том, является ли архитектура в этом месте и в это время магическим средством порождения смысловых идеалов или нет? Или архитектура дает нам только крышу, свет и газ? Мы не понимаем сегодня, откуда берутся и живут смыслы, и не видим в архитектуре мощнейшего средства дополнения смысловой основы бытия.

Возможно, что я ошибаюсь, но моя профессиональная интуиция подсказывает мне, что смыслы, в частности, рождает и архитектура и что архитектура и может быть средством восстановления смыслонаполнения земного существования человека. В этом ее основная функция. И это не отдельный дом или город, а вся ландшафтная сфера. Стало быть, архитектура – часть экологического сознания. Я прекрасно понимаю, что когда-нибудь земная цивилизация погибнет, но это будет еще нескоро, хотя уже есть масса сценариев мировых катастроф, по которым уже через 50 лет она может случиться вовсе не из-за смыслового оскудения, а в основном из-за кибертерроризма. Через несколько десятилетий злоумышленник сможет запустить в коммуникационные сети нечто такое, что сможет уничтожить жизнь на земле, и сделает он это, скорее всего, оттого, что впадет в депрессию. Будем надеяться, что этого не произойдет. Но сама смерть, депрессия и жизнь оказываются такими смысловыми резервуарами, механика работы которых людьми пока не понята. Осмелюсь предположить, что архитектура может сыграть в этом спасении от депрессии не последнюю роль.

КЛ Если архитектура – последняя надежда человечества перед лицом тотальной депрессии, то где она возьмет смыслы?

АР Вы будете смеяться: у Бога. Возможно, только в архитектуре Бог и остался. У архитектуры с религией очень сложные отношения, потому что архитектура всегда обслуживала религию. А я все больше подозреваю, что религия на архитектуре всегда паразитировала.

ЕГ Почему паразитировала?

АР Потому что без архитектуры она не могла бы существовать. Архитектура источала ту энергетику, которую религия использовала... Религия – паразит архитектуры, религия живет на ней. Архитектура существует от бога, а религия в виде ритуально-мифологических конструкций обязательно привязана к какой-нибудь архитектуре: к костру, пещере, роднику, скале, горе. Религия питается жизнью архитектурных обстоятельств и способностью архитектуры связать человека с ландшафтом в трансцендентной перспективе.

ЕГ Проектирование – это тоже пророчество?

АР Архитекторы сейчас занимаются проектированием, считая это творчеством. На самом деле проектирование – технологическая процедура, которая реализует какие-то смысловые идеи, но не создает их. Оно их только копирует и имитирует. Но в проектировании и в архитектурном проектировании в частности, несомненно, есть некий момент пророчества. Архитектура не только создает действительность, она превращает желание в действительность.

ЕГ Но мы же проектируем города, среду и т. д.

АР Мы пока еще совершенно не научились проектировать среду. Проектирование среды – лозунг архитектора, который себя ни разу ни в чем не реализовал. Среду создает только история или идеология.

ЕГ Тогда и прогресса нет?

АР Конечно, нет. Прогресс – очень короткий миф человечества, который возник где-то в XVIII веке и сейчас уже

находится в состоянии истощения. Это случайно вспыхнувшая звездочка на нашем небосклоне.

На это мне часто отвечают, что я как архитектор, беру на себя слишком много, что я себя переоцениваю. Но разве это не единственный способ жить? Разве это не спасательный круг выживания человечества?

КЛ Александр Гербертович, а если костер – архитектура, и скала – архитектура, и ручей – архитектура, то нельзя ли услышать определение архитектуры?

АР Пока что удовлетворительных определений архитектуры нет. Это одно из упущений теории архитектуры. Греция, которая родила классическую архитектуру, самого этого слова не знала. Его придумали римляне, и с тех пор смысл архитектуру стали сводить к двум словам – «искусство строить». По сути же, на мой взгляд, это одна из сфер – это сфера ландшафтно-темпорального наполнения смыслом планетарной жизни.

ЕЗ В учебнике архитектуры было написано: «Архитектура – искусственно созданная среда для человека».

АР В таком определении не высвечивается противопоставление между добром и злом, оживлением и умиранием. Концлагерь и тюрьма тоже искусственно созданная среда для человека. Что такое архитектура мы не знаем, но не следует этого бояться. Мы не знаем массы вещей. Почти все, чем мы пользуемся в жизни, воплощено в словах, смысла которых мы пока еще не знаем. Знания этих понятий у нас нет. Но это-то и открывает перед нами радостную перспективу постижения смысла жизни.

АК Давайте вернемся к теме дискуссии. Когда мы с европейцами ведем диалог по поводу развития общественных пространств, то очень часто поднимаем тему закрытых общественных пространств, которая должна быть в сибирском городе. Европейцы не всегда это понимают. Гораздо больше эту тему понимают представители жарких стран; у них такая же проблема, они тоже создают закрытое общественное пространство. Я бы хотел, чтобы те, кто сегодня будет вступать в дискуссию, учитывали, что сибирские летние пространства зимой холодные, ветреные, с видом на снег и лед. И у нас почти нет общественных пространств, общественно-рекреационных пространств закрытых, которые мы можем зимой использовать. Функцию этих пространств стали исполнять торговые центры. Практически на всех мероприятиях, где я бываю в России, везде приводится пример 130-го квартала Иркутска, везде позитивные отзывы. Стал ли 130-й квартал общественным пространством в том понимании, которое мы вкладываем?

АР Я всю жизнь думал об общественных пространствах. Написал даже академическую статью «Субстанциальное пространство». Уже тогда я писал, что пространство – категория, которая на наших глазах тает и исчезает, теряет смысл. Общественное пространство я понимал как некое пространство, которое создает субстанцию общественной жизни. Сейчас я в этом еще больше и глубже убеждаюсь. Думаю, что сегодня – временно-общественному пространству приходит конец: возникло пространство Интернета, которое вытесняет архитектуру и убивает архаику общественного взаимодействия.

Почему в городе нет площадей? А зачем? В городе нет публички, которая на этой площади могла бы обсуждать общие проблемы. Я ставлю всю свою жизнь, в которой я пытался говорить об общественных пространствах, под вопрос. Я не знаю, возможны ли сейчас общественные пространства.

АК Интернетчики от своего дистантного общения страдают. Им нужно живое общение, и это сейчас активно происходит: переход к созданию общественных пространств в эпоху виртуального. Я чувствую, что именно здесь – будущее общественного пространства, где физи-

ческое соединено с виртуальным. Мой французский товарищ присылает такие примеры, которые я бы, конечно, никогда не назвал общественным пространством: задворки завода или автобазы, где все расписано граффити. Там собирается молодежь, тусуется, лазает по заборам. Они фотографируют, выкладывают в социальные сети. В понимании архитектора это никакое не общественное пространство, оно не создано специально как общественное пространство.

АР Общественное пространство предполагает наличие необщественного пространства, а это вообще еще одно белое пятно. На самом деле оно незримо стоит за спиной всех разговоров об общественном пространстве. Если говорить системно, то обязательно вместе с общественным пространством выясняют условия существования всех необщественных пространств.

АК Речь идет о базовых основаниях деятельности вообще. Должен ли архитектор, занимаясь, например, проектом планировки конкретной территории, нести какое-то свое мнение через формы организации этого места? Либо он должен подстраиваться под ту публику, которая будет пользоваться этим? Кто формирует следующий шаг?

Алексей Мякота У меня был опыт организации студенческих и молодежных флешмобов и художественных акций. Уверен, когда мы создаем общественные пространства, мы должны предоставить возможность творческой самореализации человека. Мне кажется, что даже созерцание – это творческий акт, имеющий прямое отношение к проблеме общественных пространств.

Алексей Бавыкин Общественное пространство уместно делать только при наличии гражданского общества. В гражданском обществе нет обязательности, люди входят в него по внутреннему зову, по воспитанию. У воспитанного определенным образом человека появляется совершенно закономерная потребность в общественных пространствах. Формирование гражданского общества и формирование общественного пространства – это абсолютно параллельные процессы.

ЕГ Со многим, что здесь только что прозвучало, не могу согласиться. С тем, что если нет гражданского общества, то не нужны общественные пространства. И с тем, что площади и шествия в советское время были насильственно заполняемыми демонстрациями, я тоже не вполне соглашусь. В некотором роде это было тем, что сейчас называется тимбилдингом, способствовало сплочению коллектива.

Прозвучал вопрос о 130-м квартале, к созданию которого мы имеем отношение. Ставились две задачи. Первая – создать общественное пространство, которое дополнило бы Театральную площадь – в развитие Культурного центра и потенциальной цепочки общественных пространств парк – набережная. Вторая – показать подавляющему большинству иркутян, что деревянные здания не только идентичность Иркутска, но это здания, которые могут существовать и нести современные функции, что они могут быть привлекательными для бизнеса.

Очевидно, что общественное пространство состоялось. Да, у архитекторов, у историков есть свое мнение по поводу этого квартала. Но как общественное пространство – работает. В Масленицу, в суперморозный день, здесь прошло 10 тысяч жителей. Квартал маленький совсем, пять гектаров. Еще один побочный результат проекта 130-го квартала в том, что комплексная поквартальная реконструкция пошла по городам. Сейчас в Улан-Удэ создается проект реконструкции исторического квартала, в Красноярске что-то такое прорисовывается, Томск этим озаботился, Новосибирск. Наверное, это все-таки правильный подход: реконструкция отдельного домика

не спасает деревянное зодчество. 130-й квартал родился из места, из своего рельефа, из примыкающей Театральной площади и недалеко находящейся набережной. Из того, как этот треугольный квартал стоит по отношению к главной оси города – Байкальскому лучу. Свидетельство успешности и того, что он заработал как общественное пространство, и то, что стоимость квадратного метра там сейчас самая высокая в городе, стоимость аренды самая высокая, и это пример для инвесторов-владельцев других участков.

АК Почему общественные пространства образуются в одном месте, где вроде бы нет физических условий, и не образуются в другом, где вроде бы все создали?

ЕГ Мне кажется, что если в общественном пространстве не происходит никаких событий, то оно не общественное. Возможно, оно личное, приватное пространство, и там хорошо одному человеку. Чем симпатичен остров Татышев? Там есть сугубо общественные, транзитные, пропускающие огромные потоки разных людей пространства и есть возможность уединиться, т.е. рядом есть вот эти необщественные пространства. Это сочетание очень симпатично. В 130-м квартале удалось сохранить масштаб городской среды: дома стоят на тех же местах, где они стояли до реконструкции. К сожалению, не осуществлено то, что было заложено в проект: сочетание приватных пространств и общественных. Одной из ошибок реализации я считаю то, что там не удалось оставить зелень, которую проект предполагал сохранить. И это одно из главных отличий нынешнего 130-го от кварталов иркутской деревянной застройки. Это поправимо. Сейчас туда уже начинают завозить крупномерные деревья, чтобы не ждать 30 лет, пока дерево вырастет, а потратить 30 тысяч вместо одной и поправить таким образом ситуацию. Конечно, в реализации функциональное насыщение отличается от проектного, однако шесть музеев там есть, планетарий скоро откроется. Музей «Ноосфера», книжная лавка, в которой Кубенский купил уникальную книжку по детской цене практически, работает и собирает свой круг. Там собирается свой круг интеллигенции, и принадлежит лавка авторам энциклопедии «Иркутск».

В квартале есть разные точки притяжения. Они ориентированы на разные слои: для детей, для школьников, для узкого круга старой иркутской интеллигенции, для широкого круга молодежи. Ресторанчики разнообразные. Есть возможность для велопрогулок, роллеров. Роскошная лестница, пандусы, маленькая круглая площадь, сквер на стрелке. Это живет.

Я слушала дискуссии о красноярской Театральной площади и здании, которое должно было там возникнуть симметрично музею Чернышева, Египетскому музею, с другой стороны моста. Поняла, что красноярцы трактуют идентичность своих общественных пространств таким образом, что частично оно обрамлено искусственным ландшафтом, а частично – формирующими линию горизонта горами. В Иркутске масштаб среды свой.

Что, увы, не состоялось в 130-м квартале – это главная площадь с амфитеатром, оформляющим рельеф, агора. Возможно, Алексей Львович, отсутствие гражданского общества на нужном уровне и не позволило состояться совершенно чудному амфитеатру (символу демократии?). Этого не поправить. Но в реальности квартал существует практически благополучно, это действительно самое любимое место не только туристов, но и, что важнее всего, горожан. Он перехватил даже часть потока у всеми любимого бульвара Гагарина на набережной.

АК Есть ли в современной ситуации у архитектора инструменты и средства довести до конца свой проект, свою

идею, которая была заложена на момент его создания. Давайте об этом подумаем.

Эдуард Кубенский Фотографии 130-го квартала на моем фейсбуке собрали много отзывов. Меня впечатлило именно то, что я мог находиться в течение часа-двух совершенно в разных мирах. Это похоже на виртуальные пространства, как в Интернете я могу несколько окон открыть. Ощущения обновляются. Мне казалось, что это на самом деле пространство мнений. Может быть, это судьба всех общественных пространств? Получается, что стремление поделиться своим мнением приводит к увеличению числа людей в данном пространстве? В таких местах не нужны фасады, мы должны «вывернуть» архитектурный знак, интерьер уравнивать с экстерьером. Мы должны находиться в городе, где вообще полностью должно отсутствовать внешнее пространство. Но получается, что при огромном скоплении мнений мы все-таки находимся в одиночестве, со своими гаджетами, каждый как бы сосредоточил в себе площадь...

АР По моим наблюдениям, архитектура парадоксально сторонится людей, и сильнее всего действует на индивидуального человека, человека вне толпы, человека, который оказался где-то, где в данный момент никого нет. Архитектура именно тогда видна, когда там нет людей. Это большой парадокс самой архитектуры, и одна из самых насущных задач теории архитектуры – понять этот парадокс.

АК Хочу зафиксировать мысль, которая стала еще отчетливее после выступления Александра Гербертовича, – что интерьер поменялся с экстерьером. Мне кажется, что это очень важная линия нового общественного пространства. Если экстерьер, как вы говорите, без людей, то интерьер всегда для человека. Вот эти фреймы-окна в новом общественном пространстве, где каждый может найти свой интерьер. Более того, каждый собственник маленького кусочка предьявляет другим свой интерьер, будь то кафе или музей экспериментальный, который переехал в 130-й квартал из Академгородка и стал сразу успешным. Так у нас людьми все и наполняется.

АЮ Публичное пространство в современном понятии дает возможность осуществлять различные предложения в дружелюбном интерфейсе, по принципу которого пытаются организовать публичные пространства в Москве. Это очень интересный объект для исследований и наблюдений. Как организуются эти новые публичные пространства? Традиционно люди приходили сюда развлекаться. Сейчас происходит нечто обратное. Они приходят за неким ноу-хау. И вот эти пространства им дают возможность обучения, развлечения, организуют «отдых с достоинством», тем самым формируя необходимое условие для гражданской ответственности на уровне доступной, адекватной, соразмерной антропологии.

ЕГ Кажется, в сознании архитектора что-то сдвигается: если раньше выставлялась чистая архитектура, то сейчас на планшетах – люди в среде. Меня научили, что архитектура это не фасад, а все-таки среда.

Алексей Мякота Мне кажется, что динамика публичных пространств должна быть обеспечена новым качеством архитектуры. Она должна быть раскрыта, позволять видоизменять функции, иметь некую полифонию акций, движений, проявлений. Люди, посетители, горожане на острове Татышев сами почему-то стали превращаться в сообщество. В первую очередь на острове появилось движение: велосипед, ролики, здоровье, красота тела, сексуальность, событийность. И жизнь, которая там стала произрастать, стала менять самих людей: там не гадают, друг другу подсказывают. Люди улыбаются, здороваются. Для нас, красноярцев, это эпи-

центр: ландшафты, геология, реки стекаются, Енисей. 174 тысячи горожан в прошлом году побывало там за неделю. У каждого возраста свое время; гуляющих огромное количество. И природа вдруг стала проявлять себя. Она радуется, заражая этим людей.

АК Тема идентичности общественных пространств как места действия людей в последнее время, мне кажется, ускользает из архитектуры. Возникает очень много городской самодеятельности, такого хипстерского урбанизма по самоорганизации общественных пространств вне всякой архитектуры.

Андрей Боков Разговоры о сохранении идентичности ведутся повсюду. Но темы идентичности и сущности общественных пространств – все-таки разные темы. Я начал сильно опасаться проявления сумеречного сознания, когда все мешается, все погружается в какую-то мифологию, когда слова теряют смысл, ценность и т.д. Такие дискуссии обычно заканчиваются ничем.

Почему вдруг всех так волнует регионализм, идентичность и т.д.? И что это такое? Надо понять, что они неразрывно связаны с тем, что называется «контекст». В последнее время мы чувствуем, понимаем: ценность контекста – пространственного, культурного существенно уменьшается. Это означает лишь одно: архитектура действительно утрачивает некие базовые, концептуальные, природные, родовые свойства и характеристики, которые нам казались всегда весьма и весьма ценными. Утрачивает систему ценностей и ориентиров. Это пространство очень быстро захватывается оформителями-дизайнерами, порой самого низкого свойства. С другой стороны, в теории архитектуры все чаще и чаще появляются колдуны и экстрасенсы. У них общественные пространства начинают говорить, еще что-то. Это порождено патологическим желанием, стремлением существовать не в контексте, не в том, что нас окружает, а в том, что называют трендом, то есть стремлением не отстать от потока времени. Именно это приводит к появлению того беспокойства, которым мы все наполнены, которым делимся друг с другом. Если мы хотим говорить об идентичности, значит надо снова вернуться к себе и вернуть уважительное отношение к контексту. Я был в городе Харбине. В какой-то момент харбинцы почувствовали, что они утрачивают нечто ценное и провели замечательную работу: проанализировали физику города, в том числе и морфологию фасадов, соотношение деталей и пространство деталей и плоскостей, пропорции окон и стены. И создали что-то вроде регламента, чтобы не разрушать это пространство. Для того чтобы каким-то образом продолжать подход, генотип, не знаю, как угодно. Замечательно, что они, в отличие от нас, как говорят, так и делают. Таким образом, городская ткань продолжает наращивать свою массу, сохраняя целостность и соразмерность среды. Есть и другой, прямо противоположный путь. Город Вена был разрушен не меньше, чем другие города во время войны. Но отстроенные дома абсолютно не производят впечатления новых. Они сохранили городскую ткань, морфотип, физику города. Больше половины домов построены после войны, но это ни в коем случае не оскорбляет, потому что это сделано в той же культуре.

Здесь я перехожу к другой теме. Александр Гербертович говорил об архитектуре, которая формировалась на протяжении последних ста лет. Россия – единственная страна, в отличие от многих других, которая увлеклась архитектурой, построенной на утопическом миропонимании, когда архитектура подчинялась некой априорной модели, весьма далекой от реальной жизни. И если в Германии такая утопия была только единожды создана,

то в России их было три. Первая, условно говоря, культурная модель. Очень мощная, очень четкая модель коммунальной жизни. Сталинская модель – не менее мощная, но она тоже не имела ничего общего ни с реальной жизнью, ни с чаяниями граждан и т.д. В основе хрущевской модели была какая-то идиллическая семья: папа, мама, школа, детский сад и прочее.

Если вы вспомните средневековый город, который многие находили чрезвычайно любопытным, то он складывался естественно. Там нет этого пугающего противоречия, нет ощущения покинутости. Это другое пространство. После того как сила этих утопий начала ослабевать, возникло средовое сознание, средовой подход. Сегодня формируется то, что называется дизайн, где основанием для проектирования становится сценарий, который напрямую отсылает нас к человеку, группам людей, заставляет учитывать их интересы как нечто, лежащее в основании всех наших действий и проектных решений. Проходят общественные обсуждения, которые стали у нас сейчас нормой. Другое дело – насколько они результативны и адекватны. Нам отказываться от груза утопий весьма и весьма сложно. Но приходится. Возникает то, что называется послеутопическим сознанием. Оно очень болезненно и трудно формируется, но уже формируется, оно придет. Архитектура, которая появится, породит нам единый город – какой-то очень хороший, очень качественный (хотелось бы надеяться).

Один из мифов, в которых мы сегодня существуем, – миф, заставивший нас разделить город на две части: на исторический город, где, согласно Министерству культуры, ничего строить нельзя, здесь свои законы, свои дела, и остальной город. Каким образом перейти от одного типа профессионального сознания, выстроенного на мифах, на мифологии, на утопии, к другому, – это представляется чрезвычайно существенным уровнем. Непредвзятость, демифологизация практики является сегодня одной из основных задач профессии, как мне кажется, уже на уровне обучения и дискуссий такого рода, как сегодня. Это очень важно – очистить сознание. Взглянуть на мир глазами ребенка и попытаться понять, что же на самом деле происходит. И тогда получится архитектура идентичная, честная архитектура и т.д. Сегодня нечестность, к сожалению, становится нормой. Декораторство – это, конечно, болезнь. Постоянное желание быть в тренде – это еще одно заболевание. И преодолевать пороки в самих себе достаточно сложно; тем не менее это надо сделать. Если подобного рода проявления мы сумеем отыскать здесь, это уже будет огромным успехом нашего собрания.

Но еще я хотел сказать и другую вещь. В какой-то момент город такой гомогенный, комфортный, замечательный, живущий долго и успешно, вдруг взрывается. Вдруг он требует Гери, строит музей в Бильбао. По существу это проявления культурного механизма, который на самом деле формирует и наше сознание, и нашу среду, и город, и все остальное. Важно только, чтобы этот механизм работал адекватно, точно, естественно. Как только он начинает становиться предметом жесткого кодирования, управления, еще чего-то, когда самодвижение и регулирование не сбалансированы, наступает то состояние, которое вызывает серьезное беспокойство. Нужен баланс, нужно смотреть на то, что происходит вокруг, что происходит в мире, что происходит у нас в наших душах. Понимаете, литература, кино показывают нам другой совершенно город или образы этого города. Они существенным образом отличаются от той мрачной картины, мизантропической и тяжелой, которую Александр Гербертович нарисовал. Все принадлежало той

же культуре, и той же эпохе, и тем же временам. Не все так однозначно, просто. А что выходит на второй план, становится декорацией, блистательной декорацией, более мягкой декорацией.

АК Должен ли архитектор, в широком смысле архитектор, переосмысливать себя?

АБ Постоянно. Я об этом и говорю. Это то, что называется профессиональная ответственность, то, что дает результат. Очень легко и просто работать в тренде. Гораздо сложнее понять, что же делать. Намного сложнее. Еще сложнее понять состояние диалога с городским сообществом, с кем угодно. С партнерами, с воображаемыми противниками. Но это то, что нужно. Это те задачи, которые ставит перед собой профессиональное сообщество, европейское прежде всего. Там человек не получит работу, он не состоится как профессионал, если не сумеет подобным образом действовать. У нас, к сожалению, все выстроено иначе. У нас сильно монополизирован весь рынок жилья, а также рынок производства городской ткани. Сегодня это рынок производителя, а не потребителя. Всем понятны обстоятельства: дефицит, власть, которая ведет себя порой безответственно. Бизнес, который ведет себя подчас совершенно оголтело; он, вдобавок, не просвещен, он чудовищно безграмотен. Власть уже к подобному привыкла. Многие города, в которых я побывал, прекрасные, потрясающие города, безбожно уродуются. Они уродуются людьми, которые не понимают, что дом-урод – это прямое воровство. Воровство у тех, кто в этом городе живет. Потому что как только рядом с твоим домом появляется плохой дом – это означает, что тебя обокрали, твой дом утратил существенную привлекательность, рыночную стоимость и т.д. И на этом построено все законодательство, которое жесточайшим образом предписывает определенный образ деятельности. Огромные области, районы Европы просто исключают возможности строительства вне регламента. У нас строительство не ограничивают никакими регламентами. Именно регламенты являют собой и формируют основу преемственности, основу культурного ландшафта, основу качественной среды, какие-то гарантии и т.д. У нас этого нет. И это беда, это приводит к существенному разрушению, к существенным утратам культурным, материальным, моральным и к обескультуриванию и декапитализации города. На наших глазах Сингапур и Лондон вышли из кризисного состояния. То же мы наблюдали и в Нью-Йорке: в 70-е годы это город кризиса, где все обесценилось, где жить нельзя, где бандиты и небезопасность и т.д. Дальше были приняты законы, которые привели к изменению картины. Эти города стали городами людей, это не были города, состояние которых поддерживается исключительно полицией.

АК Вопросы очень сложные. По сути – это профессионально-философский, базовый подход. Сейчас я думаю, что, с одной стороны, в наших городах много субъектов, которые считают, что они понимают, как надо развивать город и действительно имеют на это право. С другой стороны, много совершеннейших шарлатанов, которые пытаются что-то навязать городу, не имея понятия о городе как таковом и его специфических качествах. И в этом же поле действуют архитекторы как профессиональные субъекты. Они вынуждены конкурировать и кооперироваться с этой массой. И это, наверное, тоже проблема. Как договариваться, как разговаривать? Такой проблемы раньше не было. На встрече с главой города говорилось, что профессионализм и право профессионалов-архитекторов на ответственное решение необходимы для развития города.

Панорама со стороны
Плотинки. Набережная
рабочей молодежи
(Гимназическая набережная)

Это не мой город...

– Ничего не узнаю, – сказала моя мама, соображая, по какой улице она едет. – Слишком много нового. Стекло-ные монстры какие-то. Отблески... Отражения... В нашем климате стеклянные фасады – нехорошо. Летом жарко, зимой холодно. Ни стен, ни крыш. Обман один... Мой город был другим. Масштаб был человеческий. И дома можно было рассматривать. Там кирпичное узорочье, там львиные маски, там кованые балкончики... Только на старых фотографиях они остались.

– А конструктивистские постройки тебе нравятся? Иностранцы сюда специально на них полюбоваться приезжают.

– Когда я приехала в Свердловск в 1951 году, они уже были. И воспринимались как данность. Хотя я их не любила.

– Почему?

– Они были похожи в центре города на слона в посудной лавке. Странные, грубые, асимметричные. А теперь они кажутся милыми, шершавыми, родными... И жалкими какими-то.

– Неужели из того, что вновь построено, тебе ничего не нравится?

– Кое-что нравится. Но эти дома все холодные какие-то. И не поймешь, где ты. В Китае? В Америке? Никакой разницы.

– Что поделаешь, глобализм...

– Я не понимаю, что хорошего жить в огромном доме, где 200 или 300 квартир, на 20-м этаже, в городе, где несколько миллионов жителей.

– Да ничего хорошего.

– Так зачем же такие дома строить? Зачем города такого нечеловеческого масштаба создавать?

– Земля дорогая и людей слишком много расплодилось. Экономика, опять же. Заводы, магазины... Возможности. Театры, музеи... Сама ведь все знаешь.

– «На наших глазах городище родится...» Помнишь стихи Маяковского?

– «Из воли Урала, труда и энергии». А ведь Маяковский еще кафедральный собор на площади 1905 года видел и Екатерининскую церковь. Сейчас на месте Екатерининской церкви часовню поставили. Она на фоне бывшего конструктивистского обкома партии как детская игрушка.

– Иван Никандрович, твой дед, рассказывал, как все церкви в центре взорвали в 30-х годах. Потом построили городок

Чекистов, главпочтамт, обком партии... Силуэт города сразу изменился. Был остроконечный, причудливый. А стал тупым, прямоугольным. Но тогда многим казалось, что так лучше, что город современным стал.

– Сейчас он еще раз поменялся. На мой взгляд, опять не в лучшую сторону. Хаос... Пруд в центре города стал сразу маленькой лужей на фоне небоскребов.

– Фонтаны на Плотинке это ощущение еще усилили.

– Ну так в Шардже сделали фонтаны в морском заливе, почему бы и на Исети их не сделать?

– Где Шарджа, где Исеть...

– Шесть часов полета – и ты в Шардже.

– Да, можно купить квартиру в небоскребе в Эмиратах или в Китае и работать по Интернету.

– Можно. Но и пустыня, и арабы в белых рубахах – это все не родное.

– Так и тут мало что родного скоро останется.

– Кое-что еще осталось. Но эти домики уже погоды не делают.

– Можно было бы иначе все сделать

– Можно, но уже не в Екатеринбурге.

текст и фото
Елена Багина

Вид с
ул. Красноармейской

Аннотация.

В статье речь идет о сложной и многокомпонентной идентичности сибирского города. Сделан акцент на историю возникновения сибирских городов и этническую идентичность горожан. Этничность, как и другие формы идентичности, не уходит из городского пространства, приобретая новые формы презентации, особенно в столицах сибирских республик. Хотя существуют региональные черты, позволяющие говорить об общих чертах в формировании сибирских городов, в Сибири нет ни одного города с похожим образом и судьбой.

Ключевые слова.

Сибирь, пространство города, этническая идентичность, полиэтничность, горожане, межкультурный диалог

Abstract.

The article reveals a complex and multicomponent identity of a Siberian city. Special attention is paid to the history of foundation of Siberian cities and ethnic identity of citizens. Like other forms of identity, ethnicity remains in the city space, while acquiring new forms of presentation, especially in the capitals of Siberian republics. Though there are regional features, referring to which we can speak about common features of formation of Siberian cities, there are no Siberian cities with similar image and history.

Keywords.

Siberia; city space; ethnic identity; polyethnicity; citizens; intercultural dialogue

Люди и город

Заметки об идентичности сибирских городов

Улан-Удэ

Иркутск

People and the City Notes on the Identity of Siberian Cities

Многие из нас помнят замечательную книгу В.К. Арсеньева «Дерсу Узала» или фильм, поставленный по книге японским режиссером А. Куросавой. Гольд (нанаец) Дерсу, таежный охотник, замечательный проводник в экспедициях «капитана» Арсеньева по Уссурийскому краю, теряет зрение и по приглашению капитана поселяется у него в городе. Но Дерсу не может жить там: «Он понял, что в городе надо жить не так, как хочет он сам, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу. Старик начал задумываться, уединиться; он похудел, осунулся и даже как будто еще более постарел. <...>

Не успел я задать вопрос, как вдруг он опустился на колени и заговорил:

– Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить: дрова купи, воду тоже надо купи, дерево руби – другой люди ругается.

Я поднял его и посадил на стул.

– Куда же ты пойдешь? – спросил я.

– Туда! – он указал рукой на синеющий вдали хребет Хехцир» [1].

Дерсу, как таежного жителя, глубоко поразило в городской жизни то, на чем изначально стоит город и к чему горожане давно привыкли: разделение труда, денежные отношения, существование особых нормативов и предписаний.

Сегодня сельская, включая аборигенную, молодежь хорошо адаптируется в городах, получая высшее образование и находя себе работу.

Город очень сложен для научного анализа, поэтому его изучают представители многих дисциплин. Только около полувека назад в мировой антропологии, – сначала в США, а потом в Европе сложилось особое направление – городская антропология. Сегодня особое внимание уделяется пространственному и символическому образам города, когда город «читается» как текст, зачастую полустертый. Город нельзя понять без изучения его экономических, социальных связей с сельской местностью, селом, дачной культурой, потому что город, особенно провинциальный, открыт внешнему миру в прямом смысле слова [2]. Как живой развивающийся организм, город растет за счет естественного воспроизводства и миграций, как правило, из сельской местности.

Идентичность города, и сибирский город не исключение, многослойная, комплексная, очень сложная и одновременно четко связанная с определенным местом, его изначальными физико-географическими характеристиками. Поколениями людей в городе складывается особая материальная и социальная среда и создается духовная аура. Этот стусок нематериальной энергии исходит от архитектурных и инженерных сооружений разного времени и стиля, коммуникаций, дорог, от материализованных продуктов труда, воли и устремлений его жителей. Он исходит и от кладбищ, где покоятся бывшие насельники города, известные и безвестные, вложившие свой труд в его обустройство и благосостояние. Время в городе превращается в окаменелости, застывая в деревянных домишках, белокаменных церквях и соборах, в сталинских домах-крепостях и в легковесных хрущевских пятиэтажках, в современной разноликой городской архитектуре и скульптуре. Город живет, обрастая мифами, легендами, захватывая пространство, а вместе с ним и людей, и подчиняя их себе.

Специфика сибирских городов кроется в природе Сибири и историческом развитии земли, колонизованной Россией в XVI–XVII веках. Потрясающая суровая природа Сибири с ее красотами и непростыми условиями для жизни, к которым необходимо привыкнуть. Здесь жили и живут разные народы, со своими обычаями и традициями.

На облик города влияет то, когда он основан, где расположен, сколько и какие люди в нем живут, какова его экономическая, культурная история. Иркутск, Красноярск, Томск, Якутск – старинные сибирские города, основанные еще в XVII веке русскими казаками в ходе колонизации Сибири. На присоединенных по Айгунскому договору между Россией и Китаем территориях по левому берегу Амура были основаны города Благовещенск (1856), Хабаровск (1858). Города Магадан и Комсомольск-на-Амуре, Мирный и Удачный, Нерюнгри и Северобайкальск возникли на волне советской индустриализации. Отсюда начинались броски на новые территории, строительство дорог и плотин, добыча золота, алмазов, угля.

В Сибири изначально было много пассивных личностей. Кто-то шел сюда за свободой: в Сибири не было крепостного права, кто-то – по этапу, кто-то ехал сюда за длинным рублем, но были и романтики, грезившие о «тумане и о запахе тайги». Сибирский город по преимуществу русский и русскоязычный

текст и фото
Анна Сирина

text and photos
Anna Sirina

Улан-Удэ

Собор Одигитриевский

город. Здесь много православных храмов и святых, связанных с православием. Сибирский город всегда полиэтничен, с калейдоскопом лиц и языков, с многочисленными сегодня диаспорами. И одновременно сибирский город интернационален. Так что можно говорить об общей региональной идентичности. Но общей усредненной идентичности сибирских городов, разумеется, не существует. В перепись 2010 года по инициативе группы новосибирских активистов была включена новая этническая категория – «сибиряки», как подразделение / subgroup русского народа. Впрочем, сибиряков оказалось немного. Кто-то винит во всем недостатки проведения переписи, которые, вероятно, имели место, но правда в том, что далеко не все жители Сибири и Дальнего Востока называют себя сибиряками. Такой идентичности нет у жителей Алтая, у северян, у дальневосточников. Понятно, что сибиряки – это не национальная, а региональная идентичность, причем сегодня она носит протестный характер. Таким способом жители Сибири привлекают внимание к проблемам региона, порожденных несимметричными отношениями центра и периферии, когда Сибирь рассматривается как колония, источников ресурсов [3].

В Сибири есть города, в которых за постсоветское время стали очень заметны этнические черты. Это центры республик и автономий.

Основанный русскими казаками в 1632 году город Якутск сегодня – столица республики Саха (Якутия). В Якутске живут без малого 300 тысяч человек, причем в 2002–2010 годах шел прирост его населения за счет внутренней миграции населения республики [4]. В Якутии этнокультурное наследие получило осмысление не только как система духовных ценностей, но и было признано в качестве имиджевого инструмента, способного оказывать направленное воздействие на развитие территории. Среди таких ценностей – массовый и очень зрелищный якутский праздник летнего солнцестояния Ысыах, сопровождающийся обрядами благодарения светлым божествам и ритуалом кумысопития. Регулярное проведение праздника потребовало большого свободного и в то же время особым образом организованного пространства в городе и в непосредственной близости от него. Праздник модифицировал многие элементы народной культуры и позволил выделить коды, символы территории. В Якутске получили развитие этнические бренды презентации культуры: рестораны в этностиле, с экологически чистой натуральной продукцией; традиционная пища (молоко, кумыс) – продукция традиционных скотоводства и северного коневодства; производство сосудов для хранения и употребления молочных продуктов – чоронов [5]. Развитие города и якутской культуры стало возможным благодаря средствам от добычи полезных ископаемых, в первую очередь – якутских алмазов, которые сами стали брендом республики.

А вот другой город Восточной Сибири – Улан-Удэ (с 1666 по 1934 год – Верхнеудинск), столица Республики Бурятия, – полиэтничный и многоконфессиональный. Здесь нет компактной этнической застройки, анклавов, как и в большинстве сибирских городов. «Город с азиатской душой» – так была сформулирована постсоветская идея общегородской идентичности Улан-Удэ. При всем своем сложившемся облике типично российского сибирского города он в то же время несет печать национальной культуры, и этот образ активно поддерживается и национальной интеллигенцией, и властными структурами. «Наш город, – говорит мэр Улан-Удэ, – должен отличаться именно тем, что это город бурятской культуры» [6]. В городе сильны слоганы, опирающиеся на ряд пространственных представлений: «Улан-Удэ – столица бурятского мира», «буддийская столица России», «восточные ворота России» и «столица Байкальской Сибири». Причем они лишены оттенков политического сепаратизма.

Фото Марины Ткачевой
с выставки Даши
Намдакова. Июнь, 2014,
Красноярск >

Этническая мифология в последние годы активно используется для конструкции общегородской идеи в городах, подобных Улан-Удэ. Артикулируется культурная самобытность и самодостаточность столицы этнической Бурятии, ярко выражено стремление преодолеть ощущение провинциальности [7]. В Улан-Удэ не так много зданий с национальным восточным колоритом, за последние два десятилетия они восполнены городской скульптурой на этнические мотивы.

С одной стороны, город нивелирует различия; с другой стороны, формулирует новые. Их причина – огромность города, отчужденность и формализация отношений людей. Это порождает стремление к «кинаковости» [8], что можно видеть на примере молодежных субкультур, отмеченных стремлением стать заметным. Вообще же этничность в городе не исчезает. Она приобретает или скрытые, или толерантные, формы, находит выражение в творчестве своих наиболее ярких представителей. Даши Намдаков, родом из агинских бурят, стал всемирно известным скульптором, высоко ценимым не только в своей, но и в иной культурной традиции. Этот феномен был бы удивителен, если бы не скрытый реализм его произведений, стилизованных подчеркнуто азиатскими чертами. Идея его скульптуры – просыпающаяся, сильная Азия. Понятно, что для широкой публики этническая принадлежность скульптора дополнительна. А вот азиатская тематика все увереннее входит в пространство сибирских, и не только сибирских, городов.

Список литературы

1. Арсеньев В. К. Дерсу Узала. – Владивосток: Примиздат, 1947.
2. Форум. Городская антропология // Антропологический форум. – 2007. – №
3. Сирина А. А. Призрак нефтепровода на севере Байкала // Этнографическое обозрение 2008. – №2; Анисимова А., Ечевская О. Сибирская идентичность как политическое высказывание // Pro et contra. – 2012. – Май – июнь – С. 62–75.
4. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0443/perep01.php>; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf
5. Романова Е. Н. Культурное наследие Северо-Востока России как инновационный ресурс развития территории: этническая идентичность и бизнес-антропология // Культура и искусство коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. – Улан-Удэ, 2014. – С. 68–73.
6. Бреславский А. С. «Город с азиатской душой»: геокультурные образы постсоветского Улан-Удэ // Культура и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 37–48.
7. Там же.
8. Форум. Городская антропология // Антропологический форум. – 2007. – №

ЕКАТЕРИНБУРГЪ - Домъ Главнаго Начальника

Екатеринбург <

5. Екатеринбург — Плотина и западная часть города.

Екатеринбург <

Богоявленский кафедральный собор на Кафедральной площади >

Санкт-Петербург.
Фото Сергея Астапова

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Осип Мандельштам

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Геннадий Шпаликов

У Корбюзье то общее с Люфтваффе,
что оба потрудились от души
над переменной облика Европы.
Что позабудут в ярости циклопы,
то трезво завершат карандаши.

Иосиф Бродский

Глобализм и дрящущее внутреннее равенство с собой

Идентичность – сегодня модное слово, означающее отношение, члены которого тождественны друг другу. Философ И.Х. Эриксон считает, что идентичность – дрящущее внутреннее равенство с собой.

Понятие идентичность широко используется в этнологии, психологии, культурной и социальной антропологии.

В этих дисциплинах оно означает осознание человеком принадлежности к какой-либо группе, позволяющее ему найти свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире.

В теории градостроительства оно пока не имеет четко определенных границ, поскольку рассматривать идентичность по отношению к городу можно абсолютно в разных аспектах (историческом, национальном, региональном, ландшафтном), а также с точки зрения различных групп населения. Думается, что в теории градостроительства определение идентичности И.Х. Эриксона подходит более всего.

Город живет во времени. Разрушаются старые дома, на их месте строятся другие, растут, как годовые кольца на деревьях, новые районы... Но у города должно быть дрящущее внутреннее равенство с собой, чтобы человек мог сказать, вернувшись через десятилетия: это мой город. Увы, не так уж много таких городов, которые с течением времени сохраняют тождественность.

Во-первых, для сохранения идентичности любому городу необходимо сохранение исторического каркаса. (Каркас – градостроительные элементы, которые живут более трехсот лет. Как правило, это улично-дорожная сеть, уникальные объекты или руины, имеющие культурное и историческое значение.) Но этого, как показывает практика, недостаточно. **Во-вторых**, важен сложившийся веками силуэт.

В семидесятых годах XX века много говорили об охранных зонах, позволяющих сохранять традиционные видовые кадры. Сейчас об этом «забыли», поскольку сиюминутная выгода затмила доводы архитекторов. Если сравнить снимки русских провинциальных городов, сделанные в начале XX века фотографом Сергеем Прокудиным-Горским, и то, что есть сейчас, неизбежно возникнет щемящее чувство утраты.

Если разрушается характерный рисунок силуэта, город теряет свою идентичность, поскольку силуэт имеет не

только отношение к истории заселения данного места, он есть следствие национальной психологии и религии. Силуэт города также результат определенных приемов освоения ландшафта, о чем много писал в свое время академик Дмитрий Лихачев.

Петербуржцы недаром так резко протестовали против строительства здания «Газпрома» в непосредственной близости от исторических высотных доминант. Каким бы прекрасным новое здание ни было, оно не смогло бы вписаться в сложившийся за три века силуэт Петербурга, не нарушив его целостности.

В Екатеринбурге, в отличие от Петербурга, исторический силуэт был сломан дважды. В первый раз, когда из города пытались сделать «город пролетарского далека» в годы первых пятилеток. Тогда разрушили множество храмов и особняков XVIII–XIX веков, построив взамен комплексы зданий и сооружений по проектам Гинзбурга, Корнфельда, Весниных... Второй раз это случилось, когда город поддался соблазнам глобализации в начале XXI века и появилось 46 новых высотных зданий в центре. Похожи они сейчас на хаотично поставленные стаканы и графины на полке серванта.

В-третьих, город теряет свою идентичность, если нарушается баланс плотности городской ткани, который характерен для данного этноса. Русские, привыкшие к «воле», к простору, плохо чувствуют себя в тесных перенаселенных улочках восточных городов. Арабы не переносят разряженную застройку. Но одинаково плохо чувствуют себя и русские, и арабы, и китайцы в обезличенной высотной застройке городов, потерявших идентичность. Какой уж там фэн-шуй в бетонной клетушке на 30-м этаже стеклянного небоскреба в Шанхае или Пекине?! Какая уж там «воля» в такой же бетонной клетушке в Москве, Петербурге или Иркутске?! Можно сказать, что сохранение плотности городской ткани, обусловленное национальными традициями еще одно условие сохранения идентичности в градостроительстве.

В-четвертых, для сохранения идентичности важно также и то, что в градостроительстве называют плазмой, – временные сооружения – киоски, реклама, фонтаны, клумбы и пр. Ереван без роз и фонтанов, без надписей

текст
Елена Багина

Пекин

Вид на бывший дом главного начальника Уральских горных заводов генерала Глинки. XXI век

на армянском языке, без запаха кофе из летних кафе – не Ереван.

Волжские провинциальные города без плотных липовых аллей, без деревянных лестниц, ведущих к Волге, без классических беседок и ягодных базаров – не волжские города.

Огромное количество вывесок и рекламы на английском языке тоже не способствует сохранению самости. Русские города становятся похожими на бабу, натянувшую на себя вместо сарафана модное заграничное платье, которое ей мало. Зачем и для кого писать sale, если можно по-русски написать «распродажа». Иностраный язык в вывесках и рекламе заставляет задуматься, а не оккупирован ли город вражескими войсками?

В-пятых, город теряет идентичность, когда его масштаб становится запредельным. Вернее оказать, что отдельные районы гигантского городского образования превращаются в отдельные города, имеющие в лучшем случае свой характер, а в худшем абсолютно безликие. Жители таких районов ездят в исторический центр, если он сохранился, как на экскурсию в другой город. К их ежедневной жизни он не имеет отношения.

Можно найти еще множество факторов, которые мешают иметь городу «длящееся внутреннее равенство с собой».

Дело в другом: сумеет ли общество остановить процесс потери идентичности городов, готово ли оно осознать, что это жизненно важно? Вопрос этот на сегодня остается открытым... Хуже всего, что процесс этот глобальный. Множество городов в Америке, Африке, Европе забывают о своей самости, зарастая стеклянными творениями талантливых и бездарных последователей Ле Корбюзье и Мисс Ван дер Роз. Социолог Сергей Переслегин считает, что в течение 20 лет нас ждет либо тотальная постиндустриальная катастрофа, либо постиндустриальный переход с полной перестройкой жизненных форматов, а это значит, что наши города кардинально изменятся, точно так же как они резко изменились после падения Римской империи. Согласно теории Переслегина, человечество в настоящее время переживает последнюю кризисную фазу развития индустриального общества, для которой характерна глобализация. (Кстати, последняя кризисная фаза в жизни Римской империи тоже связана с тотальной глобализацией. Римские города, отсто-

ящие друг от друга на тысячи километров, были похожи как близнецы-братья: акведуки, термы, амфитеатры, форумы, гипподамова система в планировке, одинаковые фортификационные сооружения, единая форма правления...)

Повышенный интерес к понятию «идентичность», в частности в градостроительстве, связан, по его мнению, с процессами глобализации, которые провоцируют повсеместное появление очагов противодействия, поскольку множество людей как трагедию ощущают отрыв от национальной культуры и традиционной религии, потерю моральных и этических ориентиров. Соответственно, поднимается волна национализма, основанного на весьма упрощенном понимании национальной истории и религии. Что понимает большинство верующих в догмате Святой Троицы? Знают ли суры Корана кричащие «Аллах Акбар»? Да и нужно ли им это знать на уровне Павла Флоренского, Бориса Раушенбаха, Ибн ал-Араби, Джалаледдина Мухаммеда Руми?... Нет, конечно. Но обязательно нужна причастность к общей истории, культуре религии. Следовательно, нужны имеющие национальные корни одежда, декоративно-прикладное искусство, архитектура, градостроительство.

В городах, застроенных унифицированными зданиями, вандализм стал общим местом. Такая реакция на примитивизм архитектуры вряд ли предвиделась, когда огромные пространства застраивались стандартными параллелепипедами (ничего лишнего...).

15 июля 1972 года в Сент-Луисе был взорван простоявший 17 лет жилой комплекс архитектора Ямасаки, состоящий из трех десятков зданий. Причиной демонтажа стала удручающая эстетика и социально опасное поведение жителей. Архитектурный критик Чарльз Дженкс этим событием датировал конец модернизма с его рационалистическими утопиями.

Модернизм умер, но наследие его еще долго будет жить, портя не только внешний вид городов, но и психику, и вкус их обитателей. Модернизм умер, умер и саркастический постмодернизм. Возможно, и само искусство архитектуры лишится своей идентичности. (О современных строениях говорят «прикольно», если хотя бы похвалить. Сказать «красиво» редко кто решается. Да и что такое красота? Гармония? Пропорции? Это из другой жизни. Ах, Иван Вла-

Екатеринбург. Вид на Плотинку в сторону ул. Малышева

Кострома

диславович Жолтовский, кто нынче оценит ваши труды? Уж точно не те, что выросли в Черемушках и Прют-Айгоу. Прочностью и долговечностью новостройки тоже не отличаются. А польза? Для здоровья точно не полезно в них жить.)

Недаром стены домов в городах покрываются сплошным ковром граффити. Забавно, что ушлые искусствоведы из центров современного искусства с восторгом пишут о творениях анонимных вандалов. (С другой стороны, вандалы, рисуящие на стенах, создают среду, в которой их сообщество может комфортно существовать. Таким образом они опознают единомышленников, заявляют о своих правах в городском пространстве, выстраивают иерархию внутри своего сообщества, то есть создают для себя некую идентичность.) Обнадёживает, что существуют и противоположные тенденции, или тренды, если хотите.

В России, так уж случилось, что те города сохранили свою неповторимость, которые не слишком бурно развивались. Но в каком состоянии их исторические постройки? Много ли успели напортить панельные пятиэтажки? В каждом конкретном случае нужно разбираться особо.

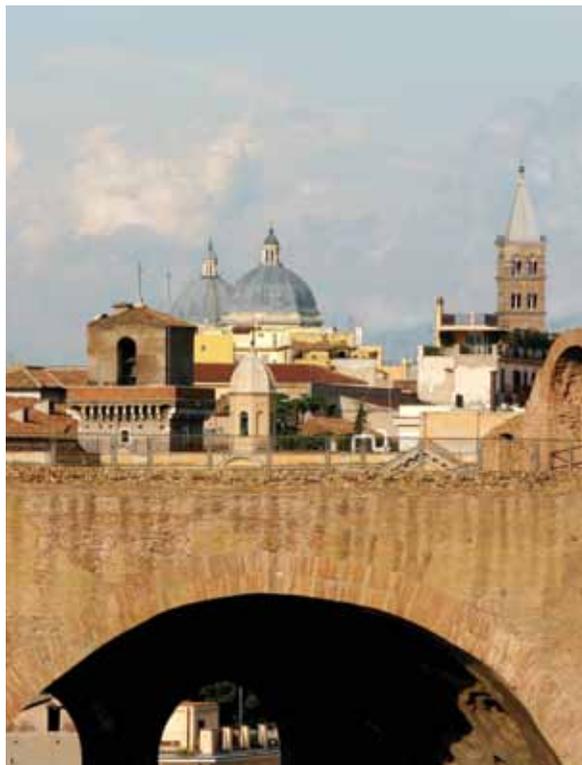
Хотелось бы привести массу положительных примеров сохранения градостроительной идентичности в российских городах, но это проблематично. Причин тому несть числа. Помимо экспериментов авангарда 20-х годов, помимо бурной перестройки, которой подверглись города в 30–50-е годы XX века, помимо «стеклянной революции» начала XXI века и транспортного коллапса, есть еще общие законы экономики, которые заставляют города приобретать безумные масштабы, несоизмеримые с человеком. Естественно, что люди не чувствуют себя хозяевами в этих городах. Они как бы ничьи. Каждый протаптыкает себе свои муравьиные тропки в таком городе и не ощущает его целостности.

Но вернемся к положительным примерам. Петербург? Пока город выстоял. Но его окраины – это уже не Петербург. Хотя и окраины Праги – не совсем то, что мы называем Прагой. Да и окраины Флоренции...

Москва? Хотелось бы... Но сегодня это даже не моя Москва, где я жила в начале восьмидесятых годов. И уж точно не Москва моей бабушки. Длительнее внутреннее равенство с собой в российской столице почти утеряно. Может быть, оно будет найдено вновь?

Кострома? Ярославль? Новый Иерусалим? Да, пока там есть возможность обрести градостроительную идентичность. По крайней мере, есть надежда, что на волне интереса к национальной истории что-то сдвинется с мертвой точки.

Теоретики архитектуры начали громче говорить об уходящей самобытности российских городов, о национальной культуре, о сохранении наследия. Бог в помощь новым Дон Кихотам от архитектуры в поисках национальной и культурной идентичности. Померяться силами с мельницами глобализма – подвиг.

Рим. Панорама

Аннотация.

Эта статья – о творчестве сибирского художника и писателя Валерия Кондакова, живущего на берегах Байкала. В поисках собственной идентичности он обратился к стилю неоархаики, подчеркивая важность этнокультурного наследия. И все же для художника региональная/территориальная идентичность и свобода творчества важнее, чем этничность как таковая.

Ключевые слова.

Художественное и литературное творчество, сибирская неоархаика, город, этническая и территориальная идентичность, сибиряк, Ewi Enk, Валерий Кондаков

Abstract.

This article is about activity of Valery Kondakov, Siberian artist and writer, who lives on the shore of Lake Baikal. In search for his own identity he uses the Neo-Archaic style, while emphasizing the importance of ethno-cultural heritage. However, the regional/territorial identity and freedom are more important for the artist than simple ethnicity.

Keywords.

Artistic and literary activity; Siberian Neo-Archaic style; city; ethnic and territorial identity, Siberian; Ewi Enk; Valery Kondakov

Художник в городе: Валерий Кондаков

текст

Анна Сирина

фото из личного
архива

В.П. Кондакова

Сибирский художник Валерий Кондаков живет и работает в Нижнеангарске, что на севере Республики Бурятия. Высшее художественное образование получил во Владивостоке, а затем много странствовал по Советскому Союзу в поисках себя и своего собственного художественного стиля. Кондаков – член Красноярского отделения Союза художников России. Его первая персональная выставка состоялась в июле 2007 года в Красноярске. Одна из работ – «Идущие по тайге» (2005) – экспонировалась в Русском музее в Санкт-Петербурге.

Фамилия Кондаков по архивным документам известна на севере и северо-востоке Байкала с XVIII века, среди ее носителей были и эвенки (тунгусы) и русские [1]. Выросший в смешанной этносоциальной среде, Валерий Кондаков с детства говорит по-русски. Казалось бы, как городской и образованный человек, он мог не думать о своей далекой и неявной этничности. Однако, осев в конце концов на родине, он взял творческий псевдоним Ewi Enk и обратился к эвенкийской теме. Оказалось, что это направление его творчества созвучно опыту других сибирских художников, пишущих в стиле неоархаики.

Поиск региональной идентичности в конце XIX – начале XX века и сегодня имеют, при всем их отличии, черты сходства, которые заключаются в обостренном внимании к народам и культурам Сибири. Художественное направление неоархаики, сформировавшееся в сибирском искусстве конца XX – начала XXI века, основано на обращении художников к археологическому наследию, к мифу и этническим корням культур народов Сибири [2]. Обширная исследовательская и выставочная практика во многих сибирских городах, особенно в Новокузнецке, Красноярске, Томске, Ханты-Мансийске, Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ, тематические выставки «Алтын-Чер Саяно-Алтая» (Новокузнецк, 2000–2001), международный выставочный проект «Внутренняя Азия» (Новосибирск, Бишкек, Ханты-Мансийск, 2000–2004), международный выставочный проект «След» (1999–2006), а также ретроспективная выставка «Сибирский миф» (Омск, 2005) и др. [3].

Визуальные приемы сибирской неоархаики частично совпадают с европейской школой постмодернизма.

Суть этого направления в исследовании, самопознании, постижении скрытого смысла. Искусствоведы выделяют в сибирской неоархаике несколько направлений. Одно из них – этноархаика, где особо важны образы этнических культур. В любом случае художник, апеллируя к архео- или этно-действительности или мифу, хочет уйти от шаблона, выразить свое отношение к современным проблемам бытия, подчеркнуть ценность традиций.

Эвенкийская, или этническая, тема в творчестве Валерия Кондакова лишь одна из многих. Уже наработанное художником выстраивается в серии: пейзажи; натюрморты; графика, иллюстрирующая изречения мудрых; серии «Шарики» и «Рыбы» – философско-ироничная интерпретация современной действительности. Однако именно эвенкийская тематика, на мой взгляд, позволила наиболее полно реализовать творческие замыслы художника и достичь максимума самовыражения. Она стала для Валерия Кондакова своего рода *carte blanche*, которая позволяет говорить о современных проблемах общества, высказывать свою точку зрения на современный мир и идущие в нем процессы быстрых культурных изменений и глобализации, используя при этом традиционные образы, символику, цвета, присущие эвенкийской культуре, но в переосмысленном, переработанном виде.

То, как описывает Кондаков свое обращение к эвенкийской теме и к корням, похоже на становление шаманов в эвенкийской культуре. «Я скептически отношусь к мистике, но вот, однако же, какая оказия приключилась лет 20 назад... Что-то сорвало вдруг и повело меня холодной осенью в тайгу якобы за грибами. Кожей ощущал я, что должно произойти что-то важное. Шел долго, путаясь в мыслях, не замечая, куда... Остановился, когда какое-то неестественное напряжение придавило меня к земле. Я увидел могучие белые корни, которые, изгибаясь, обвивали каменистую поверхность горной поляны. «Куда это я пришел?» – смутно пронеслось в голове. И явно ощутил, нежели услышал: «Нет, ошибаешься, это я тебя привел, я тебя выбрал, я тебя подготовил!» Я поднял взгляд и увидел над собой огромное сухое вековое дерево, с веток которого свисали выгоревшие и полуистлевшие от времени обрывки тканей... Чувство безотчетной

Фрагмент гобелена

Валерий Кондаков. 2007

A Painter in the City: Valery Kondakov

тревоги и глубочайшего почтения испытал я в этот момент. «А теперь иди и помни – прогрохотало в сердце – у каждой тропы должны быть свои приметы, забывший их блуждать будет. Особенно на тех тропах, которые ведут к истине...». Много дней спустя Святое Дерево явилось ко мне во сне. Я увидел на нем лица упокоившихся предков моих. «Вот они, корни твои, – сказала мне Святое дерево – не забыл?» [4].

Валерий Кондаков считает, что его роднят с эвенками не только некоторые особенности характера, но и нечто внутреннее, что невозможно объяснить обычным путем: «Мне нравится, что мои предки не придумывали календаря. Я до сих пор путаю числа. Если бы мне не подсказывали, сколько мне лет, я бы этого не знал. Это генетически во мне заложено. Я не могу запомнить вот эти дурацкие, совершенно пустые даты. Они мне ни к чему. Но когда мне скажут: было хорошее лето. А! Хорошее лето было, действительно, хорошее. <...> Главное, что было добро. Вот это самое главное» [5].

Живописные и скульптурные произведения, гобелены хорошо узнаются как имеющие эвенкийские корни. Характерны их названия: «Манги», «Родовое древо», «Старый кумалан», «Энекан Буга», «Шаман» и др. Валерий Кондаков отходит от реалий этнической культуры, возможно, не знает их в деталях, однако самостоятельно и свободно создает и интерпретирует мифы. При этом, по его убеждению, не удаляется, а каким-то непостижимым образом приближается к реальности. Впоследствии художник посчитал благом для себя, что он ушел от выставок-продаж и, не оглядываясь ни на кого, творит «свое». Особенно хороши гобелены. Их колорит насыщенный и теплый, близкий к естественным краскам природы тайги. Цвета – зеленый, красный, желтый, охра, черный, белый – характерны для эвенкийской культуры. На холсте под названием «Горная поляна, зазеленевшая весной» танцуют то ли зеленые духи травы, то ли сама трава. «Ведь не будут же духи танцевать в луже какой-нибудь в Нижнеангарске», – объясняет художник. Духи празднуют возрождение жизни, трава – живая и все имеет души и все связано со всем, человек не отделен от природы». На полотне «Энекан Буга – хранительница

душ», выполненном в смешанной технике, изображен эвенкийский верховный дух, чей образ не имеет ничего общего с теми изображениями, которые нам известны из немногочисленных зарисовок этнографов. Художник говорит, что знает об «энекан буга» от бабушки, а не из книг. Этот образ – продукт его творческой фантазии и вдохновения.

Творческая интуиция, основанная на высоком профессионализме, осмысливается им как помощь духов и предков. Художник настаивает, что со своими духами он может спорить, шутить, иронизировать, т.е. выстраивать двустороннюю, обоюдную связь, диалог. «Верите вы или не верите – это мистика. Потому что нет даже углем прорисованной композиции. Я просто к пустому холсту подошел и начинаю шить. Кропотливо изо дня в день в течение полугода. Надеюсь, моей рукой кто-то ведет».

Помимо живописного, Валерий Кондаков пробует себя в писательском и поэтическом творчестве. Всеми доступными ему средствами художник ищет ответы на вопросы: кто я в современном мире и что собой представляет и куда идет этот мир? При ответе на оба вопроса им активно привлекается тема этничности. В поэме «Шаман» используется форма диалога предка-шamana и его потомка-художника, которого волнуют животрепещущие проблемы современности. «Прапрадед мой когда-то был шаманом. / Я часто вижу – он ко мне приходит», – признается Кондаков, но мифический он или реальный, и сам художник затрудняется ответить. Одобрение шамана много значит для Кондакова, как бы освящая его творчество: «Но нам нужны, нужны твои картины: / В них голос предков слышится заветный».

В различных метафорах, которые связаны с традиционным эвенкийским восприятием мира, выражено отношение к истории, к проблеме сохранения культуры, принадлежности к месту, о которой так много пишут в последнее время, и в основе которого лежит чувство родины. В поэтическом творчестве художника особенно хорошо прослеживается культурная традиция, выражающаяся в образах, которые узнаются именно как эвенкийские. Так, мир многослоен, насчитывает до семи сфер. Небесный свод, «зазеленевший поляной горной по

text
Anna Sirina

photos from
V.P. Kondakov's personal archives

Гобелен «Идущие по тайге»

«Древний Кумалан»

весне», представляется в виде дырявой оленьей шкуры. В.П. Кондаков использует в поэме образы души-судьбы, нити жизни, верхнего и нижнего миров. В поэме появляется и образ Солнца-Бога, которое дает тепло, свет и жизнь всему на земле: «Там Солнце-Бог и на его скуле / Есть свежий шрам от пули неизвестной». В контексте этого понятнее становится скульптура «Стражник Белого солнца», выполненная в необычной технике из гипса, медной проволоки, конского волоса: дорогие для тебя вещи, идеалы и высшие ценности необходимо защищать. Родник и колчан со стрелами символизируют народную мудрость и заветы предков. Он неоднократно затрагивает тему закона тайги, которому «тыща лет, другого нет, не будет никакого». Необходимо почтительно относиться к богам, к старикам, к добытому зверю. В тайге находятся места и памятники особой силы – Родовое дерево, Святой камень. В природе все живое, и творческий человек стремится разобраться в ее явлениях, постичь их глубинный смысл:

Горячий ключ из-под земли пробился,
Его дыхание обжигает, лечит тело.
Зачем и для чего он к нам явился
Так дерзко, непонятно и так смело?
С какою вестью в этот край суровый
И что несет божественный источник?

Проблема выбора правильного пути, уважения к прошлому, уверенности в том, что оно имеет огромное значение в жизни, образно показано с применением эвенкийских способов ориентировки на местности: «Запомни: чтоб с тропы свернуть / Зарубки ставь, откуда ты идешь».

Отвечая на другой вопрос: что есть современный мир, поэт-художник обличает свойственные этому миру пороки, якобы с точки зрения эвенкийского мировосприятия. Сомнению или критике подвергаются некоторые современные ценности, при этом эвенкийская культура и само прошлое в определенной степени идеализируются: эвенки «не знали лжи, предательства и склок», «здесь нет врагов, здесь всякий – друг», они никогда не воевали

за землю и т.п., что, разумеется, далеко от действительности. И все же этим приемом Валерий Кондаков достигает главного: обращает внимание на перекосы глобализованного мира, ложность и опасность «ценностей» консьюмеризма.

Художник критикует начальный и современный периоды колонизации, сопоставляя их, причем современность не выигрывает по сравнению с прошлым. И тогда, и сейчас льется «огненная вода», «безо всякой меры» ловят рыбу. Среди пороков современного общества и человека упоминаются стремление к богатству и роскоши, раболепие, лесть, пресмыкательство перед сильными мира сего, отсутствие сострадания, злоба, гордыня.

Высказывая свои глубинные переживания в ироничной форме, Кондаков придумал серию историй об эвенках Иричейке и Иткэхе. Вот одна из них.

«Посадил Иткэх весной возле чума картошку, а осенью, как все, начал копать. Вдруг, видит в земле огромный слиток золота лежит: величиной с большую картошку. Побегал он к Иричейке, показывает тому. А Иричейка говорит: вона, у меня ограду возле чума сложил я из этих камней.

А в это время как раз проезжал с казаками царский генерал по этим местам. Как увидел он это золото, так сразу же проникся преогромнейшим уважением к Иткэху с Иричейкой. Задаёт им вопрос: дескать, нуждаетесь ли вы, брат Иткэх и брат Иричейка, в золоте?

– Дак нет, однако, – отвечают они, – че с ним делать-то?

– Прекрасно, братья! Молодцы, – хвалит их генерал, – а вот царь-батюшка наш очень и очень даже нуждается! Отправим мы ему эту радость? – спрашивает он, показывая на золото.

– Конечно...

– А вот только как назовем мы эту акцию? Покрасивше надо как-то... – просит генерал Иткэха с Иричейкой.

Генерал с казаками подсказывают им, мол, вроде красного или зеленого потока и назвать. Даже кто-то подсказал – голубого, мол. Тогда генерал очень серьезно говорит:

– Ну что ж, братцы Иткэх и Иричейка, вам дозволено придумать название этой акции!

«Дзелинда»

«Хранитель»

Иричейка – он же находчивый тунгус. Он и придумал. – А че, если, – говорит, – так и назовем: золотой поток? Все очень обрадовались. Всем стало хорошо и весело. С тех пор золотой поток к царю так и течет. Так и течет...» [6].

На вопрос переписи 2010 года о национальной принадлежности Валерий Кондаков ответил: «сибиряк». Для художника изначально региональная / территориальная идентичность и свобода творчества важнее, чем этничность как таковая. Исследования показывают, что идентичность «сибиряк» – это не национальная, а региональная протестная идентичность, вызванная отношением Центра и периферии [7]. Мобилизация эвенкийской идентичности произошла у художника осознанно и с целью подчеркнуть свое расхождение с общим руслом современного развития, желанием обратить внимание на те жизненные ценности, которые сегодня не в чести, брошены, забыты, и приписать эти ценности как изначально присущие эвенкам, с целью опереться на них, в том числе в своем творчестве.

В условиях глобализации, новых скрытых форм колониализма, интенсификации внешних миграций в Сибирь сибиряки стали более внимательны к себе и своему прошлому. И художники, как наиболее тонко видящие и чувствующие люди, одними из первых откликнулись на запросы времени, осознав важность родины, земли, этничности, истории и культуры.

Список литературы

1. Болонев Ф. Ф. Новые материалы о святом православном крещении бурят и эвенков Забайкалья в XIX в. // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Вып. 2. – Новосибирск, 2004.
2. Кичигина А. Г. Искусство неолитики в контексте современной региональной культуры. – Новосибирск, 2011.
3. Сибирский миф. Голоса территорий: образы и символы архаических культур в современном творчестве: Омск, Барнаул, Горно-Алтайск, Новосибирск, Тюмень: живопись – графика – скульптура – декоративно-прикладное искусство – объект – инсталляция – медиа-арт:

- альбом-кат. / ООМИИ имени М. А. Врубеля / под ред. А. Н. Гуменюк. – Омск: НП Творческая студия Экипаж, 2005.
4. Полевые материалы автора, 2007.
 5. Полевые материалы автора, 2011.
 6. Кондаков В. П. Шаманий ягель. – Красноярск, 2013.
 7. Сирина А. А., Фондак Г. Призрак нефтепровода на севере Байкала // Этнографическое обозрение – 2008. – №2; Анисимова А., Ечевская О. Сибирская идентичность как политическое высказывание // Pro e contra. – 2012. – Май – июнь. – С. 62–75.

«Шаман Олень»

А. Волокитин. Начало весны. Холст, масло, 2007г.

Видел я Альпы швейцарские и итальянские,
но нигде не видал такой красоты, как эта, наша
сибирская.

В.И. Суриков (из писем)

О своеобразии Красноярска

А.Г. Поздеев. Вид на зимний город. Акварель 1960-х годов.

А.Г. Поздеев. Вид из окна на часовню. Акварель 1970-х

Л.Войнова-Чибис Ворота в старый двор. Холст, масло, 2001 г.
(Теперь – ул. Горького у Центрального парка)

В излучине Енисея, который окружает Красноярское урочище, сходятся две платформы и с юга – Саянские отроги. Река Енисей, как известно, на большой карте течет с юга на север, но в районе города он течет с запада на восток. Этот парадокс с удивлением обнаруживают дети, когда, изучая природу, начинают сопоставлять карту и компас и задумываться над этим. По фарватеру Енисея проходит граница – соединение двух мощных геологических платформ – Западно-Сибирской, соответствующей Западно-сибирской низменности, и Сибирской, которая простирается до реки Лены и озера Байкал. Учеными давно отмечена уникальность расположения Красноярска на стыке различных геологических формаций.

Городчик А.А. Дубенский первым, еще в 1624 г., назвал красивый берег Енисея в том месте, где в него впадает река Изыр-Су (ныне река Кача) «угожим и красным» – пригодным для острожного становления. Это место сейчас в Красноярске зовется Стрелкой. А великий сибирский картограф и художник-ученый казак С.У. Ремезов в период Русского Возрождения XVII века, пожалуй, впервые применил понятие урочища к обозначению особенных природных мест Сибири и уникальной ситуации Красноярского города.

Если заглянуть в географический словарь, то можно узнать, что урочище – это естественная граница, природная межа или место с особыми условиями и признаками, отличными от обычного окружения. Красноярское урочище имеет более широкое значение и грандиозный масштаб, потому как велик Енисей и великолепны и разнообразны ландшафты кругом.

Представить Урочище можно, обозревая место с большой сопки, начала западной береговой таежной гряды, называемой Долгой гривой. Облетим мыслью все природное окружение и ориентиры окрест города: от северо-западной Дрокинской горы с восходящими потоками воздуха (рай дельтапланеристов) через северные боры, холмы и степи северо-восточные до горы Предивной среди сопки и долины на востоке. Далее в полете нашем мы увидим маковку Черной сопки, самой высокой горы с юго-восточной стороны города, и

южную гряду Саянских отрогов (Куйсумов) перед заповедником «Столбы».

В Урочище все созвучно стремнине меж крутых берегов реки. Места, с которых открываются полетные картины, народом метко названы видовками. Перед людьми, стоящими на таких местах, мир вдруг распахивается, словно при взлете. А в красноярских окрестностях множество таких обзорных площадок-видовок, с которых можно любоваться, оглядывая красоты природного великолепия. И это дает особую психологическую свободу горожанам.

В письмах В.И. Сурикова можно прочесть: «...Наша природа такая своеобразная, чарующая. Краски, тон, общий колорит... особенно близкие нам». «...Уехал в Сибирь. Встряхнулся. И тогда от драм к большой жизнерадостности перешел. ... Необычайную силу духа я тогда из Сибири привез...» «Каждый год я стараюсь возить своих девочек в Сибирь, чтобы они научились любить мою родину. И вообще я не могу долго быть вне Сибири...».

Город в Урочище – свою малую родину Василий Иванович образно представил М. Волошину (в январе 1913 г.) так: «В Сибири народ другой, чем в России: вольный, смелый. И край-то какой у нас... Сибирь...», а за Енисеем у нас уже горы начинаются: к югу тайга, а к северу холмы..., глинистые – розово-красные... Енисей чистый, холодный и быстрый...»

Слитность городской застройки и природной основы была заложена в структуре исторических городских пейзажей. В этом ценность их своеобразия. В первую очередь их особенность проявилась благодаря рельефным склонам левобережья Енисея и поймы речки Качи в историческом центре Красноярска. Первый губернатор А.П. Степанов называл их утесистыми крутизнами.

Новые архитектурные свершения могут быть органично включены в социо-культурный контекст города только с ощущением «исторической канвы» цельной среды, ее ценности и пространственно-временной «глубинности» в природном окружении. Это позволит жителям обрести память и подлинное чувство истории, ход которой запечатлен в самой ткани центра, образно-

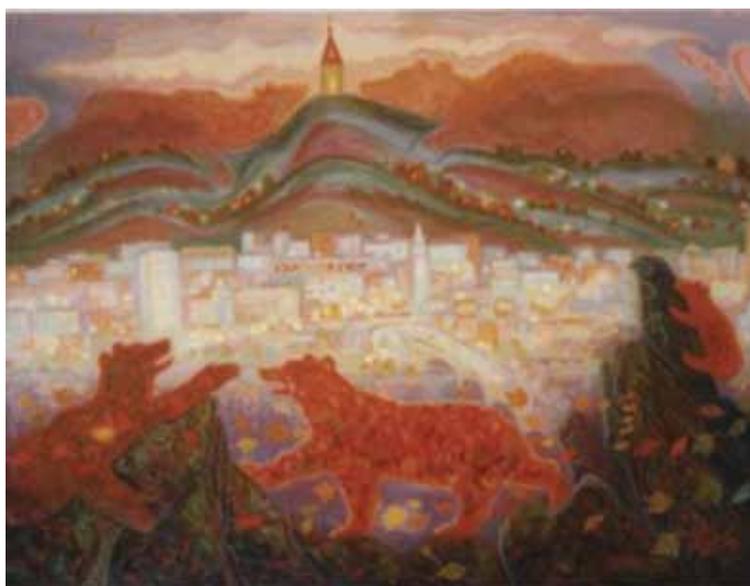
текст
Катерина Гевель

А.Г. Поздеев. Городской пейзаж. Акварель 1976 г.

Н. Незговорова. Весна в городе. Холст, масло, 2003г.

Л. Иванова «Медвежий угол», 2006г.

пластической среде Красноярска. Это важно для всех горожан, которые ценят своеобразие города и раскрытие его на природные ориентиры.

Ныне уже всеми признается необходимость сохранения исторической среды, окружающей памятники культуры. Без нее обрываются все привычные ценные связи и основы своеобразия нашего города. Возможно-сти панорамных раскрытий на окружающий мир – природный дар Красноярского урочища – ярко показывают художники.

Исследование принципов и градостроительных приемов, повлиявших на своеобразие Красноярска, на формирование его неповторимого облика проведены были в 2012г в проекте охранных зон наследия институтом «Красноярскгражданпроект». На различных стадиях развития городской структуры выявлены качественные изменения и эмоциональные характеристики различных элементов архитектурно-пространственной среды центра города. Это факторы устойчивого развития и процветания сибирского города и полноценной среды

проживания. Но исторические объекты, являющиеся ключевыми элементами в структуре и образе Красноярска, сохранились лишь фрагментарно.

Среди них часовня Параскевы Пятницы, стоящая на самой выразительной из «крутизн», на горе Караульной (бывшей сопке Кум-Тигей, что переводится с тюркского как «гора тетивы тугого лука»). На фоне этой сопки воспринимаются все дома. А на ее верхней площадке, у часовни представлена редкая возможность панорамного обзора всего Красноярского Урочища. Ныне на этой сопке холме цветным щебнем очень крупно написано слово «Россия». Вот впечатление москвича А. Юдина об этом явлении: «Будто бы на изображении Богородицы из баллончика краской кто-то пометил: «Это – Бог».

Еще один объект – фрагмент – Покровский храм, ныне обстроенный высотными домами.

К этим же жемчужинам старого Красноярска относится Благовещенский храм, отреставрированный, но без старинной въездной площади рядом. А ведь именно от нее вдоль Качинской улицы направлялось движение к Острогу. Так композиционная значимость этих объектов наследия в городской структуре угасает. Но красноярские живописцы и поныне с детской отзывчивостью любят душевную старину.

Изучение и сохранение архитектурно-градостроительного наследия является важной задачей современной градостроительной культуры. Сохранить и использовать в соответствии с новым назначением цельную историческую среду вместо прежней, «штучной», охраны отдельных объектов – одна из сложнейших градостроительных задач современности. Активное новое строительство в Красноярске привело в большинстве случаев к разрушению исторически сложившейся среды и утрате деревянной застройки, ценных архитектурных объектов. Это, в свою очередь, повлекло потерю целостности, гармоничности архитектурно-пространственной среды исторических зон центра, своеобразия города в целом.

Наибольшие утраты претерпело деревянное зодчество – самая яркая и примечательная область прежней архитектуры Красноярска, как и всей Сибири. Это

Ю. Иванова. Красноярск летом. Холст, масло, 2005 г.

А. Суриков. Из серии о Красноярске. 2005 г.

произошло в результате недооценки потребности сохранения этого уникального наследия, давшего образцы фортификационных, жилых, общественных и первых производственных сооружений, мостов и устоев.

Культурная память на протяжении веков оседает канвой застройки. Это осязаемая образность среды города. Она наряду с куртинами, раскрывающими улицы на природу, придает ему особый колорит – красноярость. И гости приезжают посмотреть не то, что для них привычно, а на здешнее своеобразное деревянное казачье зодчество сибирского города, бывшего крепостью-фор-

постом на рубежах Российской земли. Казаки доблестно сторожили границы с юго-востока, а мы теперь мы не видим наследия этой героической истории в нашем окружении даже на улице Сурикова.

Жизненно необходимо выявить в настоящем связь архитектурных форм с особенностями мироощущения и миропонимания горожан, которые проявлены в характерах и укладе жизни, а также помочь оживить эти взаимосвязи сквозь историческую канву прошлого и пронести их в будущее.

Акварель А.Г. Поздеева 50-х годов с домом архитектора Чернышева на улице, называемой ныне ул. Марковского.

Аннотация.

В статье рассматриваются особенности планировочной эволюции новых промышленных городов Западной Сибири в 1930-е гг., возникших в ходе реализации программы индустриализации. Утверждается, что эти города похожи друг на друга как братья-близнецы и никакой особой идентичности, уникальности, специфических характеристик у них нет. Потому что в рамках советской градостроительной политики одни и те же планировочные постулаты в обязательном порядке воплощались применительно ко всем соцгородам-новостройкам, а «выявление и учет» при составлении генпланов

городов местных условий, неизменно отходили на задний план или вообще приносилось в жертву планировочным шаблонам. Эти планировочные шаблоны и лежавшие в их основе постулаты советской градостроительной политики подробно описываются в статье на примере трех сибирских городов: Кемерово (бывший Щегловск), Новокузнецка (Сталинск), Николаевска (Новосибирск).

Ключевые слова.

Город-сад, советский рабочий поселок, соцгород, индустриализация

Идентичность советского города:

от города-сада англичанина Э. Говарда – к соцгороду немца Э. Мая.

Щегловск – Кемерово, Сталинск – Новокузнецк, Новониколаевск – Новосибирск

текст
Марк Меерович

Рис. 1. Проект поселения-сада возле станции Кузнецк (около деревень Черноусово и Горбуново). Инж. А.Д. Крячков. 1916 г. [2]

Рис. 2. Город-сад Щегловск. Генплан. Арх. П.А. Парамонов. 1918 г. [5]

Рис. 3. Большой Новосибирск. Схема перепланировки по принципу города-сада. Арх. И.И. Загрявко. 1925 г. [6]

Как же повезло нам, российским историкам архитектуры, при выявлении уникальности российских городов: нам не нужно мучиться над долгим скрупулезным изучением каждого дома или особенностей исторического напластования планировочных схем. Так как, что бы мы ни обнаружили, все это абсолютно никому не интересно и не нужно. И в первую очередь, не нужно властям всех уровней, которые и являются единственными заказчиками наших архитектурно-исторических исследований (частные заказчики возникают лишь для того, чтобы заплатить нам на подготовку обоснований на выведение объектов из списка ОКН). Для госчиновников наши научные открытия – лишь «докучливое нытье архивокопателей». С позиции городских властей, да и с обывательской точки зрения, – то же. Для местной власти суть решений по выявлению и сбережению идентичности городской среды предельно ясна – сохранить несколько построек XVIII века или археологическую зону деревянной крепости XVII века на той стороне реки, откуда, собственно, и начинался город, отреставрировать сохранившиеся каменные церкви и выборочно с десяток деревянных зданий – образцов народного зодчества и творчества местных архитекторов (остальной же деревянной застройке уготован неизбежный снос как «мешающей

развитию современного города»)… Ну вот, пожалуй, и вся идентичность.

Безусловно, можно поискать уникальные природные объекты, а также дома, памятные историческими событиями, например рождением крупных государственных деятелей и космонавтов (в советский период к ним щедро прибавлялись места подпольных заседаний РСДРП). Однако это – забота краеведов. А архитекторам, с точки зрения городских властей, совершенно бессмысленно выискивать социально значимые местные отличительные особенности в первых кварталах капитальной застройки соцгородов, точно так же как бессмысленно искать подобное в массивах хрущевских пятиэтажек или в 9-этажной ковровой застройке брежневских домостроительных комбинатов крупнопанельного домостроения.

И неважно, что в архитектурном отношении все это очень интересно, потому что, например, среди более чем двух десятков капитальных жилых домов, спроектированных Эрнстом Маем для первого квартала соцгорода Магнитогорска и возведенных в 1932–1933 годах, при всем их внешнем сходстве нет двух одинаковых. Они все разные: с различными конструктивными системами: с несущими продольными или поперечными стенами, с разным шагом

рис. 2

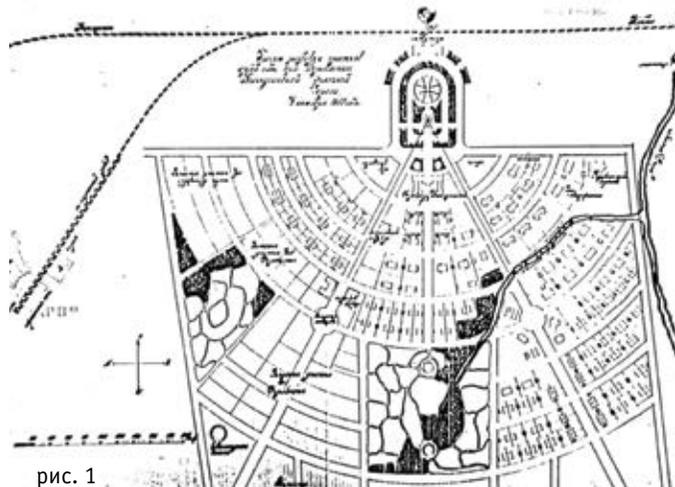

рис. 1

Abstract.

The article considers peculiarities of planning development of new industrial Western Siberian cities in the 1930s, which occurred during realization of the industrialization programme. It is assumed that those cities resemble each other like twins. They have neither identity nor any specific qualities, because in the frameworks of the Soviet town-planning policy the same planning postulates were compulsorily applied to all newly-built socialist cities, and recognition of local conditions was relegated to the

background or sacrificed for planning stereotypes. Those planning stereotypes and postulates of the Soviet town-planning policy are thoroughly described in the article through an example of Siberian cities: Kemerovo (Shcheglovsk), Novokuznetsk (Stalinsk), Novonikolaevsk (the left bank of Novosibirsk).

Keywords.

Garden city, Soviet workers settlement, socialist city, industrialization

Identity of a Soviet Town:

from the Garden City by an Englishman E. Howard to the Socialist City by a German E. May (Shcheglovsk – Kemerovo, Stalinsk – Novokuznetsk, Novonikolaevsk – Novosibirsk)

несущих конструкций, с кирпичными колоннами и перегородками из дранки, гипсовых или соломитовых блоков; из различных материалов (кирпич, шлакоблоки, драночно-глинобитные и т.п., с различной планировкой (общезития коридорного типа, секционные, с коллективными квартирами, с индивидуально-коллективными квартирами, гостиничного типа и т.п.), с разными строительными приемами (лестницы в подъездах на металлических и деревянных косоурах, с соответствующими ступенями и перилами, с пристройкой снаружи отдельных домов балконов-лоджей широкого функционального назначения и т.п.). Уверен, что подобные отличия обнаружатся и в первых кварталах капитальной застройки, выполненной по проектам Эрнста Мая для других соцгородов... если кто-то из местных исследователей – аспирантов или магистрантов – займется наконец-то изучением советского наследия всерьез, а не просто продолжит по десятому разу цитировать одни и те же «объяснения», написанные 40–50 лет назад.

Однако подобные профессиональные «открытия» никакой социальной значимой ценности ни для муниципальных властей, ни для обывателей все равно иметь не будут... Никакой внешней локальной идентичностью индустриальные города-новостройки советского периода не обладают.

Кроме нескольких зданий, как правило, расположенных на противоположной стороне реки – у завода-гиганта первой пятилетки, возведенного в 1930–1940-е гг. Это – постройки, относящиеся ко всемирно пропавшему стилю советский конструктивизм. Плюс с десяток сооружений сталинского ампира, обретших в последние десятилетия статус региональных объектов культурного наследия – их легко обнаружить на центральных площадях, перед главной проходной завода или на главной улице селитебной зоны...

Больше ничего и нет... А откуда взяться чему-либо иному? Индустриальные города-новостройки 1930-х годов являют поразительное сходство судеб, конфигурации планировки и типологии застройки. Социалистические города, возникшие в Сибири практически на пустом месте в ходе развертывания советской индустриализации, похожи как братья-близнецы – у них одинаковая история, одинаковые признаки, одинаковые проблемы и в конечном счете одинаковое качество городской среды...

Как правило, заводы-гиганты первой пятилетки размещались вблизи не очень крупных поселений, распланированных еще в конце XVIII – начале XIX века «по образцу» города-сада, они так и назывались – сад-город. Например, таковым был Кузнецк, заложенный в 1912 году частным акционерным обществом Каменноугольных копей и металлургических заводов в Кузбассе («КопиКуз»), разработавшим Кольчугинские и Кемеровские копи. Общество вело разведку угольных месторождений Кузбасса и железнорудных месторождений Тельбесского района и для размещения рабочих возвело поселение-сад при железнодорожной станции около деревень Черноусово и Горбуново, куда протянуло отдельную ветку частной железной дороги [1]. Проект выполнялся в 1916 году гражданским инженером А.Д. Крячковым, специально приглашенным для этого Управлением Кольчугинской железной дороги (рис. 1).

Городом-садом был также и Щегловск. Причем с точно такой же историей: в 1915–1917 гг. то же самое общество («КопиКуз») построило железнодорожную ветку от станции Топки Кольчугинской железной дороги до деревни Щеглово. Стихийно растущему новому поселению Коксохима срочно был нужен генплан – был объявлен конкурс, в котором приняли участие профессора Томского техноло-

text
Mark Meerovich

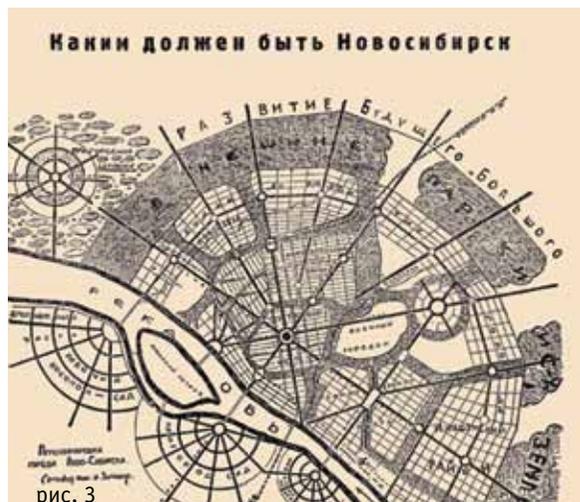

рис. 4

рис. 5

1. Название Новокузнецк возвращено в 1961 г.

Рис. 4. Кузнецк – рабочий поселок Сад-город при металлургическом комбинате. Арх. В. Талепоровский (Гипромез). 1929 г. [7]

Рис. 5. Соцгород Кузнецк (Новокузнецк). Конкурсный проект планировки и застройки на 30 тыс. жителей. Генплан. Арх. Л. А. и А. А. Веснины. 1930 г. [10]

Рис. 6. Сталинск (Новокузнецк), Верхняя колония. Двухквартирный жилой дом коттеджного типа [11]

гического института, представившие пять проектов [3]. Победил П.А. Парамонов, составивший свой проект «по типу города-сада» [4] (рис. 2). В 1918 году проект был утвержден и стал основой разбивки территории на застройочные участки.

Проект города-сада разрабатывался уже в советский период и для Новониколаевска (рис. 3). Его автором был гражданский инженер И.И. Загривко, который считал схему города-сада наилучшей для планировки рабочего поселка.

Во второй половине 1920-х годов советская власть, выдвинув программу создания самого мощного в мире военно-промышленного комплекса, именуемую индустриализацией, постановила построить в месте «пересечения» угольных месторождений Кузбасса и железнорудных месторождений Тельбесского района крупнейший металлургический комбинат для выпуска броневых и рельсовых сталей. И снова для расселения трудовых ресурсов Кузнецкого (Тельбесского) металлургического комбината понадобился соответствующий генплан. Он был выполнен Государственным институтом проектирования металлургических заводов (Гипромез) в 1929 г. (рис. 4). Проект рабочего поселка Гипромеза хоть и продолжал именоваться сад-город [8], однако к говардовской идее города-сада абсолютно никакого отношения не имел.

Генплан рабочего поселка (арх. В. Талепоровский) последовательно воплотил сложившиеся к этому времени в советском градостроительстве принципы планировки селитьбы подле промышленных комбинатов. От говардовских городов-садов он, как и все прочие «социалистические рабочие поселки», спешно проектировавшиеся во второй половине 1920-х годов – после старта программы индустриализации, отличался рядом ключевых содержательных моментов.

Идея Э. Говарда основывалась на создании таких финансово-экономических и организационно-управленческих условий, которые позволяли гражданам, не имевшим собственного жилья, самоорганизоваться и относительно быстро и сравнительно недорого построить себе индивидуальный 1-, 2-этажный жилой дом с садом и огородом. Вкладывая незначительные стартовые взносы, простые рабочие и служащие вступали в члены товарищества, возводившего

поселок и затем владевшего им, становились его акционерами (пайщиками), коллективно управляли поселением, определяли стратегию его развития.

Социалистические города, подобные Кузнецку (в 1932 г. переименован в Сталинск¹), или Щегловску (переименован в Кемерово в том же году [9]), или Новониколаевску (в 1925 г. переименован в Новосибирск), в отличие от города-сада, были тотально подчинены градообразующему промышленному предприятию. В административном, финансовом, снабженческом, транспортном, коммунально-бытовом и всех прочих отношениях. Генпланы поселений планировочно выражали и закрепляли эту зависимость. Проявлялось это, во-первых, в трассировке улиц к центральной проходной градообразующего промышленного предприятия: они ежедневно приводили потоки трудящихся к единственной цели и смыслу существования селитьбы – к заводу. Главная городская магистраль совмещала трудовые и эпизодические культурно-бытовые потоки, которые заканчивались на предзаводской площади, а начинались с точки ввода внешнего транспорта (вокзала, речного или морского порта, автостанции). Как правило, на ту ось планировочно нанизывалась и главная городская площадь с расположенными на ней общегородскими административно-политическими и культурными сооружениями.

В проекте рабочего поселка Гипромеза все было выполнено в полном соответствии с этими принципами, как и в следующем проекте генплана Кузнецка, разработанном в 1930 г. братьями Весниными, потому что поселок по мощности градообразующего предприятия и, соответственно, численности населения уже разросся до небольшого города (рис. 5).

Во-вторых, отличие города-сада и советского рабочего поселка заключалось в территориальном разделении двух пространственно локализованных зон размещения жилья: а) для основной массы трудящихся и б) для начальства. Например, в Сталинске (Кузнецке) таковыми являлись Верхняя и Нижняя колонии. Верхняя колония представляла собой группу отдельно стоящих коттеджей или 1-, 2-этажных 2-, 4-, 8-квартирных домов (деревянных и термолитовых, а также нескольких «опытных» – саманных и камышитовых) (рис. 6). Эта территориально обособленная группа

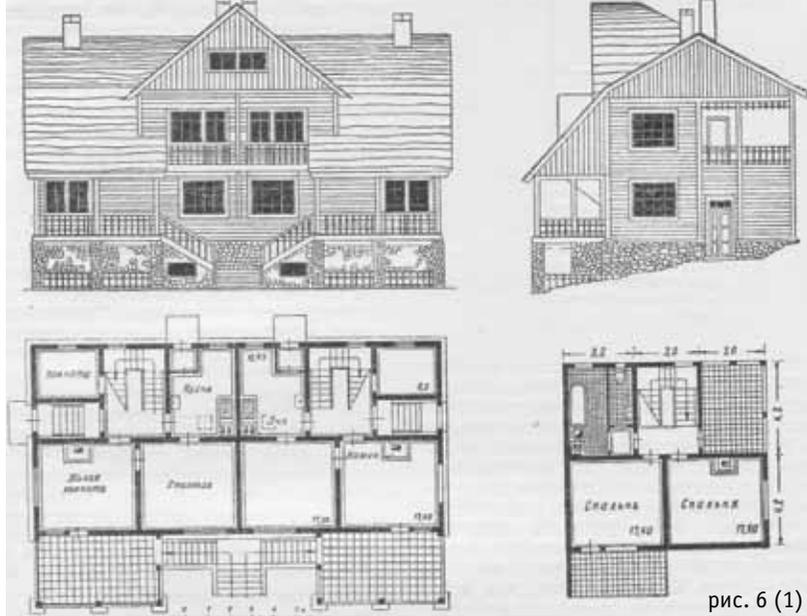

рис. 6 (1)

жилых домов предназначалась для высшего городского и заводского начальства, партийного руководства, крупных инженерно-технических работников завода и иностранных специалистов (в которых в этот период нуждался Советский Союз). Как правило, она охранялась силами ОГПУ.

Нижняя колония – бесконечные ряды бараков для рабочих комбината (рис. 7). Этот тип домостроений полностью соответствовал советской доктрине формирования жилища покомнатно-посемейного (коммунального)

заселения, обеспечивавшего трудо-мобилизационную и военно-мобилизационную организацию населения [13].

Подобная пространственно-планировочная модель была типичной для всех соцгородов-новостроек: Магнитогорска, Орска, Автостроя в Нижнем Новгороде и др. – в каждом из них существовали элитные поселки для начальства (3–5 % населения) и барачные поселки для остального населения (95 %) [14].

рис. 6 (2)

Рис. 7. Сталинск (Новокузнецк), Нижняя колония. Барачные поселки, ул. Орджоникидзе. 1936 г. [12]

Рис. 8. Соцгород Сталинск. Автогужевой тоннель, соединяющий Верхнюю колонию с Нижней. Въезд в тоннель. Фото предоставлено И.В. Захаровой

Кстати, история Верхней колонии была весьма необычна. Планировочно она оказалась полностью отрезанной промышленной площадкой от основной селитбы (в отличие от других соцгородов, в которых обособленные поселки для начальства располагались хоть и на периферии жилой зоны – обособленно, но неотрывно от нее). Характер партийно-государственной деятельности обитателей Верхней колонии требовал от них ежедневного присутствия в «гуще рабочих масс», точнее – в кабинетах городской администрации, горкома партии и силовых ведомств, а путь к кабинетам преграждали цеха, домны, рельсы подъездных путей. В результате было принято потрясающее решение – прокопать полукилометровый (544 м) подземный железобетонный автогужевой тоннель под промышленной площадкой, чтобы начальники могли беспрепятственно ездить на своих персональных авто к местам своего ежедневного управленческого труда... Причем его устройство велось открытым способом и железнодорожные пути, проложенные к этому времени по заводской площадке уже довольно густой сетью, приходилось многократно перекладывать с одного участка на другой, по мере рытья котлована для тоннеля. Для его возведения было даже сформировано специальное управление (цех) под руководством переброшенных с Турксиба инженеров – «Земжелдорстрой» [15]. В 1933 году тоннель с проходной, на которой велось круглосуточное дежурство (чтобы не пропускать посторонних) был пущен в

эксплуатацию, и начальство получило возможность быстро и безопасно ежедневно следовать к себе на работу (рис. 8).

С середины 1929 года, после уничтожения левой и правой оппозиции, у Сталина отпала необходимость политического лавирования и появилась возможность единолично и в открытую определять планы и объемы выпуска вооружений. С этого момента военные задачи получили не только безусловный приоритет, но и все необходимые ресурсы. В частности, 15 июля 1929 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О состоянии обороны страны», которое почти в три раза увеличивало запланированное к производству количество танков. Как следствие, увеличились плановые показатели выпуска продукции для всех военно-гражданских (так называемых «ассимилированных») заводов-новостроек первой пятилетки, основным предназначением которых и был выпуск военной продукции.

Увеличение мощности заводов требовало все новых и новых рабочих рук. И новых генпланов поселений, рассчитанных на значительно большую численность расселяемых трудовых ресурсов, чем первоначально. Если проект Веснинных исходил из численности 25–30 тыс. чел., то генплан Кузнецка, разработанный в 1931 году под руководством Э. Мая, был рассчитан уже на 80 тыс. чел., а потом увеличен до 120 и т.д., а еще через пару лет реальная численность населения составила уже 200 тыс. чел.

Разработка генпланов соцгородов в любом крупном советском проектном институте (Стандартгорпроект, Гипрогор и др.) велась, как правило, по одной и той же схеме, определенной существовавшими нормативами: территория селитбы разбивалась на кварталы с заданной средней плотностью 200–300 чел. на га [17], фиксированной длиной сторон (как правило, не больше 400 м) [18]. Улицы трассировались прямолинейно [19]. В состав квартала, помимо жилых зданий, включались объекты первичного обслуживания: школа, детские сады, ясли, столовая и так называемый примитивный клуб. Вместе с «магазином-распределителем» они обеспечивали культурно-бытовое обслуживание населения (рис. 10).

Следует заметить, что и выбор территории для «промышленно-селитебных комбинатов» также происходил всегда

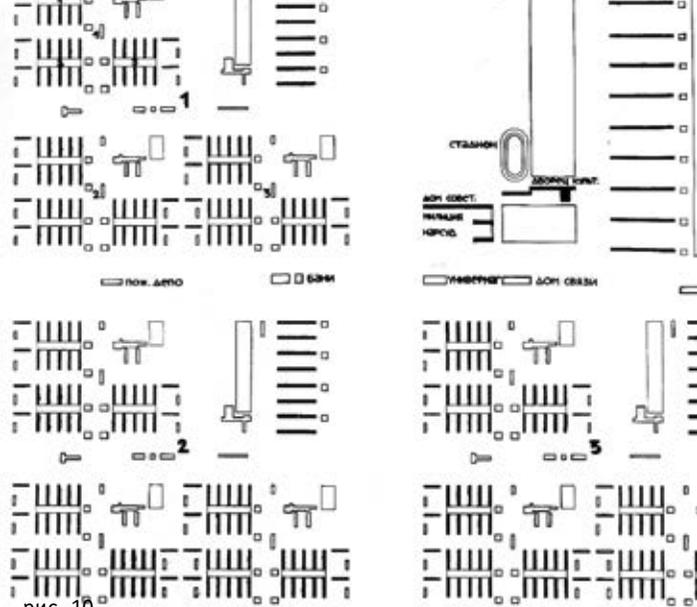

рис. 10

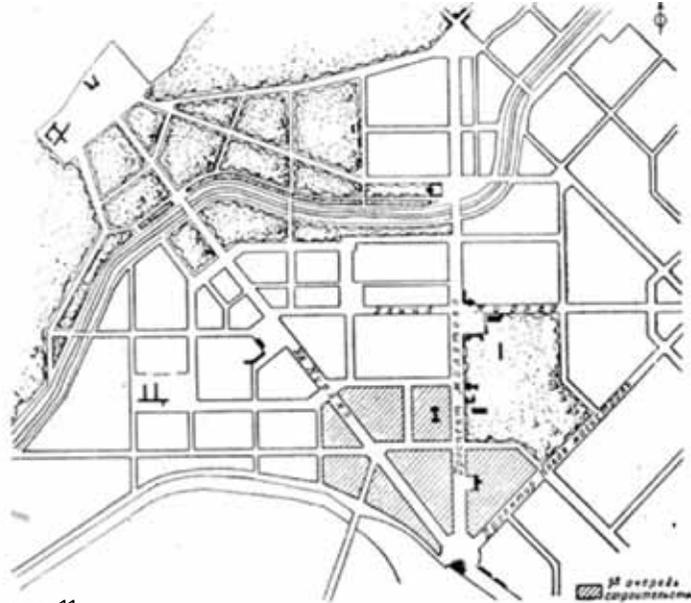

рис. 11

по одной и той же схеме: сначала подбиралась удобная площадка для завода – ровная, чтобы связям между корпусами не препятствовали перепады рельефа; с возможностью быстро и легко подтянуть железнодорожную ветку от проходящей недалеко магистрали. А для металлургического завода, требовавшего огромного количества воды, еще и с обязательным наличием рядом какой-нибудь речки.

Определение площадки для расположения селитбы осуществлялось по остаточному принципу – после выбора места для строительства завода. Она тоже должна была быть ровной, чтобы позволять расставлять по ней в шахматном порядке однотипные бараки (а потом более капитальные дома) с целью сэкономить за счет стандартных строительных процессов; желательно с хорошими грунтами, чтобы сократить расходы на инженерную подготовку территории. Располагалась селитба на некотором отдалении от промышленной площадки, чтобы отгородиться от вредного влияния производства буферной полосой зеленых насаждений. Но при этом не слишком далеко, так как основной массе рабочих в условиях почти полного отсутствия городского транспорта приходилось ежедневно ходить на работу и обратно пешком. Отступ селитбы от промплощадки с учетом пешеходной доступности был, как правило, равен 1–3 км.

В отношении Кузнецка окончательно определиться с выбором участка под строительство жилья удалось лишь к июню 1932 г. – постановлением СНК «О месте строительства и проекта планировки города Новокузнецка» в полном соответствии с указанными выше постулатами была «очерчена» территория для размещения селитбы – на расстоянии 1–3 км к юго-востоку от заводоуправления, на фактически единственной плоской, ровной площадке, поджатой с севера рекой Аба, с юга – склонами горы у Садыгорода и с востока – моховым болотом [21]. В это время в Новокузнецке проживало уже около 45 тысяч человек. Подавляющее большинство их обитало в бараках, имея, примерно 2,6 кв. м на чел².

При разработке проектов генпланов соцгородов-новостроек, Э Май следовал всем нормативным общегосударственным требованиям (а как же иначе). Однако, полностью выполнив все официальные предписания, при

разработке генплана соцгорода Кузнецка он пренебрег одной из важнейших неформальных заповедей проектирования соцгородов – наличием главной городской улицы, проходящей от заводской проходной к центральной городской площади. В мае в варианте генплана главная улица была намечена по краю селитбы (рис. 9), что было недопустимо, так как затушевывало композиционную «устремленность к производству». Отсутствие центральной диагональной магистрали, связывавшей центр города с заводоуправлением, «стягивавшей движение к заводу и вокзалу», было квалифицировано как крупный недостаток генплана, который впоследствии был исправлен (ныне это проспект Курако) (рис. 11).

Требование прокладки магистрали к заводу и вокзалу, предъявлявшееся экспертами при разработке проектов планировок сибирских соцгородов, получивших со стороны программы индустриализации мощнейший толчок пространственного роста, было полностью идентично тем, что предъявлялись к генплану Кузнецка. Так, например,

2. И через пять лет, в 1937 году, в бараках все еще проживало более половины работников металлургического комбината [22].

Рис. 10. Типовые кварталы соцгорода с «вшитыми» в них объектами культурно-бытового обслуживания (Стандартгорпроект). Бригада Э. Май, арх. Вальтер Швагеншайдт, Хейн Лаутер. 1931 г. [20]

Рис. 11. Сталинск (Новокузнецк). Градостроительная ситуация. 1948 г. [23]

Рис. 13. Проект планировки левобережного Новосибирска, составленный на основе использования типовых планировок жилых кварталов. Гипрогор. Арх. Д.Е. Бабенков, Д.А. Гандурин. 1931 г. [27]

рис. 13

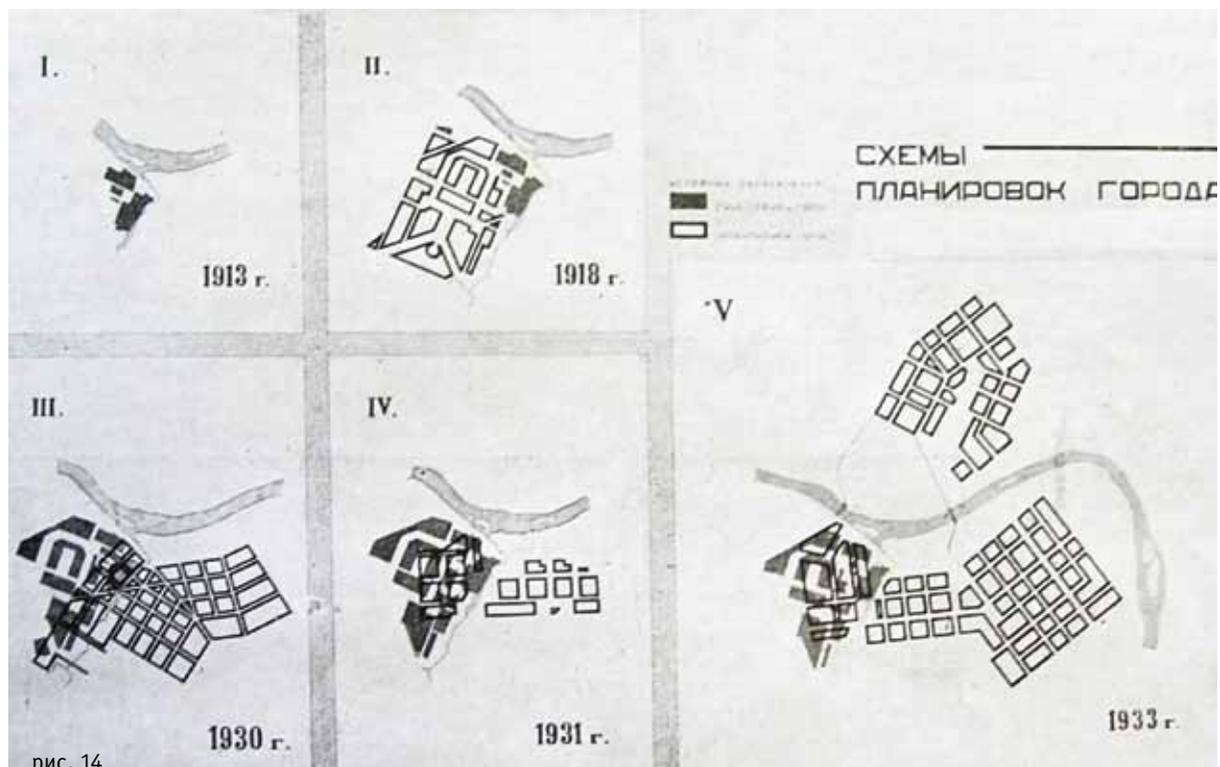

рис. 14

3. В 1936 г. завод из соображений секретности будет переименован в комбинат № 179.

4. Кроме Новосибирска, где основным застройщиком выступало специально сформированное Управление для проектирования и строительства Левобережного Новосибирска – Новосибирскстрой.

Рис. 14. Эволюция планировки Кемерово (соцгород Щегловск) с 1913 по 1933 г. – иллюстрация полного игнорирования проектировщиками соцгорода предшествовавшей планировочной структуры и типа застройки города-сада [32]

проект левобережного Новосибирска, выполненный в проектно-планировочном бюро Цекомбанка, а затем Стандартгорпроекта (арх. Э. Май) (рис. 12), был отклонен, а основным для последующей реализации выступил проект, разрабатывавшийся Гипрогором с 1930 года (арх. Д.Е. Бабенков, А.В. Власов, Н.Х. Поляков), в котором поверх прямоугольной планировочной сетки улиц была изначально проложена система диагоналей. Она обеспечивала реализацию неписаного композиционного правила – связывала центр соцгорода, с одной стороны, с предзаводской площадью, на которой располагалось здание заводоуправления «Сибкомбайн» [25], а с другой – с местом расположения будущего здания вокзала пассажирской станции Кривошеково [26]. При всех последующих доработках проекта планировки (арх. Д.Е. Бабенков, Д.А. Гандурин, 1931, 1934 гг.) эта диагональная структура сохранялась неизменной (рис. 13).

Кстати, завод «Сибкомбайн», несмотря на свое исключительно мирное (сельскохозяйственное) название, являлся таким же значимым элементом системы военно-промышленного производства, как и заводы в Кузнецке и Кемерово: с 1934 года на нем³ постепенно налаживался выпуск снарядов (76, 122, 152 мм), патронов, взрывателей ГВМЗ, стальной и биметаллической ленты для выпуска патронов и т.п. [28].

В 1935 году точно такую же планировочную ось, связывавшую центр города с промышленной зоной, введет в генплан Кемерово проектировавший его Горстройпроект. На магистраль, соединяющую город с заводом будет сообразно негласным, но общепринятым принципам проектирования соцгородов «нанизан» общественно-административный центр не только в Кемерово, но и в Новокузнецке, и в левобережном Новосибирске [29].

В 1920–1930-е годы градостроительные процессы в СССР «регулирулись административными, а не правовыми методами», а реальное развитие городов повсеместно определялось не генпланами, а деятельностью ведомственных застройщиков [30]. Архитекторы же вынуждены были «вдогонку» закреплять в генпланах

места расположения барачных поселков, проложенных дорог, возведенных общественных сооружений... Эти реалии серьезно предопределяли проектные решения, ибо планировщики, стремясь обеспечить практическую реализацию разрабатывавшихся ими генпланов, старались учитывать интересы заказчика и его требования. Все равно ведомственному заказчику в лице руководства градообразующего предприятия, через которого шло все финансирование и материальное снабжение стройки, удавалось в конечном счете продавливать в борьбе с местной администрацией именно те решения, которые казались ему более простыми и быстрыми в исполнении. Тем более что в подавляющем большинстве случаев именно он выступал в роли основного застройщика селитьбы⁴. «Манера не считаться с горсоветом» в вопросах архитектуры и градостроительства [31] была в этот период определяющей.

Проекты соцгородов, которые стали разрабатываться в период индустриализации, принципиально создавались как будто бы на пустом месте. Вне какой бы то ни было преемственности с планировкой поселений, существовавших здесь ранее. Они «вычеркивали» всю предыдущую дореволюционную историю градостроительного развития территории. Формировались с чистого листа: либо на свободной территории (как правило, на противоположном берегу реки), либо на месте исторически существовавшей жилой застройки, но полностью игнорируя ее наличие (как в Щегловске) (рис. 14).

Дореволюционные планировочные схемы городов-садов, в соответствии с которыми зачастую были распланированы территории поселений, существовавших в данном месте и попадавших в зоны интенсивного промышленного развития, отвергались идеологически и подлежали, согласно концепции соцрасселения, полному практическому реформированию [33]. Отвергались, потому что абсолютно не отвечали градостроительным принципам пространственного закрепления «производственно-селитебных комбинатов», лежавшим в основе советской расселенческой доктрины.

рис. 9

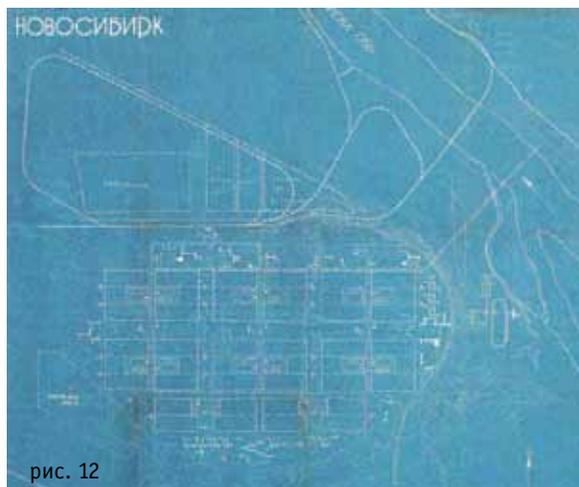

рис. 12

Список литературы

1. Баландин С. Н., Смирнова Е. А. Города-сады в Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 3.
2. То же. – С. 4.
3. ГАКО. – Ф. Р-6. – Оп. 4. – Ед. хр. 1. – Л. 7.
4. Петров А. И. Планировка городов Сибирского края // Коммунальное дело. – 1929. – № 2. – С. 98-102.
5. Баландин С. Н., Смирнова Е. А. Города-сады в Сибири. Новосибирск, 1985. – С. 12.
6. Невзгодин И. В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. арх.-худож. академии, 2013. – С. 38.
7. Духанов С. С. Исторические центры новых промышленных городов Западной Сибири в 1930-е гг. – 2014. – 20 с. – рукопись
8. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив города Новокузнецка». История города [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.archivnkvz.ru/?page_id=250
9. Краткая история города Кемерово [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tm-betman.ucoz.ru/forum/48-483-1>
10. «Виноградная лоза» братьев Весниных [Электронный ресурс] // Кузнецкий рабочий. – 2008. – № 145 (18773). – Режим доступа: <http://kuzrab.ru/publics/index.php?ID=15113>
11. Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Вып. 1. Поселковое строительство 1918–1948 годов. М. : Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1951. – С. 23.
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scity.su/wp-content/uploads/2013/04/ул.-Орджоникидзе.jpg>
13. Меерович М. Г. «Награжденные трудом» или кочевники поневоле // Проект Байкал. – 2010. – № 24. – С. 114–118; На работу по приказу: трудовые армии в СССР // Проект Байкал. – 2010. – № 24. – С. 118–119.
14. Меерович М. Г. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920–1930-х гг. [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов – 2010. – Режим доступа: http://archvuz.ru/2010_3/6
15. Духанов С. С. Исторические центры новых промышленных городов Западной Сибири в 1930-е гг. 2014. – 20 с. – Рукопись.
16. Ernst May: 1886–1970. – Munchen: Prestel, 2011. – P. 169.
17. О конкретных мероприятиях по снижению стоимости строительства путем рационализации проектирования, применения облегченных конструкций, уменьшения норм нагрузок и запасов прочности. Инструкция Строительной Комиссии РСФСР // Наше строительство. – 1929. – № 4–5. – С. 115–123.
18. Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений. Постановление ЭКОСО от 12 января 1930 г. // Наше строительство. – 1930. – № 1–2. – С. 7–37.

19. Там же.
20. Preusler, Burghard: Walter Swagenscheidt 1886-1968: Architektenideale im Wandel sozialer Figurationen/ Burghard Preusler. – Stuttgart: Deutsche Vertiags-Anstait, 1985. – P. 98.
21. История проектирования Сталинска – Новокузнецка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://freepapers.ru/20/istoriya-proektirovaniya-stalinska-novokuznecka/98736.642491.list2.html>
22. Там же.
23. Светличный Б. Е., Габелко Н. К. Сталинск. – М., 1954. – С.19 (Цит. по: Духанов С. С. Исторические центры новых промышленных городов Западной Сибири в 1930-е гг. 2014. – 20 с. – Рукопись.)
24. Невзгодин И. В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. арх.-худож. академии, 2013. – С. 48.
25. Духанов С. С. Исторические центры новых промышленных городов Западной Сибири в 1930-е гг. 2014. – 20 с. – Рукопись.
26. Там же.
27. Органов Л. И. Методология планировочных работ в практике Гипрогора // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 1. – С. 10–16.
28. Савицкий И. М. Строительство предприятий оборонной промышленности в Новосибирской области в предвоенные годы (1929–1941) // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2002. – С. 142–155.
29. Духанов С. С. Исторические центры новых промышленных городов Западной Сибири в 1930-е гг. 2014. – 20 с. – Рукопись.
30. Косенкова Ю. Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920-1930-е гг. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования: сб. науч. трудов НИИТИАГ РААСН. М. : УРСС, 2010. – С.335; Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к практике строительства. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – С. 12–15.
31. ГАНУ. – Ф. Р-1228. – Оп. 1. – Д. 691. – Л. 56. (Цит. по: Духанов С. С. Исторические центры новых промышленных городов Западной Сибири в 1930-е гг. 2014. – 20 с. – Рукопись.)
32. Планировка промышленных районов. НКТП СССР. Главстройпром. Промстройпроект. Сектор районной планировки. Работы 1932–1933 гг. – М. : ОНТИ Госстройиздат, 1934. – С. 35.
33. Меерович М. Г. Идея города-сада Э. Говарда и советские рабочие поселки-сады // Вестн. Том. гос. арх.-строит. ун-та. – 2009. – № 4 (25). – С. 46–50.

Рис. 9. Сталинск (Новокузнецк). Проект планировки (Стандартгорпроект). Арх. Э. Май. 1931 г. [16]

Рис. 12. Соцгород левобережный Новосибирск. Эскизный проект планировки. Арх. Э. Май. 1931 г. [24]

Аннотация.

В статье рассматриваются последствия внедрения моделей городов – индустриальной, нового города, научного центра. Материалом исследования служит комплекс составляющих, определяемых идеей организации жизни, проекты пространственной организации, среда поведения в реализованных «образцах городов». Первостепенное внимание отводится состоянию самочувствия потребителя – жителей. Наблюдения за состоянием экспериментальных образований осуществляется на объектах, наиболее полно представляющих исторические эпохи – индустриальный период (Левобережный Новосибирск, 1930-е годы), освоение региона нефтегазоносных месторождений (Новосибирск, 1960–1980-е годы), строительство научных центров (Новосибирский Академгородок, Краснообск, 1950–1970-е годы). Рассмотрены соответствующие моделям городов принципы микрорайонирования, свободной планировки, пешеходная улица, модуль-

ность, последствия развертывания массового жилищного строительства. Особое внимание уделено рассмотрению концепции большого города, отрицающей закрытость и монопрофильность. На материалах обследования Новосибирска показано, что зарождение этой концепции происходит в 1980-е годы. Большой город возникает на основе взаимодействия различных моделей городов. Обращается внимание на особые места Новосибирска – район, в концентрированном виде представляющий прошлое города.

Ключевые слова.

Индустриальный город, новый город, научный центр.

Идеи города в Сибири: градостроительные эксперименты и самочувствие жителей

ТЕКСТ

Александр Клевакин

Индустриальный город

В планах строительства Новосибирска конца 1920–1930-х годов центральное место занимают проекты строительства заводов. Поселковая структура деревень и кварталов, разделенных Обью и проходящей трассой Транссиба, должна была разрастаться за счет размещения на прилегающих территориях крупных промышленных предприятий (2). В 1930 году в левобережной части закладывается фундамент первого крупного машиностроительного завода «Сибкомбайн», а в 1931 году начинается строительство уже второго подобного завода горного оборудования на правобережье в северо-восточной части. Третий обособленный промышленный узел располагался в юго-восточной части города, у сортировочной станции Инская. Новые производственные районы, несмотря на свою оторванность и удаленность от сложившейся части города, включались в пределы городской черты.

Все новое жилищное строительство должно было осуществляться в форме домов-коммун. Для застройки левобережья Новосибирска планировалось использовать жилые комбинаты на 1000 человек. Осуществление пер-

вых домов-коммун в городах Сибири началось в городах региона. Появляется новый тип организации жизни, предполагающий обобщественную форму быта. В сторону увеличения меняется размер жилых единиц (параметры домов колеблется от 144 до 1500 человек). В рабочих центрах края, в число которых включены Левобережный Новосибирск, Новокузнецк, Прокопьевск, в 1930-м году закладываются дома-коммуны [1].

Появляются новые типы общественных зданий. Первоначальные замыслы проектных решений подлежат обсуждению. Практика таких обсуждений приводит к возникновению особого типа сооружений, которые характерны для эпохи первых пятилеток СССР, – это здание-монумент. В этом плане показательна практика проектирования Дома Ленина, Дворца труда и Дома культуры и науки в Новосибирске (3).

По прошествии трех десятилетий проводится анализ последствий роста города за счет освоения новых территорий и строительства крупных промышленных узлов. Указывается, что в довоенный период «размещение... заводов на левом берегу Оби способствовало быстрому

Динамика и интенсивность жизни Новониколаевска – Новосибирска стирает пласты прошлого, оставляя все меньше архитектурных и культурных, исторических свидетельств. В этой части город не выдерживает конкуренции перед такими сибирскими городами, как Томск и Иркутск. Панорама правобережной части Новосибирска. Фото В. В. Паршукова. 2008 г.

Abstract.

The article considers the consequences of implementation of city models: of an industrial city, a new city, and a scientific center. The complex of elements determined by the idea of life arrangement, projects of spatial organization, milieu of behavior in the realized 'city samples' are studied in the article. Special emphasis is laid on users' (inhabitants') feeling. Observation of experimental entities is based on the objects that fully represent historical epochs: the industrial period (Left-bank Novosibirsk, 1930s), development of the oil and gas deposits (Novosibirsk, 1960-1980s), building of scientific centers (Novosibirsk Akademgorodok, Krasnoobsk, 1950-1970s). According to the city models, the article considers issues of microdistrict planning, open plans, pedestrian streets, modularity, consequences of mass housing. It pays particular attention to the concept of a big city that denies ideas about closed and monoprofile cities. The

investigation carried out in Novosibirsk shows that this concept was conceived in the 1980s. The big city is built on the basis of interaction of different city models. The article pays special attention to the district in Novosibirsk which represents the city's past.

Keywords.

Industrial city; new city; scientific center

Ideas of a Siberian City: Urban Experiments and Inhabitants' Feeling

освоению новых селитебных территорий и образованию новых обособленных жилых массивов». При этом особенностью плановых мероприятий довоенного периода явилось отсутствие целостности видения перспективы взаимного развития сложившейся и новых частей Новосибирска. «Разработка проекта планировки левобережной части велась в 1930 году без общей схемы планировки Новосибирска» [2]. Проект недостаточно учитывал особенности рельефа, инженерные условия и существующую ситуацию. С одной стороны, это являлось общим недостатком всех вышеуказанных работ по генплану города в довоенное время, что говорило об их оторванности от реальной действительности, в силу чего они были маложилищны. С другой стороны, создаваемые схемы планировок не доводились до конца и поэтому не могли оказывать на строительство должного организующего воздействия» [2]. Зададимся вопросом: в чем причина малой жизнеспособности производственно-селитебных образований?

Индустриальный тип города советского периода возникает в условиях отсутствия социально-экономической базы, определяемой естественными процессами склады-

вания поселения. Сословная структура, избирательное право, характерные для старых городов, а также право местного сообщества планировать перспективу пространственного роста территории замещаются администрированием, жизнь населения подчиняется необходимости решения производственных задач.

В период становления советской системы проектного дела происходило отрицание старого города как категории, имеющей право на существование. Новая стратегия «...определяла не только новое устройство общественных механизмов, но и нового человека, с сознанием, не зависящим от прошлого и его традиций. Очередность целей начиналась разрушением старого мира «до основания, а затем...» – затем предлагалось созидание новой вселенной как бы на поверхности чистого листа. Произвольность целеполагания в строительстве идеального мира связывалась с воспитанием сознания, для которого «нет преград на море и на суше». Конечная цель связывалась с представлением о коммунизме как идеале, отнесенном в неопределенную светлую даль, в которой должна осу-

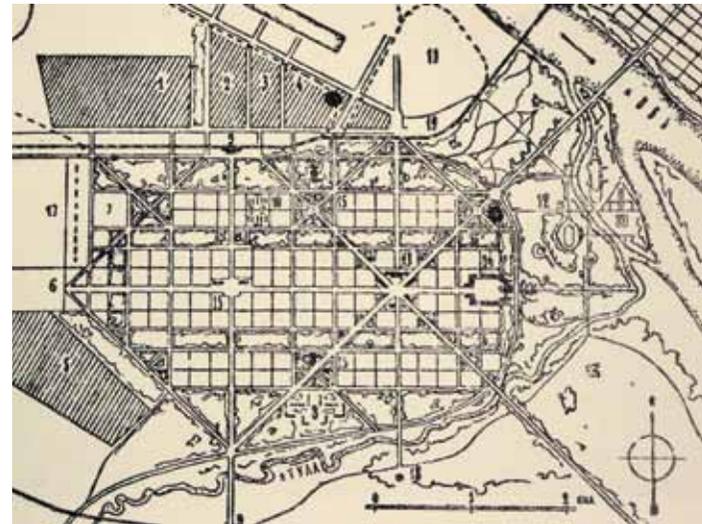
text
Alexander Klevakin

▲ Первомайская демонстрация на фоне Дома культуры и науки и Дом Ленина в Новосибирске. Новониколаевск – Новосибирск: историко-литературный фотоальбом

> Проект индустриального города в левобережной части Новосибирска

ществляться извечная мечта о царстве всеобщей справедливости» [3].

Система градостроительного проектирования ориентировалась преимущественно на решение производственных задач, а не на обеспечение жизнедеятельности поселения. В явной форме это начало проявляться в 30-х годах XX столетия, в эпоху индустриализации. Промышленность признавалась главным фактором прогресса, также предполагалось, что связанная с победой социализма отмена частной собственности дает основание рассматривать город в качестве предмета проектирования. Практика социалистических преобразований в условиях внешней экономической блокады и противостояния Советскому государству вбирала идеи радикальных социалистов. Графическая часть утопического проекта «Индустриальный город» (1899) французского архитектора Тони Гарнье была многократно использована в качестве матрицы при разработке проектов реальных советских городов, в том числе построенных на большой территории Кузбасса.

В соответствии с принципами организации промышленного труда пространство индустриального города подвергается функциональному зонированию. Линейная система как эквивалент поточной организации, родившейся в промышленности, тиражируется при разработке генеральных планов городов и в планировочной организации их отдельных производственно-селитебных частей [3].

Черты индустриального типа города закладывали особый тип государственного планирования, характерный для довоенного периода Новосибирска. Последующие годы во многом сгладили эти черты новыми проектами и преобразованиями. Новосибирску удалось в определенной степени избавиться от прошлого периода.

Новый город

Идея нового города в нашей стране получает научное обоснование в 60–80-е годы XX века. В этот период широко-массово развернуто типовое строительство.

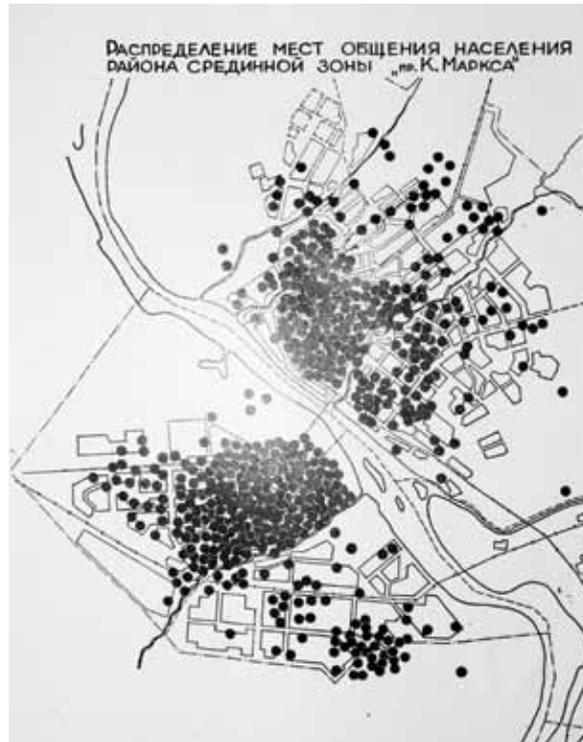
Строительство новых городов в Сибири во многом повторяло задачу строительства с чистого листа эпохи индустриализации. Расширение границы освоенных территорий, богатых сырьевыми запасами, вызванное

необходимостью разработки месторождений нефти, газа, добычи леса, осуществляется без подготовительных мероприятий, связанных с модернизацией опорных центров освоения, создания организационных условий, обеспечивающих выполнение поставленной задачи. Идея спланированного города и соответствующая ей трехступенчатая система общественного обслуживания и функционального подхода получают закрепление в практике проектирования, в застройке новых быстрорастущего городов

Идеология нового города в 60–80-е годы сохраняла свое доминирующее положение на долгие десятилетия и определяла политику застройки сложившихся городских центров. Новосибирск, по сравнению с историческими Иркутском и Томском, где с 70-х годов прошлого века набирал силу охранительный подход, испытывает обновление пространственной среды. Примечательно, что этот процесс разворачивается по сценарию, предполагающему крайнюю форму реконструкции, – замещение старого новоделом [4].

Центральная часть Новосибирска к 80-м годам прошлого века избавляется от усадебной застройки. Стремление к расчетным показателям нормативов обслуживания, позволяет создать инфраструктуру объектов социально-бытового и торгового назначения. С укрупнение квартальной сетки реконструируются основные транспортные магистрали. Город имеет два мостовых переход, обеспечивающих потребности связи левобережной и правобережной частей города. Разрастается периферия. Не смотря на сохраняемую расчлененность структуры, город приобретает качества, свойственные полифункциональному образованию. При значительной доли промышленных функций, в Новосибирске получает развитие административные, научные и культурные функции. Возрастает доля агломерационных маятниковых поездок. Особенно интенсивно эти показатели возрастают в южном направлении, где размещается научный центр СО СССР. Интенсивность неформальных контактов свидетельствует о том, что Новосибирск пронизывают связи интеграционного характера (4).

Необустроенность новых жилых районов периферии – черта, характеризующая большую часть новых районов.

Затулинский жилой массив в Левобережье Новосибирска – характерный пример спального района. Начало застройки и бурного роста микрорайонов приходилось на середину 60-х – 70-е годы. Несколько десятилетий город пытался избавиться от дефицита обслуживания, плохой работы транспорта. Многократно эта проблема поднималась руководством города. Справиться с проблемой не удалось. Решить транспортную проблему удалось лишь на время. Зашкаливали показатели преступности. Сами жители опускали руки. Безразличие и безответственность к своему двору, лестничной площадке, микрорайону становились нормой. Это признак отсутствия культуры общей. Устанавливаются положения, при которой профессионалы-проектировщики, власти и жители существуют вне необходимой связи. Проблемы не решаются.

Большинство районов массовой застройки продолжает получать спонтанно вводимые объекты, в целом не приобретающие специализации. Скороспелые решения по присвоению официального названия отдельным участкам много опережают процессы их пространственного формирования и обустройства. Участки получают имена площадей и улиц, не имея застроенного периметра и значимых объектов.

Районы периферии города остаются обделенными вниманием, финансами, культурой. Не выдержанный стандарт обслуживания, предусмотренный в проекте социалистического города, а позже утвержденный нормативами нового времени проект единого для левобережной части города центра не выдерживает конкуренции.

Освоение площадок с объектами догостроя, оставшимися в наследство от советской эпохи (пл. Маркса), носит затяжной характер. Размещение крупных объектов, открытие станции метро и наличие транспортных коммуникаций не являются достаточным условием для запуска процесса интенсивного насыщения среды. Первоначально территория делится на мелкие участки и сдается в аренду частным предпринимателям. Прохождение через микрорайонную кампанию, возведение больших строений в итоге не обеспечиваются качеством архитектуры и не складываются в комплексное решение. Участок не имеет инфраструктуры, связывающей внешние и внутренние

потоки. Локальность вводимых в эксплуатацию объектов не соответствует сложности нагрузок, испытываемых с удаленной периферии города.

Концентрация городских функций в первую очередь происходит вдоль главных улиц, во вторую – по периметру микрорайонной застройки (пр. Маркса, улицы Ватутина, Станиславского, Титова). Наблюдается полная замена жилых функций на торговые, обслуживающие, деловые (5). В уровне первого этажа располагаются магазины, салоны, другие учреждения обслуживания. Подвальные помещения жилой застройки, ранее используемые для хозяйственных нужд населения, постепенно задействуются в коммерческих целях. Менее активизируются малые улицы, примыкающие к главным магистралям района.

Реализованный замысел научного города

Достоинства новосибирского Академгородка определяются чистой реализацией проектного замысла. Это яркий пример строго функционального зонирования. Научная деятельность сосредоточивалась в НИИ, в пешеходной доступности размещалась жилая зона. Ежедневные запросы в торговле и обслуживании можно было реализовать в мелких обслуживающих пунктах по месту проживания, эпизодические концентрировались в едином блоке торгового центра. Дом ученых служил местом культурных мероприятий и общения. Задуманная планировочная схема в условиях внимания научного сообщества к вопросам обустройства жилой среды оказалась жизненной. После реализации она способная была обеспечить высокий уровень комфорта проживания на длительный период. На долгие годы Академгородок стал престижным районом Новосибирска. Высокая котировка квартир Советского района во многом определяется включенностью жилой застройки в природу, рациональностью построения системы обслуживания, близостью Обского моря (6).

Создание Академгородка в 50-е годы являлось этапом перехода от регулярных приемов планировки городов к более прогрессивным принципам свободной планировки.

Доминирующая роль природы достигалась соразмерностью жилых и общественных зданий, которые не превышали 2–4 этажа. Характерно, что в городе отсутствовали

< Концентрация городских функций (торговля, обслуживание, офисы) вдоль проспекта К. Маркса в Новосибирске. В ходе естественных процессов улица оказалась более устойчивым элементом городской среды, вытеснившим предусмотренные проектом застройки левобережной части микрорайонные центры

^ Распределение мест общения по всей территории города свидетельствует об интегративности пространственной среды Новосибирска. Обследование отдела градостроительства СибЗНИИЭП в начале 80-х годов

▲ Вид на современный новосибирский Академгородок

> Один из трех построенных «кругов» Краснообска. Современное фото

какие-либо традиционные парки, бульвары, скверы, так как застройка окружена естественным массивом существующего леса. Наряду с транспортными магистралями, связывающие жилые микрорайоны, научно-исследовательские институты, была предусмотрена сеть пешеходного движения и трассы велодорожек. Линейное построение общественного центра – еще одна прогрессивная новация, которая была успешно реализована. Вдоль шестисотметровой пешеходной улицы размещались одно-, двухэтажные здания ресторана, торгового центра, дома связи. В начале пешеходного участка располагалась восьмизатяжная гостиница, в конце – здание для проведения публичных мероприятий – Дом ученых. Эти особенности организации пространственной среды удалось в полной мере сохранить на протяжении шести десятилетий.

При ограниченных ресурсах удалось обеспечить целостность и качество пространственной среды. Участие и заинтересованность жителей создали рациональный баланс сотрудничества проектировщиков, строителей.

Опыт новосибирского Академгородка был принят и по достоинству оценен в стране и за рубежом. Однако, как показала жизнь, не было попыток, которые бы воспроизвели этот опыт по застройке и организации жилых массивов в самом Новосибирске. Последующие эксперименты в архитектуре и градостроительстве повторяли ошибки прошлых лет.

Модули Краснообска

Наряду с Академгородком на противоположной части берега Оби, вблизи села Огурцово, в конце 70-х годов был создан второй научный центр – Сибирское отделение Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук. Проектировщиками ГИПРОНИИ АН СССР эта работа рассматривалась как следующий качественный этап развития планировки и архитектуры научных центров. Компактное модульное решение жилых массивов и объединенное решение институтов, обслуживающих и вспомогательных учреждений обусловлено необходимостью защиты от ветрового потока. Девятиэтажные кольца жилых массивов и расположенные в непосредственной близости и соединенные между собой крытыми переходами кор-

пуса научных институтов призваны были создать особо комфортные микроклиматические условия для населения. Запланированный общественный центр должен был быть многофункциональным, пешеходным, располагаться на кратчайшем расстоянии от жилой и научной зон, иметь скоростную транспортную связь с центром Новосибирска.

Поиски новых планировочных приемов и форм социальной организации быта, учитывающих специфику жилой застройки в сибирских условиях, характерны для проекта микрорайона № 1 в Краснообске – научном городке СО ВАСХНИЛ. Отличительной чертой микрорайона, размещенного на свободных территориях и не связанного тем самым условиями окружения, является круглая в плане форма, образуемая рядом криволинейных 9-этажных жилых зданий индустриального производства (7). Такое решение отвечает концепциям авторов по применению модульной системы в научной и жилой зонах, законченности по этапам строительства, последовательному пространственному восприятию общего контура всего города и отдельных микрорайонов. Применение круглых форм микрорайона по первоначальному замыслу обеспечивает наиболее равномерное снижение ветрового потока и создает тем самым лучшие микроклиматические условия для населения.

На практике удалось реализовать только лишь часть замысла – было построено одно кольцо. Было остановлено строительство. Заказчик отказался от первоначального замысла.

Зарождение идей «большого города». Февральская конференция 1983 года в Академгородке

Научное и проектное знание о большом городе зарождается в структуре объединения элементов вузовского образования, внешних контактов и низовой активности сотрудников научных отделов зонального института. На первом этапе, с установлением контактов со школой предпроектных исследований, приходит понимание города как культурно-исторического феномена. На следующем этапе рождается специфическая форма коллективного обсуждения проблематики. Благодаря постоянным связям

с группой московских исследователей осваивается методология теоретических исследований.

Импульсы понимания, заставляли архитектурную молодежь обратиться к практике аналитической коммуникации. В начале восьмидесятых годов закладывается культура дискуссии, культура публичного обсуждения. Коммуникация, объединявшая представителей разных областей и сотрудников структурных подразделений СибЗНИИЭП, а позже архитектурные кафедры НИСИ, позволяла преодолеть рамки упрощенного взгляда на процесс и динамику роста города, сопоставить процессы урбанизации в нашей стране и за рубежом.

Проводимые семинарские занятия служили школой дополнительного образования. Семинар как способ коллективного обучения научному мышлению был привнесен в среду архитекторов Новосибирска из Москвы Ангелиной Анатольевной Правоторовой. Работать с понятиями, обозначать проблему, определять цели, задачи и формулировать гипотезу научного исследования мог тот, кто прошел школу московских семинаров. Правоторова приобрела такой опыт, обучаясь в аспирантуре расцветающего в годы застоя ЦНИИП градостроительства. Участники семинара учились структурировать потоки сознания, естественную живую речь. На смену оставшихся от вузовского образования схематизмов и эмоциональных реакций субъективного толка приходило трехуровневая система теоретического подхода к городу. Помогали пока еще не сложенные в монографию, а рассыпанные по журналам и сборникам научные статьи московских авторов – А.В. Иконникова, В.А. Ядова, Г.З. Каганова, Ю.А. Левады, О.Н. Яницкого, А.С. Ахизера, В.Л. Глазычева, А.Э. Гутнова, Л.Б. Когана.

Позже трехслойность знания стала естественной составляющей в написании отчетов по Кемерово, Омску, Новосибирску. Благодаря использованию новационных методик социально-градостроительного опроса, Новосибирск превращается в основной объект изучения проблем урбанизации. Никакие формальные должностные обязанности сотрудника научного отдела не могли бы обеспечить такой уровень владения методологией исследования. Семинар давал практику работы с теоретическими моделями, практику анкетных обследований, навыки сво-

бодной интерпретации первичных результатов и умение переходить на уровень пространственно-планировочных предложений.

Мест проведения обсуждений, а позже семинарских заседаний в Новосибирске было несколько. Наиболее безопасным, с точки зрения возможных последствий для карьеры участников дискуссий, всегда оставался отдел жилых и общественных зданий СибЗНИИЭП. Возглавлявший его В.Г. Хахулин терпимо относился ко всякого рода инициативам сотрудников. Поддержка и продвижение их начинаний обеспечило проведение ряда важных для становления научного подхода в градостроительстве мероприятий.

8–10 февраля 1983 года в новосибирском Академгородке состоялась конференция «Результаты прикладных социологических исследований города и жилища». Значение этого события по оценкам экспертов было связано с обобщением итогов совместной деятельности научных и проектных учреждений и подразделений. Круг участников объединил представителей архитектурной, градостроительной, социологической школ городов Прибалтики, Средней Азии, Белоруссии, Армении, Грузии, а также Москвы, Ленинграда Куйбышева. Истинное значение события, закрепленного выходом сборником докладов «Социологические исследования проблем города и жилища» [5] определилось ближайшим десятилетием. Когорта молодых специалистов, выпускников архитектурного факультета НИСИ, принявшая участие в подготовке и проведении конференции имела возможность услышать, увидеть и познакомиться лицом к лицу с представителями научных школ страны. Это знакомство стало основой для выбора профессиональной специализации. Часть из них проходит обучение на курсах переподготовки при московском архитектурном институте. Другие поступают, проходят обучение в аспирантуре ЦНИИЭП жилища и ЦНИИП градостроительства Госкомархитектуры СССР. Последовавшие защиты диссертаций новосибирцев в Москве в конце 80-х проходят по проблематике, выработанной в ходе дискуссий, обсуждений результатов совместного выполнения НИР сотрудниками отделов градостроительства,

< Художественный образ Новосибирска Николая Грицко включает в качестве равноправных частей как здания-символы, так и традиционные деревянные дома

А «Старое» и «новое» в работах художника Н. Д. Грицко согласовано в единое целое. Строятся дома. Акварель.1960 г.

Л Популярное место отдыха новосибирцев, место проведения городских праздников – Первомайский сквер

> Если вы пожелаете познакомиться с самым «новосибирским» участком города, то посетите в центральной части район, ограниченный Красным проспектом, Вокзальной магистралью и железной дорогой. Начните путешествие с одного из самых красивых мест – сквера в конце улицы Урицкого

типологии зданий СибЗНИИЭП, кафедры градостроительства НИСИ.

В докладе Л. Б. Коган констатировал, что период конца 70-х – начала 80-х годов в исследованиях города – это переход от осознания общих проблем, закономерностей к их конкретным проявлениям. Основная цель выступления была показать роль теоретических разработок социально-функциональных исследований. Отмечалось что «творчество не вместо знания, а на основе знания». Указывалось на недопустимость «упрощенного толкования «центра» как точки (попытка географически трактовать сложное социально-пространственное понятие). Высказано мнение по поводу недопустимости пассивного отношения академической науки Сибири к работам новосибирских градостроителей – Оглы, Нестеренка, Правоторовой [6].

Улицы как атрибут городской жизни

Обсуждая проблему большого города на материале сибирских городов, следует остановиться на теме городской улицы. Идеология микрорайонирования широко распространила свое влияние и вытеснила прежние формы организации городской жизни в науке и проектировании. Имевшая место крайняя форма обновления пространственной среды в Новосибирске в эпоху господства массового индустриального строительства не только обеспечила исчезновение ценных объектов среды. Был нарушен периметр кварталов. Под угрозой оказалась такая значимая форма для дореволюционного Новониколаевска и городов мира форма организации пространства как «площадь» и «улица».

Существует особое свойство большого города – притягивать людей в публичные места. Люди, проживающие в удаленных периферийных районах, приезжают в центр для того, чтобы прогуляться по улице. Красный проспект Новосибирска в теплое время года – место прогулок. Возможность прогулки, хождение взад и вперед, возможность в любой момент времени сесть на транспорт, любоваться фасадами и выходящими на тротуар кафе, торговыми заведениями составляют существенные преимущества улицы. Совмещение актуальных общегородских функций с жилыми обеспечивает оживленность в течение дневного и ве-

черного времени. Свобода выбора при особом масштабе и особом способе освоения пространства – универсальный и фундаментальные качества городской среды.

По результатам опроса в Новосибирске представления о центре и значимых элементах города связаны с улицами. В Москве в качестве центра указывают Бульварное кольцо, Садовое кольцо, систему сложившихся проспектов. Столичный центр имеет такой вид круга, внутри которого находятся участки проспектов и улиц. В образной картине восприятия центра в Новосибирске главным элементом является площадь и доминирует линия Красного проспекта. Указываются и включены в представления о центральнойности отдельные отрезки прилегающих к главной площади улиц – Вокзальная магистраль, улицы Ленина. Центр для Новосибирска – это отрезки улиц и магистралей, вложенные в область центральной части города.

Основная линия центральнойности Красного проспекта растворяется на юге малоосвоенностью и необустроенностью речного массива, а на севере разрывом оврага. Результаты опроса, сделанного слушателями спецкурса в 2003 году, свидетельствуют о происходящих изменениях. Внутри крупной картины центра выделяется набор малых улиц – наряду с Красным проспектом выделены улицы Мичурина, Советская, Серебрянниковская. Центральность представлена в виде системы больших и малых улиц.

Что лежит в основе восприятия горожанами центральных улиц? Выделение линейных позитивных и негативных элементов среды определяется тем, насколько они концентрируют в себя функции (учреждения, объекты), деятельность. Всегда в квартальной структуре города, вдоль периметра улиц было выгодно и технологически удобно располагать объекты, работающие на город. Это было эффективно с точки зрения работы торговых объектов. Учреждения или организации всегда старались занять места вдоль главной улицы. Эта тенденция сглаживалась в 70–80-е годы, когда естественному процессу конкуренции препятствовала сила административного права. Когда началась эпоха перестройки и разного рода запреты были сняты, наблюдается усиление концентрации активности вдоль сложившихся улиц. Жилые функции первых этажей, ранее пустующие подвалы главных магистралей занима-

ются различными магазинами, коммерческими организациями.

Художественный портрет города

Художник намного чувствительнее к свойствам городского пространства, чем средний горожанин [7]. Портретируя пространственную физиономию города, он специально настроен на выражение своих чувств, он всегда сознательно выбирает предмет изображения и тщательно формирует нужный ему художественный эффект, хотя, как рядовой горожанин, далеко не всегда склонен выражать это словами.

В творчестве новосибирского художника Н.Д. Грицюка существует серия акварелей и графических листов, которые отображают большой город в период его интенсивного роста. Каменные домики неоднократно привлекают автора как составная часть городского ландшафта Новосибирска в разное время дня. Одноэтажные усадьбы с огородами изображены в одном ряду с домами новой эпохи и объектами, символизирующими лицо города – новостройками, городским транспортом, жителями, оперным театром. Внимание художника неоднократно останавливается на характерную деталь тогдашнего города. Он пишет сюжеты, в которых высотные дома наступают и теснят одноэтажные строения.

В характере изображения «старого», представленного одноэтажными усадьбами и «нового» в форме надвигающихся каменных домов застройки Красного проспекта, Новосибирск предстает как целое (8). Также как собирательный образ города в графических листах согласует в себе равноправные части зданий-символов и деревянных домиков (9).

Самое новосибирское место города

Известно стремление человека познать мир и увидеть красоту мест. С этой целью совершаются путешествия и поездки. Прогулки по незнакомому городу и знакомство с ним составляет увлекательный раздел путешествий. Одна из форм путешествий – изучения собственного города. Эта форма увлекательного занятия используется нами на занятиях в архитектурной школе. Обратим внимание по

нашему мнению на самый характерный участок Новосибирска. Район центральной части города, ограниченный улицами Красный проспект, Вокзальная магистраль и железной дорогой – самое новосибирское место города.

Здесь нет выдающихся архитектурных строений, между тем на застройке можно построить курс по истории прошлых эпох города – дореволюционного, советского периода – характерные дома довоенного, послевоенного периода, конечно, включены строения типовой массовой застройки. Однако из давнего вживления эти постройки обустроены по новосибирскому неповторимо. Мозаичность – главное качество образа этой части.

Район известен только жителем центральной части города. Жители левобережья, Академгородка в большинстве своем вряд ли могут рассказать о настоящем и прошлом этой части.

В южной части – самом старом месте участка – был расположен поселок строителей железнодорожного моста через Обь. Руководство крупнейшего ведомства страны разместила здесь свою штаб-квартиру. Административные здания первоначально Томской, а позже Западно-Сибирской железной дороги остаются главными сооружениями в конце улицы Урицкого (10). Первоначально эта улица была названа по имени Николая Львовича Гондатти – губернатора Томской губернии, представлявшего интересы Сибири и Новониколаевска в Думе. В домах, прилегающих к улице кварталов в конце 30-х годов прошлого столетия, расселялся персонал и сотрудники руководства железной дороги.

С прокладкой Транссиба район лишается связи с речными пристанями, расположенными по Оби. Тем не менее район продолжает оставаться удобным для проживания, во многом из-за близости к железнодорожному вокзалу. В советское время здесь размещается квартал домов для проживания сотрудников обкома партии.

Это территория сохранила квартальную структуру, которая не была разрушена массовой типовой застройкой. Отдельные дома хрущевского времени вписаны в сетку улиц. Здесь сохранились старые школы, в том числе и те, которые были запроектированы А.Д. Крячковым в дореволюционный период. Сохранились образцы городских

< Цветочный пятачок у главпочтамта

^ Имеющий свой стиль ресторан на пересечении ул. Советской и Горького

Л Отдельные участки улиц – это особые места. Сюда приходят музыканты и художники. Даря свое искусство прохожим, они взамен получают вдохновение от особой атмосферы окружения

> Магазин «Дом-комод» по бывшей ул. Гондатти (современная ул. Урицкого). В расположенном на первом этаже магазине можно познакомиться с коллекцией вещей и предметов интерьера «под старину». Магазин находится на первом этаже старого дома зеленого цвета под номером 35. В этом строении размещались квартиры служащих Томской железной дороги. Сегодня это памятник архитектуры, фасады которого сохранили подлинные росписи в технике граффито

каменных особняков, примеры старой усадебной застройки с домовладениями из деревянных строений. Стремительный рост Новониколаевска не всегда соответствовал возможностям застраивать центральную часть каменными строениями. Ограниченный бюджет заставлял владельцев участков земли покупать деревянные рубленые дома в сельской местности и перевозить их на новое место в железнодорожной и центральной части города.

Интересна судьба этой части города: примыкая к самой оживленному участку, район не превратился ни в деловой, ни в торговый, ни даже в оживленный. Между тем основная часть района – это тихие кварталы с традициями размерности. Большая часть сохранившихся одно- и двухэтажных усадебных домов и кирпичной застройки Новониколаевска конца XIX относится к категории ценных объектов наследия.

Фасады здешних строений остались не обезображенными местными архитектурными «новациями». Периметр домов, выходящих на улицу, не нарушают бесконечные обезображивающие пристройки. Не так много, как в других районах Новосибирска, точечных вторжений коммерческих и офисных вторжений в кварталы. Здесь можно увидеть подлинные фундаменты из бутового камня, металлические кованые ворота, отгораживающие хозяйственную часть подворья от улицы.

Первомайский сквер примыкает к главной площади города. Это одинаково популярное среди жителей города место проведения различных городских праздников. Зимой его украшают снежные и ледяные скульптуры. В январе в течение конкурсного соревнования посетители сквера могут стать свидетелями рождения фигур из снега. В теплое время года работает фонтан. Сквер становится местом проведения Дня города, региональных форумов. Сюда приходит молодежь, музыканты и художники, отдыхающие после рабочего дня горожане. Сквер притягивает гостей города своей особой атмосферой одного из главных мест города (11).

Цветочный пятачок у главпочтамта, на пересечении улиц Ленина и Советской, – место, где летом и осенью всегда можно найти свежие букеты. Это традиция сохранилась с советских времен. Никаких пышных букетов, по-

лок и стеллажей. Со вкусом подчеркнута красота садовых и полевых растений (12).

Типичный пример двухэтажного особняка Новониколаевска расположен на пересечении улиц Советской и Горького. Сегодня в нем разместился ресторан, имеющий свой стиль. Достойное заведение, выполненное по проекту выпускников архитектурной академии. По качеству исполнения интерьеры и решение фасадов конкурентны подобным аналогам в таких европейских городах, как Прага, Будапешт или Вена (13).

К сожалению, подобные примеры единичны в архитектуре Новосибирска. Качество архитектурных решений кафе, ресторанов последних лет определяется вкусом тех, для кого контекст городского окружения ничего не значит. Улицам центральной части города недостает заведений, приспособленных для встреч и общения населения, мест для прогулок. Сложилась тенденция перемещения досуга в крупные сетевые торговые центры.

Подлинно старых вещей в Новосибирске сохранилось мало. Возможно, поэтому популярность приобретают вещи, напоминающие о прошлом. Магазин «Дом-комод» по бывшей улице Гондатти предлагает старую фактуру, цвета, формы, силуэты тех европейских стран, в которых история – это то, что окружает повседневную жизнь человека. Магазин находится на первом этаже старого дома зеленого цвета под номером 35. Фасады строения украшены сохранившейся лепниной, цветной штукатуркой, а покосившиеся деревянные тамбуры входов в подъезды дома со двора напоминают о временах, когда профессия железнодорожника была также престижна, как профессия космонавта в 60-е годы. Знакомство с коллекциями «Дома-комода» и экскурсия вокруг дома одинаково увлекательны (14).

Интерьеры залов вокзала Новосибирск-главный. Попадая в залы ожидания вокзала, пассажиры наблюдают большое, комфортное пространство, которого не имеют ни Омский, ни Красноярский, ни Томский, ни большинство других российских вокзалов. Нарядная люстра, антресольный этаж. И немаловажная деталь, характеризующая качество среды общественного сооружения, – отсутствие суеты. Согласитесь, не так-то просто создать ощущение

▲ Панорама Нижневартовска

покою в сооружении, обслуживающем напряженную транспортную коммуникацию. Приплюсуем сюда качественные строительные материалы, которых также нет в отделке ни одного сибирского транспортного сооружения. Можно рассмотреть облицовку стен натуральным камнем, столярные деревянные изделия в оформлении фасадов касс продажи билетов.

6. Коган Л. Б. Роль теоретических разработок в социально-функциональных исследованиях города : доклад на конф. «Результаты прикладных социологических исследований города и жилища». – Новосибирск, 1982.

7. Каганов Г. Санкт-Петербург: образы пространства. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. – 232 с.

Список литературы

1. Блинов Е. Н. Архитектурно-планировочное развитие промышленных городов Сибири в годы первых пятилеток: автореф. дис. ... канд. арх. – Новосибирск, 1993. – 24 с.

2. Терехин В. Г. Рациональное использование городских территорий при размещении жилищного строительства в условиях сложившейся застройки: дис. ... канд. арх. – Новосибирск, 1975. – 180 с.

3. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность : в 2 т. – М. : Прогресс – Традиция, 2001. – Т. 1. – 656 с.

4. Клевакин А. Н. Сибирский город в эпоху перемен. – Новосибирск : Наука, 2008. – 116 с.

5. Социологические исследования проблем города и жилища (1970–1980 гг.). – Новосибирск : Наука, 1986. – 176 с.

Аннотация.

В статье рассматривается идентичность как система самоопределения в оппозиции глобальное – локальное. «Ресурс идентификации», присущий исторической среде, представляется специфической чертой и современных территориальных образований, архитектуры и предметно-пространственной среды для их отождествления с конкретным пространство-местом. Механизм культурного становления и трансляции ресурса идентичности задается через концепцию «трансмутационного контакта», отражающего суть процессов порождения и становления нового. Номадизм, будучи другим полюсом оппозиции глобальное – локальное

и новой трактовкой пространства оседлости, задает иные идеалы освоенности и формы идентификации. Дискурсы самоидентификации как часть пространства «глобальное – локальное» предлагается трактовать в качестве ключевой тенденции в стратегиях развития региона и проектной культуры.

Ключевые слова.

Дихотомия глобальное – локальное, идентичность, ресурсная идеология, трансмутация, номадология, визуализация образов идентичности.

Идентичность: парадигма культуры и профессиональное пространство

текст

Ольга Железняк

Идентичность (идентификация) как система самоопределения в оппозиции глобальное – локальное, как форма профессионального авторского самоопределения, – это вечный в своей востребованности и чрезвычайно модный в настоящий момент сюжет.

Точное самоопределение общества в культурной ситуации, верная соотношенность себя с соответствующей идеальной картиной мира предельно важны для будущего любой нации, для ее естественного и полноценного развития. Неверный выбор, вторжение чуждых идеалов способны обречь общество на проживание вне подлинной

истории, предназначенной для него.

М.К. Петров называет аналогичное явление «культурной несовместимостью» – неготовностью одной культуры принять нормы и правила, мировоззрение и способ жизни другой культуры. Так, например, подобная ситуация, по мнению О. Шпенглера, складывается в России. Он считает, что во времена Петра Великого, под его влиянием, Россия выбирает неверные ориентиры, отдав предпочтение «западническому» духу. Навязанная чуждая форма довлеет над исконной культурой, порождая искусственные, фальшивые по сути своей образования. К ним относятся

Визуализации образов идентичности: цветок лотоса – символ чистоты, целомудрия, плодородия и производительной силы. «Лотос» (комплекс для проведения конференций и саммитов, Чанчжоу, фото: <http://pro-amour.ru/architektura/page/17/>)

Abstract.

The article considers identity as a system of self-determination in the global/local opposition. The 'identification resource' inherent in the historical environment is presented as a specific feature of modern territorial entities, architecture, as well as objective-spatial environment to identify them with a certain space or place. The means of cultural formation and translation of the identity resource are set up through the concept of the 'transmutation contact', which captures the essence of the processes of new creation and formation. Nomadism as another pole of the global/local opposition and a new

interpretation of the space of sedentism assigns new ideals of development and forms of identification. Discourses of self-determination as a part of the global/local space are proposed to be interpreted as a key tendency in the development strategies of the region and the design culture.

Keywords.

Global/local dichotomy; identity; resource ideology; transmutation; nomadology; visualization of identity images

Identity: Culture Paradigm and Professional Space

и города – «города чужого стиля». Вслед за Достоевским Шпенглер называет Петербург «самым абстрактным» городом из всех существующих на свете, придавая ему «статус» сатанинского, проклятого города для всей русской культуры. Москва при этом представляется как святая ввиду естественности ее возникновения-рождения, принадлежности русскому. Причины таких трагических «псевдоморфоз» Шпенглер усматривает прежде всего в неверном выборе сущностной парадигмы, связанной с ориентацией на тип духовности, на тип картины мира. Следовательно, потребность в идентификации, равно как и выбор адекватных культурных норм и идеалов, оказывается немаловажным элементом культурного развития.

В таком контексте современные идеи «принадлежности собственному месту» выглядят вполне традиционными, но в то же время очень актуальными и нестандартными для сегодняшней ситуации. Отмечая «всеобщность глобального движения», охватившего планету и стремящегося «связать средствами электроники весь мир и все культуры в единый сплав пространства и времени», многие западные исследователи (в частности, Said Mouline, Steven Holl, Leon van Schaik, Charles Correa, Andrew Yeoman) выделяют и обратную тенденцию – желание местных культур «принадлежать собственному месту». Осознание тождественности месту, попытка создания пространства и образов, ему соответствующих, по мнению отдельных специалистов, сопровождается воздействием процессов вестернизации, «навязывания мутаций и изменений», также ведущих к однообразию. Поэтому выход из этого положения видится в формировании новых образов идентичности, которые погружены в транскультурную непрерывность и в то же время связаны с «поэтическими кристаллизациями специфических ситуаций и сообществ».

Одно из важных идеологических пространств, формирующих концепцию «место-пространства» и образы идентичности, – это ресурсная идеология и порожденные ею потенциальные возможности, которые определяют цели и задачи самого процесса проектирования, отношения к объекту и субъекту проектирования, методологии и методики проектных и технологических процессов. Важным фактором сложения ресурсной идеологии является

формирующееся экологическое сознание и осознание происходящих в мире процессов. Образцом ресурсной идеологии служат естественные системы. Она (ресурсная идеология) заложена в самой основе естественно-природных систем, так как организована по этим законам. Это не есть «природные ресурсы», это целостная система, которая живет по законам ресурсосбережения и их воспроизводства. В ней заложена идея постоянной трансформации и сохранения генофонда. Знание правил функционирования и использования этой ресурсной системы, ее восстановительных циклов, позволяет сосуществовать с данной системой, встраиваться в ее развитие, пользоваться ее огромными ресурсами.

Трактовка проектной деятельности с позиций ресурсной идеологии представляет собой работу с потенциалом, его выявлением и последующим возможным использованием. При этом потенциалом или ресурсом для будущего является все уже существующее ныне (положительные и отрицательные накопления) и потенциальные изменения существующих систем – художественно-проектных, архитектурно-градостроительных, социально-культурных, экономических, геополитических и пр.

Спецификой ресурсной идеологии является способность объектов к трансформации, и это касается всего – материала, формы, содержания. Эта идея фактически была провозглашена и приобрела статус нормы для художественно-проектной культуры на XIX Конгрессе архитекторов при обсуждении теоретических категорий, когда фактически была конституирована независимость формы от функции, что позволило «наполнять» одни и те же формы разными функциями, многократно используя форму как потенциальный ресурс. Важными факторами являются иллюзии формы и возможности их трансформации в соответствии с новыми образами и содержанием, а также способность самой формы видоизменяться.¹

Кроме того, территория, архитектура, культурно-пространственные комплексы должны обладать «ресурсом идентификации», что может позволить распознавать и соотносить «места» в историческом пространство-времени – сегодня и завтра, осознавая одновременно и принадлежность к конкретному прошлому.

text
Olga Zheleznyak

¹ По существу, этот аспект ресурсной идеологии описан еще в ранних произведениях писателей-фантастов, где в каждом артифицированном объекте изначально заложена способность трансформироваться и адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, регенерироваться и мутировать. И это, вероятно, один из наиболее разумных путей развития цивилизации, так как, например, описанная Маркесом Земля, превращенная в огромную постоянно пополняющуюся свалку непрерывно выпускаемых новых товаров, – одна из наиболее вероятных перспектив развития (в ситуации беспрепятственного производства новых товаров народного потребления).

Визуализации образов идентичности. Статуя Чингисхана - символ 800-летней годовщины Монгольской империи. (фото: <http://www.go2life.net/architecture>)

Ват Сампхан /Храм Дракона (символ доброго начала «ян») в Накхон-Патом, Таиланд (фото: www.all-about-tailand.ru/wat-samphan)

Механизм культурного становления, сохранения и трансляции ресурса идентичности может быть представлен через концепцию «трансмутационного контакта». В основу идеи положено введенное М.К. Петровым понятие о «трансмутационном контакте нового с наличным», в соответствии с которым одинаково присущий всем культурам «постоянно возобновляемый» трансмутационный контакт, «требует процедуры идентификации подобий новому в наличном» [1]. Это означает, что при введении нового-иного в существующее происходит «нахождение подобий», прототипов нового в уже сложившейся системе (зачастую по принципу диалога), т.е. реализуются разные формы отождествления «своего» с «чужим» (или старого с новым) и, напротив, «чужого» со «своим», осуществляя идентификацию на разных уровнях и по различным направлениям. Можно предположить, что естественные процессы отождествления не являются единственно возможными формами введения норм. В частности, «революционное» вторжение представляет собой иную форму взаимодействия «нового с наличным», нередко разрушающего существующие нормы и культурные стереотипы. Проявление старых норм происходит со временем. Это сопровождается своеобразным обратным эффектом, когда старые нормы начинают мутировать и проявляться, «просвечивать» сквозь вновь введенные стереотипы [2].

Помимо основной идеи, идентификации нового в наличном, трансмутационный контакт может рассматриваться и как общая концепция, одна из основных форм взаимодействия разных типов социокультурных норм, позволяющая сохранять индивидуальность и идентичность каждой культуры в общем культурном универсуме. Подразумевая потенциальную способность культурных норм взаимодействовать, мутируя и трансформируясь, понятие трансмутационного контакта не только раскрывает природу того множества существующих норм и понятий, но и выявляет механизм «получения» этих норм, а также задает концепцию взаимодействия разных норм между собой.

В постмодернистской трактовке трансмутации акцент делается прежде всего на «порождающую способность» трансмутации. Эффект трансмутации, провозглашаемый постмодернистской культурой, означает идею порождения

новых языков архитектуры и культуры, которые возникают, когда профессиональное сознание удерживается в промежутке между существующими (ставшими) целостностями. Он (эффект трансмутации) предполагает подвижность, способность выходить за границы целостности, искусное владение «техникой варьирования прототипами формы». Трансмутация превращается в непрерывный процесс, практически нерегулируемый и непредсказуемый, ведущий к возникновению ранее не существовавшей, «новой образности». Фактически «трансмутация и новое состояние системы языка декларируются как цель, достойная всей совокупности усилий эпохи интерпретационного мышления в искусстве и архитектуре. Результат трансмутации – рождение неведомого...» [3] Заявленная Р. Бартом необходимость «добиться нового философского состояния языковой материи» [4], используя не только трансформацию, но и трансмутацию, позволяет достигнуть «умножения языков», столь важного для постмодернистской идеи «непрерывного различения» и возникновения эффекта трансмутации.

Выстраивая общую версию трансмутации, можно представить трансмутационный контакт как механизм и суть процессов порождения и становления нового (или чуждого, не существовавшего ранее), его «социализации», соотнесения Хаоса и Порядка (через усматривание в Хаосе «прошлого Порядка» и «прозревание» возможностей нового Порядка, сопоставление Порядка и Хаоса, нахождение следов-мест постоянно порождаемого Хаосом нового – языков, пространств, форм и пр. – в структуре наличного, осознанного как Порядок) и как неизменную часть процесса идентификации.

Очевидным примером мутационного контакта, трансмутации на границе осознания целостностей Востока и Запада является ситуация культурного развития Байкальского региона, которая складывается под влиянием неоднородных культурных стереотипов (переселенцев – староверов с Севера России, казаков, декабристов, польских ссыльных и пр. – и местного русского и коренного населения) на пересечении язычества, разных ветвей христианства, шаманизма, ламаизма, буддизма и др., на стыке традиционной, советской и постсоветской культур. Результатом

«Эскалация универсализма». Китайский опыт массовой застройки: «города-призраки» занимают место «хутоунов», малоэтажной исторической застройки, и пустующие городские окраины (фото: <http://www.libo.ru/libo8297.html>)

становится некий поликультурный «кентавр», удивительно совмещающий в одном пространстве иррационализм восточной и славянской духовности и рациональный прагматизм вестернизации. Исследование взаимодействия культурных традиций, их параллельного существования либо послойного наложения во времени позволяет выделить особенности, общие корни и истоки, характерные для разных культур. Диалог с «духом других культур», нередко происходящий на грани уже репрезентированных целостностей, как базовое положение трансмутационного контакта, предполагает «кассимилиацию» различных культурных норм, их контекстуальное погружение, соизмерение разных норм и образов друг с другом и несомненное порождение нового [2].

Как своеобразное противопоставление идеалам «место-пространства», концепциям локального, ориентированным на философию оседлости, культура кочевников и ее современное прочтение Жилем Делезом – номадология – составляют вторую ракурсы оппозиции локальное – глобальное. В отличие от традиционного пространства оседлости, лежащего в рамках Евклидова пространства, пространство кочевников нельзя наблюдать извне, «скорее оно напоминает звуковую или цветовую гамму» [5].

«Стимул новых земель» и странничество/бродяжничество – это то, что объединяет различные, порою полярные представления, отражающие внутреннюю сущность культуры кочевников. Такая идеология становится одной из основополагающих позиций номадологической философии, ее жизнеспособности. Интерпретируемое по-разному, порою в совершенно противоположных парадигмах, таких как странничество и бродяжничество, туризм, военная, политическая, экономическая экспансия это понятие может объяснить столь широкую сферу влияния номадологии и «кочевой идеологии» в целом. Феномен странничества, бродяжничества, путешествия на сегодняшний день по-прежнему является важной частью практически всех культур. Бродяга, описываемый как «человек без места, без метки общества», «кускользящий от нормативных установок» [6], «выпадающий» из общества и потому вызывающий разные, противоречивые оценки, отторжение, с одной стороны, неподдельный «интерес и... даже

почтение» – с другой, – на протяжении всей истории ему отводятся разные роли.

У А. Шопенгауэра и Ф. Ницше бродяжничество (по мнению А.В. Шлякова) трактуется «с позиции свободы выбора человека». Шопенгауэр, в частности, считает, что «обыденный человек, чтобы сделать жизнь приятной ограничивается внешними вещами, ищет удовлетворение вне себя и поэтому пускается путешествовать» [7]. Ницше, в свою очередь, усматривая в странничестве «проявление свободы человеческой личности и богатства духовного мира» пишет: «Кто хоть до некоторой степени пришел к свободе, тот не может чувствовать себя на земле иначе, чем странником» [8].

По мнению исследователей², одна из перспектив развития современного общества и культуры связана с «утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье» [9], стремлением к динамичной жизни.

И это не только традиционное странничество/бродяжничество или кочевой образ жизни, не только туризм, обретающий все большую власть над людьми, но и необходимость постоянных, все более частых и дальних деловых поездок/перемещений, нередко превращающих жизнь делового человека, государственного деятеля в современного номада с новым средством передвижения (самолет), несущего с собой личные знаки освоенности и персонализации\индивидуализации. Это также появление «мест оседлости» одного человека одновременно в разных местах и странах, тенденции транснациональности в общем пространстве культуры, экономики и социума, и, конечно же, виртуальный мир/пространство, позволяющий быть человеком мира, перемещаться в ирреальных мирах, существовать в состоянии удвоенности.

Становление идеологии странничества, развитие кочевой культуры сопровождается формированием новых предметно-пространственных комплексов и технологий освоения пространства, а также новых норм проектирования среды, в частности осмыслением концепций нелинейности. К этим проблемам обращаются практикующие архитекторы и теоретики [10]: Брайан Массуми, Бернар Каш, архитекторы Кас Оостерхейз, Бен ван Беркель, Ларс Спайбрук, архитектурные мастерские и университетские

² См., в частности, работы Ж. Аттали.

Мифы культуры: тиражирование культурных образцов. Китай: Сиднейский театр (коттедж в провинции Цзянсу) (фото: <http://www.komesto.ru/blog/1857-sovremennaya-arhitektura-kitaya-ot-velikogo-do-smeshnogo>)

Эйфелева башня в Китае, Цяндучен (фото: <http://daypic.ru/nationality/177160>)

лаборатории (например, Школа искусств и архитектуры UCLA в Лос-Анджелесе, Высшая архитектурная школа Грега Линна и Хани Рашида Колумбийского университета в Нью-Йорке, «Асимптота», MVRDV, «Колатан–Макдоналд» и другие студии). Философской основой нелинейных экспериментов в большинстве случаев становятся труды Ж. Дел еза, Ф. Гваттари, А. Бергсона и др. Интерактивные нелинейные опыты, по-видимому, всегда будут «находиться в состоянии становления... продолжать видоизменяться по требованию обстоятельств – как блуждающая, или номадическая, эстетика», а также сопровождаться «децентрализацией человеческой сущности онлайн» [11].

Не менее важным моментом популярности культуры номадов являются «кочевые предметы». Обсуждая перспективы ее вторжения в современную жизнь, Жак Аттали отмечает: «Передовые технологии создадут новые виды изделий и товаров, которые предоставят гражданам недостижимые прежде возможности... Новые предметы, которые я называю номадическими (кочевыми), так как все они небольшого размера, изменят в будущем взаимоотношения во всем спектре современной жизни. И прежде всего они изменят отношение человека к самому себе... Все возможные виды услуг трансформируются в предметы, и их функции все больше и больше призваны обладать портативным, то есть кочевым характером» [9]. Развитие индустрии номадических предметов и номадических услуг делает еще более актуальной философию Дел еза – Гваттари, утверждающую новое представление пространства и взаимоотношения с ним человека, когда пространственная среда предстает как «недифференцированная», а традиционные категории «структуры» и «мирового древа» заменены понятиями ризомы, фиксирующей «аструктурный и нелинейный способ организации целостности» и «корневища-луковицы» или сети «корневых волосков», прорастающих в любом направлении. Ситуация пересмотра классических представлений науки также обеспечивает жизненность идеалов кочевой культуры в современных интерпретациях и становлении идеологий формирования художественно-проектной культуры, что достаточно образно и точно отражается тезисом Давида Юма: «Искусства и науки, подобно некоторым растениям, требуют свежей

почвы; и как бы богата ни была земля, и как бы ни поддерживали вы ее, прилагая умение или проявляя заботу, она никогда, став истощенной, не произведет ничего, что было бы совершенным или законченным в своем роде» [12].

Констатируя факт кризиса идентичности как общую проблему человечества, С. Хантингтон связывает это прежде всего с освобождением от идеологизации, от столкновения идеологий в целом, что, по его мнению, приводит мир к новым движениям, к новой истории, ключевым понятием которых становится «цивилизация». Полемизируя с С. Хантингтоном, М.В. Гришин при обсуждении проблем национальной и культурной идентичности [13] утверждает, что наблюдаемый повсеместно кризис коллективной идентичности, связан не столько с распадом идеологий, сколько с интенсивными процессами глобализации. Для дискурсов идентичности, по сути своей являющихся мифами, не призванными отражать эмпирическую реальность, «характерна трансформация «профанной» истории народа или нации в «сакральную». Компонентом же развития современной цивилизации становится «все большая рационализация действия, когда приверженность к поиску обоснования в сфере сакрального планомерно заменяется соображениями материального интереса. Современные стратегии глобализации, формируемые транснациональными элитами с их прагматичными целями (достижение контроля над ресурсами и рынками сбыта) порождают кризисы национальной идентичности, которые могут сохраняться только в культурном пространстве коллективной памяти, традиции и сфере сакрального». Более того, при этом практически не происходит и становления цивилизационной идентичности, которая, вероятно, должна прийти на смену национальной, этнической, конфессиональной и прочим формам «коллективности», так как, по мнению М.В. Гришина, «не успевает коллективная идентичность... приобрести форму цивилизационной идентичности, как последняя уже начинает размываться транснациональными процессами глобализации».

Таким образом, глобализация не только становится толчком к всестороннему обсуждению тенденций идентификации, порождает необходимость нового определения феномена цивилизационной идентичности, но и прово-

Произведения превращаются в миф культуры, регулятор массового сознания и мировосприятия. Энди Уорхол – «икона» графического дизайна (фото: <http://art-assorty.ru/203-andy-warhol-kartiny.html>)

цирует обострение проблем идентичности и вызывает кризис. (В частности, кризис национальной идентичности на рубеже XX–XXI веков, по мнению большинства исследователей, непосредственно связан с глобализационными процессами.)

Процессы глобализации и развитие новых технологий, «предоставляя растущие возможности «поглощать» архитектурную эстетику в форме фантазий исторических и современных зданий со всего мира», провоцируют возникновение «архитектуры с произвольно выбранными символами» и проектирование «малых и больших городов, не имеющих полной внутренней концепции и ресурсосберегающих отношений с окружающей средой». Происходящая «глобализация экономических отношений сводит городские «места» к «площадкам для бизнеса», лишенным какой-либо опознаваемости. Универсализм международных компаний и новых экономик ведет к распространению стандартизованных прототипов. Новые электронные средства поощряют потребление «образов» архитектуры, которые нуждаются в узнаваемом содержании, культурном или социальном значении» [14].

В подобной ситуации представляется вполне своевременным обращение к пространствам культурной идентификации, техникам и технологиям их выявления, способам фиксации и функционирования, и можно отметить различные интерпретации этого сюжета и своеобразные дискурсы, ориентированные на идеологию идентичности в целом, характерные для докладов и дискуссий профессиональных конгрессов, конференций и пр.

В частности, при определении основных ценностей современной архитектуры и градостроительства один из десяти базовых вопросов научного комитета XXI Всемирного конгресса архитектуры в Берлине прозвучал следующим образом: «Как региональная идентичность в архитектуре, экономике и обществе может быть различена и осознана как дополнительная ценность и какую современную форму это может приобрести?» И еще один вопрос, ответ на который намеревался получить Конгресс: «Каким образом планирование и строительство могут защитить материальные ресурсы и способствовать возрастанию ресурсов красоты и идентичности?» Факт отнесения идентичности

к категории духовных ресурсов, позволяет рассматривать необходимость и потребность идентификации, отождествления себя с тем или иным комплексом культурных норм как важный для каждой истории и культуры (независимо от субъекта истории) акт осознания, обязательный шаг для выявления самобытности и индивидуальности личности или цивилизации в целом. Рассматривая проблематику Конгресса сквозь призму обсуждаемой темы, можно отметить различные интерпретации этого сюжета и своеобразный дискурс, ориентированный на идеологию идентичности в целом, характерный для докладов и дискуссий Конгресса.

Среди современных проблем развития архитектуры и градостроительства существенным кажется также то, что единообразие, сопровождающее культурную, экономическую и финансовую глобализацию, предстает столь же глобальной проблемой для будущего каждой культуры, как ряд других жизненно важных вопросов. Эскалация «универсализма международных компаний и новых экономик ведет к распространению стандартизованных прототипов» [14], в том числе в архитектуре и городской культуре. Вместе с тем существовавшие ранее традиции архитектурной эстетики и систем городского планирования, построенные на контекстуальных отношениях с природной средой, вынуждены конкурировать с «эстетикой произвольности «единой мировой архитектуры», не признающей связи ни со спецификой места, ни с культурной индивидуальностью». Это все чаще оставляет нас с единообразной тотальной архитектурой и городской территорией, которые остро нуждаются во «внутреннем культурном значении», отвечающем «духу места».

Вполне вероятно, что тотальность, унифицированность и анонимность современной архитектуры и градостроительства, отдельных явлений культуры являют собой произвольную реакцию на «хаос» непрерывности и множественности языков архитектуры и искусств (в частности, постмодернизма) и попытку удержать «порядок»; но это, в свою очередь, ведет к иной форме «хаоса» – «хаоса неопознаваемости», когда законы целостности, ставшей или непрерывно становящейся, разрушаются

³ См. рецензию Н. А. Хренова на доклад Л. И. Сараскиной «Инстинкт человечности, русская идея и поиски русской идентичности (к спорам о Достоевском)» в кн. : Искусство и цивилизационная идентичность (опыт функционального анализа кризисных ситуаций в искусстве и социуме) / отв. ред. Н. А. Хренов. – М. : Наука, 2007. – С. 610.

⁴ См. работы Н. А. Хренова, О.А. Кривцуна, В.А. Колотаева, К.Л. Лукичевой и др.

либо претерпевают необратимые изменения, влекущие за собой нестабильность и новый хаос.

Идеи самоидентификации, будучи полюсом процесса глобализации, неотъемлемой составляющей дихотомии глобальное – локальное – в такой ситуации могут стать, на наш взгляд, определяющей линией стратегии развития городов. При этом самоидентификация нужна не только как пространство культурного самоопределения, но и как «рычаг», тенденция социально-политического и экономического развития «места», прежде всего в формировании общей идеологии и направления развития территории. «Особость» территории, ее способность собирать только ей одной присущие смыслы и порождать на их основе формы реальной жизнедеятельности, сопровождаемые мифами и легендами, всегда отличала значимые и знакомые пространства, исторически и культурно освоенные. Способность «освоителей» считать айдос места, его «дух» и воплощать и развивать его в системах жизнедеятельности и архитектурно-градостроительных структурах либо порождать новые тенденции, свойственные данной территории, во многом определяет будущее территории, будущее города. Основная задача, по мнению Лиотара, заключается «вовсе не в том, чтобы обслужить существующую реальность, а в том, чтобы распознать в ней черты Задуманного, но еще не репрезентированного». И это также обращает нас к идеалам осознания сущности места, его внутренних, индивидуальных свойств, к нахождению адекватных профессиональных языков отождествления, проявления «Задуманного» или «Присущего» и созданию нового образа с заложенным в него «ресурсом идентичности». Идентификация одинаково присуща любой целостности и «нецелостности» как системам порядка, осознанного или прозреваемого, любому ставшему и вновь становящемуся образу, языку, процессу, так как для их восприятия, интуитивного ощущения принадлежности, осознания и признания-оценки (положительной или отрицательной) должен произойти акт узнавания, отождествления с уже знакомым (прошлым или наличным) либо с «присущим» [2].

Произошедшее в конце XX века освобождение от «идеологического пресса» вкупе с процессами глобализации и кризисом национальной идентичности выводят на передний план ценности индивидуального существования, самоидентификацию отдельного индивидуума. В стремлении освоить это достижение Нового времени ряд специалистов предлагает отказаться от поисков коллективной идентичности в пользу индивидуализации, расценивая этническую и национальную идентичность как наследие архаической эпохи. Насколько такая стратегия возможна и целесообразна для России, традиционно живущей «в дискуссиях о национальном характере, об исторической памяти, о базовых ценностях народа, о традициях российской цивилизации, т. е. о том, что отличает один народ от другого, что является смыслом его жизни, основой самоидентификации и без чего народ перестает существовать»³ – все это подлежит тщательному исследованию.

Вызовом сегодняшнего дня становятся новые сложившиеся условия, которые требуют поиска иных оснований для самоидентификации, будь то обращение к ценностям индивидуализации через преодоление национальной/коллективной идентичности; сохранение специфики национальной идентичности и развитие личностной самоидентификации; формирование современной цивилизационной идентичности или какая-либо другая парадигма.

В соответствии с этим, вероятно, можно выделить следующие наиболее существенные для предложенного дискурса формы пространственной идентификации города и территории: своеобразное «отождествление-опознава-

ние» себя в корпусе различных представлений, в системах существующих понятий и картин мира, во-первых; соотнесение с определенными культурно-пространственными и средовыми комплексами, во-вторых; самоидентификация субъектов городской жизни в пространстве «средовых ритуалов» и мифов, в третьих.

Собственно идентификация территории может быть представлена как отождествление с субъектом-хозяйном (фиксация границ, обозначение границ индивидуальным кодом – всей территории или ее элементов), с одной стороны; как проявление и фиксация в разных знаках (схемах, картах, реальных инфраструктурах и объектах и пр.), присущих данной территории смыслов, «духа» – сути – кода места и процессов, на ней происходящих, – с другой; и наконец, как определение места и значения территории в общих траекториях движения и развития мировых политических, экономических, правовых и социально-культурных систем. Кроме того, происходит процесс самоидентификации, отождествления субъекта с определенной картиной мира и проявления характерных свойств субъекта.

Учитывая значимость «принадлежности к месту», осознания его идентичности для общих процессов развития территории, естественной выглядит апелляция к пространству идентификации, заключенному в базовых концептах картин мира, как идеальному представлению о мире (универсуме) или как оформлению Космоса в антропоцентрических парадигмах, как зеркалу, в котором снимается сущность и ее трансформации, и как своеобразному «тексту», выражающему содержание основных, жизненных парадигм [2].

Кроме того, при обсуждении проблем идентификации актуально обращение к искусству, к творчеству в целом. Во многом это определяется спецификой процесса становления коллективной идентичности, которая складывается под влиянием объективной реальности, в том числе и исторической ситуации, с одной стороны, и коллективного воображения – с другой. В силу чего «чувство «мы», образы идентичности всегда наделены «всеми чертами произвольности, субъективности и конвенциональности. А потому в данный феномен легко вписывается искусство, которое и зависимо от коллективной идентичности, и одновременно ее формирует» [15].

Нередко художник-проектировщик, будучи творцом не только произведения искусства, но и «новой социальности», одновременно оказывается «творцом коллективной идентичности», а смысл его произведения достигает эффекта коллективного мифа как регулятора массового сознания и мировосприятия.

Еще один мощный фактор, задающий необходимость обращения к творческому процессу – это выполняемая им миссия визуализации образов идентичности. И это особенно характерно для традиционного искусства и способов его современных интерпретаций. Кроме того, творчество, по мнению специалистов⁴, не только способно выступать достаточно эффективным орудием формирования и поддержания коллективной идентичности, но и служить одним из средств преодоления кризиса благодаря «дару искусства» как социального института, способствовать «выживанию народа, общества, типа цивилизации».

Почти в соответствии с лозунгом, провозглашенным модернистами и символистами, «творить искусством не только эстетические ценности, но саму жизнь», живет, в частности, культура семейских. Это естественное состояние, вероятно, в какой-то мере соответствует одной из стадий становления культурной идентичности (по В.А. Колотаеву, это стадия продуктивной идентичности

[16]), когда «...главным в идеологии сплавивания коллектива является не архаический принцип партиципации, не фактическая принадлежность индивида к образу данной группы, а свидетельства духовной активности, предъявляемые личностью в виде продуктов творчества, соотносимых с каноном, с ценностями, имеющими в рамках данного сообщества символическое значение». Определяющим образ коллективной идентичности становится по сути своей творческий процесс и его результат – образцы, воплощающие эстетические идеалы. Они-то и выступают основным стержнем, формирующим общество, культура которого характеризуется «стремлением личности к самовыражению в творчестве, к проявлению своего «Я» в созидании продуктов культуры» [16].

В целом потребность в идентификации, равно как и выбор адекватных культурных норм и идеалов, оказываются ключевым элементом культурного развития. Стремление к самоопределению, нахождению собственной траектории в общем процессе развития столь же естественное сегодня, как и тысячелетия назад, в самых различных формах проявляется в природных и антропогенных мирах, в макро- и микросистемах. На фоне тревожных размышлений общества о процессах глобализации, в вечном желании «выделиться из...» и «принадлежать к...» идеи самоидентификации приобретают особую остроту.

Отнесение идентичности к категории духовных ресурсов, представление ее как дополнительной ценности формы позволяет отметить новый взгляд на идентичность и рассматривать необходимость и потребность идентификации, отождествления себя с тем или иным комплексом культурных норм как важный акт осознания, обязательный шаг для выявления самобытности и индивидуальности личности или цивилизации в целом.

Учитывая актуальность идеалов идентичности в обществе глобальных экономик, дискурсы самоидентификации как часть пространства «глобальное – локальное» могут рассматриваться в качестве ключевой тенденции в стратегиях развития любого региона и проектной культуры. При этом «ресурс идентификации», внутренне присущий исторической среде и ее компонентам, также должен стать специфической чертой современных территориальных образований, архитектуры и предметно-пространственной среды для их отождествления с конкретным пространством, с конкретной ситуацией.

Кроме того, в ситуации, когда влияние национальных государств замещается влиянием транснациональных корпораций, когда происходит трансформация основных ценностей и архетипических представлений в картинах мироздания, когда «люди замещены рынками, горожане – потребителями, нации – компаниями, города – агломерациями и человеческие отношения – коммерческими» [17] совершенно естественной представляется апелляция к пространству идентификации, заключенному в базовых представлениях, закрепленных в картинах мира.

Номадизм, будучи другим полюсом оппозиции глобальное – локальное и новой трактовкой пространства оседлости, задает иные идеалы и знаки освоенности, когда основные формы идентификации и освоения/присвоения становятся максимально персонализированными и кочевыми.

Явный универсализм современной жизни, космополитизм городов, современного искусства и архитектуры, возможно, и составляют естественный процесс развития современной культуры (когда произведение-объект культуры/искусства, культурная норма, стереотип складываются вне зависимости от ситуации места, национальной и региональной специфики), но, сосуществуя со стремлени-

ем к выявлению и удержанию традиции места, неизменно обращают нас к необходимости соотнесения этих позиций при планировании городского развития и формировании предметно-пространственной среды.

Произведения превращаются в миф культуры, регулятор массового сознания и мировосприятия. Энди Уорхол – «икона» графического дизайна (фото: <http://art-assorty.ru/203-andy-warhol-kartiny.html>)

Список литературы

- Петров М. К. Язык. Знак. Культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
- Железняк О. Е. Идентификационные пространства города. Трансмутация // Город: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск, 2004. – С. 139–146.
- Добрицына И. А. Поэтика архитектуры эпохи постмодернизма // Теория композиции как поэтика архитектуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 359.
- Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Семиотика, поэтика: избранные работы. – М., 1989. – С. 486.
- Кемеров В. Философская энциклопедия. – М.: Панпринт, 1998.
- Шляков А. В. Феномен бродяжничества в западноевропейской культуре. – <http://neva-tyumen.ru/articles>
- Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; Афоризмы житейской мудрости: сб. / пер. с нем. – Минск: Попурри, 1997. – С. 374.
- Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: сб. / пер. с нем. – Минск: Попурри, 1997. – С. 316.
- Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. – М.: Международные отношения, 1993.
- Добрицына И. А. От постмодернизма к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
- Larner C., Hunter I. Hyper-Aesthetics. The Audience is the Work // Architectural Design. – 1995. – V. 65, № 11, 12.
- А. Тойнби. Вызов и ответ. – <http://www.pryahi.indeep.ru/history>
- Гришин М. В. Формы, функции и кризисы национальной и культурной идентичности: на примере Японии и России // Искусство и цивилизационная идентичность (опыт функционального анализа кризисных ситуаций в искусстве и социуме): материалы международной конференции. – М., 2006. – Т. 1. – С. 346–368.
- Reinhart Wustlich. Introduction // Resource Architecture. Main congress. – Berlin, 2002.
- Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность как разновидность коллективной идентичности // Материалы Межд. конф. «Искусство и цивилизационная идентичность». – М., 2006.
- Колотаев В. А. Стадии формирования идентичности в культуре // Материалы Межд. конф. «Искусство и цивилизационная идентичность». – М., 2006.
- Holl S. Global/Local. Intersection of strength. – Barcelona, 1997.

«Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка

текст
**Виктор Дятлов,
Роман Кузнецов**

фото
Хадичи Дулатовой, 2002

текст печатается по изданию: Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность: исследования и материалы. Вып. 5. – М.; Иркутск: Наталис, 2005. – 320 с. (Проект «Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе»)

Исторически сложилось так, что в России слово Шанхай, помимо своего прямого значения, несет важные дополнительные смыслы и коннотации. То, что это название крупнейшего китайского города – знают, наверное, все. Одновременно, уже с прописной буквы, это и символ Китая, и образ чудовищной людской скученности и нищеты. В начале XX века многие российские города обзавелись собственными «шанхаями» – трущобными пригородами. «Копай», «самострой», «наخالовка», «Шанхай» стали отечественными синонимами экзотичных зарубежных фавел и бидонвилей¹.

Эти значения уже начинают входить и в современные толковые словари. Вот несколько соответствующих словарных статей:

Шанхай – 1. Притон. 2. Хаотично застроенная окраина города, поселок.

Шанхай, -я, Шанхайчик, -а, м. 1. Пивная (обычно многолюдная, без сидячих мест). 2. Трущобы, густонаселенный район. Ср. уг. в зн. притон; от назв. города с многомиллионным населением (КНР)².

Глубоко символично, что возникший в начале 1990-х годов в Иркутске китайский рынок, сразу вошел в сознание горожан и их лексикон как «Шанхай» или «шанхайка». Возможно, в этом, теперь уже ставшем русским слове, слились все накопленные в предыдущую эпоху значения – «китайскость», трущобность, скученность и многолюдство.

Возникнув незаметно, как результат технических мер городских властей по упорядочению уличной торговли, рынок быстро стал многим больше, чем обычная торговая площадка. Это не просто мелкооптовый рынок, каких в Иркутске много и без регулярных походов на которые, сейчас трудно представить жизнь низших и части средних слоев провинциальных россиян. Через «шанхайку» в Иркутск вошел Китай. Вошел в его обыденность и повседневность, стал неотъемлемой составной частью экономической жизни, быта, общественного сознания. Если вдуматься, теперь это основное место встречи цивилизации и культуры. Место и механизм их взаимного узнавания и привыкания. Одновременно, это предмет головной боли городских властей, их тяжелейшая управленческая

задача. К «шанхайке» обращено постоянное, пристальное, и часто не очень доброжелательное, внимание иркутской прессы. Это излюбленный объект риторики многих местных политиков, видящих в «шанхайке» символ «китайской экспансии» и «желтой опасности».

В общем, теперь – и, скорее всего, очень надолго, это невралгический центр жизни города и области. А если учесть, что аналоги «шанхайки» появились в большинстве крупных городов Сибири и Дальнего Востока, что вокруг них также сформировались клубки серьезнейших проблем и противоречий, то странно, что они не стали пока предметом пристального внимания исследователей. Редкое исключение – небольшой, но насыщенный очерк о китайском рынке в Уссурийске³.

История создания и развития рынка

Когда в конце 1980-х годов в Иркутск стали в большом количестве прибывать китайцы, граждане КНР, это стало для горожан «культурным шоком». Появился совершенно новый этнический, культурный и экономический элемент, возник неожиданно и стремительно – и оказалось очень трудным делом соотносить себя с ним, выработать отношение, модель поведения, стереотип.

Большинство китайцев занимались мелкой розничной торговлей с рук, причем предпочитали делать это прямо на центральных улицах города. В начале 90-х годов иркутянину, попавшему в центр города, могло показаться, что его полностью заполнили (по выражению некоторых журналистов – оккупировали) югайские корабейники. Они бросались в глаза внешним видом и манерой поведения, заслоняя собой многочисленных конкурентов из числа иркутян и мигрантов с Кавказа. Массовая торговля с рук на не предназначенных для этого улицах создавала там жуткую толчею и антисанитарию. Ни о каком лицензировании и взимании налогов не могло быть и речи. Процветал рэкет, мошенничество, были нередки конфликты. Бурно протестовала общественность, не оставалась в стороне пресса, публикуя саркастические или гневные заметки⁴.

После периода некоторой растерянности, городские власти решили выдавить уличную торговлю на специ-

¹ В дореволюционном Иркутске был трущобный пригород, называемый Порт-Артур (Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск, 'Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. С. 73.)

² Балдаев Д. С. Словарь бланного воровского жаргона. В 2 томах. От Р до Я. М., Кампана, 1997; Епистратов В. С. Словарь московского арго (материалы 1980-1994 гг.). М., Русские словари, 1994. С. 561; http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html?d=elistratov&s=uaHxafi

³ Тренин Д. Витковская Г. Введение // Московский Центр Карнеги. Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 7-8.

Вид со стороны Входа-Иерусалимской церкви

ально отведенное место. Собственно, выбор этого места и предопределил успех дела. Под новый рынок отводилась территория разорившейся сапоговаляльной фабрики в исторически сложившемся торговом центре города, рядом с Центральным рынком. Здесь сходятся большинство транспортных маршрутов. Сюда поколениями привыкли приезжать за покупками. Уйдя на эту площадку, торговцы не отрывались от потенциальных покупателей, более того, они смогли расширить свою клиентуру.

Рынок был создан в начале 1993 года, а уже к лету на нем постоянно работало 500-600 продавцов. Их средне-месячная выручка (по расчетам Облстатуправления) достигала 2-3 млрд рублей, что равнялось месячному товарообороту всех официально зарегистрированных торговых предприятий центрального, торгового района Иркутска⁵. Вначале рынок выглядел вполне первозданно – огороженная забором и засыпанная гравием площадка, прямо на которой и раскладывались нехитрые товары. Уже через несколько месяцев была создана некоторая инфраструктура: ряды прилавков, навесы над ними, примитивные туалеты, камера хранения. К весне 1995 г. число рабочих мест (погонный метр прилавка) на рынке выросло до 1200, ежедневное число покупателей колебалось от трех до восьми тысяч в зависимости от сезона и дня недели. Обслуживало рынок сорок восемь человек⁶.

В 2000 г. на территории 0,92 га располагалось уже 2500 торговых мест. Однако в 2002 г. пожарные власти, после неоднократных предупреждений, на некоторое время закрыли рынок. По соображениям безопасности, они требовали расширить проходы между рядами, убрать часть прилавков. По их оценке, количество мест вдвое превышало допустимые пределы. После принятия самых неотложных мер (ремонт электропроводки, вывоз мусора, ликвидация деревянных настилов) и обещания администрации рынка в течение нескольких месяцев провести серьезную реорганизацию рынок был открыт⁷.

По словам директора рынка, серьезность положения заставила сократить число мест и заменить торговые прилавки на «металлические павильоны закрытого типа» – в просторечии, контейнеры. К апрелю 2003 г. число мест сократилось до 1300, в т.ч. 982 контейнеров. Правда, по

словам чиновника городской администрации, планировалось, что один контейнер, вмещающий два погонных метра, даст и два торговых места. То есть планируемые 1200 контейнеров должны были обеспечить 2400 мест. Реорганизация шла медленно, т.к. контейнер стоимостью 20 тыс. рублей устанавливался за счет арендаторов, многие из которых не могли или не хотели тратить такие большие деньги⁸. Сокращение числа мест затрагивало интересы многих людей и сопровождалось серьезными конфликтами.

Рынок функционирует не только как розничный, но и как мелкооптовый. По пятницам и субботам со всей области (вплоть до далеких северных Братска и Усть-Илимска) сюда съезжаются на автобусах предприниматели для закупки товаров партиями. О масштабах закупок косвенно свидетельствуют данные криминальной статистики – бывали случаи, когда карманникам доставались суммы в десятки тысяч рублей и тысячи долларов⁹.

За эти годы на рынке и вокруг него сложилась развитая обслуживающая инфраструктура. С первых же дней остро стояла проблема обеспечения безопасности. Уже в 1994 г. был установлен милицкий пункт и введено две дополнительные ставки участковых инспекторов. К 2003 г. помимо милицеских нарядов функции обеспечения безопасности осуществляло охранное агентство «Авангард-Секьюрити» (25 человек). За чистотой следят 22 дворника. Функционируют камера хранения, несколько платных общественных туалетов. В соседних с рынком домах и усадьбах открыта масса незарегистрированных частных столовых, кафе, общественных туалетов. Их регулярно закрывают санитарные власти, но они так же регулярно возрождаются. Имеется парикмахерская, фотография, платный переговорный пункт. Открыт стоматологический кабинет. Есть бильярдная, залы игровых автоматов. Регулярно организуются собачьи бои. Функционирует нелегальное казино, с которым безуспешно борется милиция и налоговые органы. По сообщениям иркутских газет, оно прекрасно оборудовано и доходы его могут достигать до сотен тысяч рублей в день¹⁰. В марте 2004 г. правоохранительные органы раскрыли подпольное предприятие по изготовлению поддельных документов для торговцев

⁴ См. например: Советская молодежь, 1989, 6 августа; 1992, 27 июня, 3 ноября.

⁵ Восточно-Сибирская правда, 1993, 7 июля

⁶ Лыкова М. Время «челноков» на исходе // Вечерний Иркутск, 1995, 2 февраля.

⁷ АС Байкал ТВ, 2002, 3, 4 сентября; Курьер 2002, 5 сентября.

⁸ Иркутская торговая газета, 2003, 15 апреля; Пятница, 2002, 24 мая.

⁹ Иркутск, 2003, 18 апреля; Комсомольская правда-Байкал, 2002, 27 сентября.

¹⁰ Иркутская торговая газета, 2003, 15 апреля; Videоканал. 2001, № 36; СМ-Номер один, 2001, 22 июня; Пятница, 2002, 11 октября; АС Байкал ТВ, 2003, 26 февраля; 29 апреля; Копейка, 2002, 27 сентября; Комсомольская правда-Байкал, 2002, 27 сентября. СМ-Номер один, 2000, 18 августа.

фото
Хадичи Дулатовой 2002

фото
Жан Радвани 2010

¹¹ Пятница, 2002, 1 февраля;
Иркутск, 2002, 22 февраля.

¹² Пятница, 2002, 1 февраля;
24 мая.

¹⁴ Пятница, 2002, 1 февраля;
Известия-Иркутск, 2003,
8 мая.

¹⁵ Кузнецов Р. О бедном
китайце замолвите слово //
Пятница, 2000, 10 марта.

¹⁶ Коммерсантъ – Восточная
Сибирь, 2003, 7 марта

¹⁷ Восточно-Сибирская
правда, 2002. 18 сентября;
СМ-Номср один, 2000,
12 октября.

рынка. При этом, однако, до сих пор здесь нет медпункта, а самое главное, нет системы канализации и водопровода¹¹.

Одновременно на рынке могут находиться 20 тыс. человек, а дневная посещаемость его колеблется, в зависимости от сезона и дня недели, от 10 до 30 тыс. человек¹². Ни один рынок Иркутской области такой пропускной способностью не обладает.

С момента основания «Шанхай» принадлежит городу и обладает статусом муниципального учреждения. В 2002 г. была проведена перерегистрация, т.к., по словам городских чиновников, до этого статус был не совсем верно оформлен. С того времени официальное название «шанхайки» звучит так: «Муниципальное учреждение по управлению муниципальными торговыми имущественными комплексами Кировского района города Иркутска». Торговые места сдаются в аренду – на день, месяц или год. С февраля 2002 г. дневная стоимость торгового места на открытом прилавке была повышена с 65 до 80 рублей (при оплате вперед и сроком на месяц). Однодневная оплата – 100 руб. Место в контейнере оценивается в 240 рублей¹⁵.

Поступления в городской бюджет только от арендной платы составляли: в 1998 г. – 25,3 млн, 1999 г. – 24,4 млн, 2000 г. – 34,3 млн, 2001 г. – 46,3 млн (при плане 33,8 млн.), 2002 г. – 30 млн рублей¹⁴.

Что такое «шанхайка» для города?

Один из ответов на этот вопрос – приведенные выше цифры. Доля рынка в пополнении бюджета города весьма (доходная часть бюджета составила в 2002 г. 3592 млн руб., на 2003 г. она была запланирована в 3758 млн руб.). Кроме того, выплачиваются налоги – как самим «муниципальным учреждением», так занятыми на нем людьми. Это не только арендаторы. Вокруг рынка сложилась большая сфера обслуживания, где занято много иркутян. Помимо не очень значительного штата, это нанятые местные продавцы, персонал столовых, кафе, хозяева помещений, сдаваемых под склады и жилье, хозяева и водители автотранспорта, грузчики, охранники и т.д. В основном, конечно, это «серая» занятость, не фиксируемая властями и не облагаемая поэтому налогами. Есть

и «черная» – многочисленные карманники, рэкетеры, нечистые на руку чиновники и представители правоохранительных органов и т.д. О масштабах заработков и доходов в «сером» и «черном» секторах остается только строить предположения. Не стоит забывать о массе мелких розничных торговцев в Иркутске и за его пределами, регулярно делающих оптовые закупки на «Шанхае».

Появились примеры спроса и на высоко квалифицированные профессии. Один из авторов этой статьи взял интервью у иркутского адвоката, специализирующегося на защите прав китайских торговцев. Он так описал свою деятельность: «Свою работу по отстаиванию прав граждан Китая я начал с того, что ко мне, как адвокату, часто обращались торговцы с рынка «Шанхай». Им нужно было помочь вызволить кого-нибудь из своих соотечественников, незаконно удерживаемых в милиции или защититься от произвола налоговой полиции. Со временем, желающих получить помощь становилось все больше, и я заключил около 30 долгосрочных договоров с китайскими гражданами о юридической защите. В основном, моими клиентами были торговцы с вещевого рынка, более или менее постоянно работающие в городе. За время своей деятельности я защищал китайцев от милиции, налоговой полиции, прокуратуры области, таможни, миграционных служб, ОМОНа, РУБОПа, ОУБЭПа и даже ГИБДД»¹⁵.

В общем, «Шанхай» – это крупный, прибыльный, процветающий хозяйствующий субъект, один из флагманов формирующейся рыночной экономики города. Источник дополнительных доходов для городской казны, создатель дополнительных рабочих мест, место работы и получения доходов для многих иркутян. Но вряд ли верно определять его значение только этим. В конце концов, только рядом с ним находится еще девять мелкооптовых рынков¹⁶, пусть и не таких масштабных. Всего же в Иркутске функционирует около 40 рынков и более 2000 магазинов, киосков и павильонов¹⁷.

Уже в 1994 г. талантливая и наблюдательная журналистка писала:

«Шанхай – это “культурный центр” моего родного города. Как все дороги ведут в Рим, так и здесь. Этот рынок – уже сам по себе – город. Город веселый. Шумный.

Неспокойный. Переменчивый... Место это по посещаемости и популярности можно сравнить разве что с концертами Аллы Борисовны (в ушедшие времена, разумеется)¹⁸.

Для того, чтобы понять причины этого, стоит мысленно вернуться в ситуацию первой половины 90-х годов. Тотальный экономический кризис, полный крах советской распределительной системы, жесточайший товарный голод, растерянность и неэффективность власти. Грань социального взрыва. Можно смело утверждать, что массовый приход китайских «челноков» с их доступными по цене товарами, на которые существовал практически неограниченный спрос, спас восточные регионы страны от катастрофы.

С первых дней своего существования «шанхайка» стала тем местом, где средний иркутянин мог одеться, обуться, приобрести товары повседневного обихода. Цены были ниже, чем у российских «челноков», торгующих теми же китайскими или турецкими товарами. Здесь можно было выбирать, торговаться, испытать неведомое прежде чувство покупателя, хозяина положения, а не бесправного и униженного получателя благ в советской распределительной системе. Масса иркутян, особенно на первых порах, посещала рынок из любопытства, осваиваясь в рыночной стихии и не испытывая при этом чувства дискомфорта и робости, как в каком-нибудь более позднем «бутике».

Уже через несколько лет ситуация стала радикально меняться. Шел бурный процесс имущественной дифференциации, быстро становилась на ноги система рыночной торговли. Исчез дефицит, потребительский рынок насыщался и дифференцировался. Монопольное положение «шанхайки» ушло в прошлое. Но сохранилась его прежняя функция «рынка для бедных». Стабилизирующая роль в регулировании цен на дешевые и массовые товары возможно даже усилилась. Многочисленные теперь конкуренты вынуждены считаться с уровнем цен у китайских торговцев, а они всегда минимальны. В силу того, что «шанхайка» стала фактически мелкооптовым рынком, куда съезжаются за товарами розничные торговцы со всей области, она является важным институтом, регулирующим цены для региона в целом. Социальное и политическое значение этого фактора трудно переоценить.

«Шанхайка» сейчас не просто торговая площадка, не только один из многочисленных мелкооптовых рынков, пусть и крупный. Это ключевой центр всей системы снабжения региона, его жизнеобеспечения. Этим он обязан нескольким факторам: массовые дешевые китайские товары, дешевый и эффективный труд китайских торговцев, разветвленная и прочная «грибница» связей и деловых взаимоотношений, стратегически выгодное место, устойчивые привычки потребителей.

Роль рынка отчетливо выявилась в кризисный, критический момент – во время дефолта 1998 года. Августовский кризис привел к резкому спаду экономической деятельности вообще, к тому, что «Шанхай» заметно опустел, многие торговцы разорились, начались перебои с поставками товаров, выросли цены, сократился спрос. Это был настоящий шок, экономическая деятельность китайских торговцев замерла. Но шок не перерос в обвал. Уже через две-три недели торговля начала оживать, хотя долго не могла достичь доавгустовских масштабов по обороту, ассортименту товаров, численности торговцев и покупателей¹⁹.

Проблемы

Масштаб связанных с рынком проблем и конфликтов адекватен его значению для города. Любопытно, что большая их часть концентрируется вокруг тех факторов, которые и создали его в нынешнем качестве и роли. Так, дешевизна товаров является фирменным знаком рынка, залогом его процветания. Другой же фирменный знак – их крайне низкое качество. То, что первое является прямым следствием второго, для общественного мнения далеко не аксиома. Одобрять дешевизну товаров, большинство иркутян резко отрицательно относится к их качеству. Соответствующий мотив входит в стандартный набор обвинений против рынка.

Китайские торговцы на рынке крайне неприхотливы, услужливы, всегда готовы торговаться и снизить цену. Они тщательно следят за конъюнктурой, динамикой спроса на товары и быстро изэффективно реагируют на меняющиеся потребности покупателей. У них довольно высокая профессиональная репутация.

¹⁸ Советская молодежь. 1994, 15 октября.

¹⁹ Подробнее см.: Дятлов В. Китайцы в Иркутске: некоторые характеристики ситуации 1998–1999 гг. // Московский Центр Карнеги. Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 86–89.

²⁰ Коммерсантъ-Восточная Сибирь, 2002, 7 марта; Московский комсомолец в Иркутске, 2003, 20 марта; АС Байкал-ТВ. 2003, 6 марта.; СМ-Номер один, 2002, 25 июня; Иркутск, 2003, 18 апреля.

²¹ СМ-Номер один, 1998, 22 апреля; Иркутск, 1998, 18 мая. 11 СМ-Номер один, 2000, 7 сентября; Известия-Иркутск, 2003, 26 сентября: Пятница,

²² 2003, 21 марта; Комсомольская правда-Приангарье, 2003, 24 апреля; 14 мая; Информационное агентство Baikalinfo. Новости Иркутска. Выпуск № 86 от 19 января 2004.

Однако дешевизна товаров и эффективность торговцев вызывает сложное отношение у формирующегося местного делового сообщества. Часть его получает от этого несомненные выгоды и осознает это. Но для большинства «шанхайка» и его обитатели – это конкурент, причем конкурент сильный и опасный. Вряд ли случайны соответствующие регулярные кампании в прессе, не менее регулярные попытки закрыть рынок. Иногда конкурентная борьба принимает экзотические формы. Так, в 2003 г., накануне праздника Восьмого марта, когда «день год кормит», «шанхайка» подверглась неоднократным атакам «телефонных террористов». За пять дней ее эвакуировали три раза. Работа была парализована, убытки огромны. Высокопоставленный представитель городских властей так оценил ситуацию: «Приближается праздник, когда выручка рынков максимальна, и кому-то выгодно сделать так, чтобы деньги шли не в бюджет города, а в чьи-то карманы». «Основная проблема – заявил он – это проблема конкуренции. Рядом расположено еще девять рынков».

Всего за 2002 г. рынок «минировали» 76 раз, как правило по субботам²⁰.

Есть оборотная сторона медали и у крайне выгодного места расположения рынка. Это транспортные пробки и проблема транспортной безопасности на окрестных улицах. Каждый квадратный метр площади в этом районе города дорог и крайне дефицитен. Поэтому динамично растущий рынок не может расширяться. Отсюда скученность, чрезмерная нагрузка на каждый клочок земли, тесные проходы между прилавками. Пожар или террористический акт, просто паника могут привести к большему числу жертвам. Уже отмечалось, что после неоднократных предупреждений, пожарные власти рынок закрывали. Принятые меры ситуации радикально не улучшили.

До сих пор территория рынка плохо обустроена – нет обычной и ливневой канализации, водопровода. Площадка не заасфальтирована. Отсюда антисанитария – грязь под ногами во время дождей, убогие, но платные туалеты. Санитарные власти неоднократно выносили постановления о закрытии рынка, но после соответствующих обещаний администрации, отзывали эти запреты. Окончательно закрыть рынок им не дает четкое понимание того,

что тогда торговцы разбредутся по ближайшим улицам. Санитарная ситуация в таком случае окончательно выйдет из-под контроля²¹.

Отдельная проблема – система общественного питания, сложившаяся вокруг рынка. Прямо на территории, в вагончиках, в прилетающих домах действует много зарегистрированных и подпольных столовых, кухонь, кафе, закусочных. Точное их количество не знает, видимо, никто. Они не испытывают недостатка в клиентах – их продукция дешева, ориентирована на разные вкусы (есть китайская, узбекская, корейская, вьетнамская и т.д. кухня). Большинство из них действует подпольно и потому налогов не платит. Но главную беду местные власти видят не в этом. Совершающие регулярные рейды санитарные врачи с ужасом описывают, в каких антисанитарных условиях, с нарушением всех мыслимых норм, готовится там пища. Учитывая общую скученность в прилегающем районе, эти забегаловки могут стать источником масштабных эпидемий. Все попытки пресечь их деятельность, а тем более ввести их в легальное русло, заканчивались до сих пор неудачей²².

Рынок интенсивно втягивает в свою орбиту прилегающие дома, превращая их в склады товаров, ночлежки, подпольные забегаловки и притоны, а их усадьбы – в свалки мусора. Некоторые предприимчивые жильцы выстроили здесь примитивные платные туалеты для посетителей рынка. И до создания «шанхайки» этот район был трущобным, теперь же жизнь их обитателей стала невыносимой.

В последнее время в прилегающих к рынку домах регулярно вспыхивают пожары. По оценке работников пожарной охраны, с момента основания рынка до весны 2003 г. в его окрестностях было зарегистрировано более сорока пожаров и возгораний. В большинстве случаев, из-за умышленных поджогов. Виновных не находили, но и жители домов, и иркутские СМИ единодушны в том, что это форма борьбы за захват (возможно, уже передел) городской земли, которая при самых небольших вложениях обещает стать настоящей «золотой жилой». Есть мнение, что непосредственным участником этой борьбы являются и китайцы. В популярной местной телепередаче «Город»

это было сформулировано прямо и недвусмысленно: «Жители домов в районе китайского рынка опасаются за свое жилье. Они говорят, что неизвестные лица им неоднократно угрожали – просили съехать с квартир. Большинство жильцов трех домов по улице Софьи Перовской давно не живут в своих квартирах. Не только потому, что дома эти вот-вот развалятся. Жить здесь практически невозможно – это территория хоть и неофициально, но прочно оккупирована торговцами с Шанхайского рынка. Именно они здесь сегодня и хозяева, и власть»²³. Помимо всего прочего, часть этих домов являются архитектурными и историческими памятниками и находятся под защитой государства.

Рынок давно стал источником повышенной криминальной опасности для города. Это, в общем, естественно и неизбежно для места, где концентрируются огромные финансовые и товарные потоки и где на небольшом пятнышке ежедневно встречаются тысячи людей. Знаковым событием стало убийство в 1996 г. директора рынка.

«Шанхайка» – излюбленное поле деятельности карманников – и редкий пакет покупателя остается к концу его визита на рынок нетронутым. Здесь процветает мошенничество в самых разных формах – от присвоения оставленных землянками для продажи партий товаров до мелкого бизнеса некоторых ушлых иркутских пенсионеров, вымогающих у продавцов мелкие суммы под угрозой скандала и милицейского разбирательства.

Отдельная тема – рэкет. С одной стороны, она – на слуху, постоянно обсуждается. Становление мелкого и среднего бизнеса в России вообще невозможно представить вне этого фактора²⁴. Однако, по понятным причинам, реальной информации очень мало. Судя по отрывочным данным и оценкам экспертов, на первых порах это происходило в форме простого вымогательства. Затем постепенно переросло в некую упорядоченную систему. По оценке заместителя президента Иркутской ассоциации по защите китайских граждан Михаила Ли, «раньше моих землянков крышевали. Хотя это выглядело как обычное вымогательство. Когда предприниматель приезжал из Китая со своим товаром, с него брали мзду – за каждый баул по 50 долларов. Сейчас такое тоже есть, но проявля-

ется уже не так активно, как раньше. В ассоциацию часто обращаются китайские предприниматели с просьбой разобрататься с вымогателями. Но как мы можем им помочь?»²⁵.

По оценкам специалистов из наиболее заинтересованных ведомств, вслед за первыми «челноками» в Иркутск потянулись и криминальные элементы. Со временем их деятельность приобретает организованный характер – от простого грабежа соотечественников к контролю и регулированию. Уже в 1995 г. представители правоохранительных органов констатировали, что «шанхайку» контролирует три преступных группировки, состоящих из монголов и китайцев. Они постепенно сращиваются с местным криминалом²⁶.

Процесс этот протекал скрыто, прорываясь иногда инцидентами, подобными тому, что произошел в феврале 2003 г. Тогда был застрелен крупный китайский бизнесмен, начавший свою деятельность в Иркутске в 1998 г. Он вел крупные операции с лесом и металлом, владел несколькими торговыми павильонами на рынке. Представители правоохранительных органов, сообщив, что он имел несколько судимостей в Китае, называют его криминальным авторитетом, лидером организованной преступной группировки. По их оценке, он облагал данью всех китайских торговцев города. Основная версия причины этого заказного убийства – передел сфер влияния на «шанхайке»²⁷.

Значительная, а возможно и большая часть финансовых потоков на рынке находится вне контроля властей. Фискальные службы постоянно жалуются на огромные потери от массовой неуплаты налогов торговцами. По данным налоговой полиции, более 70% из них недоплачивают налоги или не платят вовсе. Причина в том, по их оценке, что «оценить объемы экономической деятельности китайских предпринимателей невозможно даже приблизительно. Ведь на таких рынках как «Шанхайка» и более мелких рыночках, где торгуют китайцы, нет ни кассовых аппаратов, ни чеков. Как проследить капиталоборот – никто не знает. Нет механизма. Более того, эти малые предприниматели не платят налогов – ни подоходного, ни на уборку территории, никаких. И еще одна трудность – налоговая инспекция не может проверить торговца в течение года,

²³ СМ-Номер один, 2003, 22 мая; Восточно-Сибирские вести, 2003, 27 мая; АС Байкал-ТВ, 2003, 4 февраля, Телевизионный выпуск новостей «Город», 2003, 6 мая.

²⁴ Волков В. Силовое предпринимательство. СПб., М., Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002. 282 с.

²⁵ Иркутская торговая газета, 2003, 27 мая.

²⁶ Вечерний Иркутск, 1995, № 2.

²⁷ Копейка, 2003, 28 февраля; АС Байкал-ТВ, 2003, 22 февраля; Информ Полис, Улан-Удэ, 2003, 26 февраля.

²⁸ Восточно-Сибирская Свежая, 1999, 30 августа; Комитет по Информационной политике и внешним связям администрации г. Иркутска. О пребывании на территории города Иркутска граждан КНР и формировании в городе китайской диаспоры» (2002).

²⁹ Известия-Иркутск, 2003, 22 января.

³⁰ Что почем, 1999, 16 декабря; Московский комсомолец в Иркутске, 1999, 9 декабря.

³¹ СМ-Номср один, 2001, 1 ноября.

³² СМ-Номер один, 2001, 1 ноября; 5 ноября; 6 ноября; 12 ноября; Комсомольская правда-Байкал, 2001, 2 ноября; Коммерсантъ-Восточная Сибирь, 2001, 3 ноября.

³³ Кузнецов Р. Исповедь китайского «капитана» // Восточно-Сибирская Свежая, 2000, 14 февраля.

³⁴ Восточно-Сибирские вести, 2003, 27 мая.

³⁵ Иркутск, 2003, 18 апреля.

³⁶ Пятница, 2000, 10 марта.

³⁷ Китайский «синдикат» // Родная земля, 2001, №10, 26 марта; Богданов Л. Вымогатель в полицейском мундире // Восточно-Сибирская правда, 2001, 12 марта.

только в конце. А за это время он может «потерять» документы, даже само предприятие»²⁸.

Примерно так же оценивает ситуацию руководитель областного Управления по борьбе с экономическими преступлениями: «необходимо упорядочить торговлю на рынке “Шанхай”, чтобы все жестко контролировалось. Сегодня ни один торгующий там “челнок” из Китая не платит налоги, он лишь платит за аренду места – всего 100 рублей в день. А сколько он продал, сколько привез? Нигде не фиксируется»²⁹.

Результаты очевидны – большие финансовые потери государства, получение китайским бизнесом нечестных конкурентных преимуществ, дискредитация налоговых и правоохранительных органов.

К тому же, самоустранение государства провоцирует формирование системы теневых поборов. Тема это деликатная, сложная для обсуждения и анализа. Очень мало информации. И только в ситуациях острых и открытых конфликтов (их было несколько и они станут предметом отдельного разговора) проблема становилась предметом общественного рассмотрения. В 1999 г., когда по требованию пожарных служб, было сокращено количество торговых мест, это вызвало массовый митинг и пикетирование здания администрации рынка. Протестующие торговцы заявляли, что их лишили мест, за которые они при заключении договоров заплатили по 1,5–5 тыс. долларов. Теперь, за возобновление права на аренду места с них требуют по 5–15 тыс. рублей. Представители администрации рынка категорически опровергли саму возможность подобных поборов.

Они предположили, что сами китайские торговцы перепродают друг другу право на аренду торговых мест, причем контролирует этот процесс «китайская мафия»³⁰.

В ноябре 2001 г. произошла недельная забастовка торговцев, вылившаяся уже в несанкционированный митинг у здания областной администрации. По словам чиновника мэрии, митингующие возмущались непомерной платой. «Правда, за что они платят, кому и чем конкретно недовольны, понять так и не удалось. Моя задача заключалась в том, чтобы разъяснить порядок проведения митинга, т.е. ввести все действия в законное русло»³¹. Журналистам же бастующие говорили, что помимо официальной арендной платы, с них требуют еще по 800 долларов в год за место. Администрация рынка вновь саму возможность этого категорически отвергала и считала причиной беспорядков «нервозность» тех торговцев, у которых при очередном перезаключении договоров (1–20 ноября) выявилось «шаткое визовое положение»³².

В интервью одному из авторов статьи, крупный бизнесмен и неформальный лидер китайских торговцев рынка расценил регулярные перестановки и реорганизации как способ организации поборов. «Китайская мафия – миф, ее не существует в Иркутске. Если китайские торговцы иногда и перепродают друг другу рабочие места, то не в таком количестве и не так масштабно, как это делала дирекция рынка. Очень удобно все сваливать на бесправных и плохо говорящих по-русски китайцев, прикрываясь кознями несуществующей китайской триады»³³.

Кто из оппонентов прав и в какой мере – сказать трудно. Ясно одно – сам факт перепродажи и субаренды торговых мест (а это официально запрещено) ими признается. О масштабах теневых поборов в Иркутске ходят самые фантастические слухи. Одна из газет писала: «О баснословных доходах торговцев говорит такой факт: чтобы получить торговое место на “Шанхае”, необходимо заплатить 18 тысяч долларов»³⁴. Цифра,

конечно, запредельная, но само явление властями признается. Так, глава Правобережного округа города Н. Хиценко считает, что арендная плата на рынке явно занижена, т.к. процветает субаренда. «Что касается других рынков – комментирует журналист – то представители муниципалитета заявляют как общеизвестный факт наличие неофициальной арендной платы наряду с официальной. То есть дополнительные суммы берут с предпринимателей “черным налом”»³⁵.

«Притчей во языцех» уже стала проблема милицейского произвола и вымогательства. По мнению большинства китайских респондентов, иркутские милиционеры считают их людьми второго сорта и «дойной коровой», стабильным источником доходов. Еще совсем недавно любой служащий МВД в униформе, будь он даже пожарником, мог отправиться проверять документы у китайских торговцев на рынке и собирать штрафы. Естественно, без квитанции, бывали случаи, когда сотрудники ГИБДД снимали бляхи и шли на рынок «подзаработать». Некоторые представители силовых структур поставили дело на коммерческую основу. Предварительно договорившись с китайским посредником, они задерживали жертву. Затем, посредник сообщал ей, что за небольшую сумму можно все уладить. В последнее время отношения китайских мигрантов и милиции стали более упорядоченными. Право на проверку документов теперь строго регламентировано, поэтому, по мнению многих китайских коммерсантов, сейчас нет таких массовых поборов как раньше.

Адвокат, о котором уже шла речь в статье, рассказывал о практике, называемой китайцами «милицейским такси». К концу рабочего дня к выходу с «шанхайки» подъезжал милицейский УАЗик. Сотрудники патрульной постовой службы проверяли документы. Беспаспортных загоняли в машину и развозили по домам «для проверки паспортов». Возле общежития невольные пассажиры отдавали за «эскорт-услуги» по 50–100 рублей. Благодаря своевременному обращению к адвокату против двух сотрудников ППС по факту вымогательства возбуждали уголовные дела³⁶.

Но это – крайне нетипичное завершение распространенной и типичной ситуации. И уже совсем уникальным событием стал приговор Иркутского областного суда в отношении капитана налоговой полиции, обвиненного в грабеже, взяточничестве, вымогательстве и избивании китайских торговцев «шанхайки». Полицейский, прозванный торговцами за свой нрав «Эдиком-собакой», был осужден на восемь лет с конфискацией имущества. Национал-патриотическая газета «Родная земля» тут же опубликовала огромное письмо отца осужденного, отставного майора милиции. Суть письма – дело сфальсифицировано, подсудимого оговорили торговцы за неподкупность и честное выполнение своих обязанностей. Характерна логика и стилистика редакционного комментария: «И мы... были просто убеждены: в родном Иркутске, где к китайским “бизнесменам” вполне определенное отношение, к делу капитана Улаханова наши правоохранители отнесутся взвешенно, объективно, ведь все вздорные обвинения строились на основании слов “потерпевших”, заинтересованных в устранении Улаханова, а потому, мы считали, уголовное дело было обречено на немедленное закрытие. То, что произошло, не укладывается ни в какие (кроме одного) объяснения...»³⁷.

И, наконец, далеко выходящая за пределы «шанхайки», да и ситуации в Иркутске в целом, проблема нелегальной миграции. В принципе, нелегальная составляющая неизбежна в любом миграционном процессе.

Реальную угрозу для принимающего общества несут за собой ее масштабы и неумение властей контролировать ситуацию. Последнее время огромная озабоченность по этому поводу высказывается на всех уровнях государственной власти России. Проведено несколько серьезных исследований по этому поводу. Это позволяет в данной статье «вывести за скобки» глобальный аспект проблемы и сосредоточиться на «нелегалах» «шанхайки».

О масштабах проблемы, соотношении легальных и нелегальных торговцев на рынке можно только строить предположения. Теоретически, их там не должно быть вовсе – арендовать место можно только при верно оформленных документах (с временной регистрацией, визой и свидетельством о предпринимательской деятельности). Практика показывает иное. Сами администраторы рынка иногда признают, что часть арендаторов обладают весьма сомнительным правовым статусом. Главное же – об этом недвусмысленно говорят результаты регулярных проверок паспортно-визовой и миграционной служб. Обычно задерживают по несколько десятков нарушителей, помещают их в тюремный приемник-распределитель. Штрафуют, некоторых депортируют за счет бюджетных средств. Кое-кто из них вскоре вновь оказывается на «шанхайском» рынке. Стандартная ситуация, уже тысячу раз описанная в прессе, исследовательских работах, служебных документах.

Здесь же важно подчеркнуть, что нелегальность заметной части торговцев на рынке ведет к многообразным негативным последствиям. В самом общем плане, массовые нарушения иностранцами российского законодательства подрывают основы государственности. Неэффективность репрессивных форм решения проблемы дискредитирует соответствующие государственные службы. Бюджет не получает налоги. Это плохо само по себе и дает нелегалу несправедливые конкурентные преимущества. Нелегальный торговец абсолютно беззащитен перед российским и китайским криминалом, перед произволом и издевательством представителей властей. Это развращает, коррумпирует государственный аппарат. Не получив защиты государства, нелегал ищет и находит ее у криминальных структур. Это почва для того, чтобы организованная преступность приобрела основную характеристику мафии как «индустрии по производству и продаже покровительства»³⁸.

«Шанхайка» как социальный организм

До сих пор «шанхайка» рассматривалась как бы извне – с точки зрения города и городского сообщества. Но анализ будет не полным, если не попытаться взглянуть на внутреннюю жизнь этого явно сложившегося социального организма, на те подспудные процессы, которые в нем происходят. Это трудно – современный российский бизнес, мигрантские сообщества – чрезвычайно закрытые миры. Оттуда поступает мало информации, она обрывочна и противоречива. О многих процессах и явлениях приходится строить предположения, основывая их на шаткой фактической основе.

Однако, жизнь рынка протекает не гладко, внутренние противоречия нередко выливаются в открытые конфликты – а это способствует информационным «выбросам». Проблема обсуждается во властных структурах, общественных организациях, в том числе китайских. Один из соавторов, профессиональный журналист, взяв в свое время серию интервью у чиновников, администраторов рынка, китайских предпринимателей и общественных деятелей. Они опубликованы³⁹. За жизнью рынка пристально смотрит иркутская пресса – а это одновременно и носитель информации, и зеркало обще-

ственных настроений, и инструмент их формирования. В общем, ситуация не безнадежна, хотя и трудна.

Внимательный посетитель рынка быстро замечает, что в этом огромном скопище народа есть система. По словам директора, «на нашем рынке существует строгое распределение по видам товара. Шапки продают в одном месте, обувь – в другом, мелкий ширпотреб – в третьем. И мы, администрация рынка, не имеем к этому никакого отношения. Это уже неведомые нам силы составляют торговцев на рынке. Есть разделение по национальному признаку в специализации на определенном виде товара. Шапки продают, в основном, русские, приезжие из Новосибирска, брюки – армяне, грузины. Дешевым ширпотребом торгуют китайцы, если ширпотреб чуть дороже – продают вьетнамцы, перекупая его у тех же китайских торговцев»⁴⁰.

Последнее обстоятельство делает неизбежным вопрос – а насколько китайским является «китайский рынок»? Уже в 1994 г., по словам журналистки, «здесь как на Ноевом ковчеге, “каждой твари по паре”... Промышляют тут торговцы разных национальностей: корейцы, китайцы, вьетнамцы, лаотяне, монголы, африканцы, арабы, афганцы, кавказцы, русские»⁴¹. Количественные соотношения менялись, уходили одни группы (лаосцы, например), приходили другие (киргизы). Накануне дефолта, в 1998 г. китайцы арендовали три 495 китайских и 485 русских торговцев. Все эти цифры давали в разное время представители администрации рынка⁴². Можно предположить, что на деле доля китайцев выше за счет практики найма местных продавщиц, которые оформляются как самостоятельные арендаторы. Кроме того, почти все корейцы, которых много на рынке, – это граждане КНР.

Таким образом, китайцы преобладают количественно. Еще важнее то, что «шанхайка» – это ключевой распределительный узел именно китайских товаров. Китайские товары, труд китайских торговцев, «китайские» цены – все это определяет общую атмосферу на рынке и твердую репутацию его как китайского у иркутян. Эта репутация – залог высокой конкурентоспособности «шанхайки». Его директор заметил по этому поводу: «Показательный момент на тему “кто есть кто на рынке когда во время недавней забастовки китайцы не работали, рынок опустел. Покупатели не воспринимают “Шанхай” без китайцев»⁴³.

Местные торговцы часто жалуются на то, что администрация рынка пренебрегает их интересами в пользу иностранцев. Характерен заголовок посвященной этому статьи «Русские хозяева “Шанхая” чувствуют себя изгоями»⁴⁴. Аргументация администрации проста: на рынке все равны и любые льготы разрушают механизм конкуренции. Кроме того, китайский характер рынка автоматически повышает доходность рабочих мест, принадлежащих русским⁴⁵.

Уже отмечалось, что видимое структурирование рынка – ряды по группам товаров и национальные блоки – сложилось не по инициативе администрации. По крайней мере, по ее утверждениям. Не в состоянии она удерживать и монополию на распределение мест. Следовательно, есть и другие силы, обладающие властью и влиянием.

В СМИ промелькнуло глухое упоминание о совете предпринимателей рынка⁴⁶, но, судя по всему, орган этот вряд ли обладает реальным влиянием.

Видимо, такой властью являются неформальные лидеры, «капитаны» по распространенному определению иркутской прессы. Как правило, они хорошо владеют русским языком и имеют опыт общения с властями. В

³⁸ Gambetta D. The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection. Cambridge: Harvard Univ. press, 1993

³⁹ Кузнецов Р. Исповедь китайского «капитана» // Восточно-Сибирская Свежая, 2000, 14 февраля; Кузнецов Р. Шанхайские бунты: мафия делит сферы влияния на рынке // Что почем. 1999, 16 декабря; Кузнецов Р. Беспрецедентно: бунт на шанхайке в центре Иркутска // Московский комсомолец в Иркутске, 1999, № 48, 9 декабря; Кузнецов Р. О бедном китайце замолвите слово // Пятница, 2000, 10 марта.

⁴⁰ Что почем, 1999, 16 декабря.

⁴¹ Лыкова М. Время «челноков» на исходе // Вечерний Иркутск, 1995, 22 апреля.

⁴² СМ-Номер один, 1998, 21 октября; 2002, 28 марта; Иркутская торговая газета, 2003, 15 апреля.

⁴³ Пятница, 2002, 1 февраля.

⁴⁴ Пятница, 2002, 8 февраля.

⁴⁵ Иркутская торговая газета, 2003, 15 апреля; Иркутск, 2003, 18 апреля.

⁴⁶ АС Байкал ТВ, 2003, 6 марта.

⁴⁷ Что почем, 1999, 16 декабря.

⁴⁸ Богданов Л. Вымогатель в полицейском мундире // Восточно-Сибирская правда, 2001, 12 марта.

⁴⁹ Иркутск, 2003, 18 апреля; Пятница, 2003, 11 апреля; СМ-Номер один, 2003, 10 апреля; Восточно-Сибирская правда, 2003, 13 мая.

⁵⁰ Комитет по Информационной политике и внешним связям г. Иркутска. О пребывании на территории города Иркутска граждан КНР и формировании в городе китайской диаспоры.

их обязанности входит сбор денег с рядовых торговцев для уплаты налогов и отчет в государственных налоговых четверти торговых мест. К 2002 г. соотношение было таково: более тысячи китайцев и корейцев, около трехсот вьетнамцев, полторы сотни кавказцев, шестьсот с небольшим русских, две сотни представители других национальностей. После реорганизации, когда число мест на рынке сократилось с 2500 до 1300, на рынке осталось органиана. Таким образом, «капитаны» аккумулируют в своих руках средства с оборота китайских торговцев, представляют интересы коммерсантов-соотечественников и берут на себя функцию защиты этих интересов. Они оказывают, также, разнообразные услуги новичкам, помогая им освоиться в чужом и незнакомом обществе.

Характерно, что представители официальной администрации рынка, комментируя конфликтные ситуации, связанные с распределением и перераспределением мест, часто подчеркивали, что принимают решения совместно с представителями китайских ассоциаций, обществ, которые они тут же называют иногда мафиями. Из их интервью видно, что это реальные игроки, с которыми необходимо считаться. Они могут делать предложения, от которых трудно отказаться⁴⁷.

Круг этих «капитанов» и их типы достоверно описать трудно. На поверхности – активность четырех зарегистрированных в Иркутске китайских национально-культурных обществ. Описание истории их возникновения, деятельности, роли в городе – предмет особого анализа. Здесь же необходимо отметить, что все они активно работают на рынке, отстаивая интересы своих кланов, вступая при этом, в жесткие конфликты друг с другом. Они ориентируются на разные группы соотечественников, обладают различными ресурсами (такими, как связи с властями КНР, например). Это реальная сила, но вряд ли единственная и, возможно, не преобладающая.

Куда большим влиянием могут обладать крупные дельцы, настоящие хозяева рабочих мест, товаров, финансовых ресурсов. На них работают или от них зависят мелкие торговцы. Они обеспечивают реальное покровительство, формируя сети «патрон – клиент». Их экономическая мощь может дополняться криминальным влиянием, как это было в случае с убитым «авторитетом».

Показательна карьера одного из таких реальных хозяев «Шанхайки». Элегантно одетый, хорошо образованный, он до приезда в Иркутск был директором вагоноремонтного завода в Шеньяне. Член КПК с восемнадцати лет. В 1994 г. занял у друзей небольшую сумму денег и приехал в Иркутск делать бизнес. Привез семью. Разбогател, добился большого влияния и авторитета. Во время дефолта потерял десятки тысяч долларов, сохранил только четыре места на рынке. Вновь встал на ноги. Прожив в Иркутске около восьми лет, уехал в Москву налаживать бизнес там. Теперь успешно перебрался в США, где содержит небольшую лавочку.

Влияние таких людей на основную массу торговцев огромно. Рядовые торговцы – это уже люди другого типа: из низов, не очень образованные, без капиталов и связей. Они готовы терпеть всяческие лишения, много и тяжело работать, довольствоваться небольшими заработками. Конечно, по сравнению с началом 90-х годов и в их среде наблюдается некоторый прогресс. Постепенно исчезает преобладавший ранее тип неуверенного, плохо одетого чужака явно крестьянского типа. Ушли в прошлое сцены на «Шанхае», когда продавцы и покупатели торговались, записывая и перечеркивая цифры на бумажке. Большинство может общаться с покупателями по-русски, некоторые выучили язык довольно хорошо. Но и возможность стремительно разбогатеть тоже ушла в прошлое. Так же как и условия для ведения мелкого самостоятельного челночного бизнеса.

Пример того, как функционирует система отношений «патрон-клиент», был продемонстрирован во время суда над налоговым полицейским. Когда «Эдик-собака» отобрал у торговца выручку, тот обратился к старшему своей группы. Затем еще десять торговцев пожаловались ему, что полицейский отобрал у них документы и вещи. При попытке договориться, старший группы был избит. После этого, как пишется в судебной хронике, «передал свои полномочия более опытному товарищу»⁴⁸. Видимо, этот уровень оказался достаточным для решения проблемы – документы и вещи были возвращены владельцам в обмен на 5000 рублей и меховую куртку. Давая показания в суде, «более опытный товарищ» рассказал, что регулярно посредничал при оплате налогов торговцами. Во всем этом видна отлаженная система отношений, строгая иерархия.

Конечно, о действенности этого механизма можно судить по косвенным признакам. Поэтому так важно описать и проанализировать уже сложившуюся практику коллективных действий. Уже несколько раз упоминалось, что острые конфликты на рынке и вокруг него выливались в забастовки торговцев, пикетирование ими администрации рынка, блокирование прилегающей улицы (одной из основных транспортных артерий города) и – как апофеоз – в массовое пикетирование зданий областной и городской администраций. В ряде случаев в акциях участвовали торговцы разных национальностей. Это говорит о возникающей иногда общности при отстаивании корпоративных интересов.

Необходимо ясно представлять, что участие в массовых акциях российского и китайского торговца имеют для них разное значение. Для россиянина это привычный, относительно действенный и безопасный инструмент решения проблем. Для китайцев, иностранных граждан, занимающихся бизнесом на весьма сомнительных правовых основаниях, а часто и пребывающих в городе «на птичьих правах», участие в «харталах» и пикетировании сопряжено с немалым риском. Особенно это касается несанкционированной демонстрации и пикетирования органов власти. Фактически, это акция политического характера – осознали это или нет ее участники. Санкции могли быть самые болезненные. На этом фоне даже огромные финансовые потери от каждого дня простоя рынка кажутся мелочью. Поэтому массовое участие предполагает, помимо мощной мотивации, высокую степень готовности и способности к самоорганизации, жесткой групповой дисциплине, наличие авторитетных лидеров, санкций за неподчинение и т.д.

Перспективы

С первых же дней существования рынка было объявлено о его временности. Об этом постоянно заявляют представители городских и областных властей, руководители пожарных, правоохранительных, санитарных служб. Обсуждение любой проблемы, связанной с «шанхайкой», начинается и заканчивается утверждением, что рынок вскоре закроют, а на его месте, согласно генеральному плану развития города, откроют многоэтажную платную автостоянку. Рефрен заголовков иркутских газет: «“Шанхайки” подлежат закрытию», «Дни “Шанхая” сочтены», «Последний срок для “Шанхая”», «“Шанхаю” осталось жить всего два года», «Китайскому рынку подписан приговор», «“Шанхай” должен покинуть Иркутск», «Милиция предлагает убрать “Шанхай” из центра города» – и так до бесконечности. При том, что от властей все требуют закрыть «эту клоаку», а те охотно обещают это сделать в самое ближайшее время – рынок живет и развивается.

Тестовой ситуацией стала эпидемия атипичной пневмонии в 2003 г. Это был прекрасный повод для атаки на рынок. В очередной раз заявили о необходимости радикально решить проблему депутаты Городской Думы. Два вице-губернатора области жестко потребовали от мэрии закрыть рынок по соображениям эпидемиологическим, а также безопасности и общественного порядка. Заместитель мэра, проинформировав, что стратегическое решение о переносе «шанхайки» принято еще в 2002 году, заявил, однако, что дело это не простое и не быстрое. Рынок дает горожанам 1,5 тысяч рабочих мест и миллионы рублей в городской бюджет. «Популизм – заявил он – не метод решения проблем “Шанхая”»⁴⁹. Фактически, это был решительный и жесткий отказ. Такой тон во взаимоотношениях городских и областных властей в последние годы крайне редок. Типично стрем-

ление избежать конфликтов, а когда это не удастся – не выносить сор из избы. Это косвенное свидетельство масштаба проблем и остроты конфликта интересов.

Таким образом, несмотря на все сложности, которые создает рынок городу, несмотря на все усилия по его закрытию, предприятие живет и процветает. Но постоянно сохраняется чувство временности, неустойчивости – и это стало серьезным экономическим фактором. Это плотина перед инвестициями, которые сняли бы большую часть проблем или значительно облегчили бы их. По мнению администрации «шанхайки», «У китайцев, здесь торгующих, дикое желание вкладывать в данную Торговую площадь. Но подвешенное состояние этой пощади – будут переносить или нет – останавливает любые инициативы. Кто же будет вкладывать в 2-3-летнюю перспективу. А могла бы быть очень хорошо организованная торговая площадь»⁵⁰.

«Шанхайка» перестала быть экзотикой. Она превратилась в неотъемлемую и важную часть современной городской жизни. Стали привычными вызванные ею конфликты и проблемы. С нею связана масса самых разнородных и разнонаправленных интересов. Через «шанхайку» нередко происходит социальное самоопределение иркутян. Покупать или не покупать здесь – это символ социального статуса и престижа.

Рынок стал местом встречи культур, полем взаимной культурной адаптации, школой сосуществования и взаимодействия. Через «шанхайку» Китай становится существенным, необходимым и привычным элементом жизни современного сибирского общества. Чем ближе к ней – тем меньше этнической конфликтности.

Когда-нибудь она исчезнет. Или станет чем-то принципиально иным, непохожим на нынешнюю. Какие формы и масштабы примет тогда китайское присутствие в городе? И что станет его новым символом?

Для меня этот дом и его дворы – место, где бы я хотела прожить жизнь, как на своей самой малой Родине. Помню, как в детстве, играя в песочнице среднего двора, представляла себя старушкой, сидящей здесь же на лавочке с тросточкой в руках, и старость уже не казалась такой страшной, ведь и тогда, думала я, этот двор будет такой же солнечный, приветливый и зеленый, с красивыми клумбами и уютными скамейками. Рожденные в конце 60-х уже не помнят фонтанов, рожденные в 80-х – цветов на югумбах, а дети 90-х не застали даже скамеек во дворах. А это были не просто детали, «интерьера» двора – с ними был связан определенный образ жизни

Мир «Тридцатки»

текст

Елена Иванова

фото предоставлены
иркутским историком
Вадимом Алтуховым

текст печатается по:

Иркутский государственный
университет
Байкальская сибирь
фрагменты социокультурной
карты альманаха –
исследование
Ответственный редактор и
руководитель
творческого коллектива
М.Я. Рожанский

Четырехэтажный «сталинский» дом протянулся вдоль центральной улицы имени Карла Маркса (бывшая Большая) и занимает целый квартал – от улицы Чехова (бывшей Малая Блиновская) до улицы Володарского (бывшая Благовещенская). В доме 17 подъездов по 6-8 квартир, в основном 3-4 – комнатных, с высокими потолками (3,2–3,5 метра) и квадратами окон (1,8 x 1,9 метра) – три двора, соединенных арками. С высоты птичьего полета он напоминает фрагмент античного орнамента. Средний – центральный – двор задумывался как «лицо дома». Ансамбль клумб и трех фонтанов напоминал дворцовые парки (ныне о фонтанах говорят только трубы и кусочки бетонных плит, выступающие из земли).

Когда расправились с храмом, церковное кладбище перевезли, но в 71-м году, при прокладке труб в левом дворе дома,

в траншеях вскрылись доски – остатки склепов. Открытыми траншеи стояли довольно долго, и зимой дети использовали их в качестве горок, а летом обустраивали импровизированные дома в кубических плитах, привезенных для укрытия трубопровода, и жевали вар, предназначенный для обмазывания тех же труб.

Обычно на месте снесенных храмов водружали административные здания или разбивали скверы. Не много жилых домов построено там, где ранее стояла церковь. Дом № 30 по ул. Карла Маркса – именно такой дом.

Благовещенскую каменную церковь разрушали три раза. Два раза пожары – в 1774 и в 1879 годах. Во время «большого иркутского пожара» 1879 года церковный колокол расплавился и стек на пол колокольни грудой оплавленного металла. Разрушения были велики – остатки церкви пришлось разобрать, и в 1891 г. ее отстроили заново уже в русско-византийском стиле. Третий раз храм разрушила советская власть в конце тридцатых годов.

«Намоленное» это место, как говорят верующие, или оскверненное – сказать трудно.

Некоторое время на образовавшемся пустыре был стадиончик. Потом начали строить дом. В 40-50-е годы он считался самым большим жилым домом в центре Иркутска. В обиходе его называли «Тридцатка».

...Для меня этот дом и его дворы – место, где бы я хотела прожить жизнь, как на своей самой малой Родине. Помню, как в детстве, играя в песочнице среднего двора, представляла себя старушкой, сидящей здесь же на лавочке с тросточкой в руках, и старость уже не казалась такой страшной, ведь и тогда, думала я, этот двор будет такой же солнечный, приветливый и зеленый, с красивыми клумбами и уютными скамейками. Рожденные в конце 60-х уже не помнят фонтанов, рожденные в 80-х – цветов на югумбах, а дети 90-х не застали даже скамеек во дворах. А это были не просто детали, «интерьера» двора – с ними был связан определенный образ жизни жильцов дома...

К 1941 году дом был почти достроен и уже «повернул» на ул. Чехова, но война приостановила строительство.

На первом этаже левого крыла дома располагалась воинская часть. К 1951 году военные достроили крыло по улице Чехова, но уже с некоторыми упрощениями – эта часть дома была чуть ниже и с очень узкими балконами. В том же году во-

инская часть переехала в Ленинград, а оставшимся в Иркутске было выделено несколько квартир. Место воинской части занял трест Восточно-Сибирского транспортного строительства. Дом числился на балансе железной дороги и считался «железнодорожным».

Жили в доме руководящие работники железной дороги и треста «Востсибтрансстрой». генералы и полковники (как постоянные жильцы, так и периодически меняющиеся), преподаватели вузов и учителя, врачи, футболисты, летчики, юристы, и музыканты, «...то есть публика вполне интеллигентная».

В нескольких коммунальных квартирах поселили жителей снесенных близлежащих деревянных домов.

Возможно, такое профессиональное разнообразие жильцов давало детям свободу выбора будущей специальности и объясняло отсутствие династий в семьях: «...кик привило. дети не шли по стопам родителей, но получение высшего образования (диде если свои родители его не имели) считилось симо собой разумеющимся».

Почти весь первый этаж дома занимали организации, молочный магазин, столовая (ныне кафе), детский сад. Была выделена дворницкая, в декорированной мансарде на крыше дома проживал сантехник, в подвальном помещении размещался красный уголок и столярная мастерская; на первом этаже – кабинет управляющего домом, следившего за своевременной высадкой цветов на клумбы, покраской скамеек, побелкой бордюров, деревьев и в целом за порядком в доме.

Управдом (или домоуправ) – особая фигура в доме. Его постоянное присутствие и доступность (даже для детей), регулярные обходы дворов привносили дух какой-то дополнительной защищенности и уверенности.

В подвале левого крыла дома находилось картофелехранилище. Все желающие имели свой ящик. Ежедневно в вечернее время сторож (обычно подрабатывающая старушка) открывал хранилище, и, как правило, несколько жильцов с ведрами приходили за своим картофелем. Особым днем был день «засыпки» урожая, когда жильцы, ближе к ночи, привозили с полей кули со своим картофелем, рассыпали его по кучкам на асфальте возле хранилища, перебирали и спускали в подвал. С наступлением темноты процесс не прекращался. Владельцы автомашин подсвечивали фарами. Двор напоминал деревню: все были заняты одним делом, переговаривались и шутили.

До конца 60-х годов дом имел «самостоятельное» отопление и во всех квартирах стояли титаны. Сейчас об этом времени напоминают кочеварка и массивные трубы на крыше дома, присутствие которых многим уже непонятно. По-прежнему сохраняются газовые плиты и централизованная подача газа (из огромных баллонов, зарытых в землю в третьем дворе) – предмет тревоги жителей «Тридцатки» и близлежащих домов.

Престижность дома определялась как «качеством» квартир, так и положением дома в историческом, культурном и бытовом центре города (близость центрального рынка, конечных остановок всех маршрутов автобусов и трамваев, домов быта, ателье, магазинов, кинотеатров, театров, касс «Аэрофлота» и железной дороги, общеобразовательных и музыкальных школ.

Дворца пионеров). Наконец – сама улица Карла Маркса, «киркутский Бродвей» (откуда у городской шпаны и пошло название местных жителей – «бродовские»), улица для вечерних прогулок, выходящая к набережной Ангары.

Ощущение избранности «давали» окружающие:

«...О/ Ты живешь в "Тридцатке", – и, видимо, тут же домысливали что-то свое (особенно это ощущалось в школе, думаю, не ушло это и сегодня) – «...можно было быть не очень хорошо одетым, но пропуски в «Тридцатке» срису повысили твой социальный ститус».

Притяжение этого дома сохраняется и сейчас. Переехавшие из него в современные дома утешают себя тем, что «...не нидо теперь мьть высокие окна» и «...легче делать ремонт». А мечтающие (даже втайне от самих себя) жить в таком – недоступном для них – доме спасаются от своих желаний, «рационализируя»: «...во всем доме газ, как рванет – мало не покажется « или »... а вот подложит тротила какому-нибудь новому русскому – весь подъезд разнесет, небезопасно в этом доме жить».

После пожара в гостинице «Сибирь» добавился еще один, самый веский, «куспокаивающий» аргумент против: «...в

"Тридцатке" такие же деревянные перекрытия, если что. сгорит весь мгновенно, как "Сибирь", и пожар не остановишь».

Время в таком доме течет по-особенному, как бы растягиваясь, без суеты. Может, это связано с особым микроклиматом, созданным высотой потолков и шириной стен, неким «негнетущим» пространством, где человек чувствует себя защищенным, а не зажатым. Входишь в такую квартиру – и уходит раздражение, стихают повышенные тона. («Даже скандалы в нашем доме были интеллигентными»). Именно такие дома для человека являются местом не только физического, но и психологического комфорта.

По воспоминаниям людей, детство которых пришлось на 70-е годы, весь 132-х – квартирный дом с его дворами представлялся чем-то единым, продолжением домашнего (квартирного) пространства, где «...все свое – каждая лавочка, каждый подъезд, каждое дерево, каждый клочок-земли». Во дворах строили шалаши, располагались на газонах и обустроивали на весь световой день «свои» дома, магазины, выносили на улицу продукты и устраивали детские праздники. В дождливую погоду катались в подъездах на перилах или пристраивались в самом солнечном и любимом пятом подъезде с широким подоконником на втором этаже, зачитывали свои рассказы, нескончаемые истории. В других подъездах прятались, играя в «сыщики-разбойники». Жильцы подъезда спокойно относились к таким посиделкам, так как знали почти всех детей дома и их родителей: «Мы детьми могли свободно ответить, в какой квартире 132-х квартирного дома проживает та или иная семья, ориентировались если не по фамилии, то по занятию, профессии, наличию детей в семье».

Мне наши дворы всегда напоминали «московские дворики», запечатленные в фильмах и описанные в детских книгах. Даже отношения детей казались похожими. Самой ценной особенностью нашей детской компании было полное равноправие, чего не находили в школьных классах. Были, конечно, «заводилы», но не доминирующие лидеры, не было униженных и «непринятых», не было зависимости от материального положения, образования и социального статуса родителей. В таком дворе ребенок получал уверенность в себе, «право на свой голос». Двор был средой развивающей и ненавязчиво воспитывающей. Сегодня мы обязаны своему дому, детству, проведенному во дворах «Тридцатки», тем, что, уже проживая в разных районах города, продолжаем сохранять многолетнюю «детскую» дружбу, что не встречается среди нарциссических личностей.

Частью квартиры были коммунальными, в основном они занимали четвертый и третий этажи и не были похожи на многокомнатные коммуналки столичных городов. Квартиры делились обычно на 2-3-х хозяев. Соседи могли резко отличаться образовательным и материальным уровнем («...вплоть до наличия "Волги" в семье или редкостного в то время импортного гарнитура»), но на общую кухню несли свои знания, вкусы, кулинарные и житейские премудрости и традиции, взаимно обогащая и развивая друг друга. С 70-80-х годов жители коммуналок активно разъезжались, и сегодня таких квартир не осталось.

Кухни квартир соседних подъездов объединяли зимние стенные холодильники, разделенные символическими перегородками, сквозь которые были слышны голоса соседей: «...а если хозяйки одновременно открывали дверцы, то можно было и поздороваться с соседями». На подоконниках кухни подкармливали голубей. Кормление большого количества птиц было излюбленным занятием (и даже долгом) пенсионеров и маленьких детей. При побелке дома часть гнезд разрушалась, но голуби их восстанавливали. В 90-е годы без видимых причин почти все птицы исчезли. Сегодня несколько пар пытаются вновь прижиться в "Тридцатке", но об их пропитании уже почти никто не заботится.

Из окон дома можно было наблюдать жизнь страны: как ежегодно проходили, а потом разом исчезли демонстрации (традиция коллективных праздников), как изменялись марки машин и их количество, мода на одежду и собак; что и как раскупали в магазинах, как появлялись и пропадали товары и очереди; как менялись настроения и нравы людей; как увеличивалось число пьяниц и как появились наркоманы; как в 90-е годы зимой после девяти часов вечера, а летом с наступлением темноты люди старались не выходить из домов и т.д. и т.п.

Окна квартир выходят на обе стороны дома: фасадную – улицу Карла Маркса – и во двор. На балконах фасадной стороны соседи встречались в основном в праздники, во время прохождения демонстраций; в окнах дворов (куда чаще выходили кухни) могли «зависать» вечерами и переговариваться (чего сегодня уже не увидишь). Почему-то некоторые балконы центрального двора не были обнесены решетками – из стен выступали голые плиты (видимо, и пользоваться этим балконным устройством, выходящим на главную улицу, в свое время не разрешалось), и до конца 90-х годов никто из жильцов не пытался их огородить и обустроить...

На праздники перекрывали движение машин по улице Карла Маркса, и нарядные колонны демонстрантов шествовали мимо дома. 9-го мая проходили военные парады – можно было представить себя на трибунах Красной площади, и ощущение праздника заполняло все квартиры. С балконов и из окон соседи поздравляли друг друга с праздником. А когда в 1963 году по улице Карла Маркса в открытом автомобиле проехал Фидель Кастро, то не один житель утверждал, что именно ему кубинский вождь помахал рукой.

К «красным» датам календаря, с 1 по 9 мая и с 7 ноября, на противоположной стороне ул. Карла Маркса, соединяя огромные балконы второго и третьего этажей старинного здания, вывешивали портреты вождей. Традиционно – напротив центрального двора "Тридцатки" портрет Владимира Ильича Ленина, напротив левого крыла дома – Леонида Ильича Брежнева. Но с какого-то года портреты поменяли местами, и было немного обидно за «дедушку» Ленина, но и радостно – теперь он был «наш», висел напротив наших окон.

Некое негласное единение жильцов дома проявлялась в очередях. Заметив жителя "Тридцатки", ты мог спокойно «подстроиться» к нему в очередь, даже не будучи знакомым лично. Это был почти закон (это свой), а для окружающих произносилось: «он здесь занимал» или «она здесь стояла», а часто: «мы вместе». Особенно это процветало, когда в 80-е годы в местном молочном магазине, находившемся на углу дома, летом выстраивались огромные очереди за сметаной. Позднее так же отоваривали талоны. В 70-е со служебного входа магазина частенько продавали дефицитные продукты: майонез, сгущенное молоко, в одно время – яйца. Очередь, в основном из местных пенсионеров и ребятишек, выстраивалась с утра – в ней проводили по полдня. Все ощущали себя добытчиками: "...набирали помногу" на работающих соседей и знакомых. И это были совершенно не те очереди, что в магазинах: это был двор своего дома, тень, скамейки, почти все лица – знакомые, а значит, еще одна возможность пообщаться, посудачить, неспешно обсудить жизнь детей, свои болезни, учебу внуков, фильмы и актеров и т.д. и т.п. В этом году магазин закрыли, на его месте, по слухам, будет казино (еще одна примета времени).

В 60-70-е годы жители «Тридцатки» (как и во всей стране) активно общались. Скамейки почти никогда не пустовали: по вечерам и выходным дням их занимали беседующие соседи, в дневное время мамы с младенцами, бабушки

с внуками, дедушки с газетами, дети школьного возраста. "Чужих" почти не было. В конце 80-х – 90-х годов гастрон в доме напротив привлек группы распивающих, и они вытеснили еще сохранивших привычку «посидеть во дворе» местных жителей. Эта новая традиция – распивать не отходя далеко от магазина – так прочно утвердилась и так напугала "Тридцатку", что сегодня уже никто не думает о восстановлении исчезнувших последних скамеек: «...а для кого? Для пьяниц, шпаны и бомжей?» (А может быть, ушла традиция или потребность общаться с соседями – разве что во время прогулок с собаками). И это относится не только ко взрослым. Уже редко увидишь «классики» на асфальте (которые в 70-х появлялись, как только сходил снег) и шумные очереди ребятишек, прыгающих через длинную скакалку; уже не играют в «сыщики-разбойники» разновозрастными компаниями, а тем более не устраивают во дворах на газонах импровизированные дома, не заполняют скамейки в два ряда для игры в «кино», «города», «краски» и «кольцо-мольцо». Все подъезды закрываются на кодовые замки, и в них уже нельзя спрятаться от дождя детям и влюбленным.

Ушла в прошлое традиция ходить по утрам с трехлитровым бидоном за квасом и разливным молоком или в «свой» киоск за свежей газетой, где продавец, зная пристрастия постоянных покупателей, не спрашивала: «Что вам?» Уже не увидишь пожилых любителей почитать газетку, сидя на лавочке во дворе.

Место газетного киоска, автоматов с газированной водой и телефонных будок заняли киоски со всевозможным товаром – начиная от водки и заканчивая зимними сапогами. К началу нового века уцелели в конкурентной борьбе только три: табачный и два круглосуточных – мороженое фирмы «Крайс» и продуктовый со спиртными напитками. Возле него частенько вечерами собираются местные молодые люди – любители пива. Хозяева киоска посадили новые деревья в центральном дворе, приподняли вросшие в землю бордюры клумб и даже проложили новые дорожки – удобные, но нарушающие ранее существующую планировку.

Как и в 90-е годы, никто не засаживает цветами клумбы, и по-прежнему очертания бетонных кругов, выступающих из земли, напоминают, что здесь когда-то были фонтаны.

В подвалы пытаются пристроиться на ночлег бомжики. а бывшую кочеварку домоуправление сдает под жилье дворникам.

Детский сад был закрыт и превращен в несколько новых квартир. Его территорию и прилегающий к ней стадиончик (который в 70–80-х годах заливали под детский каток) заставили гаражами и контейнерами. В 60-х годах несколько жильцов (в основном военные) имели «Волги» и каменные гаражи за домом («...эго казалось очень много для одного дома»). В 90-е годы все старые машины были проданы, некоторые вместе с гаражами, на их смену пришли «иномарки» новых жильцов.

Несмотря на то что в доме ни разу не проводился капитальный ремонт, сегодня дом по-прежнему остается престижным и притягательным, но уже для «новых русских». Квартиры в нем стоят страшно дорого, меняться уже почти никто не хочет, коммуналок не осталось, лишь иногда разъезжаются родители со своими подростками детьми. Квартиры «новых русских» можно узнать по «евроокнам». Приобретая «площадь» в «Тридцатке», первым делом «выносят» если не все стены в квартире, то большую их часть. И тогда это уже не 4-5-комнатная квартира, а «разделенное пространство» стольких-то квадратов. Некоторые балконы превращаются в застекленные пластиковые лоджии.

Несколько лет назад дом с баланса Восточно- Сибирской железной дороги передали в муниципальную собственность. По словам жильцов, «...лучше не стало».

Аннотация.

Иностранные инвестиции со стороны Объединенных Арабских Эмиратов в генеральный план «Белград на воде» положили начало самому масштабному развитию сербской столицы со времен планирования Нового Белграда. В то время как правительство расценивает этот план как инструмент стимулирования экономического развития Сербии, критики более осторожны в своих оценках и предупреждают о возможности шаблонного развития.

Ключевые слова.

Идентичность, Белград, Beograd na vodi, городское развитие, романтизм, Византийское возрождение, белградский модерн, социалистический город, неонационализм, береговая линия.

Abstract.

Foreign investment by the United Arab Emirates in the 'Beograd na vodi' master plan sets the stage for the largest urban development in the Serbian capital since the planning of Novi Beograd. While the government embraces the plan as an instrument to spur economic growth in Serbia, critics are more cautious and warn for clichéd corporate development.

Keywords.

identity; Belgrade; Beograd na vodi; urban development; romanticism; Byzantine Revival; Beogradska Moderna; Socialist city; Neonationalism; waterfront.

Генеральный план «Белград на воде»: обновление идентичности Белграда

ТЕКСТ

Франк Ван дер Хувен
Милена Ивкович

Image 1: Rendering of the Beograd na Vodi masterplan (3, 4) /
Визуализация генерального плана «Белград на воде» (3, 4)

Introduction.

Serbian Prime Minister Aleksandar Vucic presented June 27th 2014 his 'Beograd na vodi' (Belgrade on Water) master plan. Since he became Prime Minister, Vucic worked hard on developing long-term strategic relationship with the United Arab Emirates, in order to stimulate economic growth in Serbia. If built, 'Belgrade on Water' becomes the largest urban intervention in Belgrade since WW II, and the biggest foreign investment in the real-estate sector the city ever witnessed. But will it seriously change the identity of the Serbian capital?

Beograd na vodi. The ambitions of Belgrade on Water are huge. The site along the Sava River measures 90 hectares and a programme of 1.8 million square meters of office space, hotels, apartments, shopping and leisure. Mohamed Alabbar, investor from the United Arab Emirates and CEO of Eagle Hills will invest here just under to €3 billion in over the next five to seven years. Alabbar was responsible for the construction of Burj Khalifa in Dubai, the tallest building in the world. International scholars and experts that visited Belgrade in June 2014 in the context of the International Network for Urban Re-

search and Action conference expressed their doubts. In short they stated that "The economic risks are high... and gains to Belgrade are low; the environmental consequences have not been taken into account, and the plans are clichéd and exclusionary.

image 1: Rendering of the Beograd na Vodi masterplan.

Identity change is the status quo. It is not a first time that Belgrade experiences a drastic make over. Since becoming a capital of the Kingdom of Serbia in 1841, the city went through multiple phases of identity change, paired with major transformations in political, economical, social and cultural system.

Romanticism. The first identity change came with the proclamation of the Kingdom of Serbia. To differ from the traditional Ottoman architecture, (which dominated the city since the 16th century) the city-builders of Belgrade embraced the Romanticism style.

Between 1800 and 1910 public buildings, royal establishments and palaces of the wealthy mimicked the flamboyant style of Vienna and Paris. These new objects were of such a scale, that they demanded complete street reconstruction, which was a positive change for an unregulated, dark and damp city. Belgrade's city centre was rapidly

The 'Beograd na vodi' masterplan, Belgrade's latest identity make over

27 июня 2014 года премьер-министр Сербии Александр Вучич представил свой генеральный план развития береговой части Белграда «Белград на воде» (Beograd na vodi). Став премьер-министром, Вучич много занимался развитием долгосрочных стратегических отношений с Объединенными Арабскими Эмиратами, чтобы стимулировать экономическое развитие Сербии. Если план будет реализован, «Белград на воде» станет самым масштабным градостроительным мероприятием со времен Второй Мировой войны и самым большим иностранным инвестированием в сектор недвижимости за всю историю города. Но сможет ли этот план серьезным образом изменить идентичность сербской столицы?

Белград на воде.

С белградской береговой линией связаны очень амбициозные планы. На участке вдоль реки Сава площадью 90 гектаров собираются реализовать программу, согласно которой 1,8 миллионов кв. м будет отведено под офисы, отели, квартиры, торговые и рекреационные пространства. Мохамед Алаббар, инвестор ОАЭ и директор компании Eagle Hills, в ближайшие 5–7 лет собирается инвестировать в этот проект около трех миллиардов евро. Алаббар руководил строительством небоскреба Бурдж-Халифа в Дубае – самого высокого здания в мире (рис. 1). Иностранные эксперты, посетившие Белград в июне 2014 года для участия в конференции «Международная сеть градостроительных исследований и практики», выразили свои сомнения, которые вкратце звучат так: «Экономические риски высоки...

а выгода для Белграда небольшая; не берутся в расчет последствия для окружающей среды, планы сделаны по шаблону и имеют ограничения» (рис. 2).

Изменение идентичности – статус кво

Кардинальные изменения с Белградом происходят впервые. С 1841 года, когда Белград стал столицей Королевства Сербия, город успел пройти через множество фаз изменения идентичности, сопровождаемых важнейшими трансформациями политической, экономической и культурной систем.

Романтизм

Первое изменение идентичности началось с провозглашения Сербии королевством. Для того, чтобы архитектура Белграда отличалась от традиционной османской архитектуры, которая с XVI века была доминирующей, градостроители обратились к романтическому стилю. С 1800 по 1910 год общественные здания, королевские учреждения и дворцы богатой знати подражали цветистому стилю Вены и Парижа. Новые сооружения были такого масштаба, что потребовалась полная реконструкция улиц, в связи с чем неупорядоченный, темный и мрачный город изменился к лучшему. Центр Белграда стал быстро трансформироваться из приграничного балканского города в современный западный город с широкими бульварами и правильной формы кварталами. В тот период территория «Белграда на воде» была впервые урбанизирована: были высушены болота, проложены железнодорожные пути и построено новое здание вокзала.

Византийское возрождение

После Первой Мировой войны западный романтизм сменился живописным стилем Византийского возрождения. С одобрения сербского короля, которого называли «освободителем и воссоединителем южнославянских народов», обращение к славному прошлому стало способом создания новой идентичности. Находящийся под влиянием средневековых византийских монастырей и церквей, богатый орнаментами и объемами стиль применялся главным образом в строительстве общественных зданий.

Белградский модерн

В столицу нового Королевства Югославии пришла более насыщенная культурная и политическая жизнь. Сильным всплеском архитектурной самобытности и творчества Белграда стало появление его собственного архитектурного стиля (рис. 3) – белградского модерна (Beogradska Moderna), на который, в числе прочих, оказал влияние и русский конструктивизм. Основным принципом новой идентичности было выражение независимости и прогресса не при помощи ретро и романтики, а благодаря поиску новых форм, новых материалов и нового прекрас-

text
Frank van der Hoeven
Milena Ivković

transforming from a Balkan border town to a modern, Western city with wide boulevards, and regular blocks. At that moment the site of “Belgrade on Water” was firstly urbanized – the marshes were drained, train tracks were placed, and new station building was built. Byzantine Revival. After WWI, the western-style Romanticism turned into picturesque Byzantine Revival style. With the confirmation of the Serbian King as a “liberator and unifier of the South-Slavic nations”, looking back into glorious past was a way to create new identity. Inspired by medieval Byzantine monasteries and churches, the rich in ornaments style was reserved primarily for public buildings.

Image 2a: Glavna Pošta: the original Byzantine Revival building and the same building with its new Socialist façade.

Belgrade Modern. In the new Kingdom of Yugoslavia, a more complex cultural and political life came to its capital. As an absolute spike in architectural originality and creativity, Belgrade experienced its own architectonic style, called “Beogradska Moderna” (Belgrade Modern), inspired among others by Russian Constructivism. The key to this new identity was to express independence and progress, not

by being retro and romantic, but by looking up to the new forms, new materials and new bright future. Many of the buildings were homes, financed by local developers, who wanted to build quickly for the growing housing market. Beogradska Moderna is also surprisingly diverse: from a small scaled, three storey buildings to large complexes. For the first time in its history, the identity of the city began to diversify not by some royal decree, but as a conscious cultural effort of different groups: merchants, intellectuals, city administrators, artists...

Image 3a: BIGZ: the original Belgrade Modern building and the current make over.

Socialist city. But Belgrade was to be reinvented once more. After the WW II, old dilemmas how to develop the city, where to urbanize, what to preserve, what is culture, what is “beautiful”... it all came to be very simple. To be fit for the “new Socialist (wo)man”, the city has to become “Socialist” itself. Equal, accessible, wide, light, and high. The more than thirty years continuously unbroken period of the construction started in the ‘50s, with the development of the left bank of river Sava, known as Novi Beograd (New Belgrade), as its biggest

Image 2, a, b: Glavna Pošta: the original Byzantine Revival building and the same building with its new Socialist façade / Glavna Pošta: первоначальное здание в стиле Византийского возрождения и это же здание с новым социалистическим фасадом

ного будущего. Зачастую это были дома, финансируемые местными застройщиками, целью которых было быстрое строительство для растущего рынка жилья. Белградский модерн отличается удивительным разнообразием: от мелкокомасштабных трехэтажных зданий до больших комплексов. Впервые за всю историю города его идентичность приобрела свое многообразие не по королевскому указу, но как сознательная деятельность различных групп: торговцев, интеллигенции, городской администрации, деятелей культуры...

Социалистический город

Однако Белграду предстояло пройти еще одно обновление. После Второй Мировой войны все вопросы по поводу того, каким должно быть развитие города, где нужна урбанизация, что нужно сохранить, что является частью культуры, что считать «красивым»... оказались очень простыми. Для того чтобы подходить «новому социалистическому человеку», город должен был сам стать «социалистическим». Единообразным, доступным, просторным, светлым и высоким. Период непрерывного строительства начался в 1950-х годах и длился более тридцати лет. Самым большим достижением этого периода считается застройка района

вдоль левого берега реки Сава, известного под названием Новый Белград (Novi Beograd). Со временем Новый Белград приобрел свою собственную самобытность благодаря сверхмасштабным кварталам, бетонным высотным домам и сборным фасадам. Разработка проекта проходила с особой тщательностью, под большим контролем, привлекая огромные человеческие и материальные ресурсы. Старый город (так стал называться исторический центр Белграда после войны) также подвергся социалистическому обновлению. Но к моменту официального конца социалистической фазы (1989 год) городская ткань Старого города успела стать настолько разнообразной и хаотичной, что «социалистическая» идентичность составляла просто новый слой или, скорее, еще одну незавершенную утопию.

Неонационализм

Стиль «кризиса и неонационализма», доминирующий после 1989 года, сильнее, чем когда-либо показал, что нельзя недооценивать роль политических и экономических сил как главного создателя белградской идентичности. В период с 1989 по 2000 год кризис, обусловленный гражданскими войнами и развалом Социалистической Республики Югославия, привлек большое количество беженцев

achievement. New Belgrade grew to be separate identity itself with its out-of-scale blocks, concrete housing towers and prefabricated facades. It has been planned with great care, under great amount of control, employing large human and material resources. The "Old Town" (as the historic centre of Belgrade got to be called after the war) got a socialist remake as well. But by the time socialistic phase officially ended (1989) the urban tissue of the Old Town became so diverse and chaotic already, that "socialist" identity became just another layer, or better, another unfinished utopia. Neo-nationalism. The "Crisis and Neo-nationalism" style that became dominant after 1989 showed more than ever that political and economical forces cannot be underestimated as the major creators of Belgrade's identity. In the decades between 1989 and 2000, the crisis induced by civil wars and falling apart of the Socialist Republic of Yugoslavia, brought large amounts of refugees to the city, but at the same time, city also experienced large exodus of mostly young urban professionals. What was left was a state-of-vacuum, where suddenly everything was (aesthetically) possible, because no one really cared anymore. The city witnessed a complete collapse of the city planning authority, giving in to widespread corruption. Again, a

sort of Byzantine Revival came along, but this time not in the form of crafted, dreamy urban palaces, but as clumsy made, and over-the-top richly decorated churches. In the aftermath of the crisis years, starting with 2000, the city was left with a heavy burden of complete infrastructural and economical neglect: unmaintained, dilapidated, and unregulated with heavy air pollution and bad traffic. But somehow the people were optimistic, because the 'worse was behind them'. In the next decade, the trust and energy of the citizens was spent on quick-fixes, short-sighted strategies, and promises to "rebrand" and finally become that modern metropolis would be proud of. Conclusion. 'Beograd na Vodi' comes after many style phases as yet again a new identity changer. Characteristic for Belgrade's "born-again" building cycles is that they tend to start from a scratch, with as little as possible regards for the previous city-building efforts. This "starting everything new again" created the image Belgrade has now: a patchwork of contrasts rather than a harmonized urban landscape. No peaceful co-existence of styles, but a quick exchange of all kinds of building failures and successes. The identity of Belgrade is not a beautifully crafted symphony, but a hot jazz tune, with lots of improvisation, well attuned to absorb 'Beograd na Vodi'.

в город, в то же время спровоцировав массовый отъезд молодых профессионалов-градостроителей. Осталось состояние вакуума, где вдруг все стало возможным (с эстетической точки зрения), поскольку больше уже никто ни о чем не заботился. В городе произошел полнейший коллапс градостроительного управления, которое сдалось в руки всеохватывающей коррупции. И снова вернулось нечто похожее на стиль Византийского возрождения, но на этот раз не в виде искусно построенных романтических городских дворцов, а в виде неказистых церквей с чрезмерным декором. В послекризисные двутысячные года город вступил с тяжелой ношей инфраструктурных и экономических проблем. Пришли в упадок система регулирования, обслуживания, транспортная система; повысился уровень загрязнения атмосферы. Однако жители были настроены оптимистично, поскольку «худшее было позади». Следующее десятилетие надежды и усилия горожан были направлены на недалевидные стратегии, требующие скорейшего достижения результата, и обещания создать новый образ города, превратив его в современный мегаполис – предмет всеобщей гордости.

Заключение

«Белград на воде», пройдя несколько фаз развития стиля, снова меняет свою идентичность. Характерной чертой возрождающихся строительных циклов Белграда является то,

что все начинается с нуля, а предыдущий градостроительный опыт практически не принимается во внимание. Такое «начало с чистого листа» создало современный образ Белграда: город скорее представляет собой пеструю смесь контрастов, нежели гармоничный городской ландшафт. Отсутствует мирное сосуществование стилей, вместо этого – быстрая смена всех видов строительных достижений и неудач. Идентичность Белграда – не прекрасная струящаяся симфония, а горячие ритмы джаза, наполненные импровизацией и созвучные концепции «Белград на воде».

References / Литература

1. Salacanin, S. (2014). 'Belgrade on the Water': Dubai of the Balkans. *bq magazine*. Retrieved August 31st, 2014 from <http://www.bqdoha.com/2014/05/belgrade-water-dubai-balkan>
2. England, C. (2014). INURA criticise 'Belgrade on the Water' development. Retrieved August 31st, 2014 from <http://www.spectacle.co.uk/spectacleblog/category/plana/>
3. Belgrade Waterfront (2014). Belgrade Waterfront takes urban renewal to new heights—a smart city for a future that combines commerce, culture and community. Retrieved September 6st, 2014 from <http://www.belgradewaterfront.com/Belgrade-Waterfront/1/Belgrade-Waterfront.shtml>
4. Conić, I. (2014). Novi renderi projekta Beograd na vodi. *Gradnja*. Retrieved August 31st, 2014 from <http://www.gradnja.rs/novi-renderi-projekta-beograd-na-vodi/#sthash.I6owROAb.dpuf>
5. Bunjak, K., Panić, V. & Pešić, M. (2011). Beogradska moderna (period 1930–1940): Elementi ekološke arhitekture u projektovanju. In V. Đokić & Z. Lazović (Eds.), *Uticaj klimatskih promena na planiranje i projektovanje* (pp. 167-185). Belgrade, Serbia: Univerzitet u Beogradu, Arhitektonski fakultet.

Image 3, a, b: BIGZ: the original Belgrade Modern building and the current make over / BIGZ: первоначальное здание в стиле Белградский модерн и современная реконструкция

Аннотация.

Территориальная самоидентификация опирается на историческую и географическую уникальность данного места. Специфический пейзаж, в котором формируется и живет город, отражается в эстетических критериях региональной культуры. В результате каждый элемент региональной традиционной культуры находится в «образном равновесии» с местным пейзажем и может рассматриваться как носитель уникального образа места. Особенно ярко данная тенденция выражена в региональном традиционном (народном) костюме. На примере нескольких регионов Болгарии показана образная связь между народным костюмом и особенностями пейзажа, климата, растительности и т.д. Предложен общий план работ по выделению уникального образа города Иркутска и по фиксации этого образа в виде брэнд-бука города.

Ключевые слова.

Территориальная идентификация, ландшафт, пейзаж, народный костюм, культурная география, Болгария

Abstract.

The territorial self-identification is based on the historical and geographical uniqueness of the place. The specific landscape where a city lives and develops is reflected in the aesthetic criteria of the regional culture. As a result, every element of the regional traditional culture is 'image-balanced' with the local landscape and can be considered as a bearer of a unique image of the place. This tendency is largely demonstrated in the regional traditional (folk) costume. The article shows an image-bearing connection between a folk costume and features of the landscape, climate,

Костюм для любви к малой родине

Ключевые элементы повседневной региональной культуры как отражение уникального ландшафта

ТЕКСТ
Константин Лидин
Наталья Ушкова

В начале двухтысячных годов французские этнографы провели обширный опрос жителей Франции. Респондентам задавали всего один простой вопрос: «Если бы Вас спросили: откуда Вы, что бы Вы ответили?». С большим отрывом лидировали ответы, в которых французские граждане отождествлялись не с объединенной Европой, не со страной, областью или регионом, а со своей коммуной.

Французское слово «коммуна» довольно трудно перевести на русский. Наиболее близкое понятие – «поселение». Любой населенный пункт – город, село, деревня – который исторически сложился как некая община. Всего коммун насчитывается 36 782, в каждой есть мэр и муниципальный совет, и эти местные органы самоуправления распоряжаются общественным имуществом в довольно широких рамках. Среди коммун есть многомиллионные (крупные города), а есть – крошечные села с несколькими десятками жителей. Однако большинство французов отождествляет себя именно со своей «малой родиной». Самоидентификация на уровне городов и поселков служит основой для территориальной самоидентификации в целом, и не только во Франции.

Всяк кулик свое болото хвалит. Поговорка выглядит в меру банально, как и ее развернутая форма: Для процветания города необходимо, чтобы жители любили его и считали самым красивым и замечательным местом на Земле – своим городом.

Своеобразный инпринтинг заставляет людей воспринимать свой город в качестве нормы жизни и эстетического образца. Жители других городов все какие-то смешные и неправильные, у них забавный акцент, они как-то не так одеваются, работают и отдыхают, да и в архитектуре у них явный дефицит здравого смысла. В общем, живут они явно ненормальным образом – не таким, как в моем городе.

Отношения между человеком и его городом похожи на сообщающиеся сосуды. Город и человек в этом случае живут в образном равновесии, они похожи, как похожи все долго любящие друг друга существа. У них одинаковые критерии отношения к себе и к окружающему миру, одинаковая самоидентификация.

Сегодня многие начинают осознавать, насколько далеко от такого равновесия нас завел угар глобализации. Современный горожанин, может быть, и рад был бы стать похожим на свой город, но как это сделать? Что означает – быть настоящим

Уникальный элемент костюма этого региона – головной убор напоминающий русский кокошник. Его присутствие становится понятнее, если сопоставить костюм с формой специфических скальников этого региона. Самые знаменитые из них – возле города Белоградчик – внесены в список природных чудес ЮНЕСКО

vegetation, etc. through the example of several regions in Bulgaria. The authors propose a general plan to highlight a unique image of Irkutsk and to capture it as a city brand-book.

Keywords.

territorial identification; landscape; scenery; folk costume; cultural geography, Bulgaria

Народный костюм Северо-Западного региона Болгарии. Древние горы Стара Планина с их обилием ожелезненных осадочных и метаморфических пород задают характер цвета, особенно – землистых, охристых красных тонов.

A Costume for Love to the Small Motherland

иркутянином, красноярцем, марсельцем, лиссабонцем? Прельстись едиными стандартами жизни, мы позабыли, чем именно каждый город отличается от всех прочих.

Следы недавнего (по историческим меркам) прошлого, когда региональные особенности еще не были так сильно стерты, хранятся в музеях. Однако ключи к образам, зафиксированным в музейных экспонатах, недоступны на бытовом уровне. Впрямую использовать музейные артефакты, заменить ими современные вещи – невозможно. Даже самая пламенная любовь к своему городу не заставит пересесть из машины в карету, отказаться от микроволновки ради подовой печи или, скажем, вместо джинсов и футболок надеть народный костюм.

Хотя вот как раз в случае народного костюма все не так однозначно. Глобалистический костюм «среднечеловеческого» типа (те же джинсы и футболки) рассчитан на вполне определенный тип телосложения. Это костюм, идеально подходящий для сухопарой астенической фигуры, особенно типичной для англосаксов. Чем дальше данный конкретный человек находится от идеала «диктатуры плоских животов», чем меньше он похож на Барби или Кена – тем беспощаднее джинсы превращают особенности фигуры в ее недостатки. В Болгарии, где мы сейчас находимся, достаточно много людей с круглыми и массивными фигурами, чтобы джинсовая стилистика ежедневно являла свою вопиющую неуниверсальность.

Народный костюм идеально приспособлен к традиционному укладу жизни – к характеру повседневного труда, к особенностям климата и календарных ритмов, к местной этике и ритуалам. Но ценность всего этого как раз сомнительна, ведь именно уклад жизни изменился особенно глубоко и бесповоротно.

Иное дело – образная, эстетическая составляющая народного костюма. Цветовое решение, фактуры тканей, общий силуэт и характер линий костюма, украшения – все это с течением времени пришло в равновесие с особенностями локального пейзажа. Народный костюм гармонизирован с местным ландшафтом. Цвета земли и растений, неба и воды, форма линии горизонта, фактура скальников – все это отражено в народном костюме. Иначе и быть не может, ведь народный костюм создавался людьми, любящими свою землю и чувствующими свою тождественность с ней.

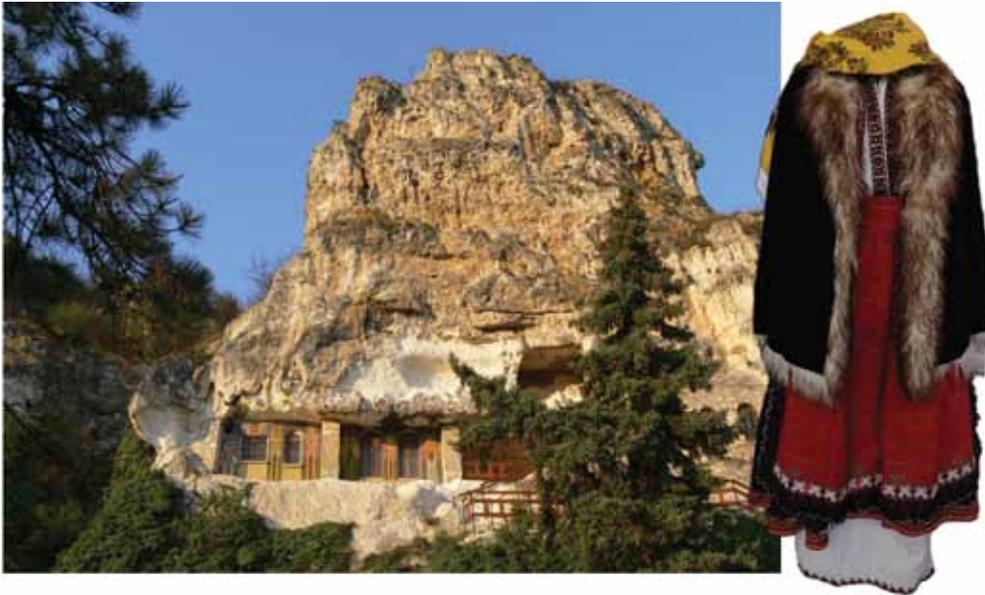
Город Трын расположен в юго-западной Болгарии, в самой восточной части высокогорной котловины Знеполе. Бурная речка Ерма, по берегам которой расположен Трын, зажата скальными массивами. Здесь самый суровый климат в стране, не редкость морозы ниже – 300С. Отсюда и суровая простота костюма с обилием черного цвета и прямым, строгим силуэтом

Город Попово расположен на границе Старо-Планинских гор с долиной Дуная. Рельеф местности, как и линии народных костюмов, более плавный, чем в западной части страны. Но все же именно здесь находится самая высокая точка Придунайской долины - гора Калакоч (485 метров).

Южно-Центральная часть Болгарии, район Стара-Загора. Долина, укрытая от холодных ветров горами, отличается мягким, почти средиземноморским климатом. Зимой температура редко опускается ниже нуля. В долине растут магнолии, кедры, инжир, лавр и другие южные деревья. Пышное разнообразие природы в окружении суровых гор – образ, отраженный в народном costume.

Северо-Восточная Болгария в районе города Русе, в долине Дуная. Горы Стара Планина здесь представлены отдельными массивами мягких осадочных пород теплого красно-желтого тона, покрытыми обильной и разнообразной растительностью.

Поразительное разнообразие природных ландшафтов Болгарии дает обширный материал для сопоставительного анализа локальных пейзажей с народными костюмами. Мы прошлись с фотоаппаратом по выставке народного костюма в Шуменском историческом музее, а затем сопоставили наиболее характерные костюмы с пейзажными фотографиями различных уголков Болгарии. Ниже показаны некоторые примеры таких сопоставлений.

Очевидно, в поисках самоидентификации возможна опора не только на народный костюм. Любой элемент традиционного образа жизни, именно в силу своей традиционности находится в состоянии образного равновесия с «гением места», в котором сформировался. Любой элемент региональной культуры можно использовать для получения «формулы идентичности».

Представим себе, как могла бы выглядеть работа по осознанию уникального образа некоего сибирского города – например, Иркутска. Предположим на миг, что нам удалось найти финансирование и достаточную организационно-политическую поддержку для такого проекта. Что бы мы стали делать?

Первый шаг – сбор исходного материала по образному насыщению укладов жизни, характерных для Иркутского региона. Задача, скажем прямо, непростая – регион многонациональный и многоукладный. Только в течение последних двух – трех веков регион повидал многочисленные волны разнообразных переселенцев, и каждая волна приносила сюда нечто свое, собственные образы и приемы жизни.

Каждый раз «гений места» постепенно прорастал сквозь привнесенную культуру, изменяя ее в соответствии с уникальными особенностями региональной природы. Процесс регионализации привнесенных культур шел неравномерно. Некоторые элементы быстро поддавались влиянию места, а некоторые – оставались на века, как память о тех местах, откуда были принесены. Разделение тех и других, сопоставительный анализ различных культур региона (города) с их историческими «предками» и друг с другом составляет второй шаг нашего гипотетического проекта.

После выделения элементов, повторяющихся в разных культурах региона (инвариантов) наступает черед синтеза из них цельного, внутренне согласованного (когерентного) образа. Уникальный образ города фиксируется в виде

перцептивных ключей – цветового и фактурного веера, в виде типичных композиционных и видовых решений, характера линий и пятен, образующих «лицо» города, а также трехмерных его ключей (типичных объемно-пространственных структур). В образ города входят и его характерное звучание, и даже вкусо-запаховая палитра.

Полученный «бренд-бук» города является по сути полным описанием «иркутскости» как таковой – образом, не привязанным ни к какому конкретному носителю и поэтому универсальным. Его можно использовать в любой области, где требуется опора на уникальную идентичность города: в архитектуре и дизайне, в производстве сувениров, одежды и вообще любых товаров под брендом «Сделано в Иркутске», в презентациях города на различных мероприятиях федерального и международного уровня и так далее.

И, разумеется, такая работа помогла бы тем иркутянам, которые любят свой город, чувствовать себя в полной мере иркутянами.

Еще восточнее по долине Дуная, в районе Силистра влияние гор сходит на нет. Равнинный, слегка холмистый пейзаж, пахотные земли и массивы лиственного леса – отсюда теплая желто-зеленая гамма народного костюма. Орнамент образован повторяющимися квадратами – архетипическими символами Земли.

Архитектор Никос Финтикакис в своей статье дает подробное описание реализованного в 2012 году проекта сохранения археологического участка в городе Акротери (Греция) при помощи биоклиматического навеса (<http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/688/649>). Проблема сохранения археологического наследия требует скорейшего решения и в Иркутске – городе, где расположен Глазковский некрополь, уникальный памятник эпохи неолита (Барышников В. Глазковский некрополь в Иркутске: памятник археологии мирового значения // Проект Байкал. 2014. № 41. С. 140–141). Реализация именно таких проектов делает город по-настоящему неповторимым.

Keywords.

Archaeological heritage; bioclimatic shelter; prehistoric urban tissue; Aristotle's philosophy

Ключевые слова.

Археологическое наследие; биоклиматический навес; до-историческая ткань города; аристотелевская философия

Археологический участок в Акротери на острове Тера: работы по улучшению, описание концепции и замена защитного навеса

ТЕКСТ
Никос Финтикакис
Кристос Доумас

фото
Никос Финтикакис

Text
Nikos Fintikakis
Christos Doumas

Photographs
Nikos Fintikakis

Археологические раскопки в Акротери проводятся Афинским археологическим обществом. Раскопки были начаты в 1967 году профессором археологии Спиридоном Маринатосом, а после его смерти в 1974 году они перешли под руководство профессора археологии Кристоса Доумаса и продолжаются по сей день. Предвидя долгосрочную перспективу этого проекта, оба директора приняли меры по созданию необходимой инфраструктуры для того, чтобы обеспечить его непрерывность. Инфраструктура постоянно совершенствуется, в нее входит жилье для участников раскопок, лаборатории консервации, лаборатории изучения остатков окружающей среды, хранилища для археологических находок, библиотека и другие помещения.

Старый навес

Афинское археологическое общество, под руководством которого проводятся раскопки в городе Акротери, поддержало идею профессора археологии Спиридона Маринатоса, согласно которой весь археологический участок должен быть покрыт единым навесом, защищающим памятники от природного воздействия. Учитывая современные методы и технологии, было решено использовать для каркаса систему металлических стеллажей DEXION, а для кровли – волнистые асбоцементные листы HELLENIT. В целом конструкция получилась легкой и относительно дешевой. Она отличалась быстротой сборки и возможностью расширения во всех направлениях. Однако кислота вулканического пепла, соль и влажность близлежащего моря начали разъедать металлический каркас, а асбест оказался канцерогенным веществом. Поэтому возникла необходимость в замене навеса, надежно защищавшего памятники на протяжении трех десятилетий.

Новый навес

Этот проект объединяет доисторическую ткань города-порта Акротери с городским и территориальным развитием южного побережья современного острова Санторини. Направленный на восстановление доисторической ткани города и привлекающий 1,5 миллиона

посетителей в год, проект играет важнейшую роль в городском и региональном планировании южной части Санторини. Проект вернул к жизни территорию, которая уже несколько десятилетий находилась в заброшенном состоянии, поместив ее в центр территориального развития острова в целом.

Острая необходимость возродить план доисторического города Акротери совпала с заявлением Европейского Союза о начале проекта эксплуатации обновляемых источников энергии («Джоуль – Солнечный дом», 1994–1999 гг.). Архитектор Никос Финтикакис выдвинул идею объединения проекта Солнечного дома с защитой археологического участка в Акротери. Эта идея получила одобрение Афинского археологического общества и поддержку соответствующего комитета Евросоюза. Исследовательский проект под названием «Стремление» сопровождался уникальной работой над восстановлением доисторического города при помощи биоклиматического навеса, который обеспечивал естественную вентиляцию и освещение археологического участка, а также комфортную температуру для находящихся на участке людей, при этом никакой энергоемкой механической опоры не требовалось.

Следуя учению досократовских философов, Аристотель считал, что естественные тела состоят из четырех элементов (земля, вода, воздух, огонь), которые в свою очередь олицетворяют комбинации основных качеств: земля – холод/сухость, вода – холод/влажность, воздух – тепло/влажность, огонь – тепло/сухость. Финтикакис, вдохновленный этой философией, предложил идею восстановления древнего города. Дальнейшее развитие этой идеи включало в себя усовершенствование инфраструктуры археологического участка, который одновременно выполнял функции научной лаборатории и туристической достопримечательности. Правительство Греции одобрило этот проект, получивший название «Археологический участок в Акротери на острове Тера: работы по улучшению, описание концепции и замена защитного навеса», включило его в список проектов, финансируемых совместно с Европейским Союзом, и поручило Афин-

The excavation at Akrotiri is a project of the Archaeological Society at Athens. It was begun in 1967 by the late Professor of Archaeology, Spyridon Marinatos, and is still in progress under the direction of Professor of Archaeology Christos Doumas since 1974. Envisaging along-term project, measures have been taken by the two Directors to ensure its unimpeded continuity, by creating the necessary infrastructure. This is being improved continuously and includes accommodation for the excavation personnel, conservation laboratories, laboratories for the study of environmental remains, storage facilities for the finds, a library and other facilities.

The old shelter

The Archaeological Society at Athens, under the auspices of which the Excavations at Akrotiri are conducted, adopted from the outset the suggestion of the excavator, Professor Spyridon Marinatos, that the entire archaeological site should be roofed by a single shelter, in order to protect the monuments from the elements of nature. Given

the means and know-how of the time, it was decided to use the slotted angle metal strip construction system (DEXION) for the frame and corrugated asbestos-cement sheets (HELLENIT) for the roofing. The overall construction was light and relatively cheap, quickly installed and expandable in all directions. However, acidity from the volcanic ash, salinity and humidity from the nearby sea started to corrode the metal frame, while asbestos was discovered to be carcinogenic. It was therefore imperative that the shelter, having effectively protected the monuments for three decades, be replaced.

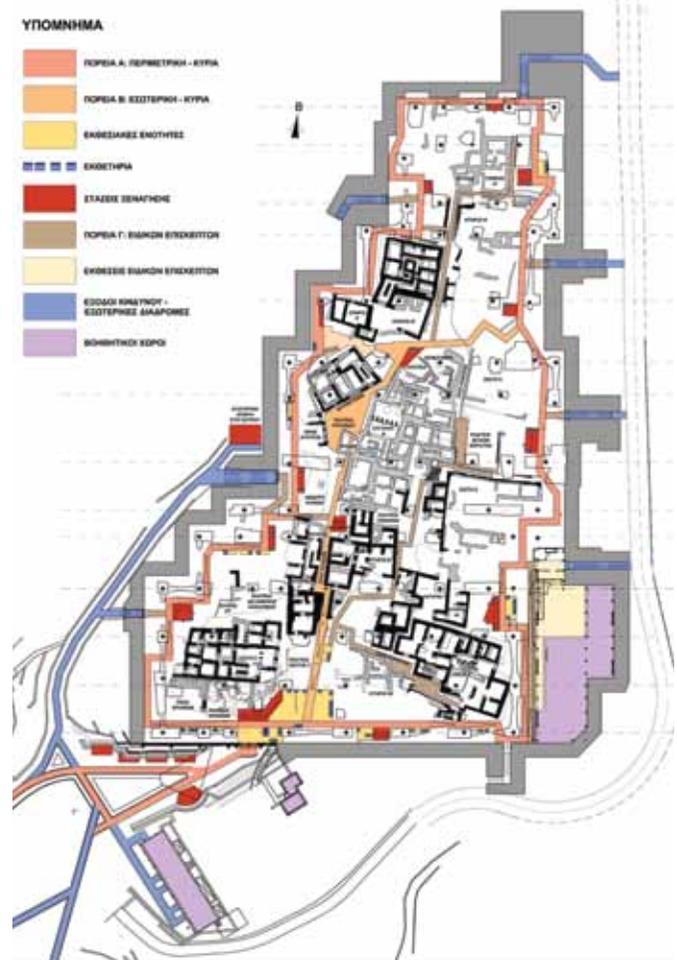
The new shelter

This project integrates the prehistoric urban tissue of Akrotiri city/port with the urban and territorial development of the south coast of modern Santorini. It is designed to revitalize the prehistoric urban tissue and, by attracting 1.5 million visitors per year, it plays a key role in the urban and regional planning of the south of Santorini. The project brought an area of the island that

Enhancement, Presentation and Shelter Replacement of the Archaeological Site at Akrotiri, Thera

General environmental plan / Общий план обеспечения экологической безопасности

Archaeological plan. Visitors' routes / Археологический план. Маршруты посетителей

was degraded and abandoned for decades back to life, placing it in the centre of the territorial development of the island as a whole.

The imperative need to rehabilitate the Town Plan of the Prehistoric City of Akrotiri coincided with the announcement of a project for the exploitation of renewable energy sources (Joule – Solar House 1994-1999) by the European Union. The architect N. Fintikakis' idea of combining the Solar House Project with the protection of the archaeological site at Akrotiri was adopted by the Archaeological Society at Athens and endorsed by the relevant committee of the European Union. The research project under the name "ASPIRE" was completed with a unique study for rehabilitating a prehistoric city through the bioclimatic character of the new shelter which introduced natural ventilation and lighting to the archaeological site, as well as comfortable temperature for those who move inside it without any energy-consuming mechanical support.

Following the philosophy of the pre-Socratic philosophers, Aristotle described the natural bodies as composed of mixtures of the four elements (earth, water, air, fire), which in turn embody combinations of the basic qualities: earth – cold/dry, water – cold/wet, air – hot/wet, fire – hot/dry. Inspired by this philosophy, the architect N. Fintikakis conceived the idea of rehabilitating the ancient city. This idea was developed further by including improvements of the infrastructure at the archaeological site, which was functioning at once as a scientific workshop and a tourist attraction. The Greek government approved this project and, under the title "Enhancement, presentation and shelter replacement of the archaeological site at Akrotiri, Thera", listed it among the projects financed jointly with the European Union and authorized the Archaeological Society at Athens to proceed to its implementation.

This project combines along with the rehabilitation of the Prehistoric City an extremely adapted with the

скому археологическому обществу приступить к его реализации.

Наряду с восстановлением доисторического города, данный проект включает в себя архитектурную часть, наилучшим образом адаптированную к окружающему ландшафту путем изменения структуры вулканической поверхности земли. Сезонное покрытие поглощает различную растительность, при этом вулканическая земля защищает доисторический город от разрушения, как это, например, произошло три тысячи лет назад, когда город оказался засыпанным пеплом.

При рытье более ста глубоких шахт с целью установки опор для нового навеса появилась возможность изучить стратиграфию, в которой отобразилась вся история местности. Геологи смогли воссоздать

городской и природный рельеф доисторического поселения в том виде, в котором он был до извержения. Благодаря полученной информации мы знаем, что первое поселение было основано на самом конце низкого мыса в середине пятого тысячелетия до н. э., а два залива по обе стороны мыса служили надежной гаванью для небольших лодок. У нового сооружения в качестве изоляции кровли используется слой земли, что обеспечивает внутренний температурный комфорт и гармонично сочетается с окружающим ландшафтом. Широкая крыша играет роль дождевого коллектора, который собирает большое количество свежей воды, необходимой при археологических работах. Благодаря северной ориентации длинного ряда окон, а также их автоматическому открыванию в ночное время дости-

surrounding landscape architectural design by restructuring the volcanic land surface. This is achieved through a seasonal covering which absorbs the different seasons' greening and at the same time, the volcanic land preserves the prehistoric city from any destruction as happened 3000 years ago when the city was buried.

The excavation of over 100 deep shafts for the foundation of the pillars for the new shelter exposed the stratigraphy in which the entire history of the site was recorded. It also enabled geologists to reconstruct the pre-eruption URBAN and NATURAL relief of the area in which the prehistoric settlement was founded. Thanks to this information, we know that the first settlement was founded at the tip of a low promontory, around the mid-fifth millennium BC. The two bays at either side of the promontory were safe havens for mooring of small boats of the period. The new intervention, with its roof insulated with a layer of earth, guarantees thermal comfort inside and is in complete harmony with the surrounding landscape.

This extensive roof, acting as rain collector, ensures large quantities of fresh water for the needs of the excavation. Thanks to the north orientation of the long series of windows and their automatically regulated opening at night, renewal and cooling of the air inside the archaeological site is achieved, while abundant diffused light enhances the monuments in daytime. Moreover, special glass panes filter the sunlight (fire), so protecting the site from infrared and ultraviolet radiation. The position of the ruins, several metres below the present ground surface, not only facilitated the harmonization of the rehabilitation of the Prehistoric City with the landscape, but also allowed the exploitation of the prehistoric urban tissue by the creation of walkways around the perimeter of the excavated area.

The archaeological concept envisaged that the bioclimatic rehabilitation of the prehistoric city preserve and enhance the ancient urban tissue through the renovation of the existing routes for the visitors' walkways. This pro-

гается обновление и охлаждение воздуха на археологическом участке. В дневное время обильный рассеянный свет выделяет контуры объектов раскопок. Кроме того, специальные стеклянные секции фильтруют солнечный свет (огонь), тем самым защищая участок от инфракрасного и ультрафиолетового излучения. Расположение руин в нескольких метрах ниже нынешней поверхности земли не только облегчило гармоничное сочетание восстанавливаемого доисторического города с ландшафтом, но также позволило исследовать ткань доисторического города, проложив дорожки вдоль периметра участка раскопок.

Согласно археологической концепции, биоклиматическое восстановление доисторического города должно способствовать сохранению и улучшению ткани

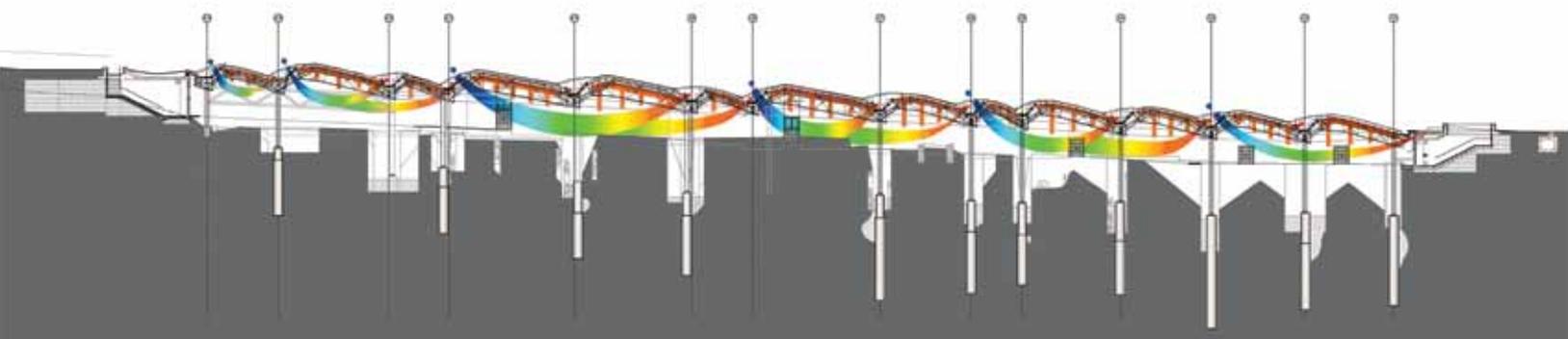

древнего города благодаря обновлению существующих пешеходных маршрутов для посетителей. Сюда входит защита от разрушений, причиняемых посетителями, помещения для работы археологов, где им никто не будет мешать, хорошие условия для просмотра и специальные места, где посетители смогут ознакомиться с археологическими находками. Особое внимание, конечно же, направлено на структуру древнего города. Здесь смогут передвигаться также посетители в инвалидных колясках. Для организованных групп отведены специальные участки, чтобы не затруднять передвижение одиночных посетителей. С целью предоставления более доступной информации по ходу маршрута размещены таблички с пояснительными текстами и

дополнительные передвижные стенды с археологическими находками.

Как уже отмечалось, благодаря восстановлению доисторического города, появилась возможность улучшения инфраструктуры участка в целом. Дождевая вода, попадающая на крышу нового навеса, хранится в трех больших цистернах общей емкостью 1 500 куб. м. Такого объема вполне хватает на различные нужды доисторического города. Подземная электрическая подстанция и подземная распределительная сеть освобождают участок от всех соответствующих наземных конструкций (столбов и кабелей) и сохраняют природный ландшафт. Несколько больших коллекций восстановленных настенных рисунков уже размещены в новых хранилищах, обеспечивающих безопасность хранения и легкий доступ для проведения исследовательских работ. Огромные археологические архивы, состоящие из блокнотов, описей, рисунков, фотографий и пр., также разместились на участке. Здесь же расположены библиотека и компьютерный зал, куда имеют доступ персонал и научные сотрудники, работающие на участке. Появились и другие помещения, имеющие отношение к общественной функции археологического участка. Сюда вошли помещения, удовлетворяющие его городские и территориальные потребности, например санузлы со станциями очистки сточных вод, буфет, медпункт и т.д.

Открытие участка в апреле 2012 года стало радостным событием для всех, кто связан с туристической индустрией и кто осознает коммерческую и экономическую ценность археологического наследия.

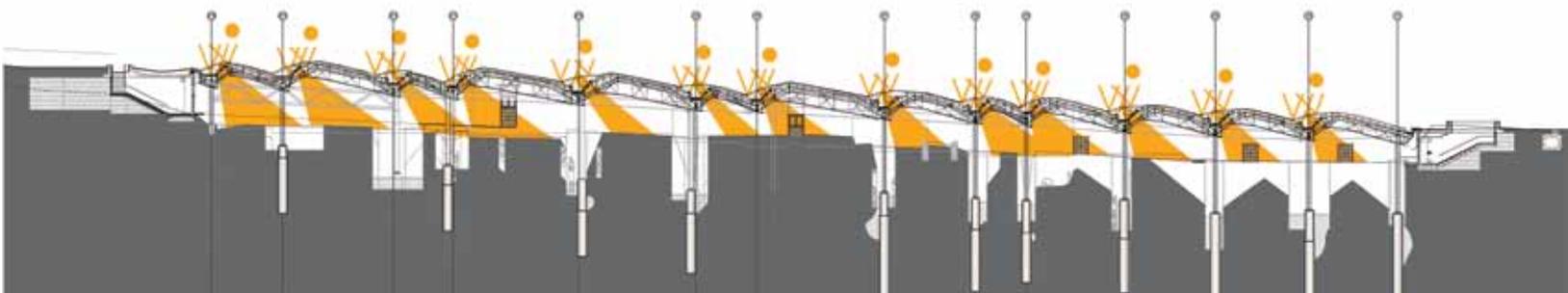

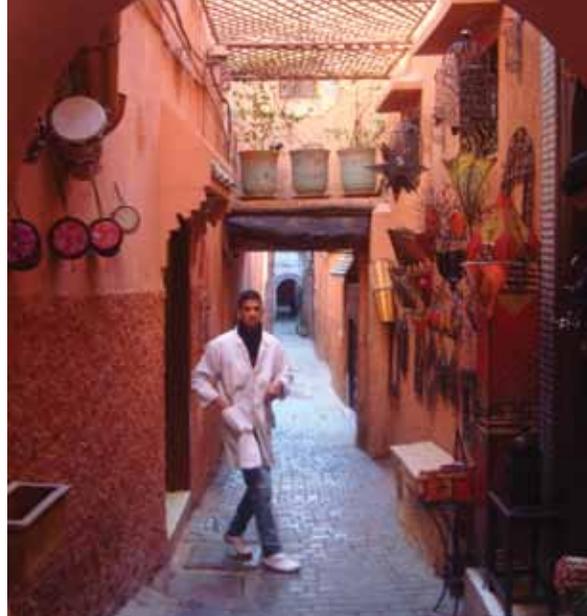
vides protection from erosion caused by visitors, facilities for the archaeologist to work undisturbed, better viewing conditions for the visitors, special locations where visitors are able to visit the findings and of course highlighting the ancient urban tissue. These walkways are accessible also to people in wheelchairs. Along its course, special areas have been created to accommodate guided groups so as not to impede the circulation of individual visitors. Panels with explanatory texts and complementary exhibits of movable finds have been planned for the better information of visitors.

As has already been pointed out, the rehabilitation of the prehistoric city offered the opportunity for improvements in the infrastructure of the site as a whole. The rainwater from the roof of the new shelter is stored in three large cisterns with a total capacity of 1500m³, and is sufficient to cover the various needs of the prehistoric city. The installation underground of an electricity substation, along with the also underground distribution network, will free

the site from all visible relevant installations (poles and aerial cables) and restore the natural landscape. Several large compositions of restored wall-paintings have already been accommodated in the new storage facilities, combining safe-keeping and easy access for study and maintenance. The enormous archives of the excavation, comprising notebooks, inventories, drawings, photographs, and so on, have also found their home onsite and along with the library and computer room, which became accessible to the staff and scholars working at the site. Other facilities concerning the public function of the archaeological site have either been improved or added. These include facilities covering the urban and territorial needs of the area such as toilet facilities accompanied by a waste water treatment plant, a refreshment counter, First Aid medical station, and so on.

Its recent opening (April 2012) was more than welcome by everybody, especially by those involved in the tourism industry, who considered the commercial/economic value of the archaeological heritage as first priority.

Красный город Марракеш был героем сразу трех статей в ПБ19 ЦВЕТ И СВЕТ. Город, обладающий яркой индивидуальностью, город, который чтит традиции и каноны, вдруг получил в XX веке в подарок от европейской культуры и всего мира сад Мажорель. Принял его и полюбил. Вместе с неожиданным для монохромного города синим. Не смотря на кажущийся контраст ко всему, к чему привык. Теперь сад Мажорель – гордость и слава Марракеша наравне с улочками Медины и площадью Джема эль-Фна. А этот оттенок синего так и зовется – мажорель.

Вернемся в сад еще раз вместе с Ольгой Смирновой. ЕГ

Чудо в пустыне

текст и фото
Ольга Смирнова

Мы долго ехали по раскаленному Марракешу. В окна такси виднелись сплошные голые стены кирпичного цвета, ограды, за которыми скрывалось что-то, что не положено видеть непосвященному. Скрадывая унылое впечатление, вдоль этих стен цвели кусты роз и кое-где давали резную тень пальмы.

Такси остановилось возле одной из таких непримечательных глухих стен. Я до сих пор жалею, что не сфотографировала ее. Через крохотное окошко в этой стене продавались билеты. Мы купили их и зашли за ворота.

Через небольшой дворик (предбанник?) с фонтаном посередине прошли в следующий проем в точно такой же красной стене. И здесь...

Я остановилась, как вкопанная. Через минуту почувствовала, что в глазах щиплет. Я быстро-быстро стала моргать, чтобы не увидели люди. Ведь никому же не объяснишь, что тебе плакать хочется от красоты. Она нахлынула вдруг так внезапно, что показалась невыносимой, невозможной и слишком совершенной в этом выжженном и безводном мире. До сих пор сад Мажореля в Марокко для меня остается одним из самых сильных впечатлений жизни.

Французский художник Жак Мажорель в 30 лет заболел тяжелой формой туберкулеза, врачи прогнозировали не более двух лет жизни. Но он предпринял попытку вылечиться и для этого уехал в Марокко с его сухим, жарким климатом. В 1924 году приобрел участок в Марракеше и построил на нем виллу. Вокруг дома разбил сад. Видимо, туберкулез отпустил его, так как он увлекся ботаникой, спонсировал экспедиции и много путешествовал. Из каждой поездки Жак Мажорель привозил ценные экземпляры растений и обменивался ими с другими коллекционерами. Так что в его саду оказались собраны растения из разных уголков земного шара. Естественно, только те, которые могли расти в пустынном климате Северной Африки.

Через 30 лет его сад открылся для посетителей. А в начале шестидесятых Мажорель попал в автомобильную аварию, от которой уже не смог оправиться. Для лечения он вернулся во Францию, где и умер в 1962 году в возрасте 56 лет.

Территория его любимого сада постепенно пришла в упадок, и виллу предназначили под снос. Но в 1980 году

сад с домом увидел известный модельер Ив Сен-Лоран со своим другом Пьером Берже.

Многие постройки к тому времени пришли в негодность, редкие растения погибли, цвета потускнели. Но все же, видимо, что-то оставалось в саду и доме, что очаровало этих людей. В 1980 году они купили его и начали восстановительные работы.

Их усилия увенчались успехом.

И вот сейчас этот сад, как удивительный оазис в пустыне, поражает чистыми цветами виллы, вазонов, водоемов. Тот синий насыщенный цвет, который грубо смотрится в Сибири, в Марокко потрясает совместимостью с вечно безоблачным небом. То же самое можно сказать и о желтом цвете. А сочетание белого дна в фонтане с синими бортами производит впечатление воздушности и бездонности. И надо очень сильно вглядеться, чтобы заметить, что воды в фонтане совсем чуточку.

Но больше всего, как я уже вычислила позже по фотографиям, поражает в саду тонкая перекличка форм и деталей между растениями и зданием виллы. Ее голубоватые тонкие колонны перекликаются с высокими кактусами, а завершения этих колонн – с веерами пальм. Мелкий дугообразный орнамент на арках и тень от зубчатого навеса над ними своим узором напоминают рисунок, который образуют колючки на кактусах.

«Как же я раньше не замечала, что кактусы тоже красивые растения?» – думала я, глядя на это буйство растительных ежиков. «Как же я не замечала, что в марроканском стиле есть своя прелесть?» – удивлялась я, уже забыв, что ничего подобного пока в Марокко не видала.

И только вернувшись в Сибирь, я алгеброй поверила свои тогдашние эмоции и догадалась, что все мои открытия, сделанные там подсознательно, были подготовлены талантливыми людьми. А кто внес в эти придумки больший вклад – художник Жак Мажорель или дизайнер Ив Сен-Лоран, а может, и еще кто-то, чье имя не зафиксировано в истории, я не знаю: в популярной литературе об этом ничего нет, а до особых поисков у меня дело не дошло.

Но может быть это и не нужно? Пусть этот сад останется неразгаданным, таким вот чудом в пустыне, шедевром, который резко поднял для меня планку искусства, которым занимаюсь и я. Ведь нет-нет, да и подумаю: если в пустыне можно сделать такое, то чего ж можно добиться в сибирском климате, который после марроканского кажется очень, даже очень – пригодным для жизни, удачным для творчества, ждущим своих, особых, только Сибири свойственных, но еще не созданных здесь шедевров.

Фасады из Японии

живи в гармонии

КМЕШ
Кей Эм Ю Ко., Лтд.

152

Преимущества фасадных панелей КМЕШ:

1. Японское качество гарантирует долговечность фасада. Даже спустя 30 лет японский фасад будет выглядеть как новый
2. Самоочищающееся покрытие. Инновационная технология покрытия придает панелям свойства самоочистки
3. Морозостойкость. Оптимальные свойства для использования в северных регионах страны
4. Стабильность размеров. Фасадная панель проходит автоклавную обработку, что позволяет исключить деформацию панелей при перепадах температуры
5. Богатый выбор фактур. Точная имитация природных материалов (камень, кирпич, дерево, штукатурка) и арт-панели помогут создать неповторимый облик фасада.

Официальный дистрибьютор панелей КМЕШ

**ФАСАДНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ**

ООО «Фасадные технологии»
Иркутск, ул. Ф. Энгельса, 17А
деловой центр «Сотня», офис 510
e-mail: fasadirk@mail.ru
www.fasad.irkutsk.ru
тел: 484-184

Объект: Микрорайон Патрокл

Место: г. Владивосток бухта Патрокл

Проектирование: ОАО «Приморгражданпроект» 2012-2013 гг

Застройщик: ФГУП «ГУСС Дальспецстрой при Спецстрое России»

Материалы: При устройстве навесных вентилируемых фасадов применена японская фиброцементная панель KMEW

Описание: Жилой комплекс переменной этажности, вписанный в живописный рельеф берега пролива Босфор Восточный, был удостоен золотого диплома смотра конкурса Зодчество 2013 в номинации «Новое градостроительство» и «Архитектура для жизни». Как поясняют организаторы, эти конкурсы «призваны обратить внимание профессионального сообщества и широкого круга общественности на тенденции и находки в области территориального планирования и удобства объектов для человека».

Объект: частный жилой дом

Место: г. Санкт-Петербург пос. Лисий Нос

Материалы: При устройстве навесных вентилируемых фасадов применена фиброцементная панель KMEW

в Рис.1. Члены экспедиции у въездного знака в Хандыгу / Members of the expedition at the entry sign to Khandyga

в Рис.3. Фрагмент карты с изображением дороги Якутск – Усть-Нера / A part of the map showing the road Yakutsk-Ust-Nera

Based on archive and field studies, the article considers architecture of prison camp facilities built on the territory of Yakutia during Stalin's terror. With the help of field studies, measurements and photofixation we have revealed compositional, planning and design features of bridges and prison camp facilities and analyzed their location.

Keywords:

Yakutia, Ust-Nera, camp barracks, bridges and roads, Hare's Loop, Black Prizhim, Yellow Prizhim

The so-called "Stalinist" architecture of 1930-50s is well-known, especially among architects. Pompous and impressive, today, after more than half a century, it has become a subject studied by researchers and architectural and town-planning historians. It was an architecture praising and exalting the leader of all the nations. However, very few people, especially among the

younger generation, know that there was also another architecture of the Stalinist period – the architecture of countless Stalin's prison camps scattered all over the country. This architecture can be called an architecture of humiliation. Apparently, it should be also thoroughly studied. Constructions of this type have remained not in all areas of Russia. For two weeks during summer 2012 a historic

architectural scientific-research expedition studied the places of Stalin's prison camps of 1930-1950s in Yakutia.

The expedition's work in the regions and uluses was preliminarily scheduled from 19 to 31 July. In particular, we planned to visit the crash site of the bomber "Boston A-20", but due to the lack of time we had to exclude this long 24-hour route from the schedule. In the

УДК: 711.7(571.56) "19"

Архитектура сталинских лагерей в Якутии / Architecture of Stalin's Prison Camps in Yakutia

В статье на основе архивных и натуральных исследований рассматривается архитектура лагерных сооружений и объектов на территории Якутии периода сталинского террора. На основе натуральных исследований, обмерных работ и фотофиксации выявляются композиционные, планировочные и конструктивные особенности мостов, лагерных сооружений, анализируются места их расположения.

Ключевые слова: Якутия, Усть-Нера, лагерные казармы, мосты и дороги, Заячья петля, Черный прижим, Желтый прижим

Всем нам, а особенно архитекторам, хорошо известна так называемая «сталинская» архитектура 1930-50-х годов – помпезная, представительная, которая сегодня, спустя более полстолетия, стала предметом изучения исследователей, историков архитектуры и градостроительства. Это была архитектура восхваления, возмечивания вождя всех народов. Однако мало кто из наших современников, особенно молодых людей, знает, что была еще и другая архитектура сталинского периода – архитектура огромного количества нищих деревень, архитектура бесчисленного числа сталинских лагерей, разбросанных по всей стране. Эту архитектуру можно смело назвать архитектурой унижения. Как оказалось, ее тоже следовало бы как следует изучить. Далеко не на всех российских территориях сохранились сооружения данного типа. Летом 2012 года в течение двух недель на территории Якутии работала историко-архитектурная научно-исследовательская экспедиция, осуществлявшая исследование мест нахождения в 1930-1950-е годы сталинских лагерей.

В процессе предварительного решения вопросов на местах, в районах и улусах, где экспедиции предстояло побывать, был составлен примерный график ее работы с 19 по 31

июля. Планировалось, в частности, посетить место катастрофы бомбардировщика «Бостон А-20», однако времени было в обрез, так что большой крюк пути и более суток времени пришлось из графика исключить. В середине июня 2012 года график экспедиции был составлен, согласован со всеми участниками, и началась подготовка к ее осуществлению. Собственно, эта подготовка началась еще ранее, когда каждый из членов экспедиции осматривал и проверял собственное снаряжение, покупал что-то недостающее. В состав экспедиции вошли архитекторы из Хабаровска (Крадин Н.П., Дыминский С.А., Носырев В.В.) и Якутска (Алексеев Н.Н., Николаев И.А. и Шишигин И.И.). Нашими проводниками, а также участниками экспедиции стали супруги Иван Иванович и Зоя Викторовна Игошины (рис.1), которые еще с конца 1980-х годов многократно со своим поисковым отрядом «Лидер» бывали в самых отдаленных местах Якутии в поисках мест лагерей и захоронений заключенных. В результате их многолетних поисков были выявлены около 165 мест, где находились сталинские лагеря.

Прежде, чем начать наш рассказ непосредственно об экспедиции, следует, видимо, показать на основе имеющихся статистических данных, а

middle of June 2012 the schedule was made up and approved by the participants. The preparation started some time before, when every participant checked his equipment and bought what was missing. The expedition comprised three architects from Khabarovsk (N. P. Kradin, S. A. Dyminsky, V. V. Nosyrev), three architects from Yakutsk (N. N. Alekseev, I. A. Nikolaev, I. I. Shishigin) and two guides – spouses Ivan Ivanovich and Zoya Victorovna Igoshins (Fig.1), who have frequently visited camping and burial places in Yakutia with their searching group “Leader” since the late 1980s. As a result of their decades-long search they have discovered 165 places of Stalin’s prison camps.

Before starting our story about the expedition we should show an overall

picture of repressions basing on the statistical data and numerous publications on this painful topic. There is hardly any place in Russia untouched by this plaque of the XXth century, which killed tens of millions of innocent people deprived of a right to live. According to official statistical data (for example, the KGB Minister Ignatiev’s report to Stalin), in 1953 prison camps held 12 million exiled peasants, 20 million relatives of public enemies and 42 million people deprived of passports. It totaled 74 million. This fact is mind-boggling! And a great number of them had already been exterminated by that time... During our preparation, I was frequently asked: “why do you need it?”, “is it necessary to stir up the past?”, “what are you going to

achieve?”. Of course, we were not going to obtain anything material, for the expedition was at our own expense. But it opened our eyes to many things. We found out the harsh truth of that life. Though more than half a century has passed, the memory of the tragedy will remain in people’s minds for a long time. “Keeping silence is a quiet hope to return to former evil” could be a proper answer to the questions of curious and indifferent people.

Such mass annihilation of his own people can be called pathology or paranoia. Having covered the whole country with a net of prison camps, Stalin forced survivors to worship him, to make his bust and full-figure sculptures and to display his portraits

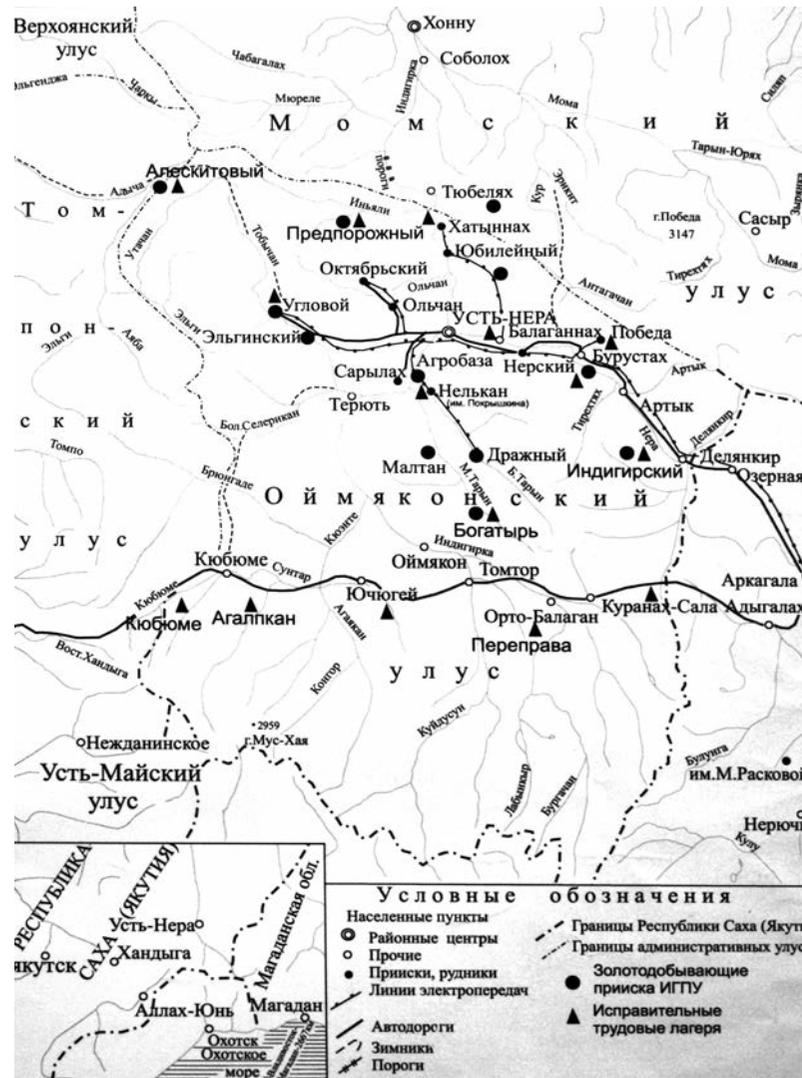
в Рис.2.Карта с размещением мест золотодобычи и лагерей в Якутии / The Map showing the gold-mining sites and prison camps in Yakutia

также многочисленных публикаций по этой болезненной теме общую картину репрессий. В нашей стране едва ли найдется место, которого бы не коснулась эта чума XX века, в результате которой погибли десятки миллионов людей – безвинных, лишенных права на жизнь. Судя по официальным статистическим данным (например, доклад Сталину министра КГБ Игнатьева), в 1953 году в лагерях находилось 12 миллионов ссыльных крестьян и членов семей врагов народа – 20 миллионов, а также лишенных паспортов – еще 42 миллиона. Итого 74 миллиона. Просто уму непостижимо! А сколько их к этому времени было уже уничтожено... В процессе сборов в экспедицию мне не раз задавали вопросы: «Зачем вам это надо?», «Стоит ли ворошить прошлое?», «Что вам это даст?». Нам, конечно же, это ничего не давало, особенно в материальном плане – ездили-то мы на собственные средства. А вот глаза после этой экспедиции открылись на многие вещи. Мы узнали горькую правду той жизни, пусть и прошло уже более полувека, но в памяти народа эта трагедия сохранилась и останется, видимо, надолго. «Умолчание – это тихая надежда вернуться к прежнему злу». Вот, пожалуй, самый точный ответ на вопросы любопытных и равнодушных.

Массовое истребление собственного народа – это какая-то патология, настоящая паранойя. Опутав сеть лагерей всю страну, Сталин добился того, что оставшиеся в живых его боготворили, повсюду ставили ему бюсты и памятники, вывешивали

портреты. Кстати, это же делали и сами заключенные в лагерях, но, разумеется, не по своей воле, а по приказам лагерного начальства. Как известно, в Забайкалье на 7031-м километре Транссибирской магистрали на высокой скале заключенными еще в 1935 году был высечен огромный бюст вождя всех народов (высота его составляла около трех метров), просуществовавший более 20 лет. Он стоял даже и после смерти и развенчания вождя, и только в 1956 году было объявлено, что наступила угроза обрушения скалы с бюстом, поэтому с разрешения Министра путей сообщения от 13 июня 1956 года вместе с бюстом скалу наконец-то взорвали. Кстати, по обеим сторонам портала одного из тоннелей на БАМе тоже красовались бюсты обоих вождей (Ленина и Сталина). Их сбили, когда заброшенный строительством на многие годы БАМ стали восстанавливать.

Употребляя термин «сталинские репрессии», мы часто забываем, что еще вождь мирового пролетариата, начиная сразу же после свершения Октябрьской революции, провозгласил террор относительно всех инакомыслящих. Уже в декабре 1917 года Наркомат юстиции была принята инструкция, определяющая состав Революционного трибунала, в мае 1918 года – декрет о репрессиях против кулачества, а 5 сентября того же года – Постановление СНК РСФСР «О красном терроре». В апреле 1919 года принимается положение «О революционных трибуналах», а в июне – Постановление ВЦИК об организации лагерей принудительных

everywhere. The prisoners did the same in their camps, though unwillingly, by the order of the camp authorities. In Zabaikalie, at the 7031st km of the Trans-Siberian railway, prisoners cut a huge three meter bust of the leader of all the nations in a high rock, which existed for more than 20 years. It remained even after the leader died and was discredited, and only in 1956 it was announced that the rock with the bust was going to fall down. So the rock with the bust was exploded by the order of the Ministry of Railway Transport of 13 June 1956. By the way, on both sides of one of the BAM's tunnel portals there were busts of the two leaders (Lenin and Stalin). Builders demolished them when they started to restore the abandoned mainline.

Speaking about "Stalinist repressions", we often forget that already the leader of the world proletariat announced terror against all dissenters right after the October revolution. As early as in December 1917 the People's Commissariat of Justice adopted regulations appointing the staff of the Revolutionary Tribunal, in May 1918 – a decree on repressions against kulaks, and on 5 September 1918 – a decree "On Red Terror" of the Council of People's Commissars of the RSFSR. In April 1919 regulations on "Revolutionary Tribunal" were adopted, and in June the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) issued a decree on forced-labor camps. Two years later, in April 1921, it was resolved to open a concentration

camp for 10-20 thousand prisoners near Ukhta (Republic of Komi). In March 1922 Lenin ordered the Politburo to suppress the clergy's opposition "so mercilessly that they would remember it for decades to come". The decree issued by VTsIK on 16 October 1922 granted the right of "extrajudicial execution" to the State Political Directorate, thus giving them full swing. It is curious, that, having forbidden people to go to church, the government started to organize the first concentration camps in empty monasteries, for example, in Solovetsky monastery, in Andronnikovskiy, Novospassky and Ivanovskiy monasteries in Moscow, and in former nunneries in Ryazan and Nizhny Novgorod. Since there were very few settlements and no

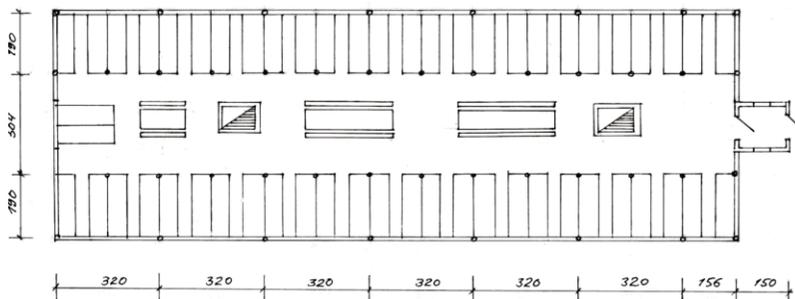

работ. Спустя два года, в апреле 1921 года было принято решение о создании в районе Ухты (ныне республика Коми) концлагеря на 10-20 тысяч заключенных. В марте 1922 года Ленин потребовал от Политбюро подавить сопротивление духовенства «с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий», а постановление ВЦИК от 16 октября 1922 года, предоставляющее ГПУ право «внесудебной расправы вплоть до расстрела» вообще развязало руки этим органам власти. Любопытно, что, отлучив после Октябрьской революции людей от церкви, правительство стало первые концлагеря устраивать в опустевших монастырях, в частности, в Соловецком, а в Москве – в Андронниковском, Новоспасском и Ивановском, в бывших женских монастырях в Рязани и Нижнем Новгороде. Естественно, на Колыме монастырей не было, здесь и населенных пунктов на сотни километров можно было пересчитать по пальцам, поэтому лагеря стали устраивать у мест приисков и вдоль строившейся дороги на Хандыгу и далее, по пути на Магадан к морскому порту (рис.2).

Можно было бы продолжать перечень документов, появившихся один за другим с короткими промежутками времени и направленными на подавление инакомыслия и истребление «социально-опасных лиц» – их просто несметное количество. С 1923 года комиссиям НКВД названной выше категорией лиц было предоставлено право отправлять в административную высылку и заключать в исправитель-

^ Рис.4-а. Интерьер палатки-казармы / Interior of a barrack tent

> Рис. 4. План палатки на 120 человек / The plan of the tent for 120 people

monasteries in Kolyma, the camps were located near goldfields and along the road under construction leading to Khandyga and further to Magadan and the sea port (Fig. 2).

The list of the documents that appeared one after another and were aimed at suppression of dissent and extermination of “socially dangerous people” is never-ending. In 1923 commissions of the People’s Commissariat for Internal Affairs (NKVD) were entitled to send “socially dangerous people” to administrative exile and put them into labor camps. Regulations became more severe and trial procedures became simpler in order to promptly decide people’s destiny without court decisions. The same year the TsIK of the USSR approved “The degree on the Joint

State Political Directorate (OGPU) of the USSR and its bodies”, and one year later – “The decree on the OGPU’s rights concerning administrative exiles and concentration camps”. Powers of the repressive bodies (OGPU, NKVD) grew with every year.

Mass repressions were often initiated by the Party’s and government’s resolutions. For example, the resolution adopted by the Politburo of the Central Committee of RCP(b) “on the state of the Yakutsk organization” of 9 August 1928 triggered a great wave of repressions in Yakutia. In 1929 the OGPU issued a circular on forming “the threes” for preliminary consideration of finished case investigations. These “threes” quickly decided the destiny of people under investigation without court

decisions. One year later such “threes” were organized in all other regions according to the OGPU’s order. In November 1934 the TsIK and the Council of People’s Commissars of the USSR decreed to organize a Special Council of the NKVD, which existed for almost 20 years. During these years the Special Council condemned more than 440 thousand people, including more than ten thousand sentenced to death.

Prison camps and repressive bodies situated in every region. For example, in Chita oblast adjacent to Yakutia, like everywhere in the country, people were repressed and sent to camps. In 1937 more than 31 thousand people were under investigation concerning “the Case of Harbin” (white immigrants) and almost two-third of them (19,312 people)

в Рис.5. Памятник воинам-землякам в с. Муғдай / Monument to local soldiers in Mugudai settlement

но-трудовые лагеря. Ужесточались инструкции, упрощалась процедура рассмотрения дел – все было направлено на то, чтобы без волокиты и всяких там судов решать судьбу людей. В том же году ЦИК СССР сначала утвердил «Положение об ОГПУ СССР и его органах», а спустя год «Положение о правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки, заключения в концлагерь». С каждым годом репрессивным органам (ОГПУ, НКВД) все больше и больше предоставлялось полномочий для массовых репрессий.

Часто их началом становились постановления партии и правительства. Так, например, постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О положении в Якутской организации» от 9 августа 1928 года вызвало мощную волну репрессий в Якутии. В 1929 году появился циркуляр ОГПУ о создании троек для предварительного рассмотрения законченных следственных дел. Именно эти «тройки» чаще всего и решали судьбу подсудимых без всякой волокиты и судов. Спустя год такие тройки, согласно приказу ОГПУ СССР, стали создаваться во всех краях и областях. В ноябре 1934 года постановлением ЦИК и СНК СССР было учреждено при НКВД так называемое Особое Совещание (ОСО), действовавшее почти 20 лет. За эти годы результатом «работы» ОСО стали более 440 тысяч осужденных, в том числе приговоренных к высшей мере наказания более десяти тысяч человек.

Лагеря и репрессивные органы имелись во всех регионах – краях, областях и даже районах. В соседней с Якутией Читинской области, например, как и по всей стране, тоже про-

исходили репрессии против народа, и имелись лагеря. К примеру, уже в 1937 году по так называемому «Харбинскому делу» (белоэмигранты) были рассмотрены дела на более чем 31 тыс. человек и почти две трети из них (19312 чел.) подверглись расстрелу, в том числе в Читинской области по этому делу были арестованы полторы тысячи человек. Один из первых лагерей в Забайкалье появился в 1938 году на месте существовавшей в пос. Букачаха исправительно-трудовой колонии, правда, просуществовал он всего четыре года. В 1941 году был организован исправительно-трудовой лагерь в г. Нерчинске, но он просуществовал всего около трех месяцев. В 1947 году в Забайкалье появился Балеялаг, а через год, в марте 1948 года из него выделилось Дарасунское лагерное отделение, находившееся в пос. Вершина-Дарасун. Оба они просуществовали почти шесть лет. В пос. Синельга Каларского района с января 1949 года функционировал Борлаг, получивший название «Мраморное ущелье», просуществовавший более двух с половиной лет.

Разумеется, в Забайкалье по сравнению с Якутией сталинских лагерей имелось значительно меньше, они были небольшими и существовали в большинстве своем непродолжительное время. Тем не менее, в забайкальских лагерях, как и по всей стране, творились беспредел и беззаконие, а подавляющее число заключенных были осуждены безвинно и сгнили в лагерях.

в Рис. 6. Лагерные строения в Хандыге / Camp facilities in Khandyga

suffered death. Particularly, in Chita one and a half thousand people were arrested. One of the first camps in Zabaikalie emerged in the place of the former correctional labor colony in Bukachacha settlement in 1938 and existed there only for four years. In 1941 a labor camp was organized in Nerchinsk and existed there only for three months. In 1947 the so-called Baleilag appeared in Zabaikalie, and a year later, in March 1948, it had the Darasun camp branch in Vershina-Darasun settlement. Both of them existed for almost six years. In Sinelga settlement (Kalarsky district) there was Borlag also called "Marble ravine", which appeared in January 1949 and existed for more than two and a half years.

Comparing to Yakutia, in Zabaikalie the number of camps was less. They were not very big and existed for a shorter period of time. However, in Zabaikalie, like all over the country, it was a complete outrage and lawlessness. The majority of prisoners were condemned without guilt to die in camps.

In 2003 researchers from Chita (V. I. Vasilevsky, G. A. Zherebtsov, A. V. Soloviev) published a small book with 62 pages called "A sentencing policy of the Soviet state. Short event history". It recites the documents concerning repressions from 1918 to 2003. It embraces a wide range of materials: from repressions to perpetuation of the memory of victims and publication of "The Book of Memory". With the help of

these documents, including those declassified after 1998, we found out that Stalin and his close Politburo associates sanctioned execution and long terms of punishment of almost 45 thousand people (according to 383 lists). This block of documents was called "Stalin's lists". In contradiction to what Stalin's defenders say, this information proves that Stalin knew very well how punitive agencies decided his own people's destiny, and took a great part in their annihilation.

But let's return to the expedition. The members of the expedition covered almost 3.5 thousand kilometers (to and from) within two weeks. They went from Yakutsk through Tattinsky and Churapchinsky Uluses, studied the sites of former Stalin's camps in Tomponsky

> Рис. 7. Остатки деревянного моста / Remains of a wooden bridge

В 2003 г. читинскими исследователями (Василевский В.И., Жеребцов Г.А., Соловьев А.В.) была издана небольшая, в 62 страницы, книжечка под названием «Карательная политика Советского государства. Краткая хронология событий», в которой перечисляются документы, касающиеся репрессий, за период с 1918 по 2003 годы. В ней собрано все – от репрессий до увековечивания памяти репрессированных и издания фолианта под названием «Книга памяти». Из перечня документов, в том числе и рассекреченных после 1998 года, удалось выяснить, например, что по личной санкции Сталина и его ближайших соратников по Политбюро к расстрелу и большому срокам наказания были приговорены почти 45 тысяч человек (по 383 спискам). Данный блок документов так и назывался – «Сталинские списки». Кстати, эта

информация как раз к разговорам в адрес защитников Сталина о том, что он якобы не знал, как решают судьбу людей в стране его ближайшие соратники и карательные органы. Прекрасно он все знал и сам приложил немало усилий для истребления собственного народа.

А теперь непосредственно об экспедиции. За две недели путешествия члены экспедиции преодолели почти 3,5 тысячи километров пути (туда и обратно). Они проехали из Якутска через Таттинский и Чурапчинский улусы и обследовали места бывших сталинских лагерей в Томпонском и Оймяконском улусах, доехали до Усть-Неры, вблизи которой также находился лагерь под названием «Аляскитовый». К сожалению, посетить нам это место не удалось в связи с тем, что поднялась вода в горной речушке Арангас, так что проехать на

машинах не имелось никакой возможности. Хочется обратить внимание читателей на следующий факт: многочисленные лагеря создавались в Якутии на местах добычи золота и при строительстве дорог, в частности протяженной и сложной дороги из Хандыги на Магадан к морскому порту (рис.3). Заключение строили не только дорогу, но и возводили многочисленные мосты через речушки. Остатки таких мостов и прежних дорог сохраняются до настоящего времени, но, к сожалению, с каждым годом этих исторических реликвий остается все меньше и меньше – теперь строители сооружают новую дорогу, которая часто проходит по этим памятным местам.

Членам экспедиции довелось увидеть и немало остатков лагерных строений разного типа. Особенно поразили казармы, пол которых был

and Oymyakonsky Uluses, and reached Ust-Nera, close to which there was a camp called “Alyaskitovyi”. Unfortunately, we failed to visit that place, because the water in the mountain river Arangas was so high that it prevented our cars from passing through. It is noteworthy, that a great number of camps were organized on the goldfields and near the roads under construction, for example, a long and difficult road from Khandyga to Magadan and the sea port (Fig. 3). Prisoners built not only the road, but also many bridges over the rivers. The remains of such bridges and roads have survived to the present day, but unfortunately the number of these historical relics is decreasing: today new roads are often built on these memorial sites.

Members of the expedition saw a lot of remains of various camp facilities. The view of the barracks with the floor made of boards laid directly on the permanent frost was especially striking. According to the measurements, the barracks were 20-21 meter long and about 7 meter wide. There were board beds on both sides of the barracks, and a three-meter wide passage in the center. Along the passage there were several stoves made of metal barrels (Fig. 4, 4a). This kind of barracks were described by A. I. Solzhenitsyn in his novel The Gulag Archipelago. Speaking about the prisoners, he wrote: “... they were housed in tents seven meters by twenty, of the kind common in the north. Surrounded with boards and sprinkled

with sawdust, the tent became a sort of flimsy hut. It was meant to hold eighty people, if they were on bunk beds, or one hundred on sleeping platforms. But katorzhane were put into them two hundred at a time”.*

After the expedition we visited the planning institute in Yakutsk, where we saw a sketchbook made up in Dalstroiproject institute in Magadan in 1951. This book contained projects of about 40 buildings and facilities of different purposes – from latrines and stables, workshops and bakeries, watch towers, punitive confinements and garages, to brick or timber works and houses of engineering technicians and personnel. This book was used for building facilities along the road

* http://www.archive.org/stream/Gulag_Archipelago_III/Gulag_Archipelago_III_djvu.txt

в Рис. 8. Остатки лагерного барака / Remains of a camp barrack

в Рис. 9. Ряды колючей проволоки / Rows of barbed wire

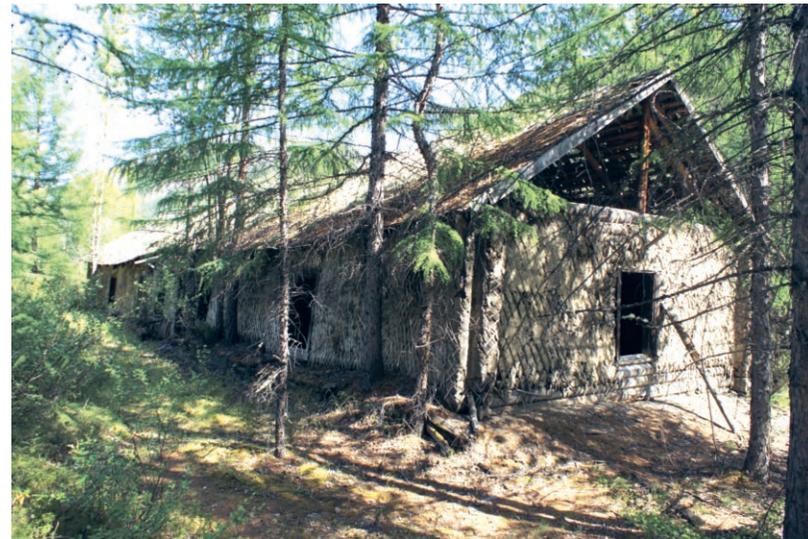
наслан из досок прямо по вечной мерзлоте. Обмеры остатков некоторых казарм показали, что в длину они составляли 20-21 метров, а в ширину около семи. По обеим сторонам казарм были устроены нары, а в середине – проход шириной три метра. Вдоль прохода были сооружены несколько печей из металлических бочек (рис.4, 4-а). Интересно, что точно такие же казармы описывал А.И. Солженицын в своем романе «Архипелаг Гулаг». В частности, рассказывая о каторжанах, он писал: «... их поселили в палатках семь метров на двадцать, обычных на севере. Обшитые досками, и обсыпанные опилками, эти палатки становились как бы легкими бараками. В такую палатку полагалось 80 человек, если на вагонках, 100 – если на сплошных нарах. Каторжан селили – по двести».

Уже после возвращения из экспедиции в проектном институте в Якутске нам показали альбом чертежей лагерных сооружений, выполненный в проектном институте «Дальстройпроект» в Магадане в 1951 году. В этом альбоме представлены проекты около 40 зданий и сооружений самого разного назначения – от уборных и конюшен, мастерских и пекарни, вышек, изоляторов, гаражей до кирпичного и лесопильного заводов, домов ИТР и служащих. Весь этот альбом предназначался для строительства сооружений вдоль автодороги Хандыга – Эге-Хая. Многие из того, что нам пришлось увидеть в развалинах и зарослях во время экспедиции, оказалось в этом альбоме.

Следует заметить, что наша экспе-

диция задумывалась инициаторами ее проведения еще несколько лет назад, но всякий раз она откладывалась по каким-либо причинам, и наконец, в 2012 году было решено, несмотря ни на какие препятствия, ее осуществить. Якутскими архитекторами прорабатывался маршрут, добывалась информация с мест, решался вопрос с транспортом для экспедиции. После того, как все вопросы оказались решенными, было назначено и время ее проведения – вторая половина июля. За два дня до начала экспедиции хабаровские архитекторы прилетели в Якутск, где были окончательно уточнены все детали, сделаны запасы продовольствия, утвержден маршрут экспедиции.

Первый пункт назначения экспедиции – Хандыга, где мы должны были взять с собой проводников, хорошо знающих места сталинских лагерей и неоднократно бывавших в тех местах в прежние годы. По пути в Хандыгу ненадолго остановились в с. Мугудай. Здесь нас заинтересовал мемориал, посвященный односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне. Необычность этого памятника в том, что все в нем выполнено из дерева. Фигура артиллериста, пушка, снаряды и прочая атрибутика – все из дерева. Подобного мы еще не видели нигде (рис.5). Понятно, что памятник самодельный, сооружен каким-то местным умельцем. Интересно было бы узнать историю создания этого необычного мемориала, но, к сожалению, времени свободного не было. До Хандыги еще ехать и ехать, а погода испортилась – начался дождь. В

Khandyga-Ege-Khaya. Most of the remains that we saw during the expedition were included in that book.

Our expedition had been planned several years before, but was postponed for different reasons until we finally decided to undertake it in 2012. Yakutsk architects worked out the route, retrieved information from the sites and organized transportation for the expedition. All the issues settled, we appointed the time – the second half of July. Two days before the start of the expedition the architects from Khabarovsk came to Yakutsk, where we made provision and confirmed the route.

The first point of the expedition was Khandyga, where we were going to pick up the guides Igoshins who knew the sites

of Stalin's camps very well. On our way to Khandyga we stopped in Mugudai village. There was a memorial to fellow villagers who died during the Great Patriotic War. Everything in that memorial was made of wood: the artillerist, the cannon, the ammunition and other elements. We have never seen anything like that (Fig. 5). It would be interesting to learn the history of that unusual monument made by some local craftsman. But we had to hurry up to Khandyga, because it started to rain. We reached Khandyga only by 1 a.m. We went to bed in a hotel for energy workers at 3 a.m.

At 7 a.m. we started preparations. Our drivers had to repair our all-terrain Kamaz. The members of the expedition visited the ulus administration and then

конечном итоге в Хандыгу мы добрались только к часу ночи. Здесь нам предстояло встретиться с нашими проводниками – супругами Игошинными, прекрасно знавшими эти места и неоднократно бывавшими в местах, где находились сталинские лагеря. Устроившись в гостинице энергетиков, только в три часа ночи улеглись спать.

Поспать удалось совсем немного, в семь часов утра стали собираться к отъезду по маршруту. Однако вскоре обнаружилась какая-то неполадка в нашем мощном и проходимом «Камазе» – вахтовке. В общем, предстоял ремонт, которым и занялись водители, а члены экспедиции после визита вежливости в администрацию улуса стали знакомиться с достопримечательностями Хандыги. Лагерь в Хандыге – это по сути большая редкость, поскольку обычно он располагался далеко от населенных мест, у приисков. Действительно, в Хандыге было что посмотреть, в том числе и объекты – предмет нашего интереса: два здания гулаговского лагеря (рис.6), нулевой пикет. После осмотра достопримечательностей пообедали вместе с главой Томпонского улуса Герасимовым Георгием Евгеньевичем, общались с ним. Важно отметить, что везде, где побывала экспедиция, участникам была оказана всесторонняя помощь со стороны глав администраций улусов и улусных центров. Понимание важности данной экспедиции выражалось в той помощи, которую они нам оказывали. Это и советы, и помощь в ремонте автомобиля, и решение проблем быта во время

наших редких и кратких по времени остановок в населенных пунктах.

Разумеется, самая главная встреча в Хандыге – с нашими проводниками. Иван Иванович и Зоя Викторовна Игошины. В их лице мы нашли прекрасных знатоков местности и надежных проводников. В процессе всего последующего пути и работы экспедиции мы в этом убедились, и с огромной благодарностью будем помнить о совместной двухнедельной научно-исследовательской работе. Они с готовностью предоставили нам рукопись своих изысканий, размышлений на эту сложную тему – репрессии и сталинские лагеря. Именно результаты многолетних походов позволили Ивану Ивановичу оценить масштабы этой жуткой эпопеи.

Из Хандыги экспедиция отправилась на север, в Теплый Ключ, чтобы на другой день двигаться далее, в Тополиный. По пути встречалось довольно много заброшенных ГУЛАГовских мостов и отдельных фрагментов дороги (рис.7). От места нашей стоянки в полукилометре должны были находиться остатки лагеря. И мы их отыскали. Развалины большого барака, карцера, бани и некоторых других строений, ряды колючей проволоки, сторожевая вышка. Все заросло травой и кустарником, однако некоторые строения удалось нанести на план, сделать их фотоснимки и краткие описания (рис.8-10). После этого отправились дальше – в сторону Тополиного. Короткая остановка на перевале Олган, с которого открываются потрясающие по своей красоте панорамы.

went to see the sights of Khandyga. The camp was located in Khandyga, which is very unusual, because camps were generally located far from settlements, near goldfields. It was interesting to see two buildings of the Gulag camp (Fig. 6) and a zero end. After seeing the sights, we had a dinner conversation with the head of Tomponsky ulus Georgy Evgenievich Gerasimov. We should note that wherever the expedition came, it was supported by the authorities of uluses and ulus centers. They gave advice, helped repair our automobile or solve other everyday problems during our rare and short stops in settlements.

Certainly, the most important meeting in Khandyga was with our guides: Ivan Ivanovich and Zoya Victorovna Igoshins. They are very reliable guides that know

the territory perfectly well. They proved it during the follow-up two-week research work of the expedition, and we are very thankful to them. They gave us a manuscript containing their investigations and meditations on this difficult topic concerning repressions and Stalin's prison camps. Having travelled for many years, Ivan Ivanovich could figure out the scope of that terrible epic.

The expedition left Khandyga for Teplyi Klyuch in the north to move to Topolinyi the next day. We saw a lot of abandoned Gulag bridges and fragments of the road (Fig. 7). A half of kilometer from our staging post we expected to find remains of a camp. And we found them. There were ruins of a big barrack, a punishment cell, a bath-house and other

facilities, rows of barbed wire and a watch tower. Everything was grassed over, but we managed to map out, photograph and describe some of the facilities (Fig. 8-10). Then we went to Topolinyi. We made a short stop at Olgan pass with its beautiful panoramas. Before Topolinyi, we set up our tents and prepared dinner, like the previous days.

On the morning of July 23rd we went to Topolinyi, where we had a meeting with the head of the district administration. We spent almost the whole day there, visiting the museum of local lore, studying and photographing the two constructions of former camp, measuring the officers' building and viewing the prisoners' burials and the existing cemetery. On July 24, after breakfast, on the way from Topolinyi we

< Рис.10. Сторожевая вышка / Watchtower

в Рис.12. Участок дороги под названием "Заячья петля" / A part of the road called "Hare's Loop"

Строительство Центра управления перевозками Восточного региона, г. Иркутск

Строительство вокзала ст. Падунские Пороги

Иркутскжелдорпроект-филиал ОАО «Росжелдорпроект»

История развития института «Иркутскжелдорпроект» неразрывно связана с летописью Российских железных дорог, и в первую очередь с Восточно-Сибирской железной дорогой.

В 2003 году в связи с образованием ОАО «РЖД» институт реорганизован в филиал ОАО «РЖД» и получил наименование «Иркутскжелдорпроект» – филиал ОАО «РЖД». В 2006 году в рамках структурной реформы ОАО «РЖД» было образовано дочернее общество ОАО «Росжелдорпроект». Институт вошел в состав ОАО «Росжелдорпроект» в качестве филиала и стал называться Иркутский проектно-изыскательский институт «Иркутскжелдорпроект» – филиал ОАО «Росжелдорпроект»

За более полувека работы институт стал одним из ведущих проектных институтов в отрасли региона. Он занимается проектированием как всей железнодорожной инфраструктуры Восточной Сибири, так и многих социально значимых объектов Иркутской области. В послужном списке филиала – послевоенное строительство Транссиба от Иркутска до Слюдянки, Северомуйский тоннель, реконструкция Белорусского вокзала. Приоритетное направление развития Байкало-Амурская магистраль. «Иркутскжелдорпроект» работает по принципу «полный пакет услуг из одних рук», начиная от технико-экономического обоснования инвестиций и сбора исходных данных и заканчивая выдачей готовых проектных решений по различным профилям деятельности, сопровождением в Государственной экспертизе проектной документации и авторским надзором за ходом строительства.

ПИИ «Иркутскжелдорпроект» развивает и поддерживает партнерские отношения с российскими и зарубежными компаниями. Среди заказчиков института – ОАО «РЖД», администрации Иркутской области, городов Иркутска и Ангарска, Коршунский ГОК, Богучанский и Шелеховский алюминиевые заводы, ОАО «Разрез Тугнуйский» и другие. Несмотря на внушительный перечень серьезных заказчиков, деятельность ПИИ «Иркутскжелдорпроект» связана, прежде всего, с Восточно-Сибирской железной дорогой – филиалом ОАО «РЖД».

«Иркутскжелдорпроект» зарекомендовал себя как надежный партнер в работе с ОАО «РЖД». На протяжении всех лет работы института руководство тесно сотрудничает с органами государ-

ственной власти и муниципальных образований на территории Иркутской области и Республики Бурятия. Для определения перспективной направленности совместной работы по проектированию объектов социальной инфраструктуры филиал участвует в градостроительных советах Иркутска.

Виды деятельности

- инженерно-геологические, инженерно-геодезические, инженерно-экологические изыскания, инженерно-геотехнические изыскания, камеральная обработка материалов изысканий, лабораторные исследования грунтов;
- проектирование строительства, реконструкции и капитального ремонта железнодорожных линий путей и станций, объектов пассажирского хозяйства, искусственных сооружений, зданий и сооружений железнодорожной инфраструктуры проектирование объектов недвижимости промышленной и гражданской сферы (разработка градостроительной документации, проектирование объектов социально-культурной сферы, коммерческой недвижимости, жилых домов, производственных зданий и сооружений любого назначения);
- обследование строительных конструкций зданий и сооружений, инженерных систем зданий;
- экологическое проектирование (экологическое сопровождение проектной документации, нормирование загрязнений окружающей среды);
- землеустроительные работы;
- составление сметной документации;
- осуществление авторского надзора за строительством объектов.

Контакты:

664025, г Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 59
Приемная: 8 (3952) 64-40-27
Гл. инженер: 8 (3952) 64-47-28
Факс: 8 (3952) 50-51-26
ipsi@irk.ru,
www.rzdp.ru

visited the remains of camp facilities and measured and photographed the remains of the wooden bridge over the Tompo river (Fig. 11). 29 kilometers from the settlement we made a short stop at the remains of another camp, where we saw barbed wire, a watch tower and camp facilities ruined by time...

On 25 July we went to Teplyi Klyuch and then to a very difficult part of the road called "Hare's Loop", where a new road to Magadan was being built (Fig. 12). There were trucks, dust and difficult parts of the road on our way. The names of the places speak for themselves: Black Prizhim, Yellow Prizhim... With every day, with every visit to the remains of camps, roads and everything built by prisoners we had a feeling of madness, of

в Рис.11. Обмеры сохранившегося строения / Measurements of the survived structure

Не доезжая до Тополиного, остановились на ночевку, установили палатки, занялись приготовлением ужина. Все, как обычно, как и в предыдущие дни.

Утром 23 июля отправились в Тополиный, где нам предстояла встреча с главой администрации района. Здесь мы провели почти весь день: посетили местный краеведческий музей, осмотрели и зафиксировали на фото два сохранившихся строения от бывшего лагеря, выполнили обмеры здания комсостава, осмотрели захоронение заключенных и действующее кладбище. После завтрака 24 июля по дороге из Тополиного посещали остатки лагерных строений, затем на речушке Томпо выполняли обмеры сохранившихся остатков деревянного

something dreadful that we could not imagine. This article does not comprise all the details of our two-week trip, because such kind of information should be given within reasonable bounds.

In the process of discovering new places of camps, we realized that we saw an architecture of humiliation, which we had never known before. We know perfectly well a pompous and solemn Stalinist architecture of 1940-1960s, that can be seen almost in every town. Many of such buildings became national monuments of architecture. But what we saw in Yakutia was absolutely striking.

There were a lot of prison camps. They were built simultaneously with the road to Magadan. The camps were located on the goldfields. Almost the whole north-eastern part of Yakutia was covered by

camps, which totaled, according to different sources, from 105 to 165 in nine districts of this republic. When visiting the museum of local lore in Khandyga, the members of the expedition were stricken by the unique items, including those from Stalin's camps. During our expedition we have met neither cars nor people or settlements, excluding the district (ulus) centers, where we had conversations with the administrations and visited local museums. In conclusion, we would like to say that the members of the expedition are planning to continue their studies in summer 2013, in particular, we want to go to the mine Alyaskitovy. If it works, we shall tell the readers a new story about our discoveries.

Nikolai Kradin

моста, фиксировали их на фото (рис.11). Отправившись дальше, в 29 км от селения сделали кратковременную остановку у остатков еще одного лагеря. Колючая проволока, сторожевая вышка, порушенные временем лагерные строения...

25 июля выехали в сторону Теплового ключа, а оттуда очень к сложному участку дороги под названием «Заячья петля», где строители сооружают новую дорогу на Магадан (рис.12). Кругом самосвалы, пыль, сложные участки дороги, где особо и не разгонишься. Одни названия мест чего стоят – «Черный прижим», «Желтый прижим»... С каждым днем, с каждым новым посещением остатков лагерей, дорог, и всего того, что создавалось здесь силами заключенных, нас не оставляло ощущение какого-то безумия, чего-то страшного и ужасного, о чем в действительности мы и не догадывались. Можно, конечно же, во всех подробностях и деталях описывать наше двухнедельное путешествие, повествуя обо всем увиденном, однако в рамках небольшой статьи, мне кажется, это будет не совсем уместным. Такая информация должна быть дозированной.

С каждым днем, по мере знакомства все с новыми и новыми местами, где находились лагеря, нас не покидало чувство, что мы наблюдаем какую-то неведомую нам доселе архитектуру – архитектуру унижения. Мы все хорошо знаем сталинскую архитектуру 1940-1960-х годов практически во всех наших городах – помпезную, величественную. Многие из таких сооружений стали памятниками архи-

тектуры и находятся под охраной государства, однако то, что нам пришлось увидеть в Якутии, поразило до невероятности.

Лагерь здесь было много. Они создавались по мере продвижения строившейся дороги на Магадан, находились они и в местах золотодобычи. Практически весь северо-восток Якутии был охвачен лагерями, которых, по разным источникам, было от 105 до 165 в девяти районах этой республики. При посещении в Хандыге музея краеведения участники экспедиции были поражены уникальными экспонатами, собранными здесь, в том числе и относящимися к эпохе сталинских лагерей. Практически в течение всех дней мы не встречали никого – ни машин, ни людей, ни селений, исключая районные (улусные) центры, в которых встречались и общались с администрацией, посещали местные краеведческие музеи. В заключение хочется лишь добавить, что члены экспедиции планируют летом 2013 года продолжить свои исследования, в частности, посетить места в районе рудника Аляскитовый. Надеюсь, это получится, и тогда мы вновь встретимся с читателями с рассказом о новых находках.

Николай Крадин

Багина Елена – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Ельцина (Екатеринбург)

Васильев Владимир Александрович – заслуженный архитектор РФ, вице-президент СА России по Дальнему Востоку, председатель правления Хабаровской организации СА России

Гевель Екатерина Васильевна – архитектор, член Союза архитекторов России (Красноярск)

Григорьева Анна Сергеевна – переводчик (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – архитектор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, действительный член Международной академии архитектуры, отделение в Москве, Евразия (МААМ)

Демков Сергей Борисович – главный архитектор ОАО «Иркутскгипродорнии», профессор кафедры дизайна Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Доумас, Кростос – заслуженный профессор археологии Афинского университета, директор Улуста археологических раскопок Акрополиса Афинского археологического общества (Греция)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета

Железняк Ольга Евгеньевна – профессор, кандидат искусствоведения, зав. кафедрой дизайна факультета изобразительного искусства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, действительный член Международной академии наук о природе и обществе (отделение «Художественный и индустриальный дизайн»)

Иванова Елена Николаевна – историк, психолог, научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск)

Ивкович, Милена – магистр архитектурных наук, научный сотрудник и градостроитель компании Blok 74 (Роттердам, Нидерланды)

Клевакин Александр Николаевич – кандидат архитектуры, доцент НГАХА (Новосибирск)

Коньшева Евгения Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения и культурологии Национального исследовательского Южно-Уральского государственного университета (Челябинск), член Ассоциации искусствоведов (АИС)

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, профессор кафедры архитектуры и урбанистики Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Кузнецов Роман Эдуардович – исследователь, журналист (Иркутск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования НИ ИрГТУ, заслуженный архитектор России

Мякота Алексей Дмитриевич – архитектор, член правления КРОСАР, руководитель архитектурного бюро «АДМ» (Красноярск)

Пак Алина – архитектор (Иркутск)

Писториус, Эльке – доктор, архитектор, городской планировщик, историк архитектуры (Берлин, Германия)

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Московского союза архитекторов, член Союза дизайнеров России, обозреватель интернет-журнала «Архитектор» сайта СМА, член Международной ассоциации архитектурных критиков

Рожанский Михаил Яковлевич – кандидат философских наук, научный директор Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член Союза архитекторов России (Красноярск)

Сирина Анна Анатольевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Севера и Сибири ИЭ РАН (Москва)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Токарев Никита – архитектор, директор школы МАРШ (Москва)

Финтикакис, Никос – архитектор, генеральный директор Synthesis & Research LTD – G. Albanis – N. Fintikakis Architects Consulting Engineers, член Совета МСА, директор UIA-ARES (Греция)

Фольперт, Астрид – публицист, художественный критик, куратор (Берлин, Германия)

Хувен, Франк ван дер – доктор философских наук, доцент кафедры градостроительного проектирования, директор по науке факультета архитектуры и строительства Дельфского технического университета (Нидерланды)

Устина Екатерина – архитектор (Иркутск)

Ушкова Наталия – журналист, психолог, директор Музея культуры мифа (Шумен – Варна, Болгария)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Civil Engineering of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Vladimir Vasiliev – honoured architect of the Russian Federation, vice president of the Union of Architects of Russia for the Far East, chairman of the Board of the Khabarovsk organization of the UAR

Ekaterina Gevel – architect, member of the Union of Architects of Russia (Krasnoyarsk) **Anna Grigorieva** – translator (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – architect, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), full member of the International Academy of Architecture, Moscow Branch, Eurasia (IAAM)

Sergey Demkov – deputy chairman of the Board of the Irkutsk organization of the UAR, chief architect of Irkutskgiprodornii OJSC, professor of the Department of Design at Institute of Fine Arts, Humanities and Social Studies of National Research Irkutsk State Technical University

Christos Doumas – Emeritus Professor of Archaeology – University of Athens, Director of Akrotiri Archaeological Site Excavations – the Archaeological Society at Athens (Greece)

Victor Dyatlov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Irkutsk State University

Olga Zheleznyak – Professor, Ph.D. in Art History, head of the Department of Design of the Faculty of Fine Arts at National Research Irkutsk State Technical University, member of the Union of Designers of Russia, of the Union of Architects of Russia, full member of the International Academy of Nature and Society Sciences (Department of Art and Industrial Design)

Elena Ivanova – historian, psychologist, researcher of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk)

Milena Ivković – M.Sc. Arch. Researcher & urban designer at Blok 74, Rotterdam (Netherlands)

Alexander Klevakin – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts (Novosibirsk)

Eugenia Konysheva – Ph.D. in History of Arts, Ass. Professor of the Department of Art History and Cultural Studies at Yuzhno-Uralsk State University (Chelyabinsk), member of the Association of Art Historians

Nikolai Kradin – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAASN, professor of the Department of Architecture and Urban Studies of Pacific Ocean State University (Khabarovsk)

Roman Kuznetsov – researcher, journalist (Irkutsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

Mark Meerovich – Doctor of Historical Sciences, Ph.D. in Architecture, corresponding member of the RAACS, Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University, honoured architect of Russia

Alexei Myakota – architect, member of the Board of the Krasnoyarsk organization of the UAR, director of ADM Bureau (Krasnoyarsk)

Alina Pak – architect (Irkutsk)

Elke Pistorius – Doctor, architect, urban planner, architectural historian (Berlin, Germany)

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia, observer of the UMA Internet-magazine “Architector”, member of the International Association of Architecture Critics

Mikhail Rozhansky – Ph.D. in Philosophy, scientific director of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk)

Olga Smirnova – the chief architect of Semiramida Gardens Landscape Company, member of the Union of Architects of Russia (Krasnoyarsk)

Anna Sirina – Doctor of Historical Sciences, leading researcher of the Department of the North and Siberia of IE of RAS (Moscow)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Nikita Tokarev – architect, director of the architectural school MARCH (Moscow)

Nikos Fintikakis – architect, Managing Director of “SYNTHESIS & RESEARCH LTD – G. Albanis – N. Fintikakis Architects Consulting Engineers”, UIA Council Member, UIA-ARES Director (Greece)

Astrid Volpert – publicist, art critic, curator (Berlin, Germany)

Frank van der Hoeven – Ph.D., Associate Professor Urban Design & Director of Research at the Faculty of Architecture and the Built Environment at the Delft University of Technology (TU Delft) (Netherlands)

Ekaterina Ustina – architect (Irkutsk)

Natalia Ushkova – journalist, psychologist, director of the Museum of Myth Culture (Shumen-Varna, Bulgaria)

Немецкая клинкерная керамика

Feldhaus
Klinker

**плитка под кирпич
и брусчатка**

Более 150 лет традиций и гарантированного качества керамики произведенной только из избранных сортов глины.

ströher[®]

Clinker. Ceramics. Competence.

**ступени
и плитка для пола**

129 летний опыт производства керамики.
Огромный ассортимент аксессуаров
и фасонных деталей.

15 коллекций сезона 2014года
клинкерной плитки
под кирпич в наличии
на иркутском складе

finestra[®]
поставки для домостроения

Немецкий клинкер в Иркутске:
ул. Николая Вилкова, д. 9А
тел.: (3952) 55-99-11
www.finestra.biz

КРАСНОЯРСК

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
АРХИТЕКТУРНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ**

2014

**ЗОДЧЕСТВО
ВОСТОЧНОЙ
СИБИРИ**